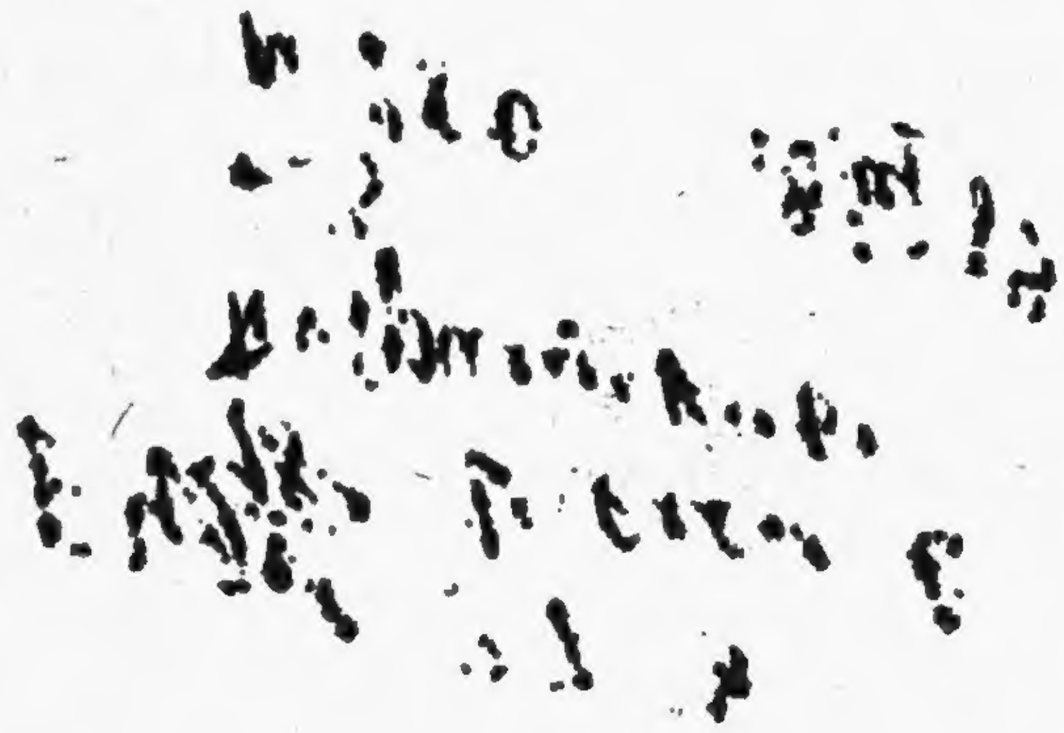
Б 42 21/18



542 01/18

542

ПЕТРАШЕВЦЫ

X

316

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

РЕДАКЦИЯ П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ТОМ ТРЕТИЙ

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
3778-28

Главлит № 68032 Гиз № 16517 Тираж 3000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящем томе материалов о петрашевцах печатается полностью с подлинника доклад, представленный генерал-аудиториатом царю. Мотивы, побудившие к воспроизведению доклада, изложены в предисловии ко второму тому. Для облегчения пользования этим документом необходимо сказать несколько слов о построении доклада. После краткого изложения обстоятельств, вызвавших процесс (стр. 3—6), приводится распоряжение Николая об аресте находившихся под секретным наблюдением лиц и об учреждении секретной следственной комиссии (стр. 6). Вслед за сим излагаются действия этой комиссии, открытия, ею сделанные (стр. 7—14), и распоряжения Николая об учреждении военно-судной комиссии для производства военного суда (стр. 14). На стр. 14—264 приводятся фактические данные, установленные военно-судной комиссией относительно каждого подсудимого в отдельности,—по тогдашней терминологии «подробности», по современной, соединение обвинительного акта с обвинительным заключением,—и приговор комиссии. Далее доклад дает разделы об освобожденных из-под ареста лицах (стр. 264—271) и о 232 лицах, проходивших по делу в донесениях агентов и показаниях (стр. 272—274) и переходит к изложению поданной во время следствия главным «наблюдателем» Липранди особой записки с изложением своего мнения по делу (стр. 274—278) и заключения, данного на эту записку секретной следственной комиссией (стр. 278—281). За сим следует извлечение из всеподданнейшего доклада секретной следственной комиссии, содержавшего общие соображения или размышления по делу (стр. 281—288). Приводя текстуально «законы, относящиеся к делу» (стр. 288—291), генерал-аудиториат дает собственное обширное заключение. Оно содержит общие выводы из рассмотрения дела (стр. 291—298), изложение действий каждого подсудимого в отдельности (обвинительные акты—стр. 298—321), общую резолютивную часть (стр. 321—324); определения степени виновности при-

влеченных (обвинительные части заключения, стр. 324—332) и приговор (стр. 332—339).

В приложениях к докладу даются: биографический алфавит петрашевцев, подвергшихся взысканиям, составленный В. Р. Лейкиной на основании следственного материала, а также список лиц, привлекавшихся, но не подвергшихся взысканиям, и затем материалы библиографические: описи архивных дел о петрашевцах, и составленную В. Р. Лейкиной библиографию литературы в хронологическом порядке. Следует отметить, что в описи дел дается и перечень книг, взятых по обыску у петрашевцев и находящихся при архивном деле.

П. Щеголев.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. ДОКЛАД ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТА ПО ДЕЛУ ПЕТРАШЕВЦЕВ.

Обстоятельства дела 3
Действия секретной следственной комиссии 7
Действия военного суда 14
О титулярном советнике Буташевиче-Петрашевском . . . . . —
Приговор 48
О дворянине Николае Спешневе 50
Приговор 70
О поручике л.-гв. Московского полка Момбелли 72
Приговор 87
О штабс-капитане л.-гв. Егерского полка Львове 88
Приговор 95
О коллежском советнике Дебу I 96
Приговор 101
О поручике л.-гв. Конно-гренадерского полка Григорьеве . . 102
Приговор 111
О титулярном советнике Константине Тимковском . . . . . —
Приговор 126
О титулярном советнике Ястржембском 127
Приговор 132
Об учителе Толле 133
Приговор 137
О титулярном советнике Головинском 138
Приговор 144
О титулярном советнике Кашкине 145
Приговор 154
О кандидате университета Ахшарумове 155
Приговор 164
О студенте Ханыкове 165
Приговор 170
О коллежском секретаре Европеусе . . . . . —
Приговор 173
О коллежском секретаре Дебу II . . . . . —
Приговор 178
Об отставном коллежском асессоре Дурове 178
Приговор 184
О поручике л.-гв. Егерского полка Пальме 185
Приговор 189

Стр.

О студенте Санкт-Петербургского университета Филиппове . . 189
Приговор 199
Об отставном инженер-поручике Достоевском I 200
Приговор 207
О неслужащем дворянине Алексее Плещееве 208
Приговор 217
О мещанине Петре Григорьеве Шапошникове и сыне почетного гражданина Катеневе 217
Приговор 234
Об отставном подпоручике Черносвитове . . . . . —
Приговор 264
Об освобожденных по сему делу из-под ареста разных лицах . . . —
Особая записка действительного статского советника Липранди . . . 274
Извлечение из доклада Следственной комиссии 281
Законы, относящиеся к делу 288
Заключение Генерал-Аудиториата 291
Общие соображения . . . . . —
О Буташевиче-Петрашевском 298
О Спешневе 300
О Момбелли 301
О Григорьеве 302
О Филиппове 305
О Ахшарумове 306
О Ханыкове 307
О Дебу 1-м 308
О Дебу 2-м 309
О Кашкине . . . . . —
О Достоевском 311
О Плещееве 312
О Головинском 313
О Толле . . . . . —
О Ястржембском 314
О Пальме . . . . . —
О Европеусе 315
О Тимковском 316
О Шапошникове 317
О Кетеневе 318
Дополнительный доклад генерал-аудитора Ноинского военному министру . . . . .

II ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. Биографический алфавит лиц, судившихся и привлекавшихся по делу Петрашевского, подвергшихся взысканиям 345
2. Список преступникам с показанием, у кого именно остались семейства и какое кто имел состояние 358
3. Список лиц, привлекавшихся к допросу следственной комиссией, но не подвергшихся взысканиям 360

Опись архивных дел 363
Дело № 214 за 1849 г. (III отделение) . . . . . —
Дело № 55 за 1849 г. (Генерал-аудиториата) 372
Библиография 374

I

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ

На подлинном написано: «Быть по сему, но с теми изменениями, которые означены на выписке. Николай».

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТА

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД.

В марте месяце 1848 года дошло до сведения шефа жандармов, что титулярный советник Буташевич-Петрашевский, проживавший в С.-Петербурге в собственном доме, обнаруживает большую наклонность к коммунизму и с дерзостью провозглашает свои правила. Поэтому шеф жандармов приказал учредить за Петрашевским надзор.

В то же время и министр внутренних дел, по дошедшим до него сведениям о преступных наклонностях Петрашевского в политическом отношении и о связях его со многими лицами, слившимися как бы в одно общество для определенной цели, учредил с своей стороны наблюдение за Петрашевским. Но как столкновение агентов двух ведомств могло иметь вредное последствие—открыть Петрашевскому тайну надзора и отнять у правительства возможность обнаружить его преступные замыслы, то шеф жандармов по соглашению с графом Перовским предоставил ему весь ход этого дела, а граф Перовский возложил это на действительного статского советника Липранди.

По тайному наблюдению, в течение десяти месяцев, открыто, что Петрашевский еще прежде того, в бытность сперва в Александровском лицее, а потом в С.-Петербургском университете, замечен в либеральном образе мыслей; что он, имея большой круг знакомства, около 800 человек, составил с некоторыми общество; что к нему постоянно в назначенный для приема вечер, по пятницам, собиралось от 15-ти до 30-ти разных лиц гражданских и военных, одинаковых с ним мыслей; что они, оставаясь до 3-х и до 4-х часов

за полночь, в карты не играли, а читали, говорили и спорили; но в чем именно заключались разговоры, по осторожности и по таинственности, которою Петрашевский себя окружил, нельзя было обнаружить, равно и фамилий посещавших не было возможности узнать, кроме весьма немногих. Поэтому, чтобы узнать подробности о сих собраниях, употреблено было старание поместить в общество Петрашевского благонадежного агента, и для этого, в январе сего 1849 г., был избран сын живописца Антонелли, образовавшийся в здешнем университете. Он определен был в тот же департамент, в котором служил Петрашевский, и, успев сблизиться с Петрашевским, с 11 марта вошел в его общество.

Агент этот был на вечерах Петрашевского семь раз, именно: 11, 18 и 25 марта, 1, 8, 15 и 22 апреля, и обо всем происходившем делал секретные донесения, упоминая вместе с тем и о лицах, бывших на собраниях.

Из донесений агента о собраниях у Петрашевского видно:

В собрании 11 марта Толль (учитель Главного инженерного училища) говорил речь о религии, доказывая, что будто она не только не нужна, но даже вредна, потому что убивает нравственность и подавляет развитие ума, при чем многие из присутствующих принимали живое участие в прениях по этому предмету.

В собрании 18 марта титулярный советник Ястржембский (помощник инспектора классов в Технологическом институте) говорил длинную речь о науках и, сравнивая разные правительства, сказал, что «наше государство имеет целью подчинить достоинство всех людей выгоде и пользе одного», и что все науки, в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее.

Кроме того, Ястржембский порицал действия высших сановников, даже особу вашего императорского величества, называя ваше величество богдыханом.

В собрании 25 марта происходило прение о пользе вооружать подчиненных против властей, при чем один из посетителей (отставной коллежский асессор Дуров) выразил так: «что всякому должно показывать зло в самом его начале, т.-е. в законе и государе».

В собрании 1 апреля [1]) Петрашевский разбирал три главные предмета: свободу книгопечатания, перемену судопро-

---

[1]) 1 апреля было в пятницу на Страстной неделе.

изводства и освобождение крестьян. Прения были шумные насчет первенства вопроса. После Петрашевского говорил титулярный советник Головинский, с жаром и дерзко,—о перемене правительства, утверждая, что такая перемена не может произойти вдруг и что сперва должно утвердить диктатуру. Петрашевский же сильно восставал против этого и в заключение сказал, что он «первый подымет руку на диктатора». Вообще это собрание, как доносил агент, было бурное и продолжительное.

В собрании 8 апреля разбирались сочинения Фурье и Прудона, а потом Ястржембский говорил речь о развитии человечества по системе Фурье, стараясь убедить присутствующих, что простой народ принципом зла понимает ваше величество, и в пример приводил разговор свой с извозчиком, которого он старался возбудить к неповиновению и восстановить против помещиков и властей.

В собрании 15 апреля Достоевский (литератор) читал письмо Белинского к Гоголю, наполненное самых зловредных идей против религии и законов. Письмо это вызывало множество восторженных одобрений общества в особенности там, где Белинский говорил, что у русского народа нет религии. Положено было, чтоб распустить это письмо в нескольких экземплярах.

После этого Петрашевский обратился к трем главным вопросам 1 апреля и, развивая их, говорил, что нельзя предпринимать никакого восстания, не будучи впредь уверенными в совершенном успехе, и предлагал свое мнение к достижению цели. Однакож вопросы эти остались неоконченными, и предположено было развить их в следующие собрания.

Наконец 22 апреля говорено было о цензуре и о том, как должны поступать литераторы, чтобы вернее действовать на публику.

Между тем агент Антонелли, встретив у Петрашевского студента Толстова и видя в нем мысли чрезвычайно свободные и нрав до крайности буйный, сделал о нем свое донесение, вследствие которого Толстов был обставлен другими двумя агентами: мещанами Шапошниковым и Наумовым.

Из донесений сих агентов открывалось, что Толстов имел тесную связь с содержавшим на Петербургской стороне табачный магазин мещанином Петром Григорьевым Шапошниковым и сыном почетного гражданина (литератором) Катеневым, что Толстов и Катенев вместе с другими двумя товарищами, студентом Данилевским и купеческим сыном

Утиным, собирались в квартире Шапошникова, имели преступные разговоры о религии и правительстве, рассуждали о возможности ввести в России республиканское правление и отзывались дерзко насчет императорской фамилии, при чем Катенев вызывался даже на цареубийство.

По получении таким образом сведений об означенных действиях шеф жандармов всеподданнейше представлял о том на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение, и ваше величество в 22 день апреля сего 1849 года высочайше повелеть соизволили: арестовать и отправить в С.-Петербургскую крепость как Буташевича-Петрашевского, так и тех лиц, которые, по наблюдению агентов, посещали его собрания, а равно мещанина Шапошникова и имевших с ним сношения вышеупомянутых 4 человек.

Вместе с тем ваше величество высочайше повелеть соизволили: учредить над теми лицами секретную следственную комиссию под председательством коменданта крепости генерал-адъютанта Набокова. Членами же в эту комиссию назначены: действительный тайный советник князь Гагарин, генерал-лейтенант Дубельт и генерал-адъютанты князь Долгоруков и Ростовцев.

По сообществу с Буташевичем-Петрашевским (кроме Шапошникова и его 4 соучастников) арестовано было 33 человека, в том числе нынешние подсудимые: 1) кандидат С.-Петербургского университета Дмитрий Ахшарумов; 2) титулярный советник Василий Головинский; 3) поручик Л.-гв. Конно-Гренадерского полка Николай Григорьев; 4) коллежский советник Дебу 1-й; 5) коллежский секретарь Дебу 2-й; 6) отставной инженер поручик Федор Достоевский 1-й (литератор); 7) отставной коллежский асессор Сергей Дуров (литератор); 8) титулярный советник Николай Кашкин; 9) штабс-капитан Л.-гв. Егерского полка Федор Львов; 10) поручик Л.-гв. Московского полка Николай Момбелли (литератор); 11) поручик Л.-гв. Егерского полка Александр Пальм (литератор); 12) неслужащий дворянин (литератор) Алексей Плещеев; 13) помещик Курской губернии Николай Спешнев; 14) учитель в Главном инженерном училище Феликс Толль; 15) студент С.-Петербургского университета Павел Филиппов и 16) титулярный советник Ястржембский.

Остальные арестованные лица были следующие: 1) состоящий на службе в комиссии описания одежд и вооружения российских войск свободный художник Алексей Берестов; 2) старший архивариус Главного С.-Петербургского архива

министерства иностранных дел надворный советник Александр Баласогло; 3) отставной подпоручик Михаил Достоевский 2-й (литератор); 4) бывший вольнослушатель в С.-Петербургском университете сын коллежского советника Платон Деев; 5) служащий в Департаменте внешней торговли титулярный советник Николай Кайданов; 6) штабс-капитан 1-го кадетского корпуса Дмитрий Кропотов; 7) штабс-капитан генерального штаба Павел Кузьмин 1-й; 8) отставной капитан-лейтенант Алексей Кузьмин 2-й; 9) служащий в Департаменте внешней торговли губернский секретарь Порфирий Ламанский; 10) вольнослушатель С.-Петербургского университета однодворец Александр Мадерский; 11) кандидат С.-Петербургского университета Александр Михайлов; 12) служащий в Государственном заемном банке коллежский асессор Карл Ольдекоп; 13) служащий в Департаменте податей и сборов коллежский секретарь Николай Серебряков; 14) отставной капитан-лейтенант Алексей Тимковский; 15) служащий в Государственном заемном банке надворный советник Михаил Чириков; 16) служащий в канцелярии С.-Петербургского военного генерал-губернатора коллежский секретарь Алексей Щелков и 17) учитель рисования в гимназиях Евстафий Бернардский.

Независимо от назначения следственной комиссии вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть учредить еще другую комиссию под председательством статс-секретаря князя Голицына для разбора всех бумаг, у вышеупомянутых лиц опечатанных.

В начале своих действий следственная комиссия, не имея никаких данных в преступности арестованных лиц, кроме донесений агентов, признала невозможным тотчас приступить к формальным допросам; но, чтобы ускорить открытиями, она приступила к произведению предварительных словесных расспросов арестованным лицам, и, действуя в этом случае силою убеждения, она требовала от них чистосердечных показаний как в отношении личных своих действий, так и в отношении действий других, поставляя на вид обвиняемым законы, которые предоставляют средства раскаянным и повинившимся с первых допросов обрести снисхождение не только в степени, но и в самом роде наказания.

По допросам сим и по отобранным у некоторых арестованных лиц бумагам подтвердилось, что донесения агентов о характере собраний у титулярного советника Буташевича-

Петрашевского и о происходивших на оных рассуждениях, касающихся вопросов, большею частью достоверны.

С тем вместе, по этим же расспросам, открыты были еще новые лица, участвовавшие в близких сношениях с арестованными, а потому комиссия по важности упадавших на них обвинений сочла необходимым об арестовании их сделать немедленное распоряжение. Арестованы комиссиею следующие лица (подсудимые): 1) студент С.-Петербургского университета Александр Ханыков; 2) уволенный от службы коллежский секретарь Александр Европеус 1-й; 3) чиновник особых поручений министерства внутренних дел титулярный советник Константин Тимковский; 4) надворный советник Беклемишев; 5) отставной подпоручик Рафаил Черносвитов; 6) титулярный советник Есаков; 7) коллежский регистратор Ващенко; 8) коллежский секретарь Данилевский и 9) коллежский асессор Барановский [1]).

Как по расспросам было обнаружено, что с означенными арестованными лицами находились в сношениях, хотя и не близких, еще некоторые лица, то сделано было распоряжение об опечатании их бумаг, на тот конец, не откроется ли в них сведений, относящихся к делу, а также сообщено было по принадлежности о задержании присылаемых по почте писем с адресами на имя арестованных.

Притом комиссия, имея в виду, что некоторые лица, бывшие в обществе Петрашевского, находятся на свободе, и усматривая из записок агента, что в сношениях с Петрашевским и прочими арестованными лицами находились еще и другие, фамилий коих агент узнать не мог, сделала представление г. военному министру о сношении с министром внутренних дел, чтобы относительно всех тех лиц продолжаемы были тщательные наблюдения со стороны полиции.

Засим, окончив расспросы и рассмотрев доставленные из особенной комиссии опечатанные у арестованных лиц бумаги преступного содержания, комиссия сделала формальные допросы, по которым еще более подтвердилась достоверность о преступности собраний титулярного советника Петрашевского.

Кроме того, следственная комиссия по расспросам арестованных лиц открыла, что подобные же собрания бывали

---

1) Тимковский и Беклемишев арестованы в Ревеле, а Черносвитов в Сибири, близ города Омска.

и у других лиц, именно: у подсудимых Кашкина, Дурова и Пальма (которые жили вместе) и Плещеева.

Собрания у титулярного советника Кащкина начались в октябре 1848 года и, бывая по одному разу в неделю, продолжались до нового года. Потом, по случаю приезда к Кашкину его родителей, собрания сии продолжались некоторое время у товарища Кашкина, чиновника Отто; с половины же февраля сего 1849 года снова перешли к Кашкину и продолжались до апреля месяца.

На собраниях сих бывали, кроме самого Кашкина, подсудимые Спешнев, Ахшарумов, Ханыков, Дебу 1-й и 2-й и Европеус, а также другие товарищи Кашкина [1]).

В этом кружке, как находит следственная комиссия, было гораздо более стройности и единомыслия, чем в кружке Петрашевского. Собиравшиеся были (кроме Дебу 1-го) молодые люди высшего гражданского образования, равные по положению своему в обществе и по состоянию. Цель собраний состояла в изучении систем социальных и коммунистских, преимущественно системы Фурье.

На собраниях этих Европеус 1-й однажды доказывал о ненадобности морали, как науки, лишенной будто бы всякого значения в наше время, а сам Кащкин, между прочим, читал найденную в бумагах его речь о достижении счастия и совершенства человечества.

В то же время, когда собрания эти были у Отто, сделано было общее соглашение составить библиотеку, на общих издержках, из социальных и либеральных книг, и распорядителем этой библиотеки назначен был коллежский советник Дебу 1-й, который и выписывал те книги через посредство Буташевича-Петрашевского. Наконец, когда собрания сии снова перешли к Кашкину, положено было сделать на общие деньги, в квартире одного из участников, Европеуса, обед в честь Фурье, для чего назначен день его рождения, именно 7 апреля. Участие в этом обеде принимали подсудимые: Кашкин, Дебу 1-й и 2-й, Спешнев, Ахшарумов, Ханыков и Европеус и трое других товарищей, именно: титулярный советник Есаков, коллежский регистратор Ващенко и студент Европеус 2-й.

К участию в этом обеде был приглашен и Буташевич-Петрашевский, как известный, по их выражению, фурьерист; при чем Ханыковым, Ахшарумовым и Петрашевским про-

---

[1]) Всех посещавших Кашкина в разное время было 17 человек.

изнесены были преступные речи против существующего порядка и потом, по предложению Дебу 2-го, положено было, для распространения учения Фурье, перевести главнейшие сочинения его на русский язык.

Собрания у литераторов Дурова и Пальма, живших вместе на одной квартире, были немногочисленны и существовали с первых чисел марта до половины апреля сего года, по одному разу в неделю. Они заведены были сначала с целью музыкально-литературною, на складочные деньги по три рубля серебром в месяц; но после четырех или пяти вечеров вместо музыки и чисто литературных статей начали читать статьи в либеральном духе, именно: коллежский секретарь Милюков прочел свой перевод из Paroles d'un croyant [1]) под названием «Новое откровение митрополиту Антонию», подсудимый Достоевский читал переписку Белинского с Гоголем дерзкого и преступного содержания, а подсудимый Дуров—два письма от литератора Плещеева к нему и Достоевскому [2]). Один же из участвовавших, подсудимый студент Филиппов, предлагал заняться общими силами разрабатыванием статей в либеральном духе, относящихся до современного состояния России в юридическом и административном отношении, а для распространения этих статей завести домашнюю литографию, что однакож не было исполнено.

На вечерах Дурова и Пальма, кроме самих их, бывали из подсудимых Спешнев, Достоевский, Плещеев, Момбелли, Львов, Григорьев, Филиппов и Головинский и другие пять человек их знакомых.

Вечера у подсудимого Плещеева были временно, в продолжение зимы 1848—1849 годов, но о вечерах сих ничего особенно замечательного не открыто, кроме того, что однажды был разговор о возможности печатать за границею книги, которые не могут быть пропущены цензурою.

Основываясь на открытых по разысканию обстоятельствах, следственная комиссия признает, что преступные действия Буташевича-Петрашевского, посетителей его и других лиц возникли, по большей части, от усвоенных ими

---

1) Ламеннэ. *Ред.*

2) Читанной Милюковым статьи не оказалось в бумагах арестованных лиц, и потому подробностей изложения этой статьи неизвестно, но из показания Дурова видно, что содержание ее взято частию из пророчеств, частию из Евангелия, а смысл тот, что слабые угнетаются сильными; о прочих же статьях будет подробно изложено ниже.

вредных политических идей коммунистов и социалистов, а преимущественно от социальной системы Фурье.

О системах сих комиссия излагает следующее:

Системы коммунистов и социалистов имеют для одних целью, а для других предлогом уравнение всех людей на земном шаре, отвергая не только любовь к отечеству, но даже и любовь к семье, как понятия односторонние, своекорыстные, враждебные любви ко всему человечеству. Социалисты и коммунисты согласны в главной идее в равном распределении довольства между всеми людьми; не согласны лишь в мерах, как привести это в исполнение.

Фурье—такой же социалист, с тою только разницею, что он разрушительные свои правила прикрывает увлекательными вымыслами какого-то фантастического единства и блаженства на земле, предлагая достигать оного без всяких насильственных переворотов, только путем учения и примера. Он не признает святости христианской религии и хотя допускает бытие бога, но определяет существо его по-своему. Он, между прочим, доказывает, что испорченность человечества происходит будто бы от ложного исторического его воспитания посредством законов общественных, не понявших законов божественных, а потому и несообразных с человеческою природою; что люди порочны только от того, что страсти их насильствовались неестественно и постоянно этими искусственными законами, и вследствие сего, чтоб сделать людей добродетельными, он полагает необходимым условием: удовлетворять все страсти их без всякого стеснения.

Он делает окончательный вывод, что человечество должно быть обновлено и перевоспитано, что лучшее устройство общественное есть жизнь не государствами, а фалангами, от 800 до 1800 человек; для каждой фаланги устраивает фаланстерии—с особым дворцом для общего жительства, с великолепными садами и со всеми удобствами не только привольной, но даже роскошной жизни; доказывает исчислениями, что все это обойдется не дороже обыкновенных хижин и садов крестьянских для того же самого числа людей, и заключает тем, что будто такими совокупленными средствами, для обрабатывания земли и ее произведений, не будет ни нищих, загрубелых от недостатков, ни богачей, загрубелых от роскоши; что будто масса довольства и богатства общего учетверится противу настоящего, труд сделается наслаждением, порочные страсти исчезнут, и земной шар, покрытый вместо городов и деревень процветающими фалангами, со-

единится под властию одного царя всего земного шара,—столицею коего назначает Босфор,—и будет наслаждаться неизвестным доселе блаженством.

Последователи Фурье (в том числе и Консидеран), выбрав учение его не целью, а средством, развивали идеи его с большею подробностью и уже с явно враждебными видами достигнуть переворота насильственными мерами.

Независимо от сего следственною комиссиею открыто подозрение: 1) о существовании Русского тайного общества, возбужденное найденною у подсудимого помещика Спешнева собственноручною его запискою в виде обязательства для вступления в общество; 2) о преступных замыслах отставного подпоручика Черносвитова произвести возмущение в Сибири между рабочими на заводах и 3) покушение поручика Л.-гв. Московского полка Момбелли образовать тайное общество под названием товарищества или братства взаимной помощи.

Между тем во время производства розысков следственная комиссия, находя некоторых из арестованных по сему делу лиц маловиновными, испросила высочайшее вашего императорского величества разрешения об освобождении их, и таким образом были освобождены 24 человека [1]).

Затем, окончив производство следствия, комиссия признала подлежащими суду 28 человек, именно:

1) Служащего в Департаменте внутренних сношений министерства иностранных дел титулярного советника Михаила Буташевича-Петрашевского.

2) Неслужившего и неимеющего чина дворянина Николая Спешнева, помещика Курской губернии.

3) Лейб-гвардии Московского полка поручика Николая Момбелли.

4) Лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитана Федора Львова.

5) Служащего в Азиатском Департаменте министерства иностранных дел коллежск. советн. Константина Дебу 1-го.

6) Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка поручика Николая Григорьева.

---

[1]) Освобождено: в июне 4 чел., в июле 15 чел. и отправлен на Кавказ А. Толстов; всего 20 чел. Осталось под следствием 30 чел., из которых 5 (в том числе находившийся в больнице Востров) освобождены от суда в конце сентября. Военно-судная комиссия освободила еще 2, высланных без суда—Н. Данилевского и А. Баласогло. *Ред.*

7) Студента С.-Петербургского университета Николая Филиппова.

8) Состоящего при Азиатском Департаменте, в учебном отделении восточных языков, кандидата университета Дмитрия Ахшарумова.

9) Студента Александра Ханыкова.

10) Служащего в министерстве внутренних дел, чиновника особых поручений, титулярного советника Константина Тимковского.

11) Находящегося в отставке коллежского секретаря Николая Данилевского.

12) Московского мещанина Петра Шапошникова.

13) Сына почетного гражданина Василия Катенева.

14) Состоящего по министерству иностранных дел старшим архивариусом в Главном архиве надворного советника Баласогло.

15) Служащего в Азиатском Департаменте министерства иностранных дел помощником столоначальника, титулярного советника Николая Кашкина.

16) Находящегося в отставке коллежского асессора Сергея Дурова.

17) Отставного подпоручика Рафаила Черносвитова.

18) Состоящего при Департаменте министерства юстиции титулярного советника Василия Головинского.

19) Учителя русской словесности в Главном инженерном училище, неимеющего чина, Феликса Толля.

20) Помощника инспектора классов в С.-Петербургском технологическом институте титулярного советника Ивана Ястржембского.

21) Лейб-гвардии Егерского полка поручика Александра Пальма.

22) Служащего в Азиатском Департаменте министерства иностранных дел губернского секретаря Ипполита Дебу 2-го.

23) Отставного инженер-поручика Федора Достоевского.

24) Неслужащего дворянина Алексея Плещеева.

25) Уволенного, по прошению, от службы для продолжения образования в С.-Петербургском университете коллежского секретаря Александра Европеуса.

26) Служащего в VI Отделении собственной вашего императорского величества канцелярии младшим чиновником 9 класса Евгения Есакова.

27) Служащего в Азиатском Департаменте министерства иностранных дел коллежского регистратора Эраста Ващенко.

28) Чиновника особых поручений министерства внутренних дел надворного советника Александра Беклемишева.

По всеподданнейшему докладу вашему императорскому величеству ваше величество в 24 день сентября высочайше повелеть соизволили:

1) Означенных лиц предать военному суду по Полевому уголовному уложению.

2) Для суждения этих лиц составить смешанную Военно-судную комиссию, в которую назначить: председателем генерал-адъютанта Перовского; асессорами: с военной стороны генерал-адъютантов генерал-лейтенантов: графа Строгонова 2-го, Анненкова 2-го и Толстого; с гражданской стороны сенаторов тайных советников: князя Лобанова-Ростовского, Веймарна и Дурасова.

3) Комиссии этой по окончании суда и произнесении приговора, на основании Полевого уголовного уложения, представить оный к военному министру для препровождения на дальнейшее рассмотрение генерал-аудиториата.

Но вслед за тем 27 сентября господин военный министр объявил высочайшее вашего императорского величества повеление, что ваше величество при рассмотрении доклада следственной комиссии, приняв во всемилостивейшее внимание объяснение следственной комиссии насчет обстоятельств, могущих облегчить участь коллежского регистратора Ващенко, титулярного советника Есакова и надворного советника Беклемишева, высочайше повелеть соизволили не подвергать их военному суду, но даровать им свободу без судебного приговора с учреждением над ними секретного наблюдения.

Во время же производства военного суда, по ходатайству оного, с высочайшего вашего императорского величества разрешения были освобождены еще двое, именно: надворный советник Баласогло и коллежский секретарь Данилевский, и затем состоит ныне под судом 23 человека.

Подробности о каждом из подсудимых заключаются в следующем:

О титулярном советнике Буташевиче-Петрашевском.

Буташевич-Петрашевский, 27 лет; сын бывшего штадт-физика, умершего четвертый год тому назад; воспитывался в Александровском Лицее, откуда был выпущен в 1840 году с чином коллежского регистратора; в том же году поступил

на службу в Департамент внутренних сношений министерства иностранных дел, где занимал должность второго переводчика; в 1841 году выдержал экзамен в С.-Петербургском университете и получил диплом на степень кандидата прав; в титулярные советники произведен 19 августа 1845 года [1]).

Подсудимый Петрашевский, как по собранным сведениям оказалось, еще в лицее был замечен в вольнодумстве. Равным образом и в университете известен был за человека с чрезвычайно либеральными идеями, но учился отлично и с охотою.

В то же время Петрашевский предался изучению социальных систем, в особенности системы Фурье, и в 1844 году, во время летних каникул, искал о принятии его в должность воспитателя лицея и о допущении к преподаванию юридических наук в сем заведении, но директор лицея, войдя в ближайшее сношение с Петрашевским, не нашел в нем надлежащих свойств к занятию этих должностей, и ему было отказано в его просьбе.

После сего Петрашевский, как видно из отзыва директора лицея генерал-майора Броневского, начал приглашать к себе некоторых из воспитанников лицея младшего курса по праздничным дням, прельщая их умы объяснением новых идей. Таким образом приглашаемые им были воспитанники Алексей Унковский, Владимир Константинов и Александр Бантыш. Лишь только это дошло до сведения начальства лицея, то двое из означенных воспитанников, Унковский и Константинов, были тотчас допрошены, и оказалось, что влияние на них знакомства с Петрашевским обнаружилось в особенности скептическим настроением мыслей относительно предметов веры и существующего общественного порядка, будто бы несовместного с благоденствием людей [2]).

Вследствие сего Унковский, в особенности склонный к подобным увлечениям и могущий быть вредным для других воспитанников, исключен из сего заведения, а относительно Константинова определено было ограничиться исправительным наказанием, во внимание к меньшей умственной его зрелости и чистосердечного раскаяния в своем заблуждении. О таковом

---

1) У Петрашевского—300 душ крестьян в Лужском уезде и три дома в С.-Петербурге, но все это состоит в нераздельном владении с матерью и двумя сестрами.

2) Бантыш в то время был уже выключен из Лицея за неуспех в науках; возраст всех их был от 14 до 16 лет.

вредном влиянии Петрашевского на воспитанников учебных заведений тогда же сообщено было от Главнозаведующего лицеем его императорского высочества принца Ольденбургского бывшему С.-Петербургским военным генерал-губернатором генерал-адъютанту Кавелину, с тем, что пребывание Петрашевского в С.-Петербурге внушает его высочеству большие опасения относительно воспитывающегося в здешних учебных заведениях юношества [1]).

В 1846 и 1847 годах Петрашевский, имея довольно большой круг знакомства, начал собирать у себя в известные дни, именно по пятницам, некоторых из своих знакомых; при чем, как видно из показаний некоторых подсудимых, разбирались сочинения Фурье и иногда касались суждений о действиях правительства; впрочем, подробности о происходившем на этих собраниях неизвестны, потому что в то время правительство не имело о Петрашевском и его собраниях никаких сведений.

Наконец в феврале 1848 года Петрашевский роздал дворянству С.-Петербургской губернии более 200 экземпляров литографированной записки своего сочинения под заглавием: «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений». Но заголовок этот признан несоответствующим содержанию статьи, ибо в ней для достижения обещанного заглавием благоденствия предлагаются преобразования и нововведения, вовсе не подлежащие обсуждению частных лиц. Он полагает гибельным для общественного благосостояния вообще предоставление права владения населенными землями одному только классу исключительно и столь же гибельными для общественного благосостояния находит и разные постановления, вышедшие в последнее десятилетие. Он желает введения у нас некоторых правил, существующих в Пруссии, Польше и Франции, и излагает, что меры эти крестьянам дадут возможность быть обязанными своему труду и благоразумию, а не странному пожертвованию других своим освобождением; что нравственная сторона этой меры, как развивающая дух предусмотрительности в низшем классе, весьма важна; в то же время она достойна уважения, как благонадежное постепенно действующее средство приготовления сих классов к пользованию дарами гражданской свободы и плодами свободной деятельности. Он хочет улучшения форм

---

1) Какое сделано по сему распоряжение со стороны генерал-губернатора, по делу не видно.

судопроизводства и надзора за административными и исполнительными властями. Меры эти, по его мнению, должны, между прочим, развить многие как нравственные, так и материальные силы в народе, находящемся поныне в дремотном состоянии, положить начало самопознания и сознания своего общественного значения в тех классах, кои до сего были совершенно чужды этого; установить благосостояние общественное на началах прочных, истинных, согласных с местными условиями страны; что все это даст возможность всем, в меру их сил, быть действительными участниками всеобщего счастия и благоденствия и пр. [1]).

По поводу этой записки сделаны были розыски под рукой о личности Петрашевского, и как при тщательных розысках, в течение 10 месяцев, открылось, что он свободных мнений как относительно религии, так и правительства, и еженедельно по пятницам собирал у себя людей одинаково с ним мыслящих, которые при этом читали, говорили и спорили, то, чтобы подробнее узнать о собраниях этих и о занятиях самого Петрашевского, употреблено было старание поместить в его обществе благонадежного агента, и для этого, как выше сказано, был избран сын живописца Антонелли, который, успев сблизиться с Петрашевским, с 11 марта вошел в его общество.

Из донесений Антонелли видно, что Петрашевский, еще прежде того как он, Антонелли, стал посещать его собрания, при разговорах с ним постоянно обнаруживал стремление к перемене правительства, находя это необходимым. Он говорил, что одно только правительство республиканское—представительное—достойно человека, объясняя, что неприлично и смешно существу, одаренному разумом, волею и самопознанием, подчинять и тело свое и душевные способности произволу другого существа, отличающегося от него только самопроизвольным деспотизмом; что всякий народ должен управляться сам собою, быть сам властелином, а не подчинять себя власти; что один человек, имеющий собственный интерес, не может быть совершенно беспристрастным к интересам других людей, совершенно ему противоположным, и не может даже понимать интересов какого-

---

[1]) По соглашению генерал-адъютанта графа Орлова и министра внутренних дел положено было принять вид, будто сочинение это правительством не замечено, чтобы не возбудить подозрения и большей осторожности в сочинителе и не затруднить чрез это дальнейших разысканий насчет его действий.

нибудь класса людей, не принадлежа к нему и имея с ним совершенно разнородные понятия, при чем для сравнения приводил правительство Северо-Американских Штатов. Потом Петрашевский, осуждая судопроизводство и законы, говорил, что суждение дел непременно должно быть публичное, чрез присяжных, и что вообще перемена правительства необходима, но переменить его надо не вдруг, а действуя исподволь, приготовляя как можно осторожнее и вернее средства к восстанию таким образом, чтобы идея о перемене правительства не заронилась в головы двум, трем, десяти лицам, но утвердилась бы в массах народа и казалась не внушенною, а естественно рожденною, по положению дел. Больше всего он предполагал действовать на средний класс людей, имеющих, по его мнению, более средств и более причин быть недовольными, и на раскольников. Для распространения же идей признавал нужным составлять общества из таких лиц, в которых совершенно уверится и опытом и продолжительным временем, с тем, чтобы они внушали идеи свои таким образом, чтобы наводить только на них и чтобы казалось, что эти идеи родились в них сами собою, без чьей-либо посторонней помощи. Преимущественно Петрашевский хотел ввести пропаганду, стараясь поместить своих приверженцев учителями в разные учебные заведения, и сам желал вступить учителем, именно с целью распространять между молодыми людьми идеи либеральные.

Далее Петрашевский, как доносил Антонелли, в разговорах с ним упоминал, что целость России поддерживается только военною силою, и когда эта сила уничтожится или, по крайней мере, ослабнет, то все народы, составляющие Россию, разделятся на отдельные племена, и тогда Россия будет собою представлять нынешние Соединенные Штаты Северной Америки; что военная сила при нынешнем положении дел в Европе непременно должна уничтожиться или, по крайней мере, до того ослабнуть, что не может быть опасна для предполагаемого им внутреннего благоустройства государства. Когда же однажды он, Антонелли, сказал Петрашевскому, что недурно было бы забросить несколько идей в войско, то Петрашевский возразил: что при нашей дисциплине это трудно сделать, сверх того и опасно, потому что, вообще говоря о военных, «это народ по большей части необразованный, с какими-то странными, особенными понятиями и взглядами на вещи». Кроме того, Петрашевский при разговоре с ним, Антонелли, неуважительно отзы-

вался о вашем императорском величестве, по поводу арестования студента за неотдание чести, и о его высочестве принце Ольденбургском, по поводу происшествия с воспитанниками училища Правоведения.

В отношении собраний Петрашевского Антонелли доносил, что на тех семи собраниях, на которых бывал и он, Антонелли (с 11 марта по 22 апреля 1849 года), говорено было о религии, что она вредна и убивает нравственность; о науках,—что все они, в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее; о восстановлении подведомственных лиц противу властей, о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян и читаны были: письмо Белинского к Гоголю, исполненное зловредных идей, и предисловие к сочинениям Хмельницкого, написанное Дуровым и заключающее в себе так много либеральных идей. Вообще, по наблюдениям Антонелли, на собраниях этих осуждались действия правительства и существующий порядок, излагались предположения о мерах улучшений и реформ и касались даже дерзких суждений о вашем величестве.

Кроме Антонелли, многие из подсудимых и других лиц, бывавших на собраниях у Петрашевского, при допросах в следственной комиссии показали:

Что там рассуждали о пользе вооружать подчиненных против начальства, дабы потом ввести изменение в административной части.

Что иногда, как объяснил из подсудимых Ястржембский, разговоры касались устройства в России конституционного правления.

Что порицались действия высших государственных сановников и даже особы вашего императорского величества, дерзко осмеливаясь называть богдыханом, потому что сравнивали Россию с Китаем.

Что там читаны были речи о религии в преступном смысле, что она вредна потому, что будто подавляет образование ума и заставляет человека быть добрым не по собственному убеждению, а по чувству страха наказания; опровергали достоверность всех книг св. писания, приводили, что сам господь и спаситель наш Иисус Христос был не богочеловек, но лишь гениальный нововводитель, умевший воспользоваться своим положением; наконец, касаясь о бытии божием, толковали, что путем разума нельзя доказать ни его бытия, ни небытия и пр.

Что там вооружались иногда против семейственности и всех ее условий, утверждая, что родственные связи опутывают личность человека.

Что один из посетителей, Тимковский, в декабре месяце прошлого года читал статью о прогрессе, фурьеризме, коммунизме и пропаганде, заключив речь свою советом составлять отдельные кружки, с тем, чтобы хозяева тех кружков собирались в центральный кружок и давали направление отдельным кружкам.

Что три главные предмета обращали особенное внимание собраний Петрашевского: свобода книгопечатания, перемена судопроизводства и освобождение крестьян.

В прениях по этим предметам принимал живое участие и сам Петрашевский. Особенно резко говорил он о перемене судопроизводства, объясняя, что наше судопроизводство запутано, многосложно и с предубеждениями, что в нем не может быть достигнута справедливость, и что одно только судопроизводство возможно, в котором бы достигалась цель его,—это судопроизводство публичности. При этом Петрашевский, указывая на необходимость перемены судопроизводства, говорил, что с этою переменою откроются и все прочие недостатки; что восстание невозможно без уверенности в успехе, и что от правительства можно требовать такие вещи, в которых оно не может отказать без несправедливости [1])!

Кроме того, трое из числа лиц, бывавших у Петрашевского, в показаниях своих объяснили о нравственном влиянии на них Петрашевского и его собраний, именно:

Однодворец Модерский,—что когда по предложению Петрашевского он поселился у него в квартире, с тем, чтобы хозяйничать у него и делать переводы и выписки из заграничных книг, то Петрашевский, желая перевоспитать его, начал с того, что стал разрушать его религиозные верования и поселять в нем дух либерализма и социализма. Это заставило его отказаться от квартиры Петрашевского, но первые искры, зароненные в нем сомнением во многое, что привык он считать святым, породили в нем желание прочесть сочинения Вольтера, и это еще более поколебало его

---

[1]) О таких суждениях Петрашевского объяснял и Антонелли в своих донесениях. Подробности всех разговоров и речей, происходивших на собраниях у Петрашевского, и степень участия в оных как самого Петрашевского, так и бывших у него лиц объяснены ниже в частных выписках о каждом из подсудимых.

верования до того, что в один год он не исполнил христианского обряда исповеди и причащения. Кроме того, Модерский показал, что до переезда на квартиру к Петрашевскому он, по внушению же Петрашевского, завел было у себя литературные вечера, которые скоро, однако, прекратил, и что Петрашевский хотел, чтоб он, Модерский, распространял между своими знакомыми систему Фурье, и сам многим давал читать книги социальные, желая, чтобы все так думали, как он.

Коллежский секретарь Серебряков,—что вечера Петрашевского были такого рода, что производили какое-то недовольство самим собою; там утверждали, что Иисус Христос есть простой человек, а не бог, и что религия есть страх и трусость. То же впечатление произвело на него, Серебрякова, это общество толками о семействе, и то же неудовольствие он ощущал, когда они говорили о государстве.

Из подсудимых титулярный советник Тимковский,—что по вступлении в круг Петрашевского он слышал от него и некоторых других из бывавших у него на собраниях такие речи о религии, которые сначала приводили его в ужас, а потом совершенно поколебали его веру, так что он стал сомневаться в существовании бога. Петрашевский вместе с другими доказывал недостоверность книг священного писания Ветхого и Нового завета и, называя их писаниями апокрифными, говорил, что все наши четыре Евангелия написаны не апостолами, слушавшими учение Иисуса Христа, а позднейшими мыслителями, принадлежавшими к касте духовенства, жаждавшего забрать в свои руки власть; что сам господь и спаситель наш Иисус Христос был такой же человек, как и мы, но гениальный и посвященный в таинства наук, нововводитель, умевший воспользоваться своим положением. Наконец, касаясь суждений о бытии божием, толковали, что путем разума, путем научным нельзя доказать положительно ни его бытие, ни небытие, и что то и другое останется только гипотезой. До такого ужасного результата, продолжает Тимковский, они доводили всеми тонкостями самой хитрой и лукавой диалектики, и это было причиной того, что он, Тимковский, впал в бездну неверия и злочестия, из которых одно только милосердие божие могло его вывести и вывело, подвигнутое к тому теплыми молитвами жены его, Тимковского, и духовника его.

Сверх того, по следствию открыто, что Петрашевский был на обеде, данном 7 апреля в честь Фурье, где неко-

торыми из участвовавших читаны были речи преступного содержания, и сам Петрашевский также читал речь, в которой именовал себя одним из старейших пропагаторов социализма, отечество свое называл невежествующим, а обед—банкетом социалистов, в заключение же предложил тост за знание действительности [1]).

Подсудимый Петрашевский при производстве следствия, по призыве в комиссию для предварительных допросов, объявил, что он точно фурьерист, что желал улучшений в отечестве, но желал достигнуть их законным образом, что законы наши хороши, но исполнители дурны, что учение Фурье не утопия и что оно в 5—6 лет может осуществиться.

Прежде нежели изложил письменные свои ответы, которые ему велено было написать в каземате, Петрашевский, пользуясь случаем дозволенной ему краткой одиночной прогулки в саду Алексеевского равелина, отбил от стены в каземате несколько пластинок верхнего слоя клеевой штукатурки и отломанным от вентилятора кусочком жести написал на оной свои наставления другим содержащимся в крепости лицам, как должны они вести себя при допросах, советуя им: «не робеть, требовать очных ставок, не верить письменным показаниям и т. п.» Обломки эти во время прогулки в саду он пытался положить под дерево, но был замечен часовым, по объявлению которого тогда же сделан был в каземате обыск, и при этом найдены и отобраны от него все писанные обломки [2]).

В доставленном же вскоре после того письменном объяснении Петрашевский изложил, что, услышав в комиссии обвинение его в бунте и пропаганде фурьеризма, он решился ничего не отвечать и объявить комиссии, чтобы судила его как знает. В такой решимости он пробыл три дня, но потом, рассудив, что не отвечать на клевету—значит давать ей вес и силу, он решился написать полное оправдание.

В дальнейшем затем изложении своего показания Петрашевский, называя выставленные противу него обвинения ложным доносом, с дерзостью осуждал действия комиссии, в особенности члена ее, действительного тайного советника

---

[1]) На вечерах Кашкина, Дурова и Плещеева Петрашевский не бывал, но некоторые из лиц, посещавших сии вечера, бывали и у Петрашевского.

[2]) При деле имеются особые снимки с означенных обломков; в них скопированы все надписи, сделанные Петрашевским.

князя Гагарина, и просил удалить его, полагая, что он директор или вице-директор Департамента полиции исполнительной министерства внутренних дел и сделал на него, Петрашевского, и соучастников его донос. Потом, называя себя и товарищей заключения фурьеристами, желавшими только мирного развития общественного быта, писал, что для исследования возникших противу него обвинений надлежало бы назначить не следственную, а ученую комиссию, которая бы могла разобрать все предметы сих обвинений в видах науки, чтобы тем дать ему, Петрашевскому, средства доказать, что мысль его—стать в главе разумного движения в народе русском—не была подобие попытки Икара, что нет солнца, которое бы могло опалить его крылья.

Далее Петрашевский писал, что умысла на бунт он не имел, но признается, что желал полной и совершенной реформы быта общественного и фаланстер считал ключом, пробным камнем такой реформы. Он желал, чтобы и другие разделяли его уверенность, что будет время, когда все в обществе и природе придет в стройную гармонию; труда тяжкого, удручительного не будет, всякий акт жизни человеческой будет актом наслаждения, и что эпоха всеобщего блаженства настанет!.. Сам же он всегда стремился быть разнообразным, как природа, и благ, как бог. «Что вам угодно, гг. следователи, то и делайте,—продолжает Петрашевский,—а перед вами стоит человек, который с колыбели чувствовал свою силу и, как Атлант, думал нести землю на плечах своих»... Затем Петрашевский в виде угрозы и темного какого-то предсказания в случае его осуждения говорит: «но знайте, развеется ли прах мой на четыре конца света, вылетит ли из груди моей слабый вздох среди тишины подземного заточения, его услышит тот, кому услышать следует; упадет капля крови моей на землю — вырастет зорюшка... мальчик сделает дудочку... дудочка заиграет... придет девушка, и повторится та же история, только в другом виде. Закон судьбы или необходимости вечен. Но тогда, вероятно, ни вас, ни меня не будет».

В дополнительном объяснении по поводу новых расспросов в следственной комиссии Петрашевский, не касаясь существа дела и дав произвольный оборот словам, говоренным ему для увещания и для указания всей важности возводимого на него обвинения, постановил сам себе от имени комиссии вопросы и, сделав на них произвольные ответы, указывал членам комиссии, какое понятие и убеждение

должны они иметь о его невинности, и потом требовал вознаграждения себе и прочим лицам, содержащимся в крепости, по сделанному им исчислению, предоставив сделать с него вычет лишь за казенный ущерб, т.-е. за обломанную им в каземате штукатурку.

Вследствие сего комиссия призвала Петрашевского в свое заседание и, внушив ему о неуместной дерзости его объяснений, объявила ему, что, имея в виду важность взводимых на него обвинений в государственном преступлении, она давала ему все возможные средства к предварительному указанию обстоятельств, могущих служить к его извинению, но убедившись, что он воспользовался ими только к собственному своему предосуждению, более от него предварительных объяснений принимать не будет, а ограничится формальными письменными вопросами, которые вскоре и были ему предложены.

При формальных допросах в следственной комиссии подсудимый Петрашевский против донесений агента Антонелли,—объявленных ему в виде сознания Антонелли, обвиняемого в числе других в сообществе с ним,—показал, что республиканских мыслей он Антонелли не внушал и о преимуществе республиканского—представительного—правления никогда ему не говорил, но не может отрицаться, однако, чтобы подобного влияния не имел на Антонелли, хотя не желал этого и не искал производить его. О необходимости перемены нашего правительства он, Петрашевский, также Антонелли не говорил, но не отрицается от того, чтобы не выражал ему своего убеждения в необходимости усовершенствований в разных частях быта общественного и именно тех, которые служат к нравственному облагорожению человека. Впрочем эти идеи Антонелли, быть может, не точно понял и оттого не так их выразил. Говорил ли он, Петрашевский, Антонелли, что целость России поддерживается только военною силою, и что с ослаблением или уничтожением оной все народы России разделятся на племена,—хорошо не помнит; если же и сказал, то безотчетно, и в настоящее время мысль эта кажется ему, Петрашевскому, странною, если не нелепою. Впрочем не отрицает, что мог выражать при Антонелли мысли о том, что со временем нужда в военной силе может уменьшиться и даже самое войско исчезнуть. Эта мысль могла относиться к какому-либо действию насильственному, на которое он, Петрашевский, никогда не был согласен. Во всяком случае мысль эта не составляла

и не составляет истинного убеждения его, Петрашевского. Показание же Антонелли об отзыве его, Петрашевского, насчет военных, что сообщать им новые идеи трудно и опасно, потому что военные по большей части люди необразованные, с какими-то особенными понятиями и взглядами на вещи, он, Петрашевский, подтверждает. Равным образом подтверждает показание Антонелли, что он, Петрашевский, желая ввести пропаганду, старался своих приверженцев поместить учителями в разные учебные заведения, и с целью распространения идей либеральных сам держал пробную лекцию, но приверженцев никогда никаких не имел, а всякого желал сделать самостоятельным и себе равным во всех отношениях человеком. Отзыв его при разговоре с Антонелли о вашем императорском величестве по поводу арестования студента за неотдание чести заключался в том, что он, Петрашевский, приписал обстоятельство это болезненному расположению вашего величества. Говоря с Антонелли о постигшем несчастии воспитанников училища Правоведения, он, Петрашевский, действительно выразил сострадание свое к воспитанникам и несколько неуважительно отозвался о его высочестве принце Ольденбургском.

Относительно собраний своих подсудимый Петрашевский, при тех же допросах в следственной комиссии, объяснил, что приемные дни для своих знакомых и приятелей по пятницам он назначил в феврале или марте месяце 1846 года с целью избавиться от повседневных посещений и вместе с тем соблюсти экономию в деньгах и во времени. Сначала, до 1848 года, собрания эти ограничивались простым обыкновенным разговором и особого характера и духа не имели, а определялись личностью говорившего; в мае же месяце 1848 года он сделал предложение, чтобы всякий для прекращения бессвязного разговора говорил о том, что лучше знает из предметов ученых; но это тогда не привелось в исполнение по причине разъезда на дачи, а с ноября месяца на собраниях его если и действительно читались речи и рассуждения как о религии, так и о реформах быта общественного, в духе коммунизма, социализма и других западных идей, то были увлечены к тому как он, Петрашевский, так и другие вредным влиянием посещавшего тогда вечера его отставного подпоручика Черносвитова, направление речей которого было всегда проникнуто возмутительным духом [1]).

---

[1]) Черносвитов — один из подсудимых, о нем объяснено будет ниже.

Об обеде, данном в квартире Европеуса в честь Фурье, Петрашевский объяснил, что на обеде этом он произнес речь о возможности применения системы Фурье к России посредством изучения действительности, и что кроме него говорили речи подсудимые Ханыков и Ахшарумов, содержания коих он не помнит, но речи Ханыкова и его, Петрашевского, нашли более сочувствия в слушателях [1]). Тосты за обедом провозглашены были им, Петрашевским, за знание действительности, и Ханыковым в честь Фурье, а Дебу предложил переводить сочинение Фурье, на что все присутствовавшие изъявили согласие; редакторами же избраны были Ханыков, Дебу 2-й и Европеус 1-й.

На вопрос же комиссии против показаний Модерского, Серебрякова и Тимковского, что по вступлении в круг его они услышали такие речи о религии, которые поколебали их веру даже в существование бога, Петрашевский отозвался, что это могло так случиться, хотя сам он питает уважение и любовь к богу.

Во время производства следствия из подсудимых дворянин Спешнев в объяснениях своих между прочим показал, что Петрашевский участвовал в переговорах с ним и отставным подпоручиком Черносвитовым о способах восстания в Сибири.

О подробностях сего обстоятельства Спешнев показал, что в конце 1848 года, в одну пятницу, на собрании у Петрашевского, Черносвитов, явившийся туда в первый раз, разговорами своими старался всех вызвать на резкость; рассказывал, что Восточная Сибирь (где он имеет постоянное пребывание) совсем отдельная страна от России, богатая, прекрасная, и что ей верно когда-нибудь суждено быть отдельной империей; при чем звал всех в Сибирь, говоря, что это славная страна и что люди там славные. Дня через два после того Петрашевский, бывши у него, Спешнева, между прочим спросил, как ему нравится Черносвитов, но он, Спешнев, сказал, что впечатление, произведенное на него Черносвитовым, заставляет его полагать, что он или эмиссар, или глава какого-нибудь тайного общества в Сибири, и если догадки его верны, то с таким человеком связываться нечего. За всем тем, подстрекаемый любопытством, он, Спешнев, в следующую пятницу отправился к Петрашевскому с целью сблизиться с Черносвитовым, но

---

1) Речи эти будут изложены ниже.

случая не нашлось, и он успел только завязать с ним короткий разговор. По разъезде же гостей Петрашевский свел его с Черносвитовым, и тут Черносвитов начал наводить их на мысль, что в России существует тайное общество, доказывая справедливость своих предположений пожарами в 1848 году и происшествиями в низовых губерниях [1]). Мысль эту поддерживал и Петрашевский, но разговор не завязывался, и Черносвитов поехал домой, вызвавшись довезти его, Спешнева. Дорогою, между прочим, Черносвитов спросил его, «какая бы, по его мнению, была самая полезная реформа», а когда он, Спешнев, ответил, что реформа крепостного состояния, то Черносвитов сказал, что и он то же думает. Потом, дня через два, он, Спешнев, по приглашению Черносвитова, заезжал к нему и по его просьбе излагал ему мнение свое о фурьеризме, а на третий после того день сам Черносвитов приехал к нему и при разговоре намекал на готовность свою быть с ним откровенным, если и он с своей стороны будет откровенен, а когда он, Спешнев, притворно намекнул, что и сам тоже кое-что знает, то Черносвитов попросил его послать за Петрашевским и написал к нему пригласительную записку. Между тем Черносвитов стал допытывать его, Спешнева: где есть общество, здесь или в Москве, а когда он, Спешнев, сказал, что, разумеется, в Москве, то он выразил сомнение насчет существования там тайного общества, прибавив: «а впрочем, может быть». После того спрашивал о плане действия и по отзыву его, Спешнева, что плана собственно еще нет, что он зависит от случая, и что теперь на Волыни не так смирно, Черносвитов сказал, что восстания должно ожидать не на Волыни, — ибо там войска много, разве будет заграничная война,—а на Пермских заводах, где 400 тысяч народу, оружие под рукою и все только и ждет первой вспышки. Потом Черносвитов стал излагать план восстания в Восточной Сибири и на Урале, объясняя, что сначала надобно, чтобы загорелось возмущение в Восточной Сибири, что туда пошлют корпус, но едва он перейдет Урал, как восстанет Урал, и тогда весь корпус останется в Сибири; что затем с 400 тыс. заводских можно кинуться на низовые губернии и на землю Донских казаков; что на потушение этого потребуются все войска; если же к тому присоединится бунт в С.-Петербурге и Москве, то и все кончено, и что на при-

---

1) Какие именно были тогда происшествия, не видно по делу.

готовление всего к восстанию нужно, по крайней мере, год, но что, впрочем, можно в теперешнем положении продержать это еще лет 5—6. После сего Черносвитов, не дождавшись Петрашевского, ушел, прося его, Спешнева, приехать вместе с Петрашевским к нему. Вскоре затем пришел Петрашевский, и они, отправившись к Черносвитову, имели с ним разговор о возможности восстания; при чем Черносвитов выспрашивал у них относительно тайного общества в Москве, а также о том: «не существует ли чего в гвардии»; на отрицательный же отзыв его, Спешнева, и Петрашевского сказал: «а это было бы очень важно». Потом Петрашевский стал говорить вообще против бунта и восстаний черни и заключил, что он на своем веку надеется еще видеть и жить в фаланстере. Окончив сим разговор, он, Спешнев, уехал, а Петрашевский остался еще у Черносвитова, и когда при первом после того свидании с Петрашевским он, Спешнев, выразил ему неудовольствие, что он помешал ему узнать от Черносвитова, когда он был в духе все рассказать, то Петрашевский выразил: «ну что ж, мало ли чего я не знаю; а впрочем считаю вздором все, что он говорил».

В этом же показании Спешнев объяснил, что Петрашевский участвовал еще в предложении поручика Момбелли учредить общество, вроде товарищества. По словам Спешнева, это происходило таким образом: в декабре 1848 г., вскоре после означенного случая с Черносвитовым, когда он был на собрании у Петрашевского, сей последний просил его остаться попозже, сказав, что поручик Момбелли хочет о чем-то переговорить с ним; когда же все разошлись, и они остались втроем, то Момбелли начал соглашать его, Спешнева, и Петрашевского составить товарищество из людей просвещенных и с передовыми понятиями, для того, чтобы поддерживать и возвышать друг друга. Он, Спешнев, не дал на это положительного мнения, а Петрашевский отозвался, что он фурьерист, и потому знает пользу всякой ассоциации и не видит в этом никакой предосудительной цели. В то же время поручик Момбелли сделал предложение, чтобы каждый из них пригласил надежного друга для обсуждения его мыслей, и Петрашевский, изъявив на это согласие, выбрал коллежского советника Дебу, а Момбелли—штабс-капитана Львова, он же, Спешнев, объяснил, что решительно никого не имеет и полагается только на себя. Затем они сговорились через день сойтись всем пятерым у Петрашевского, но как в назначенный день Дебу не было, потому что Пе-

трашевский не успел пригласиты его, а на предложение начать суждение вчетвером, Петрашевский отозвался, что без Дебу не согласен начать разговора, то назначено было собраться у него, Спешнева. Вследствие сего, через несколько дней, пришли к нему, Спешневу, Петрашевский, Дебу 1-й, Момбелли и Львов; при чем Момбелли, изъясняя свою мысль и указывая на выгоды солидарности или товарищества, предлагал сделать денежное пожертвование от членов, чтобы таким образом составить капитал, который можно выгодно пускать в оборот. На вопрос же Спешнева, кто будет собирать деньги и пускать их в оборот, Момбелли отвечал, что будет касса и, разумеется, будет комитет, составленный из основателей общества, например, хотя из них пятерых. В это общество он полагал приглашать социалистов вообще и людей с передовыми мнениями. На следующем по этому предмету совещании он, Спешнев, излагал написанный им план тайного общества, Момбелли читал рассуждение об откровенности и при этом упоминал про смерть изменнику; Львов изложил формы общества; а Петрашевский читал речь о необходимости образования (распространения) системы Фурье, которая может объяснить множество предметов и даст способы к образованию, на тот конец, чтобы в случае, если придет время, были люди готовы. Но за разногласием в отношении принятия таких предложений, совещания прекращены и остались без последствий.

Против показания Спешнева об участии Петрашевского в переговорах с Черносвитовым сам Черносвитов показал, что он умысла на бунт никогда не имел, но, точно, рассказывал Спешневу и Петрашевскому о подробностях бунта, бывшего в Оренбургской и Пермской губерниях, прекращенного содействием его, Черносвитова, в бытность там на службе исправником, и из этих рассказов могла родиться у них мысль о восстании на Пермских заводах. Он говорил с ними также о возможности восстания хребта Уральского, а может быть и о возмущении, могущем загореться в Восточной Сибири, но говорил только, как о возможности, и никогда не предлагал своих мыслей, как план к действию [1]).

Об участии же Петрашевского в совещаниях насчет учреждения общества в виде товарищества подтвердили показа-

---

[1]) Подробности показания Черносвитова будут изложены ниже в статье о нем самом.

ние Спешнева как Момбелли, так равно Дебу 1-й и Львов, при чем присовокупили:

Момбелли, — что составленный им проект соединения в братство взаимной помощи сообщен был им изустно сперва Львову, потом Петрашевскому и наконец,—по желанию Петрашевского,—Спешневу.

Дебу 1-й, — что предложение Момбелли состояло не в одном том, чтобы возвышать друг друга и превозносить всех литераторов и других лиц, принадлежащих к обществу, но еще в том, чтобы ругать все меры, принимаемые правительством.

Львов,—что после закрытия или прекращения этого общества Петрашевский пытался возобновить его и в этих видах, по предварительному соглашению с ним, Львовым, был вместе с Момбелли и Дебу 1-м у него, Львова,—что он, Петрашевский, и Момбелли предлагали, как средство сближения, написать свои биографии, но Дебу на это не согласился, и затем дальнейшие рассуждения об обществе совершенно прекратились.

Сам Петрашевский, утвердив вполне все то, что показал Спешнев в отношении Черносвитова, присовокупил, что Черносвитов еще до происходивших переговоров с ними о способах восстания, приехав однажды к нему, Петрашевскому, поутру спрашивал о цели его собраний, сказав при этом, что идея хороша, но надо (дело) делать; потом спрашивал, есть ли общество и, изъявив удивление, что у него общества нет, намекнул на то, что он, Петрашевский, мог бы принять в свое общество и его, Черносвитова; на слова же его, Петрашевского, что он враг всякого тайного общества, Черносвитов возразил, что, действуя таким образом, он, Петрашевский, не принесет никакой пользы и может погибнуть. Потом в продолжение разговора Черносвитов ему сказал: «ум хорош, а два лучше; потолкуемте, может быть вы отстанете от своего взгляда; в числе ваших знакомых есть человек с теплою душою, именно Спешнев; я вас извещу, приезжайте с ним ко мне». После этого Черносвитов вместе с ним бывал у Спешнева, или обоих их приглашал к себе, при чем между ними и происходили разговоры, о коих изъяснено в показании Спешнева.

Относительно участия своего в совещаниях, по предложению Момбелли, насчет учреждения особого товарищества, Петрашевский, против сделанных вопросных пунктов по показаниям Спешнева, Момбелли, Дебу и Львова, впол-

не подтвердил эти показания в общих выражениях противу каждого вопроса: «подтверждаю; да,—говорил,—это было» и пр. Противу некоторых, однако, вопросов, он сделал свои пояснения, именно: что в то время, когда он оставил у себя Спешнева, чтобы познакомить его с Момбелли, сам он, Петрашевский, не знал ни цели, ни желания Момбелли; что для обсуждения предложения Момбелли он, Петрашевский, избрал Дебу 1-го с целью, дабы устранить незаконности, могшие произойти, надеясь на его благоразумие; что Спешнев, по окончании бывшего у него вечера, на котором происходили совещания, приехав к нему, Петрашевскому, в то время, когда он был уже в постели, говорил ему об убеждении своем, что у Момбелли нет никакого общества, и сказывал, между прочим, что следует в особенности приобрести материальную силу, с чем он, Петрашевский, однако, не согласился; что к осуществлению составленного Спешневым плана тайного общества никаких мер принято не было, и по поводу выраженного Спешневым, при происходивших у него совещаниях, окончательного мнения—произвести бунт, общество не состоялось.

Как подсудимый, Петрашевский в предварительных ответах, между прочим, объяснил, что не имел умысла на бунт, а желал, однако, полной и совершенной реформы быта общественного, считая фаланстер ключом, пробным камнем такой реформы,—то следственная комиссия предложила ему вопрос: какими средствами он предполагал достичь этой реформы?

Петрашевский отвечал, что для сего довольно было нескольким капиталистам сложиться между собою и составить капитал до 15.000.000 руб. ассигн., чтобы основать фаланстер, а потом, по его примеру, в течение времени заведутся другие, и таким образом, мирным путем, полная реформа быта общественного может совершиться.

Вскоре, после отобрания сих показаний, Петрашевский, с разрешения следственной комиссии, подал особое объяснение, в котором, излагая понятия свои о фурьеризме и социализме и определив значение этих систем сообразно своим софистическим взглядам, писал, что социализм не есть изобретение новейшего времени, а всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и совершенствоваться. По словам Петрашевского, первые христиане были социалисты по чувству, т.-е. коммунисты, так как у

них существовала общность собственности, и потому, нападая на коммунизм, как на доктрину, нападают будто бы на основной догмат христианства и воспрещают его внешнее обнаружение... «Осуждая его,—говорит Петрашевский,—вы лишаете человека права на доброе дело, вы вводите в общество мертвящий эгоизм»... Далее, указывая на постоянное развитие социализма до XVIII века включительно, Петрашевский пишет, что XVIII веком задан на разрешение последующим векам вопрос: как поставить человека в правильное отношение к самому себе, к обществу, к целому человечеству и к природе? Нашему веку, как ближайшему, и следует приняться за разрешение этого вопроса. Социализм и есть попытка разрешить и, по мнению его, Петрашевского, фаланстер Фурье, т.-е. организация работ в общине, вполне разрешает этот вопрос. Поэтому социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества. Это догмат христианской любви, ищущий своего практического осуществления в современной нам действительности. Причина, почему социализм, при всей благодатности своего направления, так много подвергался и подвергается еще поныне в Европе превратным истолкованиям, заключается главным образом в том, что он есть учение, прямо противоположное либерализму и восстает противу злоупотреблений и тех законами позволяемых по сие время разбоев, которые могут производить в настоящее время в обществе Ротшильды и другие владельцы капиталов чрез скупы и биржевую игру. «Можно положительно сказать,—пишет Петрашевский,—что всякая социальная книга, даже посредственная, может навести на множество полезных промышленных предприятий, весьма выгодных и для предпринимателя и для общества, часто не требующих значительных капиталов. Обвинение противу социалистов, что будто они произвели последнюю французскую революцию, делается несправедливо. Движение национальностей произведено не социализмом, а либерализмом, ибо социализм есть доктрина космополитическая, состоящая выше национальностей; для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди. Социализм новейшего времени и социальные стремления есть живая творческая сила общества, гений усовершенствований, догмат христианства, внедряющийся в жизнь практическую.

Объясняя таким образом понятия свои о социализме,

Петрашевский пишет: «Если мне удалось это разъяснить вполне, то льщу себя надеждою, что скажете тем, кто будет впредь нападать на социализм, что поступать так,—значит, нападать на все то, что есть живого и живущего в обществе, разрывать связи общественные, лишать всякого права на доброе дело, вводить мертвящий эгоизм в общество и в нем водворять тишину могилы и безмолвие кладбища!!! Скажите ему, что прошедшее невозвратимо, что ныне никого, даже киргиза, кочующего по широкой степи Барабинской, не прельщает доблесть Святослава, спанье в болоте на потном войлоке и питье вина пополам с кровью из черепа еще теплого неприятеля; что закон природы неизменен. Пагубна кичливая гордость быть фосенгаром в отношении к целому обществу!! Имеяй уши, да слышит».

В заключение Петрашевский объяснил, что, писавши о социализме, он желал представить дело, как оно есть в истинном свете, старался утвердить торжество истины над предрассудками. Он занимался пропагандой в этом смысле, но не более, и считает постыдным отречься от своего дела, от пропагаторства.

Вместе с этим объяснением Петрашевский представил особую записку, которую начал словами: «Не во имя закона, но во имя чувства, совести и справедливости».

В записке этой Петрашевский между прочим пишет, что после допроса его о разговоре с Черносвитовым он двадцать раз проклинает себя, что не сохранил своей первоначальной решимости—ничего не отвечать, ибо в этом случае он не испытывал бы тех нравственных страданий, которые им испытаны. Он готов был покуситься на самоубийство, но удержался от сего размышлением и просит комиссию выслушать его новое объяснение. Здесь Петрашевский, доказывая, что будто деятельность его направлена была на пользу свою и ближних, и что все в его поступках, по цели, было хорошо, пишет, что он преследуется как преступник; действия, которые он считал благими, именуются неблаговидными; он преследуется как человек, деятельностью своею нанесший вред обществу. Подчиняясь этим обвинениям, он признает, что нанес вред и признает то, что на нем, Петрашевском, лежит нравственная обязанность вознаградить общество за вред, оному нанесенный. Вознаградить он может своею нравственною деятельностью и именно: 1) он, Петрашевский, предлагает разрешить вопрос об открытом судопроизводстве и применить к процессу

уголовному и гражданскому, сообразно с потребностями нашего быта общественного; 2) он сделает оценку Уголовного Уложения и покажет в цифрах благодетельное и вредное влияние каждого закона на быт общественный; 3) укажет способы и множество мер, которые могут содействовать к разрешению вопроса об освобождении крестьян,—этого труднейшего и щекотливейшего из вопросов нашего быта общественного; 4) он укажет на несколько мер по разным отраслям государственного хозяйства, которые могут послужить к увеличению государственных доходов, и 5) он укажет на многие меры, полезные для общежития вообще. Но, быть может,—продолжает Петрашевский,—все это неуместно в России, и он родился для нее преждевременно, но зато, быть может, весьма во-время для человечества [1]).

Засим Петрашевский, обращаясь к предметам обвинений на него, излагает, что в 20 лет судьба заставила его уже иметь равнодушие к жизни, свойственное старости. Не находя ничего достойным своей привязанности, ни из женщин, ни из мужчин, он обрек себя на служение человечеству, и стремление к общему благу заменило в нем эгоизм и чувство самосохранения, уважение к истине подавило в нем всякую вспышку самолюбия. Чтоб найти приличное место для употребления своих способностей, он обратил внимание на свое отечество и предпочел скромную деятельность гражданина в сфере, правами своего сословия предоставленной, блистательным успехам на поприще административном. На вопрос об освобождении крестьян было обращено им внимание по поводу издания в последнее время многих указов по этому предмету, и это внушило ему желание предложить в С.-Петербургском дворянском

---

1) Петрашевский еще прежде сего объяснения, при начале производства расследования, предлагал следующие меры к увеличению дохода и благоденствия государственного: 1) разрешить курить сигары на улице в городах; разрешение это, по мнению Петрашевского, должно увеличить доход на 2 милл. руб. ассигн.; 2) предоставить старообрядцам и раскольникам свободное публичное отправление их вероучения, через что вольется в общежитие русское 700 тыс. народа, от него отошедшего; 3) в отвращение злоупотреблений судебных и административных, которые, по мнению его, Петрашевского, так велики и известны, что в устах народа слово чиновник стало значить почти то же, что мошенник или грабитель, официально признанный вор, — ввести кроме адвокатства публичное судопроизводство — jury — и 4) для устроения образцового фаланстера под Парижем дать 2 милл. руб. ассигн. из французских фондов, у нас имеющихся, под соответственные проценты.

собрании несколько мер, прямо способствующих к возвышению ценности населенных имений и косвенно содействующих к освобождению крестьян. Но от литографированного листка программы, пишет Петрашевский, выражающей желание его сделать предложение, и начинаются обвинения, на него взводимые, тогда как это обстоятельство должно быть поставлено не в обвинение ему, а к оправданию, или к уменьшению виновности всякого человека, в его положении находящегося. Губернский предводитель дворянства Потемкин объявил ему словесно, что вашему величеству благоугодно, дабы о сем предмете не было рассуждений, и он, Петрашевский, нигде предложений своих не читал, нигде и никому не изъяснял, хотя на сие имел по закону полное право. Одним словом, в этом случае он принес жертву, отступился от пользования законным правом, от весьма большого удовольствия разрешить многое в труднейших из всех вопросов нашей общественной жизни. Отказался от права и принес в жертву самолюбие. Две жертвы, по мнению Петрашевского, не малые. Что касается до обвинения его в том, что он говорил о пользе и важности jury и открытого судопроизводства, то он объясняет, что, как член сословия, имел право рассуждать о нуждах и пользах своего сословия. Самим законом предоставлено дворянским собраниям просить об изменении постановлений, не соответствующих местным нуждам, а тяжущимся предоставлено право в рукоприкладстве указывать на недостающие, по их мнению, законы. Законов гласности суда и jury недостает в нашем законодательстве, как по мнению его, Петрашевского, так и по мнению всех толковых людей.

Далее Петрашевский, опровергая обвинение его в том, что у него были собрания, объясняет, что беседы о предметах ученых и искусствах законом не воспрещаются, что, предпочитая всякую беседу игре в карты, он старался, по мере сил своих, сделать беседы у себя на собраниях умными, приятными и даже полезными; что основать обвинение на том, что один говорил, а другие слушали, нельзя; если говорил кто толково, то все слушали и молчали; если же прерывали без толку, то он, Петрашевский, даже звонил в колокольчик, не желая никого называть по имени [1]).

---

[1]) Из показаний некоторых подсудимых и других лиц, бывавших на собраниях у Петрашевского, видно, что для прекращения споров, возникавших при чтении речей, предоставлялось одному из посетителей звонить в колокольчик. По показанию подсудимого Момбелли, такое лицо на собрании называлось президентом.

Оправдывая таким образом себя и своих посетителей личным убеждением, что в действиях их не представляется ничего преступного, Петрашевский обращается к следователям в следующих выражениях: «Не будьте же Тарквиниями, не дайте враждебной руке нанести тяжелый удар нашей общественности, и без того не роскошно расцветшей, и не наводите на общество тишины могилы и безмолвия кладбища. Это в пределах вашей власти. Толпы нравственных уродов не есть зрелище, веселящее взор, а кретинизм общественный—не благодать небесная; он водворится, если убить в обществе науку и оставить всякое свободное развитие личности. Не ставьте же всякое лыко в строку. Там, где был худой, преходящий помысел, не принимайте его за оставшееся намерение, а тем более за нечто, похожее на умышление. Подчинитесь более закону нравственному, в сердцах ваших перстом природы написанному, чем холодной букве, часто неверной, закона положительного. Будьте не инквизиторами, а друзьями человечества. За вашим решением блюдет гений человечества, а в лице Западной Европы еще при жизни ждет вас суд потомства».

Наконец Петрашевский выводит свои убеждения, что подвергшиеся аресту в качестве фурьеристов и социалистов должны быть изъяты от всякой прикосновенности к этому делу, что не они, а те системы, которых приверженцами они себя объявили, могут подлежать исследованию или рассмотрению комиссии ученой, составленной не из людей с заплесневелой ученостью, чего требует и здравый смысл и справедливость; что за то, что он фурьерист, столкнулся с людьми своего направления, нельзя винить систему, скорее надо винить общественное устройство, которое их притти к нему заставило; при чем надо взять во внимание, что не он к ним пришел, а они к нему. Из числа состоящих под следствием только сам он, Петрашевский, Львов, Дебу, Момбелли и Спешнев могут подойти под судебное разбирательство, а остальные должны быть освобождены. В случае же назначения суда, он просит, чтобы им была дана небывалая доселе гарантия в России для обвиненных, а именно: пусть решение о том—виновны ли они или нет, подлежат ли большей или меньшей степени наказания, будет совершено теми присяжными, которых определит жребий. Так как к этому делу прикосновенны все люди образованные, то список лиц, кои могут быть по делу этому присяжными, пусть будет составлен из всех лиц, получивших обра-

зование в высших заведениях, в I разряде состоящих. Вызов таких лиц можно сделать чрез публикацию полицейских газет. «Пусть суд сей,—присовокупляет Петрашевский,—совершится гласно, пусть будут ему свидетелями родственники наши и те, кому суд разрешит присутствование».

В этой же записке Петрашевский, доказывая невинность свою, между прочим объяснил, что при совещаниях с Черносвитовым и Спешневым, он не разделял их предположения в отношении восстания против правительства, а не донес о том из боязни подвергнуться ответственности, не имея никаких доказательств к подтверждению доноса, тогда как действительно все это происходило таким образом: Черносвитов, в котором он теперь совершенно видит agent-provocateur, явился к нему в конце прошлого года и пытался сбить его с толку; а когда это ему не удалось, то он обратил свое внимание на одного из знакомых его, Петрашевского, сблизился с ним с целью вместе действовать на него. Наконец, видя безуспешность этого, решается компрометировать его. Посылает нарочно за ним, Петрашевским, подготовив к сему предварительно Спешнева, придумывает для этого историю о расположении Сибири к бунту, и он, Петрашевский, невольно выслушивает разговор об этом, не разделяя вовсе обнаруженных при сем расположений со стороны того и другого, а напротив, после этого он, Петрашевский, даже совершенно разошелся со Спешневым. Таким же образом и обстоятельство сближения Момбелли со Спешневым в его квартире произошло случайно, вследствие изъявленного им на то желания, и он, как хозяин, волей-неволей, присутствовал при их разговорах. Один из них делает какое-то средневековое предложение, которое оказывается несоответственным с общими желаниями, и хотя он, Петрашевский, и после того присутствовал при дальнейших беседах по этому предложению, в надежде установить самостоятельную философскую школу руссскую, он не нашел ни в ком соответственности такому своему желанию, и беседы их впятером остались без последствий, не без влияния его, Петрашевского.

Спустя несколько дней после того Петрашевский в просительном письме на имя следователей объяснил,—в виде дополнения к своим показаниям при формальном допросе по предмету предложенного поручиком Момбелли учреждения товарищества,—что показание о том, что причиною прекращения совещаний об означенном товариществе был

Спешнев, сделано им несправедливо, по движению ненависти к Спешневу за открытие им обстоятельств сего разговора; что показание Дебу 1-го, будто Момбелли предлагал ругать меры правительства, также несправедливо, ибо Момбелли этого не предлагал; хотя же он, Петрашевский, против вопросного пункта, извлеченного из показания Дебу, написал слова: «все сие подтверждаю», но это сделал в увлечении от душевного расстройства и совершенно бессознательно и механически, что, наконец, сам Момбелли мог подтвердить это показание также от расстройства духа, видя показания против себя Спешнева и Дебу.

Вскоре после того, как представлены были эти объяснения, Петрашевский просил следственную комиссию, чтобы дозволено ему было написать еще дополнительное объяснение, и, получив разрешение на это, между прочим, писал, что он, как человек, свободно сознавшийся в деле никому не ведомом, добровольно признавший себя виновным, просит комиссию повергнуть участь его милосердному вниманию вашего императорского величества; при чем объяснил, что это последняя жертва, которая была ему возможна, как обвиненному, что он победил последнее худое чувство, которое могло быть в его сердце, и что он решился сделать это вследствие внушений членов комиссии, что при разборе дела сего будут судить нравственную сторону человека и сделано будет всем виновным возможное облегчение и снисхождение.

Когда же от него потребовано было разъяснение некоторых темных выражений в означенном показании, то Петрашевский подал объяснение, в котором написал, что все говоренное им прежде ложно с начала до конца, и что показаниям его веры никакой давать нельзя, потому что он несправедливо показал, что только два года пред сим исповедывался: сделал же он сознание во всем единственно для того, чтобы других избавить от ответственности, каковое сознание он называет юридическим самоубийством, и, считая себя человеком, утратившим право на существование, просит, однако, милосердия того, кто волен в жизни его.

Вслед за сим Петрашевский, быв по просьбе его вновь вызван в следственную комиссию, сначала на словах, а потом письменно, просил комиссию позволить ему подробно изложить на бумаге, что он напал на след революции, которая замышлялась в России. Но лишь только ему было предложено написать эти подробности, то он, как объяснено в журнале следственной комиссии, вдруг, с очевидным притвор-

ством, начал прыгать и кричать диким голосом, произнося невнятные слова и представляя вид помешанного. Когда же следователи строго начали внушать ему неуместность такого его притворства и потребовали, чтобы он не смел уклоняться от написания своего показания, то он немедленно сел и написал это показание в полном присутствии ума.

В показании этом Петрашевский изложил, что Черносвитов неоднократно внушал ему мысль о цареубийстве, рассказывал, что он член какого-то тайного общества, состоящего из 16 лиц, советовал и ему, Петрашевскому, заводить тайные общества в высшем аристократическом кругу и рассказывал, что посредством палеонтографа можно подписываться под всякую руку. Сверх того, Черносвитов, при отъезде своем из Петербурга, сказывал ему, Петрашевскому, что едет предупредить какое-то восстание, и говорил также, что намерен ехать за войсками в Молдаво-Валахию.

Спрошенный противу сего отставной подпоручик Черносвитов не сознался, подробности же показания его будут изложены ниже.

Сверх сего, из донесений агентов видно, что Петрашевский, будучи знаком с бывшим студентом Толстовым, имевшим зловредные замыслы против правительства, искал чрез него знакомства и с мещанином Петром Григорьевым Шапошниковым, который был в близких отношениях с Толстовым и, по видам сего последнего, делал у себя преступные сходбища.

При разыскании следственною комиссиею о сношениях Петрашевского с этими лицами из них мещанин Шапошников показал, что Петрашевский был у него всего три раза. При первом посещении он покупал у него папиросы и, потребовав спичек, сказал, что теперь спички стали очень дороги и что это обременительно для нас; а при другом посещении, когда он, Шапошников, между прочим сказал, что у нас нет больших сочинений, Петрашевский возразил, что есть, да лежат в цензуре. Наконец, третий раз Петрашевский, приехав к нему, спрашивал только о месте жительства Толстова.

Толстов показал, что он познакомился с Петрашевским в начале сего 1849 года и при разговорах с ним рассказывал, между прочим, о Петре Григорьеве Шапошникове, как об оригинальном лице, крикуне и фразере; при чем Петрашевский советовал давать ему книги для чтения и не избегать знакомства с ним. Впоследствии Петрашевский сказывал ему, что, ездивши по делам службы на Выборгскую сторону и

желая завернуть к нему, Толстову, он заезжал к Петру Григорьевичу спросить о квартире его, Толстова, зная, что он жил тогда близ табачного магазина Петра Григорьева.

Сам же Петрашевский показал, что с Шапошниковым знаком не был, но, по рассказам многих о его странностях, и что он желает быть драматическим актером, любопытствовал видеть его и, зайдя к нему, действительно имел с ним изложенные в его показании разговоры.

Из бумаг, опечатанных у Петрашевского при арестовании его, по содержанию своему обращают на себя внимание:

1) Отрывки из проектов, речей о системе социалистов вообще, учении Фурье в особенности, и о применении системы сего последнего к России.

Проекты сии состоят из отрывочных, несвязных и большею частью неоконченных фраз.

В начале одного проекта речи [1]) Петрашевский, называя себя старейшим пропагатором социализма, писал: «Наше призвание (mission), как социалистов фурьеристского толку, в России не так легко, как может показаться оно с первого взгляда. Если мы освобождены судьбою от труда изобретательности, если имеем эту звезду путеводную в учении Фурье, то при самом акте практического применения могут или, лучше, должны встретиться такие трудности, наши местные неудобства, которые никак не могли быть определены ни самим нашим учителем, ни его талантливыми истолкователями на Западе». Далее Петрашевский, разделяя препятствия практического применения учения Фурье на внутренние и внешние, говорит, что внутренние трудности состоят в малознании и невежестве последователей, что препятствия этого рода опаснейшие, и их следует победить прежде всего; что трудности препятствия, поставляемые самим бытом общественным, не опасны и не должны устрашать общественного действователя на пути его к достижению известной цели, и чем полнее будет с его стороны знание действительности, тем положительнее может быть его уверенность в успехе, тем вернее будет каждое его действие, тем с наименьшими средствами можно будет произвести наибольшие результаты.

Затем Петрашевский, между прочим, говорит: «Мы социалисты фурьеристского толку, т.-е. люди, признающие на-

---

[1]) Речь сия была говорена Петрашевским на обеде, бывшем у Европеуса в честь Фурье.

стоящее устройство быта общественного не соответствующим естественным потребностям человека и потому требующим преобразования совершенного согласно требованиям природы человеческой, и желающие вместо настоящего противоестественного устройства быта общественного, желающие установить... (окончания сей мысли в бумагах нет). Вот кто мы и каковы наши желания». В конце же листа сказано: «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо же приговор наш исполнить».

На другом черновом листе, содержащем продолжение той же речи, обращают внимание следующие места: «Ничто не может избегнуть влияния условий времени и местности. Стремясь к осуществлению чего бы то ни было, значит заранее осудить себя на неудачу, но это забывать не следует тем, кого их страстное влечение поставило на поприще общественной деятельности, кто сознал и понял свое отношение к механизму общественному, не для того, чтобы смиренно, рабски покоряться гнету всех неудобств настоящей организации общественной, но для того, чтобы, эти отношения преобразив, дать каждой индивидуальности надлежащую цену и значение и дать ей ту массу благосостояния, которая необходима для полности его органического развития и счастия. Дух века, везде простирающий свое влияние, сознание великой обязанности, возлагаемой природой на каждого человека фактом самого рождения, сделать свою деятельность общеполезной, и привело нас к конечным результатам современного философического мышления, — к социализму — учению, лучше всех предшествующих ему изъясняющему окончательный результат человеческой деятельности и самые способы к достижению такой цели. Несчастная случайность нашего рождения привязала нас к почве русской и сделала представителями социализма в невежествующем и страждущем от невежества нашем отечестве. Вот наше призвание, быть социалистами в России, возложенное на нас духом века. Социализм и Россия—вот две крайности, вот два понятия, которые друг на друга волком воют, сказал бы Прудон, и согласить эти две крайности должно быть нашей задачей».

В числе прочих черновых проектов находится проект письма, писанного Петрашевским, как видно по содержанию его, в опровержение мыслей о социализме, высказанным одним из посетителей вечерних собраний Петрашевского. Тут Петрашевский, называя себя старым фурьеристом, дошедшим давно к социализму самостоятельно, излагает разные свои

мысли о коммунизме и социализме, приводит мнения других, и говоря, что они действовали, несмотря на страх смерти, выразился так: «Последователи этого учения давно объявили войну не на жизнь, а на смерть всякому предрассудку, изгнали из себя старого человека, по словам известного демагога Христа, несколько неудачно кончившего свою карьеру».

Далее, рассматривая вопрос об организации работ, Петрашевский отдает предпочтение системе Фурье пред коммунизмом, потому что осуществление оной возможно мирным путем, без насильственных потрясений, присовокупляя, что если и встречается что-либо хорошее у коммунистов, как, например, атеизм, то это не состоит в связи с системою, а более с личностью их. Потом Петрашевский, отвергая девиз разрушения, говорит: «Мы не пытаемся никого знакомить с социализмом, прежде нежели разрушим совершенно союз с его наследственными предрассудками, не увлечем тех, над кем тяготеет рука семейственности и общественных приличий. На нас лежит труд,—труд применения тех общих начал, которые выработала наука на Западе, к нашей действительности, высших формул быта общественного, осуществления в фактах жизни действительной, внедрение в общественное сознание тех общих понятий, которые и могут дать человеческому общежитию надлежащий цвет и движение. Но вспомним, что мы стоим на дикой почве нашего отечества, что все в нашей общественной жизни являет следы восточной патриархальности и варварства, что разумение народа русского еще не пробуждалось, что мы, не только как социалисты, но даже как люди, отбросившие в сторону предрассудки и умеющие глядеть в глаза истине, не-можем надеяться единственно за такие наши достоинства мгновенно возбудить к себе и к нашим убеждениям сочувствия в массах!.. Кто ждет мгновенного успеха сочувствия... тот пусть простудит свой пропагаторский жар. Те перевороты, которые остаются на память веков, в виде мириад разрушенных созданий, или обозначаются рядом новых совершеннейших созданий, долго и медленно вырабатываются на недрах природы. Ряд творческих преобразований может и быть незаметен взгляду близорукого наблюдателя. Везде повторяется закон постепенности и логической связи. Уподобимся же мы, в отношении к несозданной массе нашего быта общественного, живой и творческой силе природы..., вдохнем в него жизнь, и тогда дотоле разрозненные члены быта общественного будут являть гармоничность в своих движениях, и явления

общественной жизни не будут, как доселе, поражать нас нестройностью. Наш путь и долог, но маршрут хорош у нас. На распутьи, в глухую полночь, мы не повесим унылую голову в раздумьи куда итти; не будем поджидать счастливой нечаянности запоздалого прохожего, чтобы во имя Христа и того, чему не верим, указал нам милостиво путь, не будем сетовать на то, что версты в 500, а не 250 сажен, а будем, не истомляя своих сил чрезмерной поспешностью, помаленьку, неукоснительно подвигаться, и с черепашным шагом, быть может, обгоним быстроногих Ахиллов. Если история делает людей, то люди делают историю. Этим толково заняться—не пирог с кашей есть. Нам не годится ваш девиз—разрушение: наша сила не в числе, но в истине, прямоте наших убеждений. Все в природе ратует в пользу истины, что совершилось торжество истины; не надо умалять ее силы и значения примесью к ней своих личных расчетов; не надо подчинять ее интересам своей личности, но надо для истины принести в жертву самолюбивые притязания своей личности, не гнаться за мелочными торжествами своего самолюбия ко вреду общего дела. Прощайте, мы ждем вас с ответом и спешим вас предварить, что по нашей системе место нашего привала и успокоения будет там, где поставлена грань развития человечества рукою природы... Надеюсь, вы не откажетесь от странствования в компании. Ведь за компанию и жид удавился... Только надо запастись попредусмотрительнее на дорогу всем нужным»...

2) Мои афоризмы или обрывочные понятия мои обо всем, мною порожденные (1840 года октября 30).

В одном из этих афоризмов Петрашевский пишет, что государства должны быть основаны по народам, отношения же между народами должны быть, как между штатами Северной Америки или провинциями одного и того же государства. Пошлин и таможенных сборов не должно существовать. Промышленности должна быть дана полная свобода, чтобы цель и назначение человечества были постигнуты, и люди сознавали, что они люди. Правление должно быть представительно-республиканское. Все должности должны быть замещаемы по выборам. Те огромные войска, которые ныне содержатся, были бы ненужны, ибо война не могла бы иметь места. В религии совершенная терпимость, и относительно сего не должно быть никаких постановлений, но христианская должна быть признана господствующею.

В другом месте Петрашевский пишет: «Мне думается, что

Сибирь заменит настоящую Россию, и что в ней-то и возникнет народность русская без примеси, и правление республиканское будет в ней господствующим» [1]).

3) Черновое письмо к неизвестному, с изъяснением разных смелых мыслей в виде описания путешествия. Отечество, в начале сего письма, именуется смрадным, в котором нет возможности не только думать, но даже и дышать свободно по-человечески; вместе с тем выражено желание переродиться совершенно, если не физически, то хотя бы политически, чрез натурализацию.

4) Списки выписанным книгам, в числе коих обращает особенное внимание список, составленный с.-петербургским книгопродавцем Лейброком, чрез посредство коего выписаны были книги из Лейпцига. В сем списке встречаются сочинения Прудона, Фурье, Вильгарделля, Токвилля и других.

Кроме того, в бумагах Петрашевского оказалось множество листов с оглавлениями, для составления разных статей, под общим названием: «Запас общеполезного».

Из сих оглавлений некоторые обращают на себя внимание тем, что явно высказывают преступное направление мыслей Петрашевского в отношении политическом и нравственном, именно:

1) Об общих началах для определения степени совершенства произведений всякого рода.

В виде приложения к этому предмету на особом листе изложены следующие мысли на вопрос: «неужели человечество обречено на вечность застоя и умственного оцепенения?».

Развивая этот вопрос, Петрашевский указывает на трудность освободиться от вредного влияния предрассудков и суеверий; говорит о гибельной опасности восстать против закоренелых предрассудков общества, в котором не существует суда присяжных из истинных знатоков всякого дела; сравнивает призвание и участь нововводителей с судьбою проповедников первых веков христианства, а суд над ними общества называет сатанинскою насмешкою над природою и человечеством.

2) О заведении или учреждении нового воспитательного учебного заведения, откуда бы выходили люди и граждане гражданами (1843 г. апреля 14).

---

[1]) Эти заметки были писаны Петрашевским, как видно по времени, в бытность в Лицее.

3) О негодности Свода Законов.

4) Опыты над цивилизациею обезьян чрез бритье (воспитание) и развитие чувства общественности.

5) О системе взаимного содействия.

6) О том, что пожар Москвы есть более признак грубого варварства, нежели истинного патриотизма, и показание, на основани фиилософии, в чем должен состоять патриотизм.

7) О преобразовании монастырей в богадельни и т. п.

8) Об истинных началах так называемой христианской религии или философии.

9) О необходимости отправления суда открытым, а не инквизитивным образом. О преимуществе открытых судов пред закрытыми.

10) О введении национальной одежды.

11) О введении мирных судей.

При допросе в следственной комиссии, в отношении бумаг этих, Петрашевский показал, что найденные у него статьи под заглавием «Мои афоризмы», в которых помещены некоторые мысли об образовании государств и формы правления представительно-республиканского, в речах его излагаемы не были, и про существование их в его бумагах он совершенно забыл. Листы с заглавием для составления разных статей под общим заглавием «Запас общеполезного» остались без развития и нигде не читаны. Найденное в его бумагах письмо в виде описания путешествия, которое начинается словами: «С тех пор, как оставил наше смрадное отечество», тоже никому писано не было, и когда оно написано,—не помнит. Проект речи, в заключении которой сказано: «мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо же приговор наш исполнить», написан им, Петрашевским, по возвращении с обеда, бывшего у Европеуса, но нигде речь эта читана не была [1]).

Что же касается выражений, помещенных в одном из черновых его проектов: «по словам известного демагога Христа, несколько неудачно кончившего свою карьеру», то это написано им в совершенном затмении разума. На вопрос же, кто предлагал ему «девиз разрушения», им непринятый, Петрашевский отозвался, что он сам предлагал себе вопрос и сам сделал ответ.

Примечание. В записке следственной комиссии, ме-

---

1) Дебу 1-й утверждает, однакож, что эти слова были произнесены Петрашевским в речи его на обеде у Европеуса.

жду прочим, изложено, что Петрашевский, по наблюдениям комиссии, во все время пребывания своего в крепости под арестом, один из всех арестованных вел себя предосудительно и заботился только о своей личности, тогда как все прочие арестованные переносили свою участь терпеливо и смиренно. В первый призыв свой он явился наглым и дерзким, думая сыграть успешно роль невинно оскорбленного человека. В другой свой призыв он прикинулся смиренным, кающимся. В один из следующих призывов он, как выше уже изложено, притворился сумасшедшим. Потом, не сознаваясь в действиях собственных, старался наговаривать на других, чтобы облегчить свое обвинение. Несколько раз он объявлял комиссии, что просит быть призванным в заседание и каждый раз являлся только для того, чтобы жаловаться: что будто его дурно кормят; что ему дают дурную воду для умывания, от которой сушится кожа на его руках; что хлеб его дурно выпечен; что нелужена посуда, в которой приготовляют ему обед; что он был болен оттого, что хотели его отравить; что его терзают умышленно нравственною пыткою и пр., и все жалобы его по исследованию оказывались всегда неосновательными.

При спросе в Военно-судной комиссии подсудимый Буташевич-Петрашевский объяснил, что подтверждает прежние свои показания с теми оговорками, какие им были сделаны, и к оправданию своему ничего прибавить не имеет.

Кроме того, он подал в комиссию особое дополнительное объяснение, в коем, утверждая опять о своей невинности, старается доказать, что во время производства следствия, по недостаточности фактов в юридическом отношении к подтверждению взводимых на него обвинений, его подвергли пытке, которою он был доведен до помешательства, и в ответах его на вопросы, в таком состоянии предложенные, искали удостоверений или улик его небывалого умысла. Употребленные над ним пытки заключались в следующем: с 23 апреля по 1 июля его лишали сна и постоянно обеспокоивали стуком за стеной, что привело его в состояние тупоумия и беспамятства; потом остановлены были испражнения в обоих испражнительных органах, от чего, при постоянном нашептывании ему из-за стен разных разностей, он впал в совершенное беспамятство; нашептывание из-за стен заменило в нем, Петрашевском, совершенно его собственное мышление, и он утратил сознание времени и места. Следствием остановления испражнений, произведенных, ве-

роятно, подмесью в питье медного купороса или чего-либо подобного, было выпадение внутренностей и совершенное беспамятство. Это, как ему кажется, было произведено над ним два раза, и оба раза он был доводим до беспамятства. Сверх того, его кормили недопеченным хлебом, в питье давали воду с какими-то едкими подмесями, столь сильными, что кожа на руках, не слишком нежная, начала слезать до того, что пальцы обнажались до мяса. Соли ему вовсе не давали, и доведен был необходимостью пить свою мочу, чтобы соляностью оной облегчить испражнения. Кроме того, ужасный стук, подобный пушечной стрельбе, не раз над ним произведенный и заставивший его крикнуть от испуга и харкнуть не раз кровью, произвел, вероятно, значительное расстройство в груди. Такой способ, употребляемый обыкновенно при следствиях к открытию истины в деле, может побудить только обвиняемого к показаниям ложным как о себе, так и о других лицах в надежде избавиться от мучений нестерпимых и тем освободить гг. следователей от труда производства следствия правильного и законного, а судей от надобности взвешивать все обстоятельства дела для справедливого определения наказания, довольствуясь одним простым сознанием обвиняемого. Засим Петрашевский, выставляя один известный будто ему факт пристрастного допроса и предположение свое о существовании таких фактов во множестве по делам аудиториатского департамента, подтверждает свое убеждение в необходимости гласного суда как средства к устранению злоупотреблений, быть может покровительствуемых теми же учреждениями, которые предназначены для их преследования. Далее Петрашевский пишет, что из числа сделанных им в следственной комиссии, в состоянии тупоумия и беспамятства, подтверждений показаний других лиц и неотвергнутых им, Петрашевским, и впоследствии,—ныне отвергает совершенно как ложные, именно: подтверждение его, что будто он внушал антирелигиозные и противуобщественные мысли трем бывшим воспитанникам Лицея, ибо они были один только раз для советов, каким образом можно в один год выдержать экзамен в Университете на ученую степень, и кроме этого предмета ни о чем он с ними не говорил; другое подтверждение, что будто он отзывался неодобрительно о священной особе вашего императорского величества по поводу арестования студента, так как отзыв сей сделан им пред Антонелли под влиянием шампанского, которое Антонелли почти насильно заставлял его пить у себя за обедом.

Таким же образом неуважительному отзыву его, Петрашевского, пред Антонелли о его высочестве принце Ольденбургском предшествовал внушительный разговор самого Антонелли, при чем он, Петрашевский, в отношении его высочества сказал только: «Что за странное наказание, велеть целому классу спать без подушек. Прежде чем так наказывать, следовало бы посоветоваться с фельдшером. Он бы сказал, что от сего может случиться головная боль и даже удар у слишком полнокровных», в каковом отзыве, лично к его высочеству относящемся, он письменно готов просить прощения у его высочества.

В заключение Петрашевский, объявляя, как он выражается для очистки своей, что, кроме открытых писаний его на обломках штукатурки, он также писал на оловянной кружке и на стене в саду,—выводит свое заключение, что обстоятельство это ни в какое внимание не может быть принято, ибо оно, составляя только нарушение правил тюремного заключения, относится собственно к проступку полицейскому.

Военно-судная комиссия, как видно из особого ее определения, по означенному дополнительному объяснению Петрашевского, признала извет его о жестоком будто бы обращении с ним во время содержания в крепости незаслуживающим никакого вероятия; за всем тем комиссия, не решаясь, с одной стороны, оставить такой извет без всякого внимания, с другой,—признавая неуместным входить в письменное по оному сношение, предоставила председателю комиссии лично объясниться по сему предмету с комендантом крепости и в последствие этого объяснения председатель предъявил присутствию комиссии, что извет Петрашевского оказался неимеющим никакого основания. А потому комиссия заключила, что Петрашевский старается показать себя умалишенным, а может быть в нем действительно есть начало расстройства умственных способностей. Что же касается выставленных Петрашевским в свое оправдание обстоятельств, то они, по мнению комиссии, не могут изменять доказанную уже степень его вины. О сознании же Петрашевского в писании на оловянной кружке и на стенах в саду комиссия сообщила на усмотрение коменданта.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит, что подсудимый, титулярный советник Буташевич-Петрашевский, предполагая произвести реформу быта общественного в России, раздавал с 1844 года для

чтения своим знакомым запрещенные в России книги; покушался поселять несогласные с духом правительства мысли в юношестве частью посредством знакомых ему, Петрашевскому, учителей, частью возбуждением подобных мыслей в посещавших его иногда воспитанниках императорского Александровского лицея,—где Петрашевский сам воспитывался и куда впоследствии намерен был поступить преподавателем; а в начале 1846 года Петрашевский начал постоянно собирать у себя раз в неделю своих знакомых. В этих собраниях были распространяемы идеи против религии, семейственного быта и правительства; некоторые из участвовавших в сих собраниях говорили речи, отвергая в них православную веру, св. писание вообще и даже самое бытие божие; другие порицали государственные учреждения, высших сановников и священную особу вашего императорского величества; иные изъясняли свои незаконные предположения к освобождению крестьян и перемене судопроизводства. Петрашевский не только допускал у себя всякого рода преступные суждения, но сам принимал в них деятельное участие и направлял их; а в одной из найденных у него речей назвал спасителя Иисуса Христа демагогом, несколько неудачно кончившим свою карьеру. При следствии Петрашевский старался доказать, что его действия не клонились к нарушению общественного спокойствия, и что он намерен был, как он сам выражается, путем мирным достигнуть переворота и встать в главе разумного движения в народе русском. Впрочем он сам сделал сознание в таких поступках, которые ни в каком случае не могут быть истолкованы в его пользу, но обнаруживают злоумышленность в высшей степени. Так, например: при покушении подсудимого поручика Л.-гв. Московского полка Момбелли составить тайное общество с целью «ругать» меры правительства, Петрашевский участвовал в совещаниях по сему предмету; равным образом он присутствовал при объяснении подсудимым дворянином Спешневым средств к произведению общественного переворота. В числе сих средств, между прочим, упомянуто было и о восстании. Когда же другой из подсудимых отставной подпоручик Черносвитов, неоднократно внушая Петрашевскому, как сам он показывает, мысль о цареубийстве, изложил потом и способы к произведению восстания в Сибири и на Урале, то и тут Петрашевский не только не объявил совершенно о злом умысле Черносвитова, но входил с ним по последнему предмету в суждение. Впоследствии, присутствуя на обеде, бывшем в

квартире подсудимого коллежского секретаря Европеуса, Петрашевский в говоренной им речи сказал: «мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо же приговор наш исполнить». Виновность Петрашевского усугубляется еще и тем, что он во время следствия покушался тайным образом склонить к запирательству других подсудимых; употреблял дерзкие выражения в своих объяснениях пред следственною комиссиею и не только не изъявил раскаяния, но сравнивал участь свою и единомышленников с гонениями, претерпенными первыми проповедниками христианства.

А потому военный суд приговорил:

Титулярного советника Буташевича-Петрашевского за злоумышленное покушение произвести реформу быта общественного в России, за участие в совещаниях с подсудимым Момбелли, Спешневым и Львовым о составлении тайного общества с целью произвести восстание и за недонесение о предположениях Черносвитова насчет восстания в Сибири и на Урале и об умысле Черносвитова на цареубийство,—лишить его, Петрашевского, на основании Свода Военных Постановлений, ч. V, кн. I, ст.ст. 142, 169, 170, 171, 172, 177, 197 и 596, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни—расстрелянием.

О дворянине Николае Спешневе.

Подсудимый Спешнев, 28 лет, из дворян Курской губернии, воспитывался в императорском Александровском лицее и слушал лекции в С.-Петербургском университете; но нигде не кончил полного курса и на службе не состоял.

Спешнев, по донесениям агента, обвинялся в том, что был на собрании у подсудимого титулярного советника Петрашевского 18 марта [1]), на котором подсудимый Ястржембский говорил речь о науках в социальном смысле и называл богословие не наукой, а бреднями, вышедшими из монашеских клобуков. Рассуждая о том, имеет ли государство какую-либо цель, Ястржембский говорил, что Российское государство имеет целью подчинить достоинство всех людей, его составляющих, выгоде и пользе одного, и что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло в себе весь род челове-

---

[1]) У Спешнева, по показанию его, есть недвижимое имение в двух уездах Курской губернии, но сколько именно, он не объяснил, и кроме того он имеет в Петербурге собственный дом.

ческий. Речь Ястржембского в этом собрании была усеяна, по словам агента, солью на здешнюю чиноманию, на чины возвышенных классов и на священную особу вашего императорского величества, при чем он называл ваше величество богдыханом, и вообще нападал на все административное.

Других обстоятельств к обвинению Спешнева первоначально в виду не имелось.

Сам Спешнев в первом предварительном своем показании на расспросы следственной комиссии объяснил, что с Петрашевским он знаком со школьной скамьи, потому что воспитывался вместе с ним в императорском Александровском лицее, по выходе откуда взаимные сношения их совершенно прервались, сперва по случаю двухлетней отлучки его, Спешнева, из Петербурга, а потом по случаю четырехлетнего пребывания за границею. По возвращении из-за границы, в июле месяце 1846 года, он, Спешнев, скоро уехал в свое имение и прожил там до декабря, а по прибытии в Петербург возобновил знакомство с бывшими своими товарищами, в том числе и с Петрашевским, посещал его довольно часто в положенный день, по пятницам. Общество, собиравшееся у Петрашевского, не нравилось ему, Спешневу, и казалось как-то грубоватым и необразованным, и он, Спешнев, бывал там только потому, что не имел еще тогда другого знакомства. На вечерах у Петрашевского говорили и спорили о разных предметах и между прочим о системе Фурье и различии ее от других социальных систем; один же раз Петрашевский предлагал ему, Спешневу, изложить на его вечерах или историю философии, или о религиях древности; но так как он, Спешнев, считает эти вопросы немного щекотливыми и вообще не весьма приличным ораторствовать в обществе почти незнакомых людей, то успел уклониться от этого. Сам Петрашевский казался ему, Спешневу, отчасти фурьеристом, но он, Спешнев, не находил в его мышлении большой ясности и последовательности, и никогда не замечал в его разговорах ничего противозаконного; он вообще одержим неодолимою страстью спорить, и поэтому, кажется, ему приятно было собирать к себе спорщиков. Впоследствии, познакомившись с подсудимыми Дебу 1-м и 2-м, Кашкиным и Европеусом, которые весьма нравились ему, он, Спешнев, вовсе перестал ездить к Петрашевскому, так что в настоящем году был у него только один раз, и то более из вежливости.

В этом же показании Спешнев сам объявил об участии своем на обеде, данном 7 апреля в квартире у подсудимого

Европеуса в честь Фурье, объясняя, что он был приглашен туда не как на что-нибудь серьезное, а вообще, как приглашают на пикник или в другое подобное общество, для удовольствия, и что Фурье был более простым предлогом, чтобы только вместе хорошо отобедать. Настроение общества было самое веселое, и подсудимый Ханыков во время обеда вздумал сказать речь, в которой хвалил Фурье и нападал на семейственность. Впрочем он, Спешнев, должен сказать, что и до речи Ханыкова было выпито значительно разного вина, а после еще гораздо больше, так что тут уже было не до речей, и из того, что говорил после Ханыкова подсудимый Ахшарумов, он, Спешнев, не помнит ни одного слова; но этот обед окончательно удостоверяет его, Спешнева, что между фурьеристами не должно быть никакой тайной связи, потому что, когда после значительного количества вина, все присутствовавшие находились несовсем в нормальном положении, то едва ли возможно, чтобы у кого-нибудь из них не вырвалось слово или чего-либо такого, почему бы он, Спешнев, мог заключить о том; к тому же, если бы они составляли партию или тайное общество, то незачем им было приглашать его, Спешнева, явного нефурьериста, не посвященного в их секрет.

Вслед за таковым объяснением Спешнева были рассмотрены опечатанные у него бумаги, из коих, по отзыву статс-секретаря князя Голицына, особенно замечательны следующие:

1) Черновой проект обязательной подписи для вступающего в Русское тайное общество с изъявлением готовности участвовать в бунте вооруженною рукою. Проект сей, писанный рукою самого Спешнева, следующего содержания:

«Я, нижеподписавшийся, добровольно: по здравом размышлении и по собственному желанию поступаю в Русское общество и беру на себя следующие обязанности, которые в точности исполнять буду:

1. Когда Распорядительный комитет общества, сообразив силы общества, обстоятельства и представляющийся случай, решит, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке, т.-е. (что) по извещению от комитета обязываюсь быть в назначенный день, в назначенный час в назначенном мне месте, обязываюсь явиться тогда, и там, вооружившись огнестрельным или холодным оружием, или тем и другим, не щадя себя, принять участие в драке и как только могу споспешествовать успеху восстания.

2. Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества приобретением обществу новых членов. Впрочем, согласно с правилом Русского общества обязываюсь сам лично больше пятерых не афильировать.

3. Афильировать, т.-е. присоединять к обществу новых членов, обязываюсь не наобум, а по строгом соображении, и только таких, в которых я твердо уверен, что они меня не выдадут, если б даже и отступились после от меня; что они исполнят первый пункт и что они действительно желают участвовать в этом тайном обществе. Вследствие чего и обязываюсь с каждого, мною афильированного, взять письменное обязательство, состоящее в том, что он перепишет от слова до слова сии самые условия, которые и я здесь даю, все с первого до последнего слова и подпишет их. Я же, запечатав оное его письменное обязательство, передаю его своему афильятору для доставления в Комитет, тот—своему и так далее. Для сего я и переписываю для себя один экземпляр сих условий и храню его у себя, как форму для афильяции других».

Следующий за сим пункт, означенный цифрою 4, не написан.

2) Письмо на французском языке из Парижа от 24 марта 1847 года от неизвестного лица, в котором оно извещает Спешнева об участии в редакции одного журнала и предлагает помещать те статьи, кои пожелает обнародовать насчет России.

3) Рассуждение в форме речи о религии, в котором опровергается существование бога. В этой же речи, между прочим, Спешнев написал: «Что с тех пор, как стоит наша бедная Россия, в ней всегда и возможен был только один способ словесного распространения—изустный, что для письменного слова всегда была какая-нибудь невозможность. Оттого-то, гг.,—продолжает тут же Спешнев,—так как нам осталось одно изустное слово, то я и намерен пользоваться им без всякого стыда и совести, без всякого зазора, для распространения социализма, атеизма, терроризма, всего, всего доброго на свете и вам советую тоже» [1]).

4) Рассуждение о крепостном состоянии, о необходимости неотлагательного уничтожения его в России и о соста-

---

[1]) Из показаний Спешнева видно, что речь эту он начинал читать в собраниях у подсудимого Петрашевского, но не кончил.

влении общества из лиц, действующих для достижения сей цели.

5) Возмутительное сочинение под заглавием: «Солдатская беседа» [1]).

Так как из сих бумаг по преступности содержания особенно замечательна обязательная подписка для вступающего в Русское тайное общество, то подписка эта немедленно была предъявлена подсудимому Спешневу, который, сознаваясь, что бумага эта написана действительно им собственноручно, показал, что она составлена им, как может припомнить, года 4 тому назад, в то время, когда занимался исследованием о действиях тайных обществ вообще; но что он, Спешнев, ни на что не употреблял этой подписки и никому ее не показывал; хотя же в ней содержится обязательство хранить у себя копию для афильяции других, но она не есть копия, а экскиз, который он составил, как примерную форму для Русского общества, и копии с него ни сам он и никто другой не брал.

Но следственная комиссия, имея в виду сношения Спешнева с Петрашевским и другими арестованными лицами, не находила достаточных уважений принять показание его за истинное и потому полагала [2]), что если Спешнев и при дальнейших расспросах будет упорствовать в сознании, то для доведения его к прямому понятию о важности преступления, в котором он по собственной бумаге обвинялся, наложить на него оковы, на что и было испрошено высочайшее вашего императорского величества разрешение [3]).

Кроме того, следственная комиссия, чтобы более склонить Спешнева к раскаянию и обнаружению всех тех обстоятельств, которые могут вести к разъяснению дела о злоумышленниках, объявила ему 1-й пункт 157 ст. Улож. о Нак. Уголов. и Исправ., на основании коего, когда преступник учинит полное чистосердечное признание и, сверх того, доставлением верных в свое время сведений предупредит исполнение другого злого умысла, то наказание за преступление может не только быть уменьшено в мере, но даже смягчаемо в степени и в самом роде оного [4]).

---

[1]) Содержание этой статьи будет изложено особенно, при объяснении обстоятельства сего дела, в отношении подсудимого поручика Григорьева, которым написана означенная статья.

[2]) Журнал 20 мая 1849 г., № 23.

[3]) Мера эта не была, однакож, приведена в исполнение.

[4]) Журнал 2 июня 1849 г., № 35.

Вследствие сего Спешнев дал показание, в котором, по его словам, заключается раскаяние и истинное признание.

В этом показании Спешнев, доказывая попрежнему, что найденная в бумагах его обязательная подписка на вступление в Русское тайное общество не есть копия, объяснил, что если бы он помнил о существовании этой бумаги, то при первом же расспросе объявил бы прямо, что она найдется у него, и показал бы, в чем дело, но она совершенно изгладилась у него из памяти, и теперь, когда была ему прочитана, и он собственными глазами удостоверился, что она написана им самим, то он, Спешнев, может объяснить существование этой бумаги только тем, что она ускользнула от сожжения, которому он предал много детских опытов или вздорных и глупых бумаг своих прежних лет. Далее Спешнев продолжает, что хотя означенную подписку он может назвать не иначе, как бессмысленною бумагою, так она далека от его теперешних мыслей, но как она найдена у него, написана им и, сколько он видит, на все дело кидает ложный свет, то на нем лежит обязанность стараться спасти невинных, которых на основании этой бумаги подозревают. При этом Спешнев изъявил, что его совесть и честь заставляют его торжественно объявить здесь, что не только никто не знал о существовании у него помянутой бумаги, но и подозревать не мог, что он, Спешнев, никому ее не показывал и даже не мог иметь желания показать, потому что считал ее давно уничтоженною, и, наконец, избегая и тени какой-нибудь двусмысленности в своих словах, он, Спешнев, присовокупляет, что ни этой бумаги, ни другой какой, обязывающей письменно на бунт и вступление в тайное общество, никогда ни с кем не употреблял и не употребил ни клятвенно, ни вообще словесно, ни с кого такого обещания не брал и сам таких обязательств ни письменно, ни словесно не давал [1]). Далее, в этом же показании, Спешнев написал, что он не отказывается и не отвергает, что у него прежде бродили в голове разные вздорные мысли о каком-нибудь тайном обществе, но его счастье, что это было уже довольно давно, и что он от таких мыслей отделался и никогда не приводил их в исполнение. Самая история тайных обществ, которую он мог исследовать только прибли-

---

[1]) В бумагах прочих обвиняемых по сему делу лиц копии обязательной подписки, найденной у подсудимого Спешнева, ни у кого не оказалось, и при расспросах тех из них, которые имели с Спешневым более близкие сношения, они отозвались, что вовсе не знали о существовании этой бумаги.

зительно, потому что полных сведений об этом предмете в печати нет, привела его, однакож, к следующим заключениям: 1) что тайное общество есть пустое составление слов, потому что тайна может быть у одного лица, а не у многих; 2) что тайное общество может существовать только там, где или совсем нет общей полиции, или она очень дурно устроена и ничего не делает, и 3) что тайные общества никогда ни к чему не приводили полезному и даже просто к успешному, а если изредка бывал успех, то он зависел от посторонних обстоятельств и всегда был минутный, повлекавший за собою всегда более или менее бедственную эпоху для страны. Он, Спешнев, знает только одно тайное общество, которое успело в своем предприятии, и то не посредством бунта; это именно общество христианское, долгое существование которого он относит к тому, что в тогдашних государствах почти не было полиции. Притом же социальные теории, которые он, Спешнев, стал изучать в то же время и впоследствии, окончательно убедили его в ничтожности и бесполезности так называемых либеральных идей и во вреде бунтов и восстаний и отклонили мысли его совсем в другую сторону. При этом Спешнев, объясняя, что в виду своей несчастной матери и, может быть, других любимых особ, которым смерть его будет тоже смертью, он должен постараться оправдать несколько самого себя, присовокупил, что найденный у него акт есть предосудительный и преступный, и единственное оправдание его, Спешнева, состоит в том, что такие мысли и намерения он никогда не приводил в исполнение и не основывал тайного общества ни вообще, ни на бунт, и сам не связан никакими обязательствами, что в таких мыслях он переменился, и ничего от них у него не осталось, исключая раскаяния и стыда, что когда-либо он мог иметь такие вредные, преступные и безрассудные мысли, и что если бы у него была будущность, то он, Спешнев, делами доказал бы искренность своих слов.

После сего подсудимый Спешнев, при новых расспросах в следственной комиссии насчет найденных у него других бумаг, показал, что, желая исполнить свой долг и показать истину, он решился уже на это, и прежде только вела его еще некоторая жалость к людям, с которыми он ничем не связан, ни даже каким-либо особым обетом молчания. В такой борьбе раскаяния, желания сказать всю истину и жалости он, Спешнев, писал последнее свое показание. Тогда он решился показывать истину, но только на заданный вопрос;

предоставляя случаю, что если его не спросят прямо о том или другом, так он ничего и не скажет. Таким образом ему, Спешневу, приходилось умалчивать пока о том, что более или менее ему известно, исключая найденного у него акта обязательной подписки, о чем он показал всю истину; только он, Спешнев, сожалеет, что употребил несколько несправедливых слов в прежнем своем показании, и именно, что социализм окончательно отвел его от таких мыслей, или что назад тому 4 года был последний срок, когда он, Спешнев, занимался такими вздорными мыслями. При этом Спешнев просил дать ему дня два или три срока, присовокупляя, что он твердо исполнит свое намерение и расскажет все, что знает и про себя и про других.

Через пять дней после того Спешнев написал показание, в котором изложил следующее:

Во время проживания за границею он, Спешнев, познакомился в Дрездене с одним молодым поляком, Хоецким, который служил сперва в Варшаве по Театральной дирекции, и которого некоторые из его соотечественников считали за агента русского правительства. Хоецкий хотел ехать в Париж и основать там типографию, а когда он, Спешнев, собирался ехать в Россию, то Хоецкий просил его: не может ли он написать «Историю России» и прислать ему для напечатания, потому что русских за границею было много, и книги о России раскупались сильно; также просил, что ежели есть в Петербурге какие-нибудь запрещенные сочинения, которые ходят по рукам, то переслать ему. Он, Спешнев, согласился на это; но, приехав в Россию, раздумал, истории не писал ни одной страницы, а сочинений, ходящих по рукам, никаких не видал. В первые месяцы по возвращении из-за границы он, Спешнев, вел переписку с Хоецким, но вскоре прекратил ее и уже два года не знает, что сталось с этим человеком. Вот первое предосудительное намерение его, Спешнева, не приведенное, впрочем, в исполнение; оно оставило в нем мысль о возможности печатания за границею.

По приезде в Петербург он, Спешнев, возобновил в 1847 году знакомство с подсудимым Петрашевским и хотя редко, но бывал у него на вечерах по пятницам. Он, Спешнев, не думает, чтобы тогда и вообще до начала 1849 года было бы у Петрашевского какое-нибудь тайное общество, но он первый и сам собою завел у себя: во-первых, сходки, т.-е. положенный день, когда сходились его знакомые раз-

говаривать и спорить, и, во-вторых, библиотеку. Петрашевский брался доставать и действительно доставал всякую книгу, которую захотят. Надо было внести известную сумму денег (кажется, не менее 15 и не более 30 р. сер.), и на эту сумму вместе доставал он книги. Книги эти не принадлежали никому, но зато каждый из акционеров имел право читать их все. Книги были различного содержания, и за 3 года, в которые это делалось, книг набралось довольно много. В то время было мало запрещенных книг, и те легко было доставать. Акционерами были не все, иным было затруднительно жертвовать и 20 р. сер., другим Петрашевский не предлагал. Перед открытием навигации акционеры сходились в одну из пятниц, Петрашевский приносил все новые каталоги и по ним выбирали книги на всю сумму. Эта библиотека и была главною заманкою посещать Петрашевского. Кажется, что как принимать у себя, так и библиотеку зачал Петрашевский с 1845 года. Обязательности же как посещать его, так и участвовать в библиотеке никакой не было, и каждый мог прекратить и то и другое, когда ему заблагорассудится; оттого-то и происходило, что в продолжение всего времени, как это существовало, ни число лиц, посещавших Петрашевского или участвовавших в его библиотеке, не было постоянно одно и то же, ни самые эти лица не были одни и те же. Разумеется, что у Петрашевского, как и у всякого другого, было каких-нибудь пять-шесть знакомых, которые посещали его с самого начала и до последнего времени, а в библиотеке едва ли кто, кроме его самого, участвовал с начала до конца. Сам Петрашевский был тогда в таких мыслях, что нужна собственно одна реформа — это «открытое судопроизводство»,— что об этом надобно говорить и доказывать людям, потому что они не то, чтобы не хотели, а просто не знают, что им нужно; что когда все убедятся в пользе открытого судопроизводства, то правительство его непременно даст, а в крайнем случае, если б не захотело, то можно будет подать просьбу, которую подпишут многие, и тогда непременно дадут. Оттого и учредил он сходки, думая, что у всякого, кто у него побывает хоть с год, мысли уяснятся, и он увидит пользу и сообщаться с другими мыслями своими и пользу открытого судопроизводства, что если он эти сходки будет продолжать долго, то много народу перейдет через его салон, даже и таких, которые после будут в высших должностях.

В 1848 году внешние события произвели известное брожение как в голове его, Спешнева, так и в головах всех молодых людей, которых он видал; только и был разговор о заграничных новостях. Сходки у Петрашевского продолжались, но кроме журнальных вестей, ни о чем уж не говорилось. В мае месяце он, Спешнев, уехал в деревню и прожил там все лето; по возвращении же в С.-Петербург опять стал бывать у Петрашевского и по просьбе его, в октябре месяце, начал было излагать у него на собрании религиозный вопрос и прочитал только одну лекцию, которая показалась, кажется, и суха и коротка, так что он не решался уже более распространять своих иррелигиозных идей и предпочел лучше совсем не делать более изложений, а писать для себя. Затем, до ноября месяца, сколько ему, Спешневу, известно, других сходок или таких разговорных обществ, как у Петрашевского, не было. В ноябре же или в конце октября мысль о таких разговорных обществах стала нравиться другим, которым почему-либо не нравилось общество Петрашевского, и они вознамерились перестать посещать его и открыть свой салон. Так пришли к нему, Спешневу, в одно время Плещеев и Достоевский и сказали, что им хотелось бы сходиться с своими знакомыми в другом месте, а не у Петрашевского, где и скучно, и ни о чем не говорят, как о предметах ученых, и люди почти не знакомы, да и страшно сказать слово; что будут они приглашать только тех из своих знакомых, в которых уверены, что они не шпионы, и что он, Спешнев, может то же делать. Это общество иначе он не может назвать, как от страха перед полицией. Мысль о ней родилась у людей робких, которые желали просто разговаривать, но боялись, что им за каждое слово может достаться. Предположено было, впрочем, и читать, когда что будет, но все вещи беллетристические. В другой раз подсудимый Ханыков привел к нему, Спешневу, братьев Дебу, и они также говорили ему, Спешневу, что им общество Петрашевского не нравится, оттого что там тон очень бурный и говорят обо всем, а они не намерены и не обязаны отвечать за других: при этом они объявили, что зимою будет принимать у себя своих знакомых один молодой человек, их знакомый, Кашкин, и предложили ему, Спешневу, посещать это общество, сказав, что там будут спорить и говорить о фурьеризме, потому что изложений никто не способен делать, и что ничего другого они не хотят, как провести вечер весело и поспорить о фурьеризме. И действительно, они чистые фурьеристы и

политического ничего не́ думают и не замышляют. Через несколько дней он, Спешнев, был в этом обществе и познакомился с подсудимыми Кашкиным и Европеусом. Все такие сходки трех, четырех или пяти лиц, которые сходились с намерением бывать где-нибудь вместе, звались громким именем комитета, хотя, впрочем, в этих комитетах решительно ничего не делалось, никем он не распоряжался и обязательного ничего не было, так что каждый всякую минуту мог перестать бывать и в обществе и прервать всякие с ним сношения. Впрочем он, Спешнев, никакой обязательности никогда и не допустил бы, не желая никак быть связан ни с кем; он всегда старался резко выставлять этот вопрос, и когда уверялся, что остается совершенно свободным, и что это простое приглашение, то и соглашался посещать то или другое общество. Везде он, Спешнев, был вроде почетного гостя, и оттого всегда его приглашали, зная, что он социалист, а социализм был в моде в этом обществе. Притом же он, Спешнев, вернулся не так давно из-за границы, имел способность прихвастнуть иногда, имел сам некоторый запас сведений и вообще должен был казаться очень интересным. Сверх того, он стоял посреди означенных лиц совершенно самостоятельно, ни в ком не нуждался, тогда как иные в нем нуждались; говорил мало, проводил бо́льшую часть времени у себя за книгами и должен был казаться таинственным человеком; бывал иногда резок на слова, так что перед ним не скрывались, и успевал узнавать все задние мысли, чтобы самому узнать, с кем он состоит в сношениях.

Впрочем как салон Кашкина, так и Плещеева имели очень эфемерное существование, каких-нибудь месяца два. У Плещеева он, Спешнев, был раза два, но разговор там был самый ничтожный. В один же вечер он, Спешнев, вспомнив прежнюю свою мысль о возможности печатать за границей и о том, что запрещенных книг много приходит или приходило в Россию, и что если б были сочинения, то есть возможность печатать и вне России, а уж книги будут приходить сами собою, объявил об этом у Плещеева при нем самом и других. Все они были известны ему, Спешневу, как бедные литераторы, и беспрерывные жалобы их на строгость цензуры вызвали его на дерзкое намерение. Тогда он, Спешнев, говорил им, что возьмется напечатать, пусть только пишут и прямо присылают к нему. Такое предложение очень смутило всех, и они сказали, что посмотрят,

и если до осени не пришлют ничего, так значит, что не хотят; да и сам он, Спешнев, не знал, как исполнить это намерение, потому что сношений у него в то время с заграницей решительно уж никаких не было, и впоследствии оставил свое намерение; а так как никто не прислал к нему ничего, то более об этом и говорено не было. У подсудимого Кашкина собирались большею частью молодые люди очень хорошего тона; разговор там бывал, как во всяком хорошем обществе, спорили о фурьеризме, и ни одной резкости он, Спешнев, никогда не слыхал. Тут тоже заведена была библиотека, в которую, кроме сочинений Фурье, куплены были сочинения всех политико-экономов и все позволенные.

Объяснив таким образом об участии своем в собраниях у подсудимых: Петрашевского, Кашкина и Плещеева, подсудимый Спешнев добровольно, в виде чистосердечного признания, открыл, что, познакомившись у Петрашевского с подсудимым Черносвитовым, он имел с ними совещание насчет способов к произведению восстания в Сибири [1]).

В этом же показании подсудимый Спешнев объявил и об участии своем в совещаниях, происходивших по предложению подсудимого поручика Момбелли об учреждении особого товарищества для взаимной друг другу помощи.

Об этом Спешнев объяснил следующее:

В декабре месяце 1848 года в одну из пятниц, когда он, Спешнев, был у Петрашевского, сей последний просил его остаться попозже, сказав, что Момбелли хочет о чем-то переговорить с ним. Под конец же вечера, когда он, Спешнев, Петрашевский и Момбелли остались втроем, Петрашевский позвал их к себе в кабинет и напомнил Момбелли, что он хотел о чем-то говорить. Тогда Момбелли начал соглашать его, Спешнева, и Петрашевского устроить товарищество из людей просвещенных и с передовыми понятиями для того, чтобы поддерживать и возвышать друг друга, говорить хорошо друг про друга и даже помогать один другому деньгами или складываться и пускать капитал в оборот. При этом на вопрос Момбелли: как он об этом думает? он, Спешнев, отвечал, что не может сказать об этом положительного мнения, а Петрашевский отозвался, что он фурье-

---

1) Об этом предмете изложено уже выше, при описании обстоятельств сего дела, касающихся подсудимого Петрашевского, и будет сказано еще подробнее при объяснении действий подсудимого Черносвитова.

рист и потому знает пользу всякой ассоциации и не видит в этом никакой предосудительной цели. Вследствие сделанного затем поручиком Момбелли предложения, чтобы каждый из них пригласил надежного друга для обсуждения его мыслей, Петрашевский сказал, что он пригласил уже его, Спешнева, и что очередь за Момбелли, который при этом и назвал подсудимого Львова; когда же он, Спешнев, объявил, что он решительно никого не имеет и полагается только на себя, то Петрашевский сказал, что он избирает подсудимого Дебу 1-го. Не подозревая в этом никакой стачки между подсудимыми Момбелли и Петрашевским, он, Спешнев, подумал, однакож, что Момбелли не совсем высказывается, что за ним стоит общество и он хочет завлечь его, Спешнева, и Петрашевского. Тогда он, Спешнев, стал говорить о затруднительности выставленной цели, но Момбелли прибавил, что, кроме авторитета и денежной выгоды, можно будет доставлять друг другу хорошие места, и что приманка всего этого так сильна, что в такое товарищество наберется очень много людей. После того они сговорились через день сойтись всем пятерым у Петрашевского и в назначенный день собрались у него, кроме подсудимого Дебу, которого Петрашевский не успел пригласить; при чем хотя предложено было начать суждение вчетвером, но Петрашевский отозвался, что он, как фурьерист, верит в число трех или еще лучше пяти, или семи, что притом ему некогда, что он живет далеко и никогда дома не бывает, и предлагал собраться у него, Спешнева. Вследствие сего, чрез несколько дней пришли к нему, Спешневу, Петрашевский с Дебу 1-м, а Момбелли с Львовым; здесь Момбелли снова разъяснил свою мысль и, указывая на выгоды такой солидарности или товарищества, предлагал сделать денежное пожертвование, хотя самое небольшое, больше для узнания числа членов, что таким образом составится капитал, который можно выгодно пускать в оборот. На вопрос же его, Спешнева, кто же будет собирать деньги и пускать их в оборот, Момбелли отвечал, что будет касса и, разумеется, будет комитет, составленный из основателей общества, например, хотя из них пятерых. На другой потом вопрос—кто будет приглашаться в это общество, Момбелли сказал, что, во-первых, социалисты вообще, а потом люди вообще с передовыми мнениями. «Т.-е. республиканцы и конституционные?»—спросил он, Спешнев.—«Ну, да, пожалуй,—отвечал Момбелли,—только конституционных не надо допускать в комитет». Тогда он, Спешнев, ясно увидел, в чем было

дело, и при общем споре стал думать, как бы разойтись с ними и, выставив вопрос о цели, сделал его спорным. Это, кажется, несколько смутило всех, стали говорить, что цель уже объяснена, но он, Спешнев, объявил, что не верит в возможность такой цели. Когда же стали спрашивать его, на что он полагает такую важность в этом вопросе, то он, Спешнев, вновь повторил, что вопрос этот самый важный, и что на цели он может быть никогда и не сойдется с ними. Тогда положено было обсудить означенный вопрос и отложить совещания до следующего раза; он же, Спешнев, желая узнать, для какой именно цели начались означенные совещания, нарочно ездил к Петрашевскому и спрашивал его, что если хотят бунта, то надо говорить чисто; однако Петрашевский ничего не сказал. Все это сильно волновало его, Спешнева, и в продолжение недели, до назначенного у него собрания, он был в весьма мрачном расположении духа. Мысли о тайных обществах, о чем он, Спешнев, выше объяснил, суть его искренние, но он снова стал думать о том и в самый тот день, когда хотели у него собраться для совещаний, накидал на бумаге сумасбродный план тайного общества. План этот он на другой же день сжег, но в сущности этот план был следующий: что есть три внеправительственных пути действия — иезуитский, пропагандный и восстанием; что каждый из них не верен, и оттого больше шансов, если взять все три дороги, что для этого надобно один центральный комитет, которого занятие будет состоять в создании частных: комитета товарищества для устройства школ пропаганды фурьеристской, коммунистской и либеральной и, наконец, комитет для создания позади этого всего тайного общества на восстание. Он, Спешнев, еще не успел дописать всего, как уже начали сходиться к нему. В тот вечер Момбелли читал речь об откровенности и при этом упомянул про смерть изменнику; Львов излагал формы общества вообще и наконец, он, Спешнев, прочитал свой план о тайном обществе и первый произнес слово: «восстание», около которого все они вертелись. Споров при этом было мало; Петрашевский тоже хотел что-то читать, и для слушания его назначен был особый день. После того было еще одно собрание у него, Спешнева, на котором Петрашевский читал речь о необходимости образования системы Фурье и говорил про практичность и осторожность, а Дебу 1-й говорил о несогласии своем с прежними мнениями и особенно с предложением его, Спешнева. Тогда и он,

Спешнев, желая развязаться с этим преступным предприятием, сам решился не соглашаться ни на что, и затем совещания у него, Спешнева, прекратились без всяких дальнейших последствий. Недели же две спустя, Петрашевский приглашал еще раз Дебу приехать к Момбелли и пригласить его, Спешнева, но он, Спешнев, резко от того отказался, что сделал также и Дебу. В том же декабре месяце подсудимые Кашкин и Плещеев перестали принимать у себя, и он, Спешнев, перестал также ездить и к Петрашевскому, который однакож изредка заходил к нему, и раза два был у него и Момбелли, но уж ни слова более о вышеизложенном не было, так что он, Спешнев, перестал после придавать всему этому важность. В марте месяце 1849 г. начались собрания у подсудимого Дурова. Он, Спешнев, был приглашен туда, когда кружок этот уже состоялся; ему сказали, что вечера эти будут просто литературно-музыкальные, и он, Спешнев, заметив там у некоторых озлобление против Петрашевского, думал, что это собственно принято против него. Сначала там, кроме музыки и пустых разговоров, ничего не было, а потом один из посетителей, Милюков [1]), предложил, что «хорошо бы меняться мыслями, и что нет ли способа распространять мысли свои на других»; говорили о типографии, о литографии, о переписывании, но не решились ни на что. Посещавшие кружок Дурова совершенно неожиданно для него, Спешнева, собрались один раз к нему на обед; при чем подсудимый поручик Григорьев прочитал свое сочинение под заглавием: «Солдатская беседа»; тогда он, Спешнев, объявил, что у себя более принимать не может, и, кроме этого обеда, трех вышепоказанных собраний по случаю предложения, сделанного поручиком Момбелли о составе товарищества, и еще одного вечера, на котором Тимковский читал свой перевод сочинения Кантагреля «Le fou du Palais Royal»,—других собраний у него, Спешнева, не было.

Под влиянием разговоров в обществе Дурова он, Спешнев, решился было устроить у себя типографию и упросил подсудимого Филиппова заказать разные части типографского станка. Впрочем, как и всегда, едва приступил к исполнению худого намерения, стал раздумывать и старался только получить от Филиппова все вещи, чтобы они не оставались в его руках.

---

[1]) Прикосновенный к этому делу и, по представлению следственной комиссии, освобожденный за маловинностью из-под ареста.

В заключение означенного своего показания подсудимый Спешнев написал:

«Теперь я исполнил свой долг. Вот моя полная исповедь. Я виноват, и меня следует наказать».

По прочтении сего показания следственная комиссия, не доверяя отзыву Спешнева насчет найденной у него обязательной подписки на вступление в Русское тайное общество, вновь требовала от него показания не в виде ответа на формальный вопрос, но в виде полного и чистосердечного объяснения обо всем, что относится к этому предмету, поставляя при этом Спешневу на вид, что прежний отзыв его, что он никому означенной подписки не показывал, может быть относился только до настоящего времени, и что трудно положить, чтобы в то время, когда он составлял ту подписку, он ни с кем о ней не говорил, и чтобы она могла быть составлена отдельно, не только без дальнейших последствий, но и без предыдущего соотношения.

На этот вопрос Спешнев объяснил, что в бытность за границей в Дрездене во второй половине 1845 года он писал рассуждение о тайных обществах и наилучшей организации тайного общества применительно к России. Сочинение это было им уничтожено пред. возвращением в Россию, исключая одного, забытого им и найденного в его бумагах, листка, на котором написан неоконченный черновой проект означенной обязательной подписки. В то время он, Спешнев, только что изучил всю первоначальную историю христианства; его поразило тогда мировое влияние и совершенный успех этого древнего тайного общества, и он стал думать о создании такого общества, но чувствовал, что мы живем в другом мире и другом веке, чем первые христиане, и что условия тоже должны быть другие. Тогда он обратился ко всему, что мог достать о новейших тайных обществах; все это было очень не полно, и он стал писать рассуждение о тайных обществах вообще, чтобы собственным соображением дополнить недостаток источников. Сочинение это он делил на четыре главы: в первой подробно излагалось о школе Ессейской и о возрастании первоначального христианского общества; во второй—история некоторых новейших тайных обществ; в третьей—различие действия христианского общества от тайных, причины этого, и почему именно многие из тайных обществ попались и не успели. В четвертой главе должна была содержаться наилучшая организация тайного общества, применительно к России. На этой главе он остано-

вился. России он вообще не знал, да и никак не мог придумать такой организации, чтобы совсем не попасться, помнит только, что пока он писал три первые главы, в голове у него все была будущая четвертая глава, как собственно главная и для него не разрешенная. Тогда он имел привычку схватить первый попавшийся ему лоскуток бумаги и записывать на нем большею частью подробно и отчетливо то, что ему пригодится только еще на будущих листах, а потом переносить уже в текст, когда дойдет очередь. Означенная подписка есть один из подобных летучих листков, которые он обыкновенно раздирал, когда переносил их в текст. Сочинение это осталось неоконченным, и он, Спешнев, стал заниматься другим, именно социализмом, незадолго же перед отъездом своим в Россию он уничтожил и рассуждение о тайных обществах и несколько других начатых им сочинений. Помянутая подписка ускользнула, забилась ли она посреди писем и других бумаг, которые он привез с собою, только об ее существовании он, Спешнев, совершенно позабыл, и то, что она не кончена, и то, что разделена на пункты, узнал только от комиссии, а то не преминул бы этим воспользоваться, когда старался доказать, что подписка эта есть оригинал, а не копия. Ни самого сочинения, ни подписки он решительно никому и никогда не показывал, и только он один во всем мире может дать об этой бумаге объяснение.

Спрошенный против показания Спешнева, в отношении преступных разговоров подсудимого Черносвитова, подсудимый титулярный советник Петрашевский вполне подтвердил означенное показание Спешнева.

Напротив, подсудимый Черносвитов, не сознаваясь против показания Спешнева, что он имел с ним и Петрашевским совещания о способах к произведению восстания в Сибири, объяснил, что прежде того он рассказывал Спешневу и Петрашевскому о частном бунте, бывшем в Оренбургской и Пермской губерниях в то время, когда он служил там исправником, и при этом мог сказать и о восстании в Сибири, как о следствии того бунта, если бы он не был во-время прекращен. Но что об этом он, Черносвитов, говорил только в смысле возможности и плана для действий не предлагал; Спешнев же, при рассказе об этом у Петрашевского, начав разговор о возмущении в Сибири, сказал: «вот где должна будет начаться будущая революция России», и он же, Спешнев, высказал потом мысль о пути мятежа на низовые губер-

нии, как следствие восстания Урала, называя это пугачевским путем.

Такое показание Черносвитов утвердил и на очной ставке с подсудимым Спешневым, который также подтвердил вполне свое показание, присовокупив, что Черносвитов точно не не приглашал приступать к действию по рассказанному им плану и говорил это в смысле возможности.

В отношении происходивших в квартире Спешнева тайных совещаний, по предложению подсудимого поручика Момбелли, об учреждении товарищества как сам Момбелли, так и подсудимые Петрашевский, Львов и Дебу 1-й подтвердили в главных чертах показание об этом Спешнева; при чем Петрашевский объяснил, что предложенное поручиком Момбелли товарищество не состоялось потому именно, что Спешневым был предложен бунт.

Подсудимые же Момбелли, Львов и Дебу 1-й на вопрос об этом обстоятельстве отозвались: Момбелли,—что предполагаемое им общество не состоялось, потому что никто с ним не согласился и мысли его не понял, а Львов и Дебу,—что общество не состоялось по разногласию в мнениях при совещании.

Сам же подсудимый Спешнев против этого показал, что он сомневается, чтобы предложение его было причиною того, что товарищество не состоялось потому: во-первых, что когда он, Спешнев, предложил, между прочим, создать тайное общество, готовящееся на восстание, то о самом этом факте, т.-е. о том, создавать ли это, или нет,—споров никаких не было; один только Дебу в следующее собрание сказал вообще, «что он с ним, Спешневым, не согласен». Во-вторых, зачем собирались к нему, Спешневу, после того и тогда, как он на всем спорил, зачем старались всячески не разойтись с ним, и, наконец, в-третьих, что недели через две после прекращения совещаний присылали опять за ним. Впрочем, в таком важном вопросе он, Спешнев, не хочет никого обвинять опрометчиво; его сомнение есть только его личное мнение. Может быть, действительно испугались его предложения, но не хотели только показать этого и скрыли от него из ложного стыда, что если собирались к нему после, так только для того, чтобы замять его предложение, а если звали к себе, то может быть для его же блага, чтобы убедить его, Спешнева, отстать от таких мыслей.

Показание Спешнева о существовании собраний у подсудимых Плещеева, Кашкина и Дурова и о характере сих

собраний тоже подтвердилось как собственным признанием помянутых подсудимых и прочих лиц, поименованных Спешневым, так и по расспросам других обвиняемых, которые также участвовали в тех собраниях. Из них студент Филиппов объяснил, что не подсудимый Спешнев, а сам он, Филиппов, хотел устроить домашнюю типографию, и что Спешнев содействовал ему в этом только средствами и взял к себе на сохранение заказанные вещи. Но Спешнев и после сего утвердил, что мысль о заведении типографии принадлежит именно ему, Спешневу, и что Филиппов напрасно в этом случае берет на себя вину.

В числе бумаг Спешнева, между прочим, оказались еще три письма к нему из Ревеля от подсудимого титулярного советника Тимковского, в коих Тимковский, между прочим, уведомляя Спешнева, что он занимается, много работает и устроил в Ревеле два кружка для изучения фурьеризма, спрашивал, не приехал ли Данилевский? и писал, что Беклемишев с своей стороны написал ряд писем к помещикам. При этом Тимковский, требуя ответа на свои письма, прибавил: «на кого же полагаться, если мы не можем положиться на нас троих позднее, а теперь на двух» [1]).

Об этих письмах Спешнев показал, что с Тимковским он был знаком и видался всего один месяц в жизни, при чем они часто разговаривали о системе Фурье, так как Тимковский изучал эту систему. Тогда он, Спешнев, изъявлял Тимковскому свое сожаление, что не может познакомить с ним Данилевского, который основательно знает систему Фурье и уезжал тогда из Петербурга, и как при этом разговоре они условились, по возвращении Данилевского, втроем рассмотреть окончательно этот предмет, то Тимковский, который собирался говорить везде открыто о фурьеризме, писал по этому поводу к нему, Спешневу, письма и, между прочим, спрашивал о Данилевском. Данилевского же он, Спешнев, после того вовсе не видал, и означенный разговор с Тимковским остался без последствий.

Это подтвердил и подсудимый Тимковский, объясняя, что Данилевского он лично не знает.

На особые вопросы следственной комиссии относительно своих политических убеждений и способов их осуществле-

---

[1]) Названные в письмах Тимковского Данилевский и Беклемишев, оба прикосновенные к сему делу и содержались под арестом, но за маловинностью освобождены: Беклемишев по представлению следственной комиссии, а Данилевский по ходатайству Военно-судной комиссии.

ния Спешнев показал, что он всегда думал и думает, что всегда была, есть и будет возможность устроить общество так, чтобы все наслаждались известною степенью благосостояния, смотря по возможности, и чтобы всякий пользовался известной свободою настолько, насколько это не препятствует действию правительства и не вредно для других членов общества, что, по мнению его, Спешнева, пред лицом правительства или верховной власти все подданные должны быть равны, и что существование всякого привилегированного сословия в народе есть двойная дерзость в отношении к верховной власти и к остальным подданным.

Относительно самого устройства верховной власти, он, Спешнев, не имел положительных убеждений. Прежде, когда был моложе, он, Спешнев, считал, что представительные правления лучше непредставительных, но после убедился, что для народа важно только, чтоб правительство было у него хорошее, социальное, и что это зависит не от той или другой формы, а от того, кто наполняет эти формы, и как действует правительство. Бо́льшую часть своих политических убеждений он, Спешнев, видел более или менее приненными к России; он желал только уравнения в правах крепостного сословия с другими, или, по крайней мере, улучшения благосостояния этого сословия и вообще сильнейшее развитие образованности в народе; но он думал, что правительство идет по этому пути. Когда в 1848 году он услыхал, что этот вопрос отложен, то ему казалось, что откладывать этот вопрос значит добровольно подготовить в России единственный возможный предмет народного восстания, в котором погибнет вековой труд Петра Великого и его преемников. Оттого хотел он у себя в имении сделать все, что можно, уговаривать всех делать то же, написать сочинения об этом предмете, основать с дозволения правительства общество эманципаторов и писать и печатать народные книги; но ничего не успел привести в исполнение.

К сему Спешнев присовокупил, что было время, и недавно, когда он, придерживаясь вышеозначенных общих черт политической системы, был, сверх того, еще и социалистом. Он думал, что для общей пользы правительство, кроме того, что оно заведывает, например, законодательством, правосудием, администрацией и пр., должно также заведывать и промышленностью, и если не всею, то, по крайней мере, необходимейшим, например, земледелием, и тем обеспечивать пропитание всех. Сверх того, как одно из прав правительства,

он считает право владения всем пространством земли в государстве (территорией). Но вопрос этот имеет важность в государствах, переполненных народонаселением, а для России он пока еще долго не будет важен. Для достижения своей цели он, Спешнев, ни с кем не мог условливаться потому, что ясной цели у него самого не было. Он был человек еще не установившийся, еще работающий, изучающий, и система его только постепенно складывалась, изменялась в подробностях и уяснялась для него самого. Все, что он знает и считает истинным, он постоянно имел желание сообщать другим, т.-е. всегда желал распространять всякую истину, которую считал полезною. Направлением же своим он обязан своим убеждениям, а убеждения свои приобретал только прилежным изучением сочинений других и потом собственным соображением и умозаключением. Таким образом он начал быть либералом вследствие чтения сочинений французских историков, вскоре по выходе из лицея, а потом он почти ничего другого не читал, кроме сочинений политико-экономов и социалистов разных школ, и тогда стал социалистом.

При спросе в военном суде подсудимый Спешнев подтвердил прежние свои показания, объясняя, что ничего более прибавить к ним не имеет.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит неслужащего дворянина Николая Спешнева виновным в том, что он в бытность в 1845 году за границею, решившись изложить предположения к составлению тайного общества в России, написал проект обязательной подписки для членов этого общества. В этом проекте, хотя еще и неоконченном, изложено однакож обязательство не только принимать других в члены тайного общества, но споспешествовать восстанию и участвовать вооруженною рукою в бунте. Были ли попытки к составлению подобных обществ, не открыто, и других по сему предмету актов, кроме означенной подписки в бумагах Спешнева, не оказалось; сам же Спешнев показывает, что, составляя историю тайных обществ вообще, он думал о тайном обществе и в России и тогда написал вышепомянутую подписку, но впоследствии начатую им историю уничтожил и к составлению общества не приступал. В какой степени справедлив этот отзыв, доказательств по делу не представляется, между тем действия подсудимого Спешнева по возвращении в Россию обнару-

живают в нем направление злоумышленное. Спешнев в собраниях Петрашевского (кому он товарищ по Лицею) высказал в говоренной речи желание распространить в России социализм, атеизм и терроризм и отвергал бытие божие; потом в собрании у подсудимого дворянина Плещеева предлагал печатать за границею запрещенные в России книги, на вечере у подсудимого Дурова совещался о заведении, с упомянутою целью, домашней литографии и, наконец, решился для распространения сочинений против правительства учредить тайно у себя в доме типографию, для чего уже и были приобретены им некоторые материалы. Между тем в собрании у себя допустил подсудимого поручика Григорьева читать сочинение под заглавием «Солдатская беседа», написанное Григорьевым с целью возмутительною и употреблением крайне дерзких выражений о священной особе вашего императорского величества. После сего Спешнев присутствовал на обеде, бывшем в квартире подсудимого Европеуса, когда там произнесены были речи против религии и общественного порядка. Независимо от этого подсудимый Спешнев, по собственному его добровольному при следствии сознанию, оказывается еще виновным в том, что участвовал с подсудимыми поручиком Момбелли, Петрашевским и Львовым в совещаниях о составлении тайного общества, и сам, изложив способы к действию общества, предполагал впоследствии произвести и восстание, а с подсудимым отставным подпоручиком Черносвитовым он, Спешнев, имел рассуждение о средствах к восстанию в Сибири и на Урале. Сознание в этих преступных действиях сделано Спешневым вследствие предъявленной ему следственной комиссией 157 ст. Улож. о Наказ. Уголов. и Испр., в которой постановлено, что в случае полного чистосердечного признания и доставления верных сведений, могущих предупредить исполнение другого злого умысла, наказание за преступление уменьшается не только в степени, но и в самой мере. А потому военный суд приговорил: дворянина Николая Спешнева за богохуление, за умысел произвести бунт, за покушение к учреждению с этой целью тайного общества, за составление предположений к произведению восстания и за недонесение о слышанных им злоумышленных предположениях подсудимого Черносвитова, о произнесенных подсудимыми Петрашевским, Ахшарумовым и Ханыковым преступных речах о религии и правительстве и в особенности о злоумышленном сочинении подсудимого Григорьева—лишить его, Спешнева,

на основании Свода Военных Постановлений ч. V, кн. I, ст.ст. 142, 174, 176, 177, 178, 179 и 596, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О поручике Л.-ГВ. Московского полка Момбелли.

Поручик Момбелли, 27 лет, из дворян (сын подполковника, находящегося с 1816 года в отставке), воспитывался с 1836 по 1842 год в Дворянском полку, а в августе 1842 года из унтер-офицеров выпущен прапорщиком в означенный полк; произведен в подпоручики в декабре 1844 года, в настоящем чине с декабря 1847 года. Во время состояния в полку получал неоднократно всемилостивейшие пособия, именно: в 1843 году 50 руб., в 1844 году, в три раза, 170 руб., в 1845 году 110 руб., в 1846 году, в два раза, 80 руб., в 1847 году 45 руб. и в 1848 году, в два раза, 95 руб. В декабре 1848 года ему, Момбелли, дано было от полкового командира предписание, что если до наступления 1849 года со стороны его не будет ничего предпринято насчет приискания другого рода службы, то командир полка поставлен будет в необходимость не аттестовать его по формулярному и кондуитному спискам [1]). Потом в марте месяце он, Момбелли, был свидетельствован старшим медиком гвардейской пехоты, и как при свидетельстве оказалось, что он еще слаб и времени выздоровления его определить невозможно, то его императорское высочество наследник цесаревич изволил предполагать уволить его от службы с тем, что когда выздоровеет, то может опять вступить на службу.

По донесениям агента Антонелли, поручик Момбелли был на собраниях у Петрашевского 11, 18 и 25 марта, 1, 15 и 22 апреля 1849 года...

В собрании 11 марта учитель Толль говорил речь о происхождении религии, доказывая, что религия не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что подавляет развитие ума.

В собрании 18 марта Ястржембский говорил речь о науках, объясняя, что все науки, в особенности статистика, прямо показывают на социальное правление как наилучшее. При этом же он восставал на сановников и называл ваше императорское величество богдыханом.

---

1) По каким причинам ему было сделано такое предложение, в предписании не объяснено, но по делу видно, что он в то время рапортовался больным.

В собрании 25 марта говорено о том, каким образом должно восстановлять подведомственные лица против властей.

В собрании 1 апреля говорено о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян. При этом Головинский утверждал, что освобождение крестьян должно занимать первое место, а Петрашевский доказывал, что гораздо безопаснее и ближе достижение улучшений судопроизводства. Момбелли же говорил, что если нельзя думать об освобождении крестьян, то, по крайней мере, священною обязанностью каждого помещика должна быть заботливость об образовании крестьян, заведении у них школ и внушении им о собственном их достоинстве.

В собрании 15 апреля читано письмо Белинского к Гоголю, в котором Белинский в неприличных выражениях говорил о православной религии, а также о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это произвело всеобщий восторг. Кроме того, говорено о перемене судопроизводства и освобождении крестьян; при чем Петрашевский, между прочим, сказал, что нельзя предпринимать никакого восстания без уверенности в совершенном успехе.

В собрании 22 апреля Петрашевский говорил о том, как должны поступать литераторы, чтобы поселять свои идеи в публике. При этом Момбелли на слова одного из бывших на вечере, что литераторы Достоевские и Дуров, посещающие собрания Петрашевского уже три года, могли бы пользоваться книгами и хотя наслышкою образоваться, но они не читали ни одной порядочной книги,—ни Фурье, ни Прудона, ни даже Гельвециуса,—заступился за них и сказал, что не надобно бранить тех литераторов, которые принадлежат к их обществу; что их и то уже большая заслуга в наше время, что они разделяют общие с нами идеи.

В числе бумаг Момбелли, как уведомил статс-секретарь князь Голицын, обращают внимание следующие:

1) Три отдельных листа из политической записки, в разное время им написанной, о римлянах с применением рассуждений его к настоящему положению европейских государств. Листы эти обнаруживают самые преступные мысли в отношении к России и наполнены демагогическими выражениями.

На одном листе некоторые слова из начальных двух строк выскоблены, а потом изложено так:

«О, россияне! Ради бога, опомнитесь, пока еще не все средства истощены, пока еще можно поправить зло: займы у Гопе и К⁰, сравнительно с богатствами России, еще не очень

значительны, хотя огромны. И теперь еще пробегает холодный трепет по жилам при воспоминании о виденном мною кусочке хлеба, которым питаются крестьяне Витебской губернии: мука вовсе не вошла в его состав, он состоит из мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжеле пуху и видом похож на высушенный конский навоз, сильно перемешанный с соломою. Хотя я противник всякого физического наказания, но желал бы чадолюбивого императора в продолжение несколь-ких дней посадить на пищу витебского крестьянина. Как странно устроен свет! Один мерзкий человек—и сколько зла он может делать и по какому праву? Но мои стенания за истину и плач о бедствиях рода человеческого, кажется, не сильнее гласа вопиющего в пустыне; так оставим же на время хищного сокола в покое; пусть он носится на воле и губит мелких пташек, и обратимся к римлянам, счастливым в бедности, умевшим бедность возвысить до добродетели».

Затем описывается характер первых римлян, страсть их к славе, любовь к защищению своей свободы и своих собратий. Потом, упомянув о царствовании Ромула, пишет: «Как фактическое доказательство мудрости Ромула, можно привести то, что при начале царствования его в Риме было жителей 3 тыс., а под конец 47 тыс. Конечно, слово «мудрый» слишком значительно, но все же мне кажется, что сенат римский имел более основания поднести Ромулу прозвание мудрого, чем русский сенат Николаю; первый заботился об общем благе граждан; второй же заботился с дьявольским постоянством об уничтожении блага подданных и об увеличении собственного своего; искусство увеличивать только свое личное благосостояние в ущерб общему в царе никак не может назваться мудростью».

Далее же опять продолжается рассказ о римлянах и оканчивается историею похищения сабинянок [1]).

На других двух листах излагается рассуждение о настоящем положении европейских государств, и потом сказано так: «Ныне идет в Европе борьба между двумя началами, добрым и злым, т.-е. между гражданскою свободою и деспотизмом». Россию и Австрию он именует представителями деспотизма в противоположность Западной Европе. «Вмешательство России в дела Востока,—говорит он,—приблизит разрешение труднейшей задачи новейшего времени:

---

1) Лист этот, как видно, вырван из середины, ибо на нем поставлен № 24, а потом следующие 2 листа имеют № 45 и 46.

что перевесит—начало зла или начало добра, т.-е. деспотизм или гражданская свобода. В войне России с Турциею примет участие вся Европа, и это будет борьба мнений, борьба начал. Кто победит, трудно решить. Если восторжествуют Россия и Австрия (физические силы на их стороне), то абсолютный деспотизм разольется по всей Европе, поглотит всю Европу, и тогда страдания человечества продлятся, может быть, еще на столетия, пока человечество, доведенное до крайней степени отчаяния, не вспомнит о своих правах и средствах. Но зачем допускать дурные мысли, хочу верить в хорошее, отдаю преимущество нравственным силам и надеюсь, что правое дело восторжествует, что страдания человечества скоро прекратятся, заменятся общим благосостоянием и довольством, деспотизм погибнет навеки и люди будут братьями». Под этой запиской Момбелли подписался «Par le citoyen Nicolas».

2) Отдельный листок об образовании государств, с преступными рассуждениями о России. В нем Момбелли, между прочим, пишет, что в России десятки миллионов страдают, тяготятся жизнию, лишены прав человеческих или ради плебейского происхождения своего, или ради ничтожности общественного положения своего, или по недостатку средств существования; зато в то же время, небольшая каста привилегированных счастливцев, нахально смеясь над бедствиями ближних, истощается в изобретении роскошных проявлений мелочного тщеславия и низкого разврата, прикрытого утонченною роскошью.

3) Дневник, в коем заключаются преступные рассуждения о службе. В дневнике этом Момбелли, между прочим, пишет: «Относительно здоровья и во всем другом выгоды тирана совершенно противоположны нашим; например: маневры страшным образом разрушают наше здоровье, а император часто затевает маневры именно для поправления своего здоровья: ему прописали это лекарство Арендт и другие лекаря, как лучшее средство для рассеяния, зная его особенную наклонность к военным экзерсициям. Так и здесь здоровье императора укрепляется насчет разрушения и страдания тысяч».

Далее Момбелли в дневнике своем писал: «что состоящие на военной службе вредят себе прямо и отечеству косвенно, потому что содержание военных сил требует огромных сумм, часть которых могла бы быть употреблена на общественные пользы,—разумеется, если уничтожат достоинство импе-

ратора; в противном случае он, по обыкновению, употребит все на свои прихоти, распорядится по своему капризу... Деспоты, подчиняя служебную жизнь нашу таким диким условиям, руководствовались своими соображениями. Деспотизм враждебен всякому умственному образованию и всякому истинному праву. Поэтому стараются всеми средствами унизить обыкновенных смертных, еще более их поработить, если то еще возможно, действуя беспрерывным страхом».

4) Записная тетрадь 1847, в которой заключаются разные предметы, изложенные вообще в дурном духе. Особенно же отличаются оным статьи о нравственном состоянии России и о возможности возмущения Малороссии, Дона и Польши. Между прочим, рассуждая о Малороссии и образе мыслей тамошних жителей, Момбелли написал: «Сыны Малороссии говорят, что стоит только расшевелить лентяя, так уже трудно будет успокоить их, пока не доберутся до своего и не исполнят, что затеяли. С восстанием же Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно весь Юг и Запад взялся бы за оружие» [1]).

5) Стихи «К друзьям русским» (злоумышленникам 14 декабря 1825 года) сочинения Мицкевича, переведенные с польского самим Момбелли.

6) Копии с писем литератора Гоголя и умершего литератора же Белинского, которые даны были от Момбелли писарю дежурства 3-й гвардейской пехотной бригады Комарову для переписки, и

7) Записки Момбелли, написанные на листе. Из них видно, что у него в 1846 и в начале 1847 года были собрания по понедельникам, и составлялись литературные вечера. Таких собраний было: с 16 сентября 1846 года по январь 1847 года 16 и с 13 января по 24 февраля 1847 года 7. После же 24 февраля отмечено, что собрания прекратились. На листе этом записано, что в какое собрание читано, с означением одних только оглавлений и фамилий лиц, бывших на вечерах. Большая часть статей и почти в каждое собрание были читаны самим Момбелли.

На предварительный расспрос следственной комиссии поручик Момбелли в показании своем изложил следующее:

---

1) Письмо это Момбелли дал писарю для переписки за несколько времени до ареста, после же ареста писарь представил оное своему начальству.

сознавая себя виновным в том, что в продолжение прошлой своей жизни слышал, говорил и писал вещи предосудительные, которые теперь, к несчастью, слишком поздно, представляются ему преступными,—он не может оправдываться: своя собственная совесть его обвиняет. Ухищрения, уловки и отпирательство тут не у места, и главное не в его характере: оправдания он себе не видит иначе как в особой новой милости государя императора. Он не будет силиться оправдывать, чего совесть не оправдывает, но считает необходимым в кратких словах объяснить обстоятельства его жизни, способствовавшие его падению, а также и те ошибочные понятия, те ложные взгляды на вещи, под влиянием которых позволил себе вольности, необдуманные, теперь представляющиеся ему преступлениями. Обязанный всем—и воспитанием и почетным существованием государю императору, своему августейшему шефу, и государю наследнику, и не только лично обязанный всем, но еще и за благодетельствования почти всего своего семейства, из которого получили воспитание в казенных заведениях еще четыре брата и одна из сестер,—он всегда был проникнут чувством особенной признательности, сверх долга обязанности, к императорской фамилии и всегда был, остался бы и останется, что бы впредь с ним ни было, верен присяге, престолу и отечеству. Он мог сделать ошибки и даже по необдуманности впадать в преступления, но сознательно бесчестного поступка никогда неспособен был сделать и в том отношении неповинен. Этим однакож он не намерен уменьшать своих вин, и потому должен сознаться, что не только допускал рассказывать в своем присутствии самые нелепые, самые бессмысленные басни про всех, начиная от бога и кончая крестьянином, но даже и сам подчас их повторял.

С самого выхода его из корпуса, т.-е. с 1842 года, жизнь его состояла из беспрерывного ряда страданий нравственных, тем мучительнейших, что он должен был скрывать их от всех. Первый шаг перехода к самостоятельной жизни он начал невольным долгом, потом, не вдруг соображая свое положение, не оценив средства свои, он повторил первую ошибку. Впоследствии, осмотревшись, увидел ясно, что заплатить нет никакой возможности, что выхода из этого положения не видится, что, напротив, по временам придется прибегать к новым займам, наперекор чести. Он страдал сильно, но старался скрыть от всех, даже от своих товарищей, свое положение, и не знал, что делать, к чему прибегнуть. Между тем какая-

то гордость, желание поддержать свое достоинство, не уронить себя в глазах других, постоянное сношение с людьми, живущими не только в довольстве, но окруженными роскошью,—все это подстрекало делать иногда издержки излишние, не одобряемые рассудком, лишь для удовлетворения самолюбия, когда приходилось по нескольку дней без обеда сидеть, да еще придумывать средства, как скрыть это от своего же собственного деньщика. Все это сильно изменило его характер; часами он делался желчным, по своей натуре не имея и капли желчи, становился едок без разбора предмета, когда внутренний голос в то же время не соглашался с языком; впрочем дело дальше слов никуда не шло, и в свое утешение может сказать, что никогда и никому не мстил и мысли мщения никогда в голове не имел, злоумышленного тоже никому не делал. Наконец в последние годы он стал впадать в ипохондрию, по целым часам державшую его в мучительном оцепенении, в продолжение которого присутствие другого человека, даже самого близкого сердцу, для него было тягостно. К нравственному расстройству скоро присоединились болезни, заставившие потерять по службе, в глазах начальства, ибо для фронтовой службы хорошее крепкое здоровье—одно из важных условий. Нравственное его страдание дошло до того, что он не раз готов был малодушно покуситься на свою жизнь, и от исполнения удержала одна мысль о семействе, что существование и счастие его связано с существованием и счастием других [1]).

Несколько лет тому назад, кажется в 1845 или, может быть, 1846 году, положительно не помнит, он, Момбелли, приискивая в голове средства для поддержания и улучшения своего существования, нашел на мысль попытать счастья в литературе: этот род промышленности не предосудителен, не унижает звания; но, с другой стороны, для этого нужно было приготовиться предварительно, несколько испытать себя. Он сообщил мысль свою некоторым из товарищей, и как они нашли, что мысль хороша, то они согласились собираться один раз в неделю, читать, переводить и составлять статьи и читать их, не конфузясь, и при чтении каждой статьи спорить, не жалея один другого. Радушный вход был открыт для всех знакомых без исключения, кто пожелает, только

---

[1]) В другом же показании Момбелли говорит, что он один раз уже покушался застрелиться, но пистолет осекся, а когда он начал поправлять курок, то произошел выстрел, который только оцарапал ему руку.

условились записных литераторов и строгих критиков избегать, не надеясь на свои силы. На этих вечерах они упражнялись, кроме простых переводов, в юмористике и софистике; но как софистика им казалась более трудною, то они на нее преимущественно налегали; иногда задача в том именно и состояла, чтобы перевернуть фразу в противность логическому прямому смыслу, доказывать научным тоном ее ложную справедливость и тем вызывать других на более ясное изложение вопроса. Тут не одна эксцентрическая статья была прочитана: каждый хотел занять своих слушателей, не позволить заснуть, заставить спорить, оживить общество, а как никто не имел права надеяться на свои существенные литературные достоинства, то и прибегали к оригинальности, к странности, только бы заинтересовать. Наконец они узнали, что в городе говорят об их вечерах, о том, что на них читаются переводы из Вольтера и Дидро (Diderot), и они тотчас же объявили своим посетителям и знакомым о прекращении литературных вечеров. Однакож эти вечера, бывшие под его, Момбелли, фирмою и давно уже забытые всеми, косвенно способствовали его несчастью, наложив на него, в глазах многих, клеймо либерала. Сознается, и к своему обвинению, что сначала прозвание это не оскорбляло и не тревожило его, напротив, даже нравилось, по какому-то ребяческому чувству; но в последнее время оно ему сделалось противно, он не знал, как с ним разделаться, как отделить его от себя. В это время, именно в конце осени, он познакомился с Петрашевским и, зная по слухам о бывших у него вечерах, начал ездить к нему. Вечера Петрашевского сначала ему нравились, тем более, что по тогдашним его понятиям препровождение времени в спорах и рассуждениях ему казалось полезным и приятным; но потом на этих вечерах ему как-то было неловко, несколько времени он совсем не ездил, потом снова стал ездить, но уже на самое короткое время, являясь около 11 часов, собственно к ужину и для поклона. На вечерах у Петрашевского иногда много говорили, он, Момбелли, и другие, чего говорить бы не следовало. Он, Момбелли, до того отделял слово от дела, что в теории, в идее и на слове в частных беседах считал все позволенным без исключения. В собраниях Петрашевского он не подозревал политического общества. Гости его на язык были очень иногда неосторожны, но он, Момбелли, сомневается, чтобы те из них, с которыми он там познакомился, были способны на что-нибудь худшее.

Сверх сего, при словесном расспросе Момбелли показал,

что у Петрашевского назначались президенты вечеров, и что он, Момбелли, тоже был президентом в тот вечер, когда разбирались вопросы о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян,—особенно резко говорили об этих предметах Головинский и Петрашевский; последний из них сказал, что вопросы эти должны решиться в один день, а при суждении о диктатуре Петрашевский говорил, что убьет диктатора.

Через два дня после сего Момбелли сам попросил бумаги, написал дополнительное объяснение, в коем изложил, что, сколько припомнит, он не был президентом, когда рассуждали у Петрашевского о судопроизводстве и о выгодах освобождения крестьян, но в этот вечер он, Момбелли, участвовал однако в разговоре, именно: говорил тогда, что чем толковать тоном филантропа о полезности освобождения крестьян, по мнению его, достаточные помещики лучше бы сделали, если бы позаботились о некотором образовании крестьян своих. Вообще речью своею он, Момбелли, старался доказать, что для улучшения хлебопашества—основного богатства России—сверх ознакомления помещиков с наукою сельского хозяйства в обширном смысле, полезнее бы всего было выбрать из среды самих крестьян наиболее способных и сделать из них сведущих земледельцев, сколько позволят средства и умственное развитие тех избранных крестьян.

Далее Момбелли в показании своем, по поводу новых переспросов в комиссии об обществе Петрашевского и о найденных в бумагах его, Момбелли, сочинениях преступного содержания, объяснил, что в последнее время Петрашевский однажды у себя на вечере предложил ему, Момбелли, абонироваться на его библиотеку с платою по 15 руб. сер. в год, при чем предоставлял ему право, если пожелает выписать такую книгу, которой бы не оказалось в библиотеке, обращаться к нему. Может быть, под этим Петрашевский подразумевал пропаганду, но утверждать это не может, потому что Петрашевский ни слова ему не говорил. Вообще на вечерах у Петрашевского, за исключением Тимковского, не помнит, чтобы кто-нибудь говорил о пропаганде. Тимковского первый раз он, Момбелли, увидел в одну из пятниц на вечере у Петрашевского в начале зимы: Тимковский объявлял себя поклонником Фурье и в частных спорах громко защищал превосходство системы Фурье и даже ее осуществимость. Потом один раз он видел его у Спешнева, где Тимковский читал свой перевод: «Le fou du Palais Royal» par

Cantagrel—сочинения одного из последователей Фурье, и обещал после прочитать и продолжение перевода. Содержание прочитанного он, Момбелли, не помнит, а продолжение при нем не читалось. В другой раз Тимковский, явившись на вечер к Петрашевскому с тетрадкою в руках, объявил, что намерен открыться—высказать мысли, его занимающие,—и после чаю начал чтение—изложением рассуждения о прогрессе, о фурьеризме, о коммунизме и, кажется, о пропаганде; потом предлагал разделить мир на две части, отдав одну часть на опыт фурьеристам, а другую коммунистам, кончил же чтение советом устроить кружки, на которых занимались бы исключительно вопросами фурьеризма и коммунизма, и чтобы хозяева тех кружков собирались в свой кружок, на котором бы рассуждали о вопросах спорных и труднее решаемых. Впечатление, произведенное чтением Тимковского, было самое грустное: многие побледнели, раскаяние в приезде на вечер и страх изобразился на лицах. Там же он, Момбелли, познакомился с Спешневым, и по приглашению был у него раза три. Первый раз он был тогда, когда Тимковский читал свой перевод, о коем упомянуто выше; там были тогда кроме Тимковского, Петрашевский, братья Дебу и Ханыков. Знакомство его, Момбелли, с Спешневым ограничивалось одними светскими приличиями. Спешнев держал себя как-то таинственно, никогда не высказывал своих мнений, никогда не рассуждал, говорил не более сколько нужно, чтоб заставить других говорить и чтоб поддержать разговор, а сам только слушал. По замечанию его, Момбелли, ближе всех был знаком с Спешневым Петрашевский. Не помнит, когда именно он, Момбелли, слышал один раз Спешнева, читавшего на вечере у Петрашевского о религии, но в своем чтении о религии он ни слова не говорил, а рассуждал исключительно о метафизике и чрезвычайно отвлеченно. По окончании чтения Спешнев сказал, что в последующие пятницы будет говорить о религиях в историческом и философическом смыслах; но чтений этих, если они были, он, Момбелли, не слышал. Может быть, Толль взялся продолжать, на чем остановился Спешнев, но первых чтений Толля он, Момбелли, тоже не слышал. Какого же содержания были последующие чтения Толля, Момбелли не объяснил.

Относительно найденных у Момбелли бумаг объяснил, что никак не предполагал, чтобы в его старых бумагах заключались такие отвратительные ужасы, какие заставили его

прочесть в комиссии. Эти бумаги относятся ко времени между концом 1845 и началом 1847 года. В старые бумаги свои он никогда не заглядывал, никогда их не перебирал, даже те статьи, которые назначались для чтения на бывших у него, Момбелли, литературных вечерах, обыкновенно писал прямо, и то уже при гостях, во время чаю и не пересматривая предварительно написанного; во время чтения его статей всегда споров много было, все восставали противу него и постоянно бранили его за небрежность и несистематичность изложения и за нелепость выходок. Впрочем он, Момбелли, сознает, что преступление его в этом случае безмерно гнусно, преступление, выходящее из границ обыкновенных человеческих преступлений; грязнее, сквернее выставить себя нет возможности не только пред другими, но даже пред самим собою; но преступление это сделано им бессознательно в одном из припадков отчаяния и беснования духа, овладевших им в то время. Одну же из статей подписал он citoyen Mombelli потому, что его так называли в насмешку. Вообще, Момбелли в показаниях своих, называл преступления свои гнусными, низкими, выходящими даже из ряда преступлений, имеющих право на сожаление и на сострадание, писал, что он приносит во всем безграничное раскаяние и не знает, на что бы не решился, чтобы загладить прошлое.

На предложенные же следственною комиссиею письменные вопросы, с указанием в них подробностей суждений и разговоров, происходивших на вечерах Петрашевского, поручик Момбелли показал: 1) что вечера Петрашевского были вообще либеральны, и, бывая на них до 15 раз, он, Момбелли, слышал, что при чтении 18 марта Ястржембским о статистике прорывались фразы либеральные, что он делал насмешки над чиноманиею, равно слышал, что называли ваше императорское величество богдыханом, употребляя это последнее слово для избежания или боясь прямо назвать «государь император»; 2) что насчет разговора 25 марта о том, как восстановлять подведомственные лица против властей, он положительного ответа дать не может, потому что приехал на вечер поздно; 3) что 1 апреля Петрашевский точно говорил о цензуре, об освобождении крестьян и осуждал судопроизводство, но подробностей разговоров о сих предметах не помнит; 4) что 15 апреля точно была читана переписка Белинского с Гоголем, и он, Момбелли, достав на один день это сочинение, отдал писарю списать два экземпляра, из коих один назначил для одного из знакомых, и 5) что

22 апреля Петрашевский и Дуров говорили о том, каким образом должны действовать литераторы, чтобы поселять в публике свои идеи. Кроме того слышал, что Тимковский предлагал составлять отдельные кружки с тем, чтобы хозяева тех кружков собирались в центральные кружки и давали направление отдельным кружкам.

Далее Момбелли относительно бывших у него самого вечеров объяснил, что целью его вечеров было занятие литературой, но как впоследствии полковой командир сделал намек о неуместности собраний в казармах, то вечера их были прекращены, и они не хотели продолжать их вне казарм. На этих вечерах иногда читались статьи, написанные в либеральном духе, именно: бо́льшая часть сочинений его самого, некоторые статьи Кармалина из Русской Истории, переведенные с сочинения Левека [1]) (Histoire de la Russie), в коих впрочем не было никаких рассуждений, а изложены только происшествия; переводы Никитина, из Волнея [2]), о происхождении религии, и две статьи Макшеева «Екатерина I» и «Избрание Михаила Федоровича», переведенные из сочинений князя Долгорукова [3]); но некоторые из читанных статей были такие, которые после печатались в журналах.

На вопрос же какие статьи сочинения его, Момбелли, были читаны на вечерах, Момбелли объяснил, что читаны статьи: Любовь растений, Остров Мадагаскар, Скопцы, Происхождение и основание Рима, Замечание на Евангелие, и некоторые переводы из Вольтера, но читались они не совершенно в том виде, как написаны: во время самого чтения он изменял, пропускал и дополнял. Но когда ему, Момбелли, были предъявлены следственной комиссией означенные листы и предложен вопрос, не составляют ли они отрывка из той статьи о происхождении и основании Рима, которую он читал на вечерах у себя, то Момбелли отозвался в следующих выражениях: нет, и эти листы не были читаны [4]).

---

[1]) Levesque «Histoire de la Russie tirée des chroniques originales, des pièces authentiques, et des meilleurs historiens de la nation». 5 t. Paris 1782. *Ред.*

[2]) Volney. О происхождении религии говорится в его сочинении «Loi naturelle» и в «Les ruines». *Ред.*

[3]) П. В. Долгоруков. «Notices sur les principales familles de la Russie». Paris 1842. *Ред.*

[4]) Статей, означенных в показании Момбелли, при деле нет, и была ли между бумагами Момбелли особая статья о происхождении и основании Рима—неизвестно, ибо статс-секретарь князь Голицын доставил только такие

Кроме того Момбелли на особые вопросы показал, что он сделался либералом со времени своих вечеров, что либерализм его начался не вследствие влияния либерализма других, а собственными переводами из Вольтера и Энциклопедистов, по поводу чего, в насмешку и шутя, его начали называть оригиналом, эксцентриком и либералом; что хотя эти названия давались ему не серьезно, а только в насмешку, и его статьи, написанные по большей части в либеральном духе, читались не серьезно, а в виде ребяческой оригинальности, вызывающей на споры,—но это было первоначальною причиною, что впоследствии он сделался действительно либералом. Бывавшие у него на литературных вечерах не только не разделяли его либерализма, напротив, смеялись над ним; во время чтения его беспрестанно останавливали и опровергали. О социализме он, Момбелли, слушал, читал и говорил вследствие сделанного им в конце осени 1848 года знакомства с Петрашевским и его кружком.

Сверх того поручик Момбелли, как выше изложено, намеревался составить с подсудимыми Петрашевским, Спешневым, Дебу 1-м и Львовым тайное общество.

Первоначальное показание об этом обществе сделал подсудимый Спешнев, объясняя, что в декабре 1848 года на одном из собраний у Петрашевского поручик Момбелли, оставшись позже всех, соглашал его, Спешнева, и Петрашевского устроить товарищество из людей просвещенных и с передовыми понятиями для того, чтобы поддержать и возвышать друг друга, говорить хорошо друг про друга и даже помогать один другому деньгами, или складываться и пускать капитал в оборот. Вызывая Петрашевского и Спешнева на откровенность и предлагая, чтобы каждый из них пригласил надежного друга на обсуждение его мыслей, Момбелли прибавил, что, кроме авторитета и денежной выгоды, можно будет доставлять друг другу хорошие места, что приманка этого всего так сильна, что в такое товарищество наберется очень много людей, что тут не надо единства мнений; довольно, если будут просвещенные люди и т. д. Вследствие этого предложения, спустя несколько дней, Петрашевский с Дебу 1-м, а Момбелли с штабс-капитаном Львовым приходили для дальнейшего обсуждения к Спешневу, при чем

бумаги, которые по преступному содержанию обратили особое внимание. В собственноручной же записке Момбелли о том, что у него было читано на вечерах, показано, что означенная статья читана на двух вечерах.

Момбелли, разъясняя свою мысль и указывая на выгоды такой солидарности или товарищества, предлагал сделать денежное пожертвование, чтобы таким образом составить капитал, который можно выгодно пускать в оборот. На вопрос же Спешнева—«кто ж будет собирать деньги и пускать их в оборот»,—Момбелли отвечал, что будет касса и, разумеется, будет комитет, составленный из основателей общества, например, хотя из них пятерых. В это общество полагалось принимать социалистов вообще и людей с передовыми мнениями. На следующем по этому же предмету совещании Спешнев излагал написанный им план тайного общества и первый намекнул на восстание; Момбелли читал рассуждение об откровенности, предлагал, чтобы каждый из членов написал свою биографию и при этом упомянул про смерть изменнику, а Львов с своей стороны излагал формы общества; но за разномыслием в отношении принятия таких предложений все дальнейшие совещания прекращены и остались без последствий.

Такое показание Спешнева подтвердили в главных чертах подсудимые Петрашевский, Львов и Дебу 1-й. Сверх того Петрашевский и Дебу 1-й добавляют, что предложение Момбелли состояло не в одном том, чтобы возвышать друг друга и превозносить всех литераторов и других лиц, принадлежащих к обществу; но еще и в том, чтобы ругать все меры, принимаемые правительством.

Кроме сего подсудимый Момбелли бывал на собраниях у коллежского асессора Дурова, где, как показали Дуров, Пальм и Филиппов, Момбелли читал рассуждение о том, что все посетители сих собраний, т.-е. люди с более или менее одинаковым направлением и образом мыслей, должны теснее сближаться между собою, дабы под влиянием друг друга тверже укрепиться в таком направлении и успешнее поддерживать идеи в общественном мнении. Дуров же отозвался еще, что на вечерах у него Момбелли излагал мысли о том, чтобы писать статьи, противные правительству, предлагая распространять их посредством домашней литографии, которую предполагал завести студент Филиппов.

Подсудимый Момбелли в первоначальных показаниях насчет составления с Петрашевским, Спешневым и другими общества ничего не объяснил, но потом, на предложенные ему письменные вопросы, сознался, что в декабре месяце 1848 года действительно он сообщил изустно сначала Львову, потом Петрашевскому и, по желанию сего послед-

него, Спешневу составленный им проект соединения в братство взаимной помощи. В бывших у Спешнева по поводу сего предложения тайных собраниях, числом от 4 до 5, в конце прошлого и начале нынешнего года, он, Момбелли, принимал деятельное участие и был предназначен в числе прочих передовых людей и прогрессистов в члены комитета товарищества, который предполагалось составить из пяти лиц: из Петрашевского, Спешнева, Дебу, Львова и его, Момбелли. При совещаниях о сем он, Момбелли, предлагал сделать денежное пособие для узнания числа членов общества, читал рассуждение об откровенности и, между прочим, упомянул, в виде угрозы, про смерть изменнику. Спешнев тоже читал составленный им план тайного общества, содержание коего заключалось в том, что есть три внеправительственные пути действий: иезуитское, пропагандное и восстание; каждое из них не верно и оттого больше шансов, если взять все три дороги; что для этого надобно учредить один центральный комитет, которого занятие будет состоять в создании частных: комитета товарищества, устройство школ,—пропаганды фурьеристской, коммунистской и либеральной,—и наконец комитет тайного общества на восстание. Впрочем такое предложение Спешнева не было принято, и самое общество, по несогласию с предложением его, Момбелли, не состоялось.

Относительно вечеров у Дурова, Момбелли показал, что он бывал на них только при первых собраниях; при чем объяснил, что когда ему сделано было предложение принять участие в вечерах Дурова и потом на предварительном собрании у Дурова говорилось о желании сблизиться между собою, то он, Момбелли, написал на этот предмет план в общих фразах и прочел на первом вечере. Но чтение это не дало политического направления вечерам и не имело на них никакого влияния. Вообще вечера Дурова были составлены преимущественно из бывавших у Петрашевского и там между собою познакомившихся; а потому они тоже были либеральны, отличаясь только введением изящной словесности и музыки. Он, Момбелли, тоже был одним из самых гнусных либералов и, хотя в нем начинал совершаться внутренний переворот, и он больше задумывался и говорил мало и неохотно, но к нему обращались попрежнему, как к либералу, и когда приходилось говорить, то он говорил еще согласно с общим вкусом присутствовавших, в прежнем духе. Однакоже не его чтение положило начало полити-

ческому направлению вечеров Дурова: это случилось гораздо позже, когда читанное им давно было забыто всеми; по переходе же вечеров к политическому направлению он не присутствовал, и между его чтением и этим случаем лежит двух- или трехнедельный промежуток времени. Когда он был в последний раз у Дурова, то пришел поздно, незадолго до ужина и застал конец разговора о том, чтобы писать статьи, противные правительству, и о распространении их посредством домашней литографии. Он, Момбелли, не узнал толком, что подало повод к этим разговорам, и не знает ни их последовательности, ни их результата. При нем только сказано было, что разговор этот будут продолжать в следующий вечер; но с тех же пор он, Момбелли, перестал бывать у Дурова.

Из найденной у подсудимого Момбелли записки видно, что на вечерах его во все время перебывало 42 разных посетителя, большею частью из военных офицеров, в числе коих одного с Момбелли полка 16. Из подсудимых же бывал у него штабс-капитан Львов, который несколько раз читал статьи из химии, своего сочинения и переводные.

Из лиц, посещавших Момбелли, спрошено 10 человек—чиновников гражданского ведомства,—которые показали, что на вечерах Момбелли читались разные повести, путевые записки и ученые статьи, но либерального ничего не было. Офицеры же лейб-гвардии Московского и прочих полков, по нахождению войск в походе, оставлены, по высочайшему повелению, без спроса. Равно от полкового командира сведения по сему предмету не требовано.

Впрочем на вечерах Момбелли Петрашевский и другие, у коих впоследствии происходили собрания, не были, а из посетителей Момбелли бывал после на вечерах Петрашевского один Львов.

При спросе в военном суде подсудимый Момбелли отозвался, что подтверждает прежние свои показания и, кроме самого полного раскаяния, а также несчастного расположения всех обстоятельств его жизни, в оправдание свое ничего не может прибавить.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого поручика Момбелли виновным в том, что он, приглашая к себе с сентября 1846 г., один раз в неделю, своих знакомых и сослуживцев, под

предлогом желания сообщить им свои литературные сочинения и переводы, читал, между прочим, возмутительные и в высшей степени дерзкие рассуждения против правительства и в особенности против священной особы вашего императорского величества. В некоторых из этих рассуждений Момбелли делал даже воззвания к восстанию и к уничтожению императорского достоинства. Впоследствии, именно в феврале месяце 1847 года, прекратив бывшие у него, Момбелли, вечера, принял участие в собраниях подсудимого Петрашевского и продолжал высказывать преступные мысли, выражая, как сам показывает, сочувствие республиканскому правлению; распространял противное правительству и религии письмо литератора Белинского, впоследствии умершего, и, наконец, в декабре месяце 1848 года, решившись составить тайное общество с целью преобразовать посредством пропаганды гражданский быт в России, приглашал участвовать в этом подсудимых Петрашевского, Спешнева, Львова и Дебу 1-го и, произнеся по этому случаю речь, угрожал смертью изменнику и присутствовал при изложении подсудимым Спешневым средств к произведению восстания. Впрочем предполагаемое Момбелли тайное общество, по разномыслию совещавшихся о цели учреждения оного, не состоялось. А потому военный суд приговорил его, Момбелли, за произнесение дерзких слов против священной особы вашего императорского величества, за злоумышление к уничтожению императорского достоинства, за распространение сочинений против правительства и за покушение составить тайное общество с целью преобразовать гражданский быт в России,—лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст.ст. 169, 171, 174, 177, 178 и 596,—всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О штабс -капитане Л.-ГВ. Егерского полка Львове.

Штабс-капитан Львов, 25 лет, из дворян, воспитывался в Московском кадетском корпусе; произведен в прапорщики в августе 1841 года из фельдфебелей и определен в означенный полк, следующие чины получал: подпоручика в 1843, поручика в 1845 и штабс-капитана в 1848 годах. В июле 1847 года он, по высочайшему повелению, прикомандирован был к Павловскому кадетскому корпусу для исправления должности репетитора химии.

По донесениям агента, штабс-капитан Львов обвинялся в том, что был на собраниях у титулярного советника Петрашевского 11, 18 и 25 марта, 15 и 22 апреля, где говорено было: о религии—что она вредна, потому что подавляет развитие ума и убивает нравственность; о том, что все науки, в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление как наилучшее; о восстановлении подведомственных лиц против властей, о перемене судопроизводства, о свободе книгопечатания и освобождении помещичьих крестьян, и читаны: предисловие к сочинениям Хмельницкого, написанное Дуровым, в котором заключается много либеральных и зловредных идей, и письмо Белинского к Гоголю, в котором осуждались религия, духовенство и государственные учреждения.

Сам Львов на одном из сих вечеров, как показал подсудимый Ястржембский, читал статью о специальном образовании.

В бумагах Львова, как уведомил статс-секретарь князь Голицын, ничего подозрительного не найдено.

На предварительном расспросе в следственной комиссии Львов объяснил, что он познакомился с Петрашевским чрез поручика Момбелли в октябре или ноябре прошлого 1848 года и бывал у него по пятницам. При первом своем появлении он встретил там из лиц, которых видал прежде, подсудимых Пальма и Дурова; прочие же были ему вовсе незнакомы. Ни Момбелли, ни Петрашевский его не предупреждали, чтобы общество, собиравшееся у сего последнего, имело какую-либо цель, и, по ходу бывших на этих вечерах разговоров, он во все время не мог открыть ничего, могущего обнаружить какой-либо замысел. Своего знакомства с Петрашевским он ни пред кем никогда не скрывал и хотя слышал от некоторых, что Петрашевский человек дурной, развращенный, но полагал, что эта репутация составилась от странности его фигуры, одежды и манер. Библиотека и часто веселый ужин с вином также были отчасти причиною, что он не хотел пренебрегать знакомством Петрашевского. Между прочим на вечерах Петрашевского он слышал рассуждения Ястржембского о торговле, капитале, собственности, движении народонаселения,—в которых излагал мнения политико-экономов об этих предметах, не выводя никаких своих заключений. В одну же из пятниц Петрашевский говорил, что в России вопрос об устройстве правильного и публичного судопроизводства гораздо важнее вопроса об освобожде-

нии крестьян, основывая важность первого вопроса на том, что в нем имеют нужду все, тогда как крестьян только 10 миллионов. Против сего возражал Головинский, по мнению которого самая высшая несправедливость есть крестьянское состояние, которое не имеет у себя никаких прав. Прения об этих предметах положено было продолжать в последующее собрание. В последнее собрание он, Львов, приехал почти к самому ужину и слышал только рассуждения о строгости цензуры, не обратив на них большого внимания. Во время последних собраний ему было тяжело и неловко; не предполагая в окружавших его какой-либо политической цели как потому, что в их стремлениях не видно было ничего положительного, так и потому, что они не соблюдали никакой осторожности,—он считал их за безумных, которые болтают и, чтобы выказать пред небольшою кучкою людей свой ум, чтобы блеснуть своею смелостью, решаются говорить о том, что может совершенно их компрометировать в глазах благоразумного человека, услыхавшего в первый раз подобные речи. Если бы предложены были какие-нибудь насильственные меры, то он исполнил бы тотчас то, что ему приказывала присяга вашему императорскому величеству. Впрочем, видя и сознавая странное (не смеет сказать преступное) направление людей, с которыми встречался, он желал их оставить, не видать более и имел твердое намерение с наступлением лета совершенно прекратить свои посещения. О существовании же какого-либо тайного или политического общества он не знал и потому, если действительно был заговор, замысел или что-либо подобное, то в нем он не причастен.

При подробных же допросах следственной комиссии о происходившем на собраниях Петрашевского Львов показал, что, познакомившись с Петрашевским осенью 1848 года чрез поручика Момбелли, который говорил ему, что у Петрашевского собираются люди умные, рассуждающие о новых системах, он, Львов, стал посещать собрания Петрашевского, хотя и непостоянно, но довольно часто. В бытность там он слышал речь о религии, говоренную Толлем, который, выводя происхождение религиозного чувства от страха, доказывал, что религия вредна. Ястржембский говорил, что вообще государство не имеет цели, но что Российское государство есть исключение, и в нем есть цель—подчинить всех власти одного, и заключал, что должно быть человечество одно, а не разные государства. При этом Ястржембский отзы-

вался резко о сановниках, смеялся над чинами и, кажется, говоря о вашем императорском величестве, называл ваше величество богдыханом, потому что сравнивал Россию с Китаем. Тимковский говорил речь, в которой выводил, что мы все должны действовать, что хотя он считает систему Фурье самою полною, но и другие составляют концентрические круги, и пусть всякий действует по своим убеждениям; при чем произнес следующие слова: «сильные, не торопитесь, а вы, слабые, не бойтесь, я вас не вызываю на площадь». Осенью того же 1848 года, он, Львов, встречал у Петрашевского раза три или четыре Черносвитова, который между прочим говорил, что Восточная Сибирь может быть отдельным государством, и что русские очень привыкли к палке, так что она им нипочем; на возражение же Спешнева, что палка об двух концах, Черносвитов сказал, что другого конца мы сыскать не умеем. В некоторых из собраний у Петрашевского он, Львов, читал басню, под названием «Запасные магазины» и две статьи: одну о специальном и энциклопедическом образовании, в которой отдавал предпочтение образованию специальному, и другую—о необходимости тесней шей связи между промышленностью и наукою. Статья эта была основана на законных учреждениях и подкреплена выводами из священного писания, и он, Львов, даже имел намерение напечатать ее [1]).

Кроме того, как выше сказано, Спешнев показал, что штабс-капитан Львов участвовал вместе с ним, Петрашевским, Момбелли и Дебу 1-м в тайных совещаниях, происходивших в квартире у него, Спешнева, по предложению Момбелли, насчет учреждения особого товарищества и состава комитета; что при этом он, Спешнев, излагал написанный им план тайного общества; Момбелли читал рассуждение об откровенности, предлагая, чтобы каждый из членов написал свою биографию, а Львов излагал формы этого общества. Но за разногласием в мнениях по этому предмету дальнейшие совещания были прекращены и остались без последствий.

Такое показание Спешнева подтвердили в главных чертах подсудимые Момбелли, Петрашевский и Дебу 1-й, при чем последние двое прибавили, что предложение Момбелли состояло не в одном учреждении товарищества для взаимной

---

1) Означенную басню Львов написал подробно в показании своем, прочих же статей при деле нет.

друг другу помощи, но еще и в том, чтобы ругать все меры, предпринимаемые правительством; а Момбелли присовокупил, что предположение свое об учреждении помянутого товарищества он сообщил прежде всех Львову.

Из показаний же других обвиняемых открыто, что Львов в марте и апреле 1849 года бывал на собраниях Дурова, где, как сам Дуров объясняет, читались статьи, имевшие по своему содержанию и направлению характер чисто политический. По показанию же студента Филиппова, Львов в один из вечеров говорил, между прочим, что учителя в учебных заведениях должны стараться читать сколько возможно в либеральном духе, а сам Филиппов и поручики Момбелли и Григорьев предлагали писать статьи против правительства и распространять их посредством домашней литографии, которую предлагали устроить Филиппов и Львов.

Подсудимый Львов, в отношении участия в тайных совещаниях, происходивших в квартире Спешнева об учреждении особого товарищества, в первоначальном своем показании ничего не объяснял; но потом на предложенный комиссиею запрос, подтвердив в главных основаниях показание об этом Спешнева и поручика Момбелли, объяснил, что в октябре месяце 1848 года Момбелли говорил ему о желании своем составить общество взаимной помощи друг другу, братство, товарищество, и что при нынешней разрозненности это было бы благодетельно для людей с идеями. В этом обществе Момбелли предполагал необходимым устранение всякой личности; члены же его должны стараться распространять друг о друге хорошее мнение в свете, стараться помогать друг другу по силе возможности в достижении таких должностей или такого положения в обществе, в которых он мог бы иметь влияние или получить материальные выгоды. Все это Момбелли заключил тем, что он рассчитывает на него, Львова. После того, по предложению Петрашевского, собирались у Спешнева несколько раз для совещания о составе общества взаимной помощи, а именно: он, Львов, Петрашевский, Момбелли и Дебу 1-й. При этом они рассуждали о солидарности, о способах устройства общества и о составе комитета из людей с идеями, которые могли бы двинуть общество вперед на других началах, предполагая составить комитет из учредителей общества. При разговоре о том, будет ли иметь это общество какую-нибудь цель, он, Львов, и Момбелли говорили, что цель эта—взаимная помощь друг

другу, а что делать после, укажут обстоятельства. При совещаниях у Спешнева в один вечер Петрашевский говорил, что он полагает самым лучшим общество по системе Фурье, но что он не отказывается рассуждать о том, какой путь избрать для осуществления системы Фурье, т.-е. распространять ли прямо его учение, или стараться вообще социальные идеи проводить в общество. Момбелли читал рассуждение об откровенности и, предлагая написать каждому свою биографию, упоминал про смерть изменнику; при чем предполагал составить капитал для денежных оборотов и для узнания числа членов общества. Сам он, Львов, действительно излагал формы общества, целью которого полагал сперва взаимную помощь, а потом, если обстоятельства будут благоприятны, то устройство общества на тех началах, которые признаны будут лучшими, т.-е. он, Львов, желал такого общества, в котором бы возможна была всякая свободно-разумная деятельность каждого, и общественный этот порядок он полагает близким к тому, который показывает Фурье, но желал бы, чтоб он был подвергнут строгой критике и принят не по принуждению. Число членов общества он, Львов, полагал не менее 11, с тем, что если будут после составления афилиации, то чтобы в каждом из них было по два члена, а рассуждения должны быть решаемы большинством голосов. Вообще же он, Львов, считал, что всякое действие по этому предмету должно быть обсуждено и обдумано, чтобы не иметь на себе нравственной ответственности. Наконец Спешнев читал составленный им план тайного общества, в котором излагал о трех внеправительственных путях действия и, между прочим, об учреждении комитета тайного общества на восстание; на вопрос же, кто будет заведывать им, Спешнев отвечал, что он не имеет надобности этого объяснять. Для осуществления этого предложения дальнейших мер не было принято в то время.— После закрытия или прекращения этого общества Петрашевский пытался было возобновить оное и для этого просил его, Львова, назначить день и на этот раз собраться у него, Львова. Получив его согласие, Петрашевский, Момбелли и Дебу 1-й были у него. Средством сближения Петрашевский и Момбелли полагали написание своих биографий, и хотя сначала он, Львов, и был против этого, но потом согласился. Дебу же заметил, что ему решительно нечего писать в своей биографии, и затем дальнейшие рассуждения об обществе совершенно прекратились.

Что касается вечеров у Дурова, то он, Львов, введен был на оные также поручиком Момбелли. Там занимались чтением литературных статей нецензурного содержания и музыкою. В первый вечер у Дурова Момбелли прочел статью о том, что необходимо тесное соединение между людьми передовых понятий, для передачи друг другу своих мыслей, но при этом необходима осторожность, и он полагал бы не назначать для собраний дня, но число месяца. Речь его была принята со всеобщим неодобрением, и ему сказали, что напрасно он придает такую важность этим вечерам, что это просто одно средство провести приятно время, и Момбелли тогда же разорвал свою статью. После того прошло четыре или пять вечеров, в которые, кроме музыки и разговоров о литературе, ничего более не было. В пятый или шестой вечер он, Львов, не был у Дурова, но после узнал, что в тот вечер сделано было кем-то предложение распространять в публике разные рукописные, нецензурные сочинения, и так как переписка их была бы затруднительна, то думали, нельзя ли употребить для этого литографию. На этот конец спрашивали его, Львова, о литографском процессе, прося узнать, что будет стоить заведение литографского камня. Около этого времени, по общему согласию, собиравшиеся у Дурова лица были у Спешнева, и в этом собрании поручик Григорьев читал свою статью под названием: «Солдатская беседа», которая была принята весьма холодно; а в следующий за тем вечер у Дурова, когда он, Львов, узнав о цене литографского камня, объявил о том присутствовавшим, то Достоевский, сказав, что они незаметно уклонились в опасный путь, объявил, что он вовсе не согласен на заведение литографии, а тогда и все прочие с ним согласились, положив, что можно статьи переписывать, что, впрочем, не должно быть обязательным, как и самое распространение их. В это же собрание Достоевский прочел переписку Белинского с Гоголем, и многие хотели переписать ее, а Милюков читал свой перевод какого-то французского аббата «Parole d'un croyant», под названием: Новое откровение митрополиту Антонию, и он, Львов, переписал эту статью на другой день в квартире у Дурова, но сделал это решительно из малодушия, чтобы показать себя человеком крайних мнений; по возвращении же домой разорвал ее, тем более, что боялся своего товарища, с которым вместе квартировал.

О том, чтобы на собраниях у Дурова говорено было, что учителя в учебных заведениях должны стараться чи-

тать сколь возможно в либеральном духе, он, Львов, не слыхал и сам не говорил. Один только раз на вопрос Дурова, что он проповедует в своей химии, он, Львов, отвечал, что случается иногда и в ней что-нибудь заметить, поставив этому в пример, что когда разнесся слух о закрытии университетов, то сожигая для опыта фосфор, когда воспитанники заметили, что после ослепительного света, который он издавал при своем горении, свет от ламп казался темным, он, Львов, заметил мимоходом, что мы тогда только понимаем всю яркость света, когда его лишаемся, и что точно так же и с просвещением, которому всю цену мы только чувствуем, когда лишаемся средств получить его, и при этом он, Львов, намекнул о закрытии университетов. Вот все, что он, Львов, сказал и в чем с полным раскаянием упрекает себя. Вообще однакож в обществе Дурова не господствовало никакой определительной идеи, ничего органического, и он, Львов, несмотря на то, что соглашался на все, что было предлагаемо, был там как чужой.

На вопрос, с которых пор и по какому случаю проявилось в нем либеральное направление, Львов отвечал, что либеральные мысли развились в нем последнее время по сношению отчасти с Момбелли, а отчасти от чтения книг, которые он доставал от Момбелли и Петрашевского.

В заключение штабс-капитан Львов, сознавая себя виновным, присовокупил, что он только молит бога подать ему силы вынести справедливо заслуженные им страдания за его гнусную неблагодарность к благодетельствовавшему ему, Львову, с самого детства вашему императорскому величеству и умереть, удостоившись великодушного прощения вашего величества. При спросе в Военно-судной комиссии, Львов подтвердил, свои показания при следствии, отзываясь, что прибавить к ним ничего не имеет..

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого штабс-капитана Львова виновным в том, что он, с октября месяца 1848 года участвуя в собраниях подсудимого Петрашевского, присутствовал там при чтении преступного против правительства и религии письма литератора Белинского, а в декабре месяце того же года участвовал с подсудимыми Петрашевским, Спешневым и Момбелли в совещаниях о составе тайного общества с целью преобразовать гражданский быт в России, излагал сам формы этого общества и потом присутствовал

при объяснении подсудимым Спешневым способов к произведению восстания. Когда же общество не состоялось, подсудимый Львов в марте месяце сего 1849 года в бытность в собрании у подсудимого Дурова участвовал в совещаниях о том, чтоб запрещенные цензурою сочинения распространять посредством домашней литографии. Вскоре после сего, именно 1 апреля, Львов присутствовал в собрании у подсудимого Спешнева при чтении там подсудимым поручиком Григорьевым возмутительного сочинения его под заглавием: «Солдатская беседа». А потому военный суд приговорил: штабс-капитана Львова, за недонесение о распространении подсудимым Григорьевым злоумышленного его сочинения и за участие в совещаниях как о распространении запрещенных цензурою сочинений, так о составе тайного общества с целью произвести восстание и преобразовать гражданский быт в России, лишить его, Львова, на основании Свода Военных Постановлений ч. V, кн. I, ст.ст. 169, 171, 172, 174, 176, 177, 178, 197 и 596, чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О коллежском советнике Дебу 1-м.

Коллежский советник Дебу, 38 лет, из дворян, воспитывался в Институте корпуса путей сообщения на казенный счет; произведен в прапорщики в июле 1828 года, уволен от службы в мае 1830, а в июле того же года поступил в Азиатский Департамент министерства иностранных дел с переименованием в коллежские регистраторы. Имеет знак отличия беспорочной службы за XV лет, других же наград во время службы не получал, а в чины был произведен за выслугу лет; в настоящем чине с 31 декабря 1846 года. Состоял при департаменте переводчиком.

По донесениям агента, Дебу 1-й был на собраниях у Петрашевского 18 марта. На этом собрании подсудимый Ястржембский говорил речь, что все науки, и в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление как наилучшее, а также восставал на высших сановников и даже на ваше императорское величество, называя ваше величество богдыханом.

Кроме того в отношении действий Дебу показали:

Коллежский регистратор Ващенко,—что он в первый раз услышал от Дебу о системе Фурье, а потом брал у него читать это сочинение, а также Историю жирондистов Ламартина и Историю революции Луи-Блана,—что он, Ващен-

ко, видел Дебу на вечерах у Кашкина и у Отто, из коих у последнего сделано соглашение о составлении библиотеки, и все отдавали Дебу деньги, так как он взял на себя доставление книг, равно у него же хранились списки книгам и лицам, подписавшимся на библиотеку. Кроме того, по предложению Дебу, он, Ващенко, дал на обед в честь Фурье 10 руб. серебром и вместе с Дебу ездил на этот обед, а после Дебу приезжал к нему, Ващенко, в квартиру, когда раздавались сочинения Фурье для перевода на русский язык.

Поручик Момбелли,—что Дебу был с братом своим у Спешнева в тот вечер, когда Тимковский читал свой перевод сочинения «Le fou du Palais Royal» par Cantagrel, одного из последователей Фурье.

Подсудимый Кашкин,—что Дебу 1-й был на обеде 7 апреля у Европеуса, в честь Фурье, где в конце обеда Ханыков и Ахшарумов читали речи, а после речи Ахшарумова Дебу 2-й предложил перевести одно из сочинений Фурье, что было принято всеми, и труд был разделен между присутствовавшими.

При рассмотрении бумаг Дебу, как уведомил статс-секретарь князь Голицын, оказались между оными три рукописи: 1) «О выгодах сообщения сравнительно с дроблением по разным отраслям труда», 2) «О страстях и о возможности сделать труд привлекательным» и 3) «Теория всемирного единства» К. Фурье. Кроме того найдены: тетрадь с оглавлением; счет библиотечным деньгам, со списком лиц; несколько запрещенных книг в духе социализма, сочинения Фурье и Габета и записка Европеуса о сделанных им приглашениях на обед в честь Фурье. Первые две рукописи, составляющие извлечения из сочинения Беклемишева «Переписка двух помещиков», суть применения теорий социализма к общественному быту России, с критикою настоящего в ней порядка разделения трудов.

При предварительном допросе следственной комиссией Дебу 1-й показал, что он познакомился с Петрашевским зимою 1848 г. и был у него 8 или 10 раз. При этом он никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь из посетителей осмелился выразиться дерзко, неприлично о священной особе вашего императорского величества и сановниках, или же говорил о социализме с желанием пропаганды его в России. В бытность на вечерах у Петрашевского он слышал, как Достоевский говорил об изящном, а Ястржембский в последние две пятницы читал вроде лекций об истории политической экономии и, весьма может быть, называл ее наукою социаль-

ною, т.-е. общественною, которую социалисты не признают наукою; но вообще в лекциях Ястржембского он ничего противозаконного не замечал. Собрания у Кашкина он начал посещать прошедшею зимою и встречал у него большею частью товарищей его по Лицею, из которых одни играли в карты, другие занимались беседою, рассуждая о сочинениях Фурье и иногда читая отрывки из них. На обед в день рождения Фурье согласился потому, что не видел в этом ничего дурного, и хотя знал, что Ханыков, Петрашевский, Кашкин и Ахшарумов скажут несколько слов по сему случаю, но и в этом не находил ничего предосудительного, притом речь Ханыкова была совершенно не в духе Фурье— это было увлечением молодого человека; речей же Петрашевского и других он не слыхал, ибо встал от стола прежде всех, по причине болезни. К сему Дебу присовокупил, что от Петрашевского он получал книги для прочтения, но в составлении его библиотеки не участвовал, только дал ему 50 рублей для выписки книг из-за границы, с целью чисто экономическою, так как Петрашевский, выписывая много, получал их дешевле. С тою же целью и с желанием образовать себя он, вместе с некоторыми из своих знакомых, сделал складчину для покупки книг, которые предполагалось отдать в его распоряжение, но в этом он не видит ничего противозаконного, так как вследствие подобных складчин между офицерами допущено правительством составление довольно замечательных библиотек при всех полках гвардии.

На предложенные же следственною комиссией письменные вопросы с указанием в них подробностей о происходившем на вечерах Петрашевского, Дебу показал: 1) что при нем Ястржембский действительно говорил речь о науках, называя статистику социальною наукою, а богословие не наукою, а какими-то бреднями, вышедшими из монашеских клобуков, восставал против чиномании и говорил, что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло весь род человеческий; а также он слышал, что Тимковский развивал систему Фурье и приводил надобность размножения кружков. 2) На собраниях у Кашкина рассуждали иногда о системе Фурье, и один раз на вечере у него Европеус говорил о ненадобности морали как науки, лишенной вовсе всякого значения в наше время. 3) На обеде в день рождения Фурье он слышал речи: Петрашевского, который,

говоря об учении Фурье, заключил словами, что приговор надобно привести в исполнение, и Ханыкова о семействе; речи же Ахшарумова он, Дебу, не слыхал, потому что встал из-за стола прежде всех, по причине болезни. Тосты за обедом провозглашены были за успех и распространение учения Фурье, и кроме того брат его, Дебу, предложил перевести что-нибудь из сочинений Фурье в память того дня.

Кроме того, как выше изложено, подсудимый Дебу 1-й участвовал вместе с подсудимыми Спешневым, Петрашевским, Момбелли и Львовым в тайных совещаниях, бывших в конце прошлого и в начале нынешнего года в квартире у Спешнева, насчет учреждения особого товарищества и состава комитета, что однакож не состоялось, по разногласию в мнениях при сих совещаниях.

Об участии со стороны Дебу в совещаниях по сему предмету показывают подсудимые Спешнев, Петрашевский, Момбелли и Львов, при чем Петрашевский объяснил, что Дебу был приглашен им после сделанного предложения Момбелли о составе общества, с тою целью, дабы устранить незаконности, могшие от того произойти, так как он надеялся на благоразумие Дебу, о чем выразил тогда же при самом предложении; когда же объяснена была Дебу цель товарищества, то он сказал, что это составляет уже тайное общество и советовал ему, Петрашевскому, от этого отстать.

Согласно с ним отозвался и Момбелли, объясняя, что Дебу, называя предложенное товарищество тайным обществом, сказал, что он ни к какому тайному обществу принадлежать не хочет.

На запрос комиссии о подробностях совещаний, происходивших у Спешнева насчет учреждения особого товарищества, Дебу 1-й объяснил, что он был приглашен к Спешневу Петрашевским, и хотя знал, что Момбелли сделает предложение, но в чем оно заключалось, ему не было известно, и только по приходе к Спешневу узнал, что предложение это состояло в том, чтобы ругать все меры, предпринимаемые правительством, превозносить литераторов и других лиц, принадлежащих будущему обществу, при чем положена смерть изменнику. В тот же вечер у Спешнева рассуждали о выгодах солидарности, предполагая составить комитет из учредителей общества; Момбелли предлагал сделать денежный сбор на тот случай, что если кто попадется, то чтобы было чем ему помочь; а Петрашевский говорил, что обще-

ство должно быть составлено с передовыми идеями, чтобы двинуть его вперед. После таких разговоров он, Дебу, тогда же сказал, что это составляет тайное общество, и что он к такому обществу принадлежать не хочет. После сего, по предложению Петрашевского, в другой раз собирались к Спешневу; при чем Петрашевский читал о необходимости образования и рассмотрения системы Фурье, на тот конец, чтобы в случае, ежели придет время, были люди готовы, т.-е. образование. Момбелли читал рассуждение об откровенности, объясняя, что, прежде чем сойтись, надо отложить всякое самолюбие, и предлагал, чтобы каждый написал свою биографию, от чего он, Дебу, решительно отказался. Львов излагал формы общества, и наконец Спешнев читал составленный им план тайного общества в следующих выражениях: что есть три внеправительственные пути действий: иезуитское, пропагандное и восстание, что каждое из них неверно и оттого больше шансов, если взять все три дороги, что для этого надобно учредить один центральный комитет товарищества, комитет для устройства школ, пропаганды фурьеристской, коммунистской, либеральной и, наконец, комитет тайного общества на восстание. Но по совершенному разногласию в мнениях решено было в последнем собрании у Спешнева, что предполагаемое общество не состоится, почему все означенные совещания остались без последствий. Это совершенно успокоило его, Дебу, и было причиною того, что он обо всем не доносил.

Кроме того Дебу в показаниях своих излагал, что, по мнению его, теория Фурье не заключает в себе ничего вредного для общества; напротив, она мирит людей всех классов и состояний, поддерживает религиозные чувства и побуждает к сохранению порядка, выказывая все пагубные результаты насильственных переворотов; что в применении к России он считает каждого распространителя социализма сумасшедшим, так как ни характер русского народа, ни история, ни недостаток работы не способствуют к такой пропаганде; что в собраниях у Петрашевского и Кашкина он, Дебу, видел одно только стремление молодых людей к образованию и радовался столь утешительному для каждого направлению нового поколения, которое, предпочитая образование праздности, усиливается сделаться достойным и способным сподвижником в трудном деле государственного управления; что оказавшиеся в бумагах его, Дебу, две рукописи о разделении трудов по теории Фурье получены им для

прочтения от Спешнева, но он не успел еще пересмотреть их и даже совершенно о них забыл; хотя же у него найдено несколько сочинений, не пропущенных цензурою; но он, Дебу, ни по рассудку, ни по чувствам своим никогда и нигде не распространял и не способствовал к распространению каких либо идей, вредных правительству, и всегда был вполне предан вашему императорскому величеству и правительству.

При спросе в военном суде подсудимый Дебу отозвался, что он подтверждает показания свои при следствии и более прибавить ничего не имеет.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого коллежского советника Дебу 1-го виновным в том, что он, быв в декабре месяце 1848 года приглашен подсудимым Петрашевским к участию в предполагаемом подсудимым Момбелли обществе, присутствовал при совещаниях Петрашевского, Момбелли, Спешнева и Львова о составе этого общества с целью поносить все меры правительства и был при объяснении подсудимым Спешневым средств к произведению восстания. Хотя Дебу и не согласился участвовать в означенном обществе и даже отклонял от оного и подсудимого Петрашевского, объявив решительно, что он, Дебу, ни к какому тайному обществу принадлежать не намерен, но виновен в том, что не донес своевременно о злоумышленных предположениях подсудимых Момбелли и Спешнева. Сверх того Дебу подлежит ответственности и за недонесение о произнесенных в присутствии его на обеде, бывшем в квартире подсудимого Европеуса, речах против религии, семейственного быта и правительства. А потому военный суд приговорил: Дебу 1-й, за недонесение об умысле подсудимых: Петрашевского, Спешнева, Момбелли и Львова составить тайное общество, с целью поносить все меры правительства; о составлении подсудимым Спешневым предположений к произведению восстания и о произнесенных подсудимыми Петрашевским, Ахшарумовым и Ханыковым речах против религии, семейного быта и правительства,—лишить его, Дебу, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. 1 ст.ст. 142, 144, 169, 171, 172, 174 и 176, чинов, знака отличия беспорочной службы, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О поручике Л.-ГВ. конно-гренадерского полка Григорьеве.

Поручик Григорьев, 27 лет, в 1834 году был зачислен пажом при высочайшем дворе, а в 1840 году по выдержании экзамена при Пажеском корпусе произведен в офицеры, с определением в Сибирский Уланский полк. Переведен в гвардию в означенный полк в 1844 году, где произведен в настоящий чин 15 апреля 1845 года.

Поручик Григорьев, по донесению агента Антонелли, был в собрании у титулярного советника Петрашевского 1 апреля.

В этом собрании говорено: о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян. Головинский утверждал, что освобождение крестьян должно занимать первое место, а Петрашевский доказывал, что гораздо безопаснее и ближе достижение улучшений судопроизводства. Поручик Григорьев, на слова Момбелли, что если теперь нельзя думать об освобождении крестьян, то, по крайней мере, священною обязанностью каждого помещика должна быть заботливость об образовании крестьян, заведении у них школ и внушение им о собственном их достоинстве,—сказал, что 'правительство запрещает учреждение школ по деревням, и что примером тому служит его брат, который в селе своем хотел завести школу,—но ему запретили.

Прежде отобрания от Григорьева письменного показания, он прислал в следственную комиссию письмо на имя вашего императорского величества. В письме этом Григорьев, признавая себя виновным в том, что он отчасти имел злобу против вашего величества за предпочтение, которое ваше величество оказывали, как ему казалось, немцам (которых он считал внутренними врагами нашего отечества),—писал, что он теперь во всем этом раскаивается, выставляя причиною всему его неудовольствию интриги лиц, его окружавших, эгоизм столицы, а также припадки болезни, тоску и чтение глупых книг. Знаком он был с Достоевским, Дуровым, Пальмом и Момбелли, которых он считал добрыми в сущности, но они были поставлены в трудные обстоятельства жизни; как писатели, жаловались на цензуру, которая строга даже выше желания государя. Люди сии неспособны на очень дурное и не имеют средств на то, но любят покричать, поболтать и ругнуть подчас.

Относительно знакомства с Петрашевским объяснял, что Петрашевского знает мало, потому что познакомился с ним недавно. Был у него два раза на литературных вечерах: в первый раз во время чтения о финансовой системе в государствах Европы, а другой раз слышал чтение о статистике и спор о крестьянах, довольно шумный. Все это ему казалось странным, и он решился не ходить более к Петрашевскому.

В заключение этого письма Григорьев, прося прощения, что дозволял себе ропот против вашего императорского величества за то, что ваше величество любите немцев более истинных сынов своих, выразился, между прочим, что он, Григорьев, на зло неспособен, и что если в бумагах или письмах его, Григорьева, может найдутся выражения против немцев, то это писал не он, а безумный больной.

В бумагах Григорьева, как уведомил статс-секретарь князь Голицын, ничего подозрительного не оказалось.

Но в бумагах Спешнева найдено возмутительное сочинение Григорьева под заглавием: «Солдатская беседа».

Статья сия следующего содержания:

«Жестокий мороз трещал на улице, знатные бары да богатые купцы-самоварники, кутая в шубы носы, что из лука стрела, летели на рысаках; подувая в кулаки, бедняки, коченея, бежали опрометью во-свояси; Ванька даже, остановя клячу, забежал в харчевню погреться, даже собака, завывая, просилась в конуру к дворнику, а часовой-горемыка был только что поставлен на смену и, покрякивая, бегал по плацформе Сенной гауптвахты. Ружья были убраны, и солдатики, собравшись в кружок дружно, грелись у печки в караульном доме: рядовой Крючков только что кончил сказку об Иване Царевиче и начинал уже новую о Царе Махмуде и о Милик-трисе Кирбитьевне, как дверь—настежь, и нелегкая внесла кварташку с двумя бутарями; они привели двух морских солдат. «Офицер велел принять», сказали «крючки» и вышли.

— За что вас, сердечные?—спросил кто-то из караульных. Но сердечные были зело налимонившись, и со страху язык у них прилип к нёбу.

— А вот старик вам расскажет, он шел за ними следом,—сказал рядовой Карнашев, ведя за собою нищего.

— Кто велел впускать? Знаешь, что запрещено!—закричал старший унтер-офицер.—Эй ты, мазурик, пошел вон!

— Мало ли что не велят,—проворчал сквозь зубы добряк Карнашев.

— Не троньте его, Егор Семенович,—сказал младший

унтер-офицер из кантонистов, Михайлов, умница и христианская душа.—Вы видите, что он и стар, и дряхл, и болен, и в рубище.

Старший унтер Егор Семенов больно боялся чорта, да и человек-то был не злой. Был служака, но не собака. Он оставил старика.

— Да никак ты наш брат служба!—вскрикнул он, увидев у нищего на груди георгиевскую ленточку.

— Точно так, сударь; я отставной солдат Л.-гв. Семеновского полка.

— Да как тебя от холода скоробило,—сказал кто-то.

— И от голоду,—отвечал он.—Вот сутки, как не ел, животы подвело и схватывает.

— На-ка, выпей,—сказал Семенов, подавая ему шкалик:—Халява не возьмет.

Тут кто дал ему хлебца, кто щец; пригрели, приголубили старика, а у того и язык развязался.

— Расскажи-ка нам, дедушка, сказку, да с присказкой, али про свою службу. Чай, много походов сломал.

— Да чай и палок на тебе много сломано,—прибавил балагур Крючков.

— Помене, чем на тебе,—отвечал старик с сердцем.—Наше время было получше, не то, что ваше. Ну, слушайте же,—начал он, запустив щепотку в тавлинку Крючкова.—Я сдаточный из крепостных. Мальчишкой был я сорви-голова и рос не по дням, а по часам. Как стал я себя помнить, то нас продали другому барину из немцев. Вот уж был злодей-то, с живых кожу драл. Обеднели мы, разорились в конец, а то прежде не што про себя жили, да на беду я попал в солдаты. Вот как это было. Барин наш был нехристь и с нами не церемонился. Бывало приедут к нему гости кутить, нашлет на деревню, и ведут ему штук пять целок, даже малолетних, такой окаянный! Обидно было. Жаловались по начальству.—Ну да знаешь, ведь он свой брат им-то, начальству,—выпорют бывало тебя же, да и конец делу. Была у меня сестренка, красавица девка, сам я ее выняньчил и любил больно. Выросла она, да и приглянись нашему-то бусурману антихристу. Вот, был я раз в ближнем селе на базаре. Приехал домой. Шасть в избу. Смотрю, что за диво? Отец как шальной, мать воет. Что мол такое? А где Машутка?—Смотрю, а она, моя голубушка, прильнула ничком в уголок, да так и заливается. Что мол, Маша? аль побили? А она, сердечная, молчит и все жмется, в уголок жмется, да сама так и дрожит. Я к матери;

мать-то и говорит мне: «не побили, говорит, а по приказу, говорит, дворовые к барину, говорит, водили». Меня так и ошеломнуло. Как я выплелся из избы, как был в кабаке, как потом до полусмерти оттаскал окаянного немца—не помню. Очнулся я уж в кандалах. Меня сдали в рекруты. Другие выли, я нет; авось мол за царем служба не пропадет. Служил я честно; получил Георгий; это было в 1813 году. Был я в чужих землях и под Туркой и в Польше, а лучше, как у француза, не видал. Вот уж так залихватский народец, амбиция большая. Полюбили они меня, звали у них остаться, да нет, как-то все на родину тянет. А уж у них не житье ли? Нет там графов, ни господ, все равны. Говорят, после и у них стало было жутко. Король слышь больно деньги мотал, богачей любил, а бедных обижал. Да вот в прошлом году как поднялся народ, да солдаты, из булыжнику в городе сделали завалы, да и пошла потеха. Битва страшная.—Да куда ты, король с господами едва удрал. Теперь они не хотят царей и управляются как мы же в деревне. Миром сообща и выборным. Тот уж ни мешать, ни грабить не смеет, а то самого по усам. Рекрутства там мало. Берут малого лет 20-ти, прослужит три года и домой, как будто на заработках был, палкам и помину нет; амбиция огромная. Жалованье и пища хорошая. Служба просто шутка; палок солдаты и не знают, и боже упаси! и не тронь его палашом, аль просто в зубы, так огрызнется, что и своих не узнаешь, одно только и есть наказание, что под арест, как офицеры у нас; и офицеров-то солдаты выбирают среди себя. Там все служат, до единого, и барин, и купец, и наш брат мужик.—Вот так раздолье! Но все я не остался; думаю, авось и дома не оставят. А вышло иначе. Учили меня, били, ломали, как собаку паршивую. Еда дрянь, жалованья грош—собачья жизнь. Сами знаете—кто из начальства хорош, того долой. Протянул я двадцать лет, выпустили по билету. Пришел домой, отец и мать уж умерли, сестра тоже исчахла, дом отдали другому. Стал было я наниматься, да на сборы затаскали. Тут вышла отставка. Пришел сюда, стал мебель таскать, заболел, одряхлел и вот теперь без крова и пищи, и замерз бы сегодня, если бы вы, господа, не пригрели. Ходил, просил,—кто сжалится? Богаделен нету. Обидно, ребятушки! Видно мы нужны, пока есть силы, а там, как браковку, в овраг собакам на съеденье. Служил я честно, а вот теперь руку протягиваешь под углом. А сколько нас таких? За все солдатство обидно. Царь строит себе дворцы, да золотит блядей, да немцев. С каждым

годом служба все тяжелее, а все колбасники проклятые; все захватили, да и мучат православных. Есть и у нас люди именитые, вот, например, Московский митрополит Филарет, генерал Ермолов, что немцам солоно пришелся, и другие,—ну да о них что говорить, одни в немилости, а другие в Сибири, кормильцы наши, защитники.—Нет, братцы, знать царь-то наш не больно православных русских любит, что всё немцев к себе берет, куда ни оглянешься, ан все немцы, и бригадные немцы, да и полковые командиры немцы, да и полковники-то все немцы, а уж если и выберется из них русский, так уж и знай, что с немцами все якшался; оттого и попал в знать, что грабить нашего брата больно наловчился; ведь сколько они, душегубцы, с полка-то получают—видимо невидимо, и все чье добро? Известно, солдатам-то ведь и щей хороших не дадут, а сами смотри на каких рысаках разъезжают! Ах они, мерзавцы! ну да погоди еще! и святое писание гласит: первые будут последними, а последние первыми. Вот французы, небось, у себя так и устроили, да и другие-то тоже. Только у нас, да у поганых австрияк иначе. Дивны дела твои, господи! Ну чем же мы хуже француза, подумаешь, а ему лучше нашего доля пришлась. Видно правду отцы говорят: на бога надейся, да сам не плошай. Ах кабы согласие, да воля—задал бы я немцам нашим кузькину мать! Проплясали бы они у нас трепака под Россейскую балалаечку! Нас больше, чего бояться чудо-богатырям, залихватским, разудалым добрым молодцам, удалым братцам солдатушкам? Умереть, так умереть, лишь бы не дать в обиду богачам да нехристям своих кровных и свою волюшку.

Старик замолчал и опустил грустно голову. Дрова в печи догорели. Было темно, и не видел честный старина служивый, как слезы текли по щекам солдат и по капле упадали на амуницию. Горько, обидно стало им.—«Ах кабы согласие да воля!» И тут как во сне представились каждому из них и родная деревня, и старик отец с матерью, и жена, и малютки сиротиночки, и воля, дорогая волюшка.

— Ну, а за что же солдат-то морских посадили?—спросил Крючков.

— А за то,—отвечал старик,—что с морозу зашли в штофную, что у Калинкина моста. Только что мальчуга стал им наливать да подносить—шасть царь, да и ну тузить солдат-то; те было барахтаться, да увидели, что офицер, и струсили; а мальчуга-то и кричит: «Ну ваше ли дело,

ваше благородие, говорит, здесь драться?». Он давай да и мальчугу. А они вишь его никто не узнали. Велел лавку запечатать, да, я думаю, торговцы с министером отстоят, они ведь крепко за своих стоят. Народу-то што, народу-то! что на балаганах о святой собралось тогда.

— Тьфу ты пропасть! И залить с горя не велят,—крикнул Крючков (а он заливал часто, то с горя, то с радости).—Вишь по кабакам шатается не за кражею, а за солдатами гоняется. Его ли дело! А поди ты, тоже кричит: «Здорово, ребята!». Не поздоровится, брат, от твоего здорово! Знаем мы тебя давно.

Вдруг звонок. Динь, динь, динь...

— Вон! Живо! Михаил едет!

— Вишь, рыжий пес, в какую погодку понесла нелегкая,— проворчали солдатики и бросились на платформу. Горемыка старик поплелся за ними».

Сочинение это было читано Григорьевым на обеде у подсудимого Спешнева, бывшем в апреле сего года. При этом находились подсудимые Головинский, Пальм, Достоевский, Дуров, Львов и Филиппов и некоторые другие из прикосновенных к делу лиц.

Кроме того, из показаний некоторых подсудимых видно, что Григорьев в числе других бывал на вечерах Дурова, где, как присовокупляет Пальм, он, Григорьев, читал статью под названием «Солдатская беседа».

Подсудимый же Спешнев показывает, что Григорьев посещал вечера Плещеева, на которых, между прочим, была читана юмористическая статья, под заглавием: «Петербург и Москва», и рассуждалось о возможности печатать за границей запрещенные книги.

При допросах в следственной комиссии Григорьев показал, что он познакомился с Петрашевским в конце 1848 или в начале 1849 года. К этому знакомству влекло его любопытство, потому что он слышал о Петрашевском, как о человеке ученом. На вечерах его он, Григорьев, был не более двух раз, из коих в первый застал Ястржембского, читавшего о кредите, но трудно сказать, чтоб это было в социальном смысле[1]). Во второй раз, 1 апреля, он, Григорьев, слышал происходившие там суждения о перемене судопроизводства, об освобождении крестьян и о цензуре, при чем особенно резко говорили

---

[1]) В другом показании Григорьев говорит, что чтение Ястржембского было хотя и темно, но действительно в социальном духе.

Петрашевский и Головинский. После этого вечера он, Григорьев, у Петрашевского уже не бывал, потому что там рассуждалось слишком резко, дерзко и в духе социальном; а как он не коммунист, то это ему не понравилось.

Вечера Дурова он, Григорьев, также посещал. Они имели прежде характер музыкально-литературный, а потом приняли направление политических толков и намерений и хотели пропагандировать и учить разные отрасли наук политических. Момбелли читал речь, которая была отголоском давнишнего задушевного желания (посетителей Дурова), а именно, что им надобно, подружась, работать общими силами, и прибавил: «вот Милюков перевел на славянский язык главу из Ламеннэ»; Филиппов мечтал о крестьянах и предлагал излагать и разрабатывать статьи либеральные и противные правительству,—в чем с другими, в безумии своем, соглашался и он, Григорьев; Дуров взял на себя часть законодательную; Федор Достоевский—изложение социализма; Ламанские, кажется, как поклонники Кобгдена, мечтали о его системе; все другие тоже обещали, по силе способностей, приложить труды свои; а он, Григорьев, изучив управление и злоупотребления военные, думал заняться этим предметом. Сверх того он имел у себя проект об улучшении благосостояния крестьян установлением постоянных и хорощих цен на хлеб, посредством казенной торговли с заграницей, чтоб уничтожить базарных кулаков и монополистов купцов. Проект сей, а также и проект о свободе крестьян, без кровопролития и разорения, он, Григорьев, прочел Дурову и Момбелли, которые и похвалили это. Потом Момбелли и Милюков предложили писать сочинения и письма в социальном духе; Львов, как химик, согласился литогравировать их на камне, а Ламанский предложил рассылать их по городской почте; но он, Григорьев, назвал это безумием и представил историю Зыбина и Шереметева в Гвардейской школе [1]); Достоевские также восстали против таких отчаянных и глупых мер, и решено просто писать разные либеральные сочинения для желающих; наконец Милюков прочел перевод свой, а Достоевский—переписку Гоголя и Белинского. Но эта глупость была понята, ибо Достоевские решительно восстали против столь сильных мер, и вечера приняли более умеренный характер и видимое охлаждение.

---

1) В чем заключалась эта история, Григорьев не объяснил и по делу не видно.

Далее Григорьев, объясняя о политическом направлении вечеров Дурова, пишет, что эти вечера изменили прежний свой музыкально-литературный характер по влиянию Петрашевского, которого при этом он, Григорьев, называет проклятым, развратником и погубившим молодых людей, посещавших Дурова. Они были учениками Петрашевского, а сам он, Григорьев, уже их учеником.

Относительно сделанного на Григорьева показания о чтении им у Дурова «Солдатской беседы»,—он объяснил, что статьи этой нигде, кроме как на обеде у Спешнева, не читал и никому не давал, за исключением Мордвинова, которому дал секретно, не ожидая огласки; хотя же у Дурова Филиппов, или другой кто, просил его прочитать эту статью, но он, уже оценив важность и глупость своего поступка, не решился на это [1]). На обеде же у Спешнева он, Григорьев, что было в несчастный для него день, точно читал «Беседу», но не решился бы читать, еслиб Спешнев и другие, предупрежденные Пальмом, не просили его убедительно. При этом чтении выразили одобрение Кашевский, Ламанский и Спешнев.

На вечерах у Плещеева, которого социалисты завербовали в свои ученики, он, Григорьев, был в начале зимы два раза, из коих в первый раз застал чтение Милюковым статьи: «Москва и Петербург», после чего разговор был не слишком значащий; а второй раз посещения его вечер Плещеева имел характер социально-политический, при чем он, Григорьев, был между гостями, как в лесу, и рассуждения о том, чтобы печатать за границей запрещенные книги, не слыхал.

О сочинении своем, под названием: «Солдатская беседа», Григорьев показал, что оно написано им во время болезненного припадка его желчи, по неудовольствию его на иноземцев, на их влияние и обиды полкового начальника, и по внушению дурных идей, окружавших его в то время, а именно господствующих ныне в обществе толков и читанных им в последнее время пустых и вредных книг, которыми он увлекся, имея характер нежный и впечатлительный. Наведен он на сочинение подобного рода теми, которых видел у Дурова. Но он клянется пред богом и государем, что ни прежде, ни

---

[1]) Бывшие на вечерах Дурова подсудимые Головинский и Достоевский показали, что у Дурова не было читано статьи: «Солдатская беседа». Сам Дуров также не показывает, чтобы сочинение это было читано, объясняя, что Григорьев в бытность у него на вечерах излагал мысли писать статьи, противные правительству.

ныне в здравом рассудке не питал и не питает злобы на государя, не имел республиканских идей, нелепых для России, и умоляет ваше императорское величество хоть простым рядовым дать ему средство доказать, что он искренно любит ваше величество и Русь родную. К этому Григорьев присовокупил, что первая часть сочинения его вылилась от негодования на развратных помещиков и вследствие жалости к отставным солдатам; а вторая часть есть чисто приобретение от социалистов—их слова и мысли.

На вопрос следственной комиссии: с которых пор и по какому случаю проявилось в нем, Григорьеве, либеральное или социальное направление, он показал, что узнал об этом со времени знакомства своего с Достоевским, Дуровым и его кружком. Завлечен же был Дуровым, который после первого вечера Петрашевского, заметив вероятно в нем, Григорьеве, энтузиазм, утащил его к себе, и он полюбил Дурова. Сверх того Момбелли доставил ему несколько книг, а сам он, Григорьев, прежде еще, из любопытства, купил у букиниста Альманах 30-го года. При сем Григорьев объяснил, что он, думая иметь некогда обширный круг действия, для славы вашего величества и отечества, изучал злоупотребления во всех отраслях управления, даже до женских учебных заведений, и имел сотни проектов практических и полезных к искоренению зла; изучал людей, чтоб не быть обманутым, и, наконец, хотел изучить социализм, ибо в коммерческом и экономическо-хозяйственном отношениях он может принести и уже приносил пользу. Он, Григорьев, не мечтатель, а молодой человек, желающий трудиться для вашего императорского величества и для ближних, не имея вовсе дела до республик.

Кроме того Григорьев против сделанного ему комиссией вопроса, не известно ли ему что-либо в отношении злоумышления, которое бы существовало и вне обозначенных собраний, показал, что при чистосердечном раскаянии своем, желая пользы правительству и предохраняя тем подобных себе молодых людей от сгубившей его, Григорьева, заразы, он объясняет, что слышал на вечерах у Дурова, не помнит от кого, что во многих учебных заведениях учителя стараются поселять детям гнусное учение социализма.

Об этом последнем показании Григорьева объяснил еще из подсудимых, бывавших на собраниях у Дурова, Филиппов.

На вопрос, сделанный Григорьеву в Военно-судной комиссии, не имеет ли он, в дополнение данных им при следствии

показаний, еще чего-либо к оправданию своей вины представить, Григорьев, подтвердив свои прежние показания, присовокупил, что в оправдание свое он может сказать только то, что поступал безрассудно по молодости, увлеченный обществом, и, надеясь на милость вашего императорского величества, повергается к стопам вашего величества.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит, что подсудимый поручик Григорьев в конце 1848 года познакомился с подсудимым Петрашевским, был у него во время преступных рассуждений о средствах к освобождению крестьян, а в марте месяце сего года на собрании подсудимого Дурова, участвуя в совещаниях о сочинении статей против правительства, Григорьев изъявил готовность описывать злоупотребления военные и вскоре написал и распространял сочинение свое под заглавием: «Солдатская беседа». В этой беседе, под видом рассказа отставного гвардейского солдата, Григорьев в высшей степени дерзко порицал службу военную, действия воинских начальников и в особенности вашего императорского величества.—Сочинение это тем более оказывается преступным, что по смыслу и слогу оно предназначалось к поколебанию в нижних чинах преданности к престолу и повиновения к начальникам. А потому военный суд приговорил его, поручика Григорьева, за составление и распространение своего злоумышленного сочинения под заглавием «Солдатская беседа», с употреблением в высшей степени дерзких выражений против священной особы вашего императорского величества,—лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I, ст.ст. 169, 170, 171, 174 и 596, чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О титулярном советнике Константине Тимковском.

Титулярный советник Тимковский, 34 лет, воспитывался в С.-Петербургском университете и в Институте восточной словесности при министерстве иностранных дел. Кончил воспитание в 1833 году. Поступил на службу в октябре того же года во флот юнкером и служил во флоте до 1845 года, а в том году вышел в отставку и в 1846 году поступил на службу в министерство внутренних дел чиновником особых поручений, с переименованием из лейтенантов в титулярные

советники. В июне 1848 года откомандирован в город Ревель для производства ревизии тамошнего Магистрата и городского хозяйства в помощь командированному на тот же предмет надворному советнику Беклемишеву.

В донесениях агента о Тимковском не упоминалось; но как при спросе в следственной комиссии один из арестованных, подсудимый Ахшарумов, показал, что Тимковский в один вечер на собрании у Петрашевского говорил речь о социализме, а в другой вечер говорил о средствах действия и о влиянии на общество, предлагая именно солидарность между всеми знакомыми Петрашевского, т.-е. взаимное вспоможение и протекцию по службе для занятия высших мест, с тем, чтобы каждый давал отчет о том, что он сделал в известное время,—то, по важности таковых обвинений, Тимковский, по высочайшему повелению, в мае месяце был арестован в г. Ревеле, а бумаги его опечатаны.

В бумагах Тимковского, как уведомил статс-секретарь князь Голицын, не оказалось ничего относящегося к настоящему делу, но обратило однакоже внимание письмо к нему из Парижа от Бутовского (агента министерства финансов в Париже, коллежского советника), который писал, что приступает к истории коммунизма и социализма; также оказались у Тимковского две запрещенные книги.

Сверх того в бумагах подсудимого Спешнева найдены три письма к нему Тимковского на французском языке от 21 декабря 1848 года, 11 января и 8 марта 1849 года из Ревеля.

В первом письме Тимковский, между прочим, писал к Спешневу, что по возвращении его из Петербурга, на предложение его жены вместе говеть в великом посту, он отвечал ей отрывисто, что не понимает зачем ему говеть и не видит в том никакой необходимости. Это ее очень обидело, и так как она требовала на то объяснения, то он, Тимковский, откровенно рассказал ей свои религиозные мнения и тем чрезвычайно огорчил ее. Описывая свои страдания вследствие уничтожения семейного своего счастия, Тимковский прибавляет, что все это может служить для Спешнева мерилом относительно доверия, которое он может оказывать ему, Тимковскому, имевшему варварскую решимость пожертвовать столь драгоценным для него сердцем дикой любви своей к истине. В заключение этого письма Тимковский присовокупил, что он занимается, много работает и не теряет своего времени, равно как и Баклемишев, который был очень рад тому, что он, Тимковский, рассказал ему про Петербург.

Во втором письме Тимковский по поводу того, что он не получал ответа от Спешнева на предыдущее письмо, изъявляет сомнение—не прочли ли и не задержали ли оное на почте. Вследствие сего он принимает свои меры предосторожности и пишет на этот раз под адресом своего брата, который передаст это письмо Спешневу. За сим Тимковский уведомляет, что он в Ревеле работает и изучает, хотя эта работа очень тяжела и изучение трудно при недостатке книг, которые он просит приготовить, как было ему обещано. «Мне было бы желательно узнать»,—продолжает Тимковский, «знаете ли вы что-нибудь про знаменитое письмо (одно и единственное), которое мне написал Петрашевский.—Жаль, что я не могу ни вам его сообщить, ни ему отвечать по почте. В следующем письме однакоже я поговорю с вами о нем побольше.—Я думаю, впрочем, что вы о нем вовсе ничего не знаете; или в случае, если вам было известно его содержание, то вы допустили к тому этих господ с тою целью, чтобы показать мне, как мало можно на них полагаться, но что вы не разделяете их мнений».

В третьем письме Тимковский пишет: «Я удивляюсь и весьма сожалею о том, что не получаю от вас ни одного слова в ответ на мои к вам письма. Если вы не имеете ничего хорошего сообщить мне относительно моей службы, то не имеем ли мы другого предмета для переписки, равно для нас интересного? что у вас делается? не уменьшается ли апатия? Приехал ли Данилевский? В ожидании ни я ни Беклемишев не теряем нашего времени. Он написал ряд писем к помещику; я же с своей стороны оканчинаю перевод «Fou» и первый том «Destinée sociale». Сверх того я устроил здесь два кружка, в которых, надеюсь, что изучение также процветает. Из сего вы можете усмотреть, что я здесь не нахожусь в бездействии; я изучаю сам сверх всего этого. Я у вас спрашивал когда-то, не известно ли вам об огромном и мало понятном письме, полученном мною от Петрашевского. Вы не сказали мне об оном вашего мнения, а мне было бы очень интересно знать его. Поистине я не могу объяснить себе вашего молчания.—Да напишите же мне несколько строк, на кого ж полагаться, если мы не можем положиться на нас троих позднее, а теперь на двух. Во всяком случае в начале лета я приеду на несколько дней в Петербург.—Все меня оставляют, а вы в особенности.—О, проклятая почта! Всегда опасно вверяться бумаге».

В тот самый день, как арестован был Тимковский, гене-

рал-лейтенант Дубельт доставил в комиссию записку находящегося в Эстляндской губернии штаб-офицера корпуса жандармов полковника Грессера с изъяснением некоторых сведений относительно Тимковского по пребыванию его в Ревеле.

В записке этой полковник Грессер писал, что он узнал от верного человека (просившего оставить имя его в неизвестности), что Тимковский, как родственник того лица, бывая у него весьма часто, всегда казался подозрительным по его разговорам, а 14 мая сего года Тимковский при разговоре с тем лицом, между прочим, сказал, что он ожидает ежеминутно, что его арестуют, как арестовали его брата, потому что в Петербурге они бывали на собраниях, куда сходились от 200 до 300 человек и где говорили речи. На замечание же того лица, что у нас непозволенные собрания существовать могут, Тимковский сказал: «Так что ж,—ну, взяли 100 человек, а их я знаю 800, осталось 700, и все будет то же».

При предварительном расспросе в следственной комиссии Тимковский показал, что, бывши в октябре 1848 года по собственным делам в С.-Петербурге, он познакомился с Петрашевским случайно и бывал у него по пятницам в течение ноября и начала декабря, около шести раз до отъезда своего, 7 декабря, по месту служения в Ревель. В такое короткое время и встречаясь каждый раз почти все с новыми лицами, он не имел возможности ни узнать коротко людей, ни разгадать не только цель их собраний у Петрашевского, но даже была ли у них какая-нибудь цель. Предметами разговоров на собраниях у Петрашевского были: философия, религия, политика, толки о правительстве, социализме и всего более о социализме.—Мнения присутствовавших были так разнообразны, так не сходны между собою, что ему казалось несомненным и до сих пор убежден, что они не составляли никакого устроенного общества, с какою-либо определенною целью, тем менее с целью политическою или революционною.—Чувствуя однако, что сборище людей, тревожимых жаждою какой-то деятельности, которой цели они сами еще не сознавали, должно будет современем, по естественному ходу вещей, образоваться в какое-нибудь общество, и понимая вместе с тем, что если цель такого общества будет ложна и вредна, то при удаче они погубят отечество, а при неудаче самих себя, он, Тимковский, решился откровенно высказать им свои убеждения и потребовать от них такого же откровенного изложения их мнений, намереваясь

в случае несходства их обоюдных целей разойтись с ними навсегда. Для этого, в одну из последних пятниц до отъезда своего из Петербурга, он сказал присутствовавшим, что дальнейшие взаимные отношения их друг к другу будут зависеть от цели, какую они себе предположили, и потому просил их сказать ему, есть ли у них какая-нибудь цель, и если есть, то какая. Ему отвечали, что цель их есть осуществление реформ социальных,—а для этого первое и важнейшее средство—пропаганда, которую они намерены устроить в большом размере. В то время он, Тимковский, был убежден, что системы социалистов, за исключением Фурье, более или менее неполны, мечтательны, неудобоприменимы и даже гибельны, потому что уничтожают собственность, семейственность, даже личность людей; требуют невозможного равенства между всеми членами общества и готовы вводить свои преобразования хотя бы ценою крови и революций.—Система же Фурье не заслуживает этих упреков: она свято сохраняет собственность каждого, не только не допускает всеобщего равенства между людьми, но, напротив, основывает всю гармонию общественного устройства на неравенствах состояний, сословий, иерархий, способностей, заслуг. По сей системе предполагаются реформы не в правительстве, но в обществе, в тех элементах общественных, которые по законам всех государств предоставлены произволу граждан; она достигает своих целей путем мира, без смут, без насильственных потрясений, при какой бы то ни было форме правления, даже требуя непременным условием, чтобы правительство стояло твердо и прочно на своем основании. Притом фурьеристы желают, чтобы их система была предварительно испытана на деле в малом размере, без применения к целому государству вдруг, т.-е. чтоб им позволено было составить мануфактурно-земледельческое общество или товарищество в 1800 человек, которое жило бы все вместе, владея пространством земли в 8 квадратных верст и заведывало бы само своим внутренним домашним управлением, не освобождаясь, однако, от подчиненности общим государственным законам. Если бы такое общество состоялось, и правительство увидело бы на деле от него пользу и исполнение обещанных им целей, т.-е. достижение общего благоустройства его членов, то оно без сомнения поощрило бы учреждение подобных же обществ, и таким образом, чрез более или менее продолжительное время, преобразовалось бы целое государство.—Этим учением увлекся и он, Тимковский, и был готов проповеды-

вать его на крышах и на перекрестках, но без злого умысла, не имея намерения быть заговорщиком или революционером. Узнав таким образом, что собрание у Петрашевского имело целью осуществление реформ социальных, а ближайшее средство—пропаганда, он, Тимковский, ухватился за эту мысль, надеясь, что пропаганда будет распространяема в духе учения Фурье. В тот же вечер он много говорил по этому поводу, и, между прочим, что надо начать с того, чтобы самим изучить основательно все системы социалистов, так как большая часть из присутствовавших говорили и судили об оных только по наслышке, сличить их, выбрать из них лучшую (т.-е. систему Фурье) и тогда распространять ее сознательно во всех обществах высшего круга, а не между простым народом, потому что нужно итти путем мира и убеждения, действовать на разум людей просвещенных, а не на страсти невежд. По возбуждении таким образом общественного мнения в пользу этой системы, Тимковский предлагал подать просьбу правительству о разрешении и выдаче денежных средств на учреждение первого пробного общества в 1 800 человек. В случае отказа со стороны правительства он полагал составить компанию на акциях для учреждения пробного общества и не думал, чтобы правительство наше воспретило учреждение оной, потому что оно первое начинало само всякие полезные преобразования; доказательством сему служит исторический ход нашего отечественного законодательства от Петра I до нашего времени, а новейшим примером—постоянная мысль вашего императорского величества об уничтожении крепостного состояния. Предполагая же, что и это было бы неудачно, он предлагал солидарность (взаимную упрочимость), т.-е. подвигать на службе друг друга вперед общими силами, и, достигнув мест более значительных, иметь некоторое влияние на желаемое разрешение от правительства, не теряя из виду тот мирный и законный путь, который один приведет к цели и от которого он не думал отступить ни на шаг. С таким образом мыслей и предложенными им средствами совершенно согласился Спешнев; прочие молчали, и он не намеревался разгадывать их мыслей, решившись воспользоваться назначенным чрез день отъездом своим в Ревель и прекратить с ними всякие сношения. На другой день утром он виделся с Спешневым на его квартире, и по обоюдному согласию положили, что он, Тимковский, прекратит всякие сношения с кругом Петрашевского до возвращения своего из Ревеля, а тогда, смотря по их действиям

к образу мыслей, увидит, должно ли с ними сблизиться, или нет. Вместе с тем тут же они решились, по возвращении его, Тимковского, из Ревеля, а Данилевского (которого он, впрочем, никогда не видал) из деревни,—они втроем (Тимковский, Спешнев и Данилевский) составят особый круг и будут действовать так, как предлагал он, Тимковский, у Петрашевского. При чем он же, Тимковский, сказал, что между тем в Ревеле, при случае, он будет проповедывать учение Фурье. По прибытии в Ревель он пытался в разные времена, в разных домах, более всего в обществе флотских офицеров, между которыми было много прежних его товарищей по флотской службе, говорить о фурьеризме; но с первых его слов завязывался спор, и ему никогда нигде не удавалось изложить полной теории. Это его огорчало и утомляло. Легко понять его радость, когда после этого вдруг в один день в двух домах [1]) его слушали со вниманием не прерывая; возвратясь домой, он уже мечтал приобрести новых последователей для науки. В такую минуту он писал к Спешневу: «Я составил здесь два круга, в которых изучение будет процветать»; тогда как в более хладнокровном состоянии написал бы: «Я пытаюсь или надеюсь составить здесь два зародыша кругов»; слово изучение он подчеркнул, чтоб означить чрез то изучение фурьеризма. Но и тут надежда его не сбылась. В обоих вышеупомянутых домах слушали его со вниманием для того только, чтобы потом лучше его оспаривать и даже смеяться над его фурьеристской проповедью, как оказалось впоследствии. Слова того же письма: «на кого положиться и пр.» объясняются тем, что он рассчитывал только на Спешнева, а когда и сей последний ему не писал ни слова, то он начинал сомневаться и в нем. Слова: «вы меня все оставляете» написаны собственно для того, чтобы не оскорбить посещавших круг Петрашевского; если бы Спешнев почему-нибудь вздумал показать им его письмо, хотя он и прервал с ними сношения, думая, что, может быть, по возвращении его в Петербург ему опять придется с ними сблизиться, если они действовали в его правилах. Между тем постоянная неудача его пропаганды, упорное молчание Спешнева, да и самый социализм, на который он стал смотреть иными словами, побуждали его все оставить, на что он и ре-

---

[1]) В чьих именно, Тимковский в письменном своем показании не упоминает, но при словесных расспросах объяснил, что таковые разговоры о фурьеризме он имел у начальника Балтийских маяков генерал-майора Баранова и жены статс-секретаря Маслова.

шился. Он прекратил начатый им перевод книг: Le fou du Palais Royal (соч. Кантагреля) и Destinée sociale (соч. В. Консидерана) и написал последнее письмо к Спешневу, намереваясь в следующем объяснить ему, что он довольно дурачился и решился все оставить. Во все время пребывания своего в Ревеле он не имел переписки ни с кем из общества Петрашевского, исключая Спешнева, от которого не получил ни строчки в ответ. Только в начале, т.-е. вскоре по возвращении своем из Петербурга, он получил одно весьма бестолковое письмо от Петрашевского, в котором сей последний делал ему некоторые вопросы о социализме, и на которые он, Тимковский, не сделал ответа.

Относительно слов, приводимых безыменным на него доносителем, произнесенных будто бы им при вести об арестовании его брата, Спешнева и других, он, Тимковский, объяснил, что если это точные его слова,—чего он не помнит,—то мысль тут выражена так лаконически, что ее можно объяснить как угодно. В то время он не знал еще причин этих арестов и думал: если правительство преследует социализм во всех его видах, то и его потребуют в Петербург. Мысленно он рассчитывал, сколько должны погибнуть при том случае. Он вспомнил, как говорили однажды, что социалистов в С.-Петербурге, Москве и других городах наберется до 700—800 человек. Услышав же, что взяты только сто, а не все, он боялся за тех, которые остались свободными, чтобы они из страха быть взятыми в свою очередь не вздумали спасать себя каким-нибудь отчаянным средством и тем не погубили бы себя в конец; тогда, конечно, им было бы еще хуже, хуже и потому еще, что, может быть, их арестование не обошлось бы без пролития крови, хотя одного солдата.

Из числа подсудимых помещик Спешнев, в бумагах которого, как выше значится, оказались письма к нему Тимковского, показал, что Тимковский человек горячий, восторженный, с расстроенными нервами, совершенно откровенный и религиозный. По мнению его, Спешнева, он был уже однажды очень близок к сумасшествию; он верит сильно в магнетизм; а по тем фактам, которые он ему рассказывал о том, что с ним было, когда одна из сестер его пошла в монастырь, какие он видел видения,—он, Спешнев, заключает, что он тогда временно был помешанным. Средств у него, кроме своего языка и пера, нет никаких. Он очень добросовестный фурьерист—никакого политического переворота, ни реформы и близ-

ко не замышляет. Желает распространения фурьеризма и надеялся, что он, Спешнев, один способен распространить социализм. О составлении какого-нибудь тайного общества пропагаторов у него, Спешнева, с Тимковским и разговора не было. Тимковский не только был совершенно убежден в непредосудительности мыслей Фурье, но считал, что они совпадают с законным направлением, что они полезны потому, что отвлекают от либеральных затей. Его убеждения в этом простирались до того, что он сбирался перевести Консидерана, или Фурье, и представить их в Цензурный комитет, уверяя, что «всякий, кто прочтет Фурье,—непременно убедится в его непредосудительности». Тимковский говорил, что ему приходила мысль поехать просто к какому-нибудь банкиру, например к Штиглицу, рассчитать ему всю выгоду, которую он получит, если обратит часть своих капиталов на эту спекуляцию, что зовется у фурьеристов «фалангой». Он восставал против всяких бунтов и революций, бранил тех из социалистов, которые в июне месяце прошлого года участвовали в Парижском восстании, говорил, что они отступились от своих убеждений, считал, что для всякого, кто социалист, или того, кто знает социальные теории, есть обязанность стараться разрушить предубеждение, которое в глазах многих накинуто на разнородные социальные теории, потому что в Париже толпа вздумала бунтовать и грабить. Тимковский читал однажды у него, Спешнева, свой перевод «Le fou du Palais Royal», соч. Кантагреля в присутствии двух братьев Дебу, Петрашевского, Ханыкова и его, Спешнева,—тут спорили, как переводить разные термины фурьеристов. У Петрашевского говорил, или читал он речь, форма которой несколько горяча, но где он положительно и добросовестно отклонял от всякого политического переворота и уговаривал каждого словесно распространять свои мысли и убеждения. Еще прежде сего, без него, Спешнева, он разругал философию, французскую революцию и взялся математически доказать, «что Христос воплотился от девы», но вместо того произнес свою речь о необходимости проповедывать. Все это многим не нравилось и казалось подозрительным. Петрашевский в одно время считал Тимковского за агента секретной полиции. Тимковский же, с своей стороны совсем незнакомый с обществом Петрашевского, считал, что это все ученые социалисты разных школ, которые сходятся туда, чтобы спорить каждый о своей системе; думал, что тут что-то вроде ученого конгресса. Сам же Тимковский, кроме Фурье, не знал

других социальных теорий, и Спешнев в спорах своих с ним о фурьеризме успел несколько поколебать в нем безусловную веру в Фурье, так что он, Тимковский, просил его, Спешнева, приготовить ему книг к его приезду в Петербург, куда он скоро надеялся быть переведенным на службу. В случае прибытия Данилевского он, Спешнев, и Тимковский сговорились собираться втроем и рассмотреть этот предмет окончательно. Вообще Тимковский немного самонадеянно думал, что в России только он, Спешнев, и Данилевский знают несколько социализм. О действиях Тимковского в Ревеле он, Спешнев, знает только из его писем; из сказанного им в этих письмах про кружки и изучение он понял, что Тимковский посещает два общества, в которых говорит о фурьеризме; впрочем он, Спешнев, по лености ни на одно из его писем не отвечал.

Упоминаемый в письмах Тимковского Беклемишев (надворный советник), служивший вместе с Тимковским в Ревеле, показал, что в конце декабря 1848 года Тимковский, возвратясь из отпуска, говорил ему, Беклемишеву, что познакомился в Петербурге с Петрашевским и Спешневым, из коих у первого бывает от 30 до 50 челов., и что он, Тимковский, говорил речь, которая произвела большой эффект, что у Петрашевского рассуждали и о социальных вопросах, но больше о философии и религии. При этом случае Тимковский прибавил, что он был некогда фанатически религиозен, но уже года два как переменил понятия свои, скрывая это от жены своей; по возвращении же из Петербурга не мог более лицемерить и этим чрезвычайно огорчил жену. В январе месяце Тимковский говорил, что переводит книгу Destinée sociale, но впоследствии сказал ему, что перестал переводить. От Петрашевского же он получил одно предлинное письмо, которое показывал ему, Беклемишеву, сказав, что не хочет отвечать Петрашевскому. В письме этом, написанном весьма темно и вычурно, Петрашевский, между прочим, упрекал Тимковского в том, что он слишком еще держится всех религиозных поверьев, как видно было из произнесенной им речи. Кроме того он упрекал его в страсти к пустым фразам и в самолюбии; говорил, что Тимковский должен был заметить, что речь его многим весьма не понравилась, ибо они видели, что он желал только блеснуть своим красноречием, но что во всей речи не было собственно никакого смысла. Мнения Тимковского о социализме, сколько он, Беклемишев, мог заметить, были неопределительные и мистические; он смешивал социализм, религию, магнетизм и кабалистику. Политикой вовсе

не интересовался и был в ней довольно несведущ; он, Беклемишев, всегда видел в Тимковском в высшей степени суетного и самолюбивого человека, а по тому, что он рассказывал о чудесах, производимых магнетизмом, и необычайной способности его к языкам, о том, как он ребенком выучился читать и едва ли и не писать в два урока, можно было счесть его и хвастливым. Вообще же он был обыкновенно молчалив и, казалось, жил в каком-то отвлеченном мире. Когда было получено известие об арестовании брата его, Тимковского, то он действительно сказал ему, Беклемишеву: «чего доброго, может быть и меня возьмут». На вопрос его: «за что?» Он сказал: «за то, что я был у Петрашевского и говорил речь»,—но потом прибавил: «да впрочем я ничего не говорил против правительства». В день арестования Тимковского ему, Беклемишеву, сказали, что Тимковского арестуют вовсе не за связи с Петербургом, но за вольнодумные разговоры в Ревеле, и в тот же день он, Беклемишев, слышал от того же человека, будто бы Тимковского обвиняют в том, что он сказал: «100 человек в Петербурге взяли, а 800 осталось». На показанное ему, Беклемишеву, при допросе письмо Тимковского, в котором, между прочим, сказано: будто он, Тимковский, основал два кружка в Ревеле, Беклемишев объяснил, что это чистая ложь или хвастовство, чтобы показать свое влияние. По знанию его местных обстоятельств он смело может сказать, что существование тайных обществ в Ревеле невозможно; весь город знал бы об этом менее, чем в три дня.

Собственно в отношении речи, говоренной Тимковским на собраниях у Петрашевского, нижепоименованные подсудимые показали:

Дебу 1-й и Дебу 2-й,—что Тимковский в речи своей, развивая систему Фурье, приводил надобность размножения кружков для того, как присовокупляет Дебу 2-й, чтобы распространять известное направление.

Момбелли,—что пред отъездом из Петербурга Тимковский явился на вечер к Петрашевскому с тетрадью в руках и объявил, что намерен открыто высказать мысли, его занимающие. После чая Тимковский начал чтение изложением рассуждения о прогрессе, о фурьеризме, коммунизме и пропаганде; потом предлагал разделить мир на две части, отдав одну часть на опыт фурьеристам, а другую коммунистам и т. п., и в заключение советовал устроить кружки, на которых занимались бы исключительно вопросами фурьеризма и коммунизма, и чтобы хозяева тех кружков собирались в свой

кружок, на котором бы рассуждали о вопросах спорных и труднее решаемых. Наконец Тимковский сравнивал себя с Самсоном. Впечатление, произведенное чтением Тимковского, было самое грустное: многие побледнели, раскаяние в приезде на вечер и страх изобразились на лицах. Впечатление это произвело, по мнению его, Момбелли, не либерализм речи Тимковского, а то, что он предлагал действовать [1]).

Львов,—что речь Тимковского на собрании у Петрашевского, по мнению его, Львова, есть самая замечательная из всего, что было там говорено. Тимковский говорил, что он полагает, что все они должны действовать, что хотя он считает самою полною систему Фурье, но что и другие суть только концентрические круги, и пусть всякий действует по своим убеждениям, при этом Тимковский сказал «сильные не торопитесь, а вы, слабые, не бойтесь, я вас не вызываю на площадь».

Ханыков,—что речь Тимковского, читанная у Петрашевского, была возбудительная в духе коммунизма; в ней советовалось слушателям образовать кружки и заниматься пропагандою.

Толль,—что Тимковский говорил в самом нелепом духе о необходимости какого-то переворота и высказывал желание возмущения.

Достоевский,—что читанная Тимковским на собраниях у Петрашевского речь занимала два или три вечера. Тимковский говорил в ней с большим уважением о Фурье; коснулся выгоды его системы и желал ее успеха, убеждаясь впрочем в невозможности применения оной немедленно, увещевал быть согласными в идеях, кто бы какой социальной системы ни держался, и в то же время оговаривал, что зовет не на бунт и не желает тайного общества.

Подсудимый же Петрашевский показал, что он не помнит того, чтобы речь Тимковского была в возмутительном духе, равно как не помнит в точности и ее содержания. Ему неприятно было только то, что сказано было о кружках и о солидарности, ибо могло дать повод к превратным толкованиям.

При допросах следственною комиссиею против означенных показаний, Тимковский объяснил, что произнесенная им речь не оставалась на письме в руках присутствовавших,

---

[1]) В каком смысле употреблено слово действовать, в показании Момбелли не объясняется.

а потому они очень легко могли забыть и, конечно, забыли подлинные его выражения, даже потеряли нить речи, связь идей и стали припоминать при помощи друг друга. Иной может быть и помнил его подлинное выражение такой-то мысли, но, ставя ее не на своем месте, не в той последовательности, давал ей неумышленно иное значение; другой, полагая, что сущность дела не в выражении, а в идее, забывал его слова и передавал своими, но, худо ли поняв его мысль, или передавая ее под влиянием собственной точки зрения, опять искажал смысл им сказанного. Из всего этого, перемолотого и перекроенного каждым по-своему, вышло, наконец, что-то целое, в котором было кое-что его, Тимковского, и кое-что чужого. Эту речь, таким образом ими пересозданную, они сохранили в своей памяти. Ясно, что показания их могут быть совершенно сходны между собою, а между тем, хотя и без всякого злого умысла с их стороны, речь его искажена, и дело представляется совсем в ином виде. Он и сам не помнит своей речи от слова до слова, помнит только ее сущность, тем менее они могут помнить. Согласить же того, что он говорил в этой речи, с замечанием будто бы он желает возмущения, невозможно потому, что он везде и беспрестанно повторял и подтверждал: «Идите путем мира и убеждения, вы должны действовать на разум просвещенных, а не на страсти невежд; помните, что вы не заговорщики и не религиозные сектаторы, критикуйте недостатки общественные, но только те, которые не подлежат распоряжению правительства, а во всех государствах предоставлены произволу общества; к делу, не на бой, не в заговор, но на мирную проповедь». О других коммунистских и социальных системах в применения их к нашему быту он, Тимсковский, коснулся слегка, приглашая присутствующих начать с того, чтобы сначала учиться, а потом уже учить других. Советуя изучать все социальные системы как для того, чтобы убедиться, что система Фурье есть лучшая и убедить других, так и для того, чтобы в споре с посторонними лицами быть всегда хорошо вооруженными и готовыми к отпору, он сказал, что ему кажется, если бы где-нибудь на земном шаре устроились вдруг рядом фаланстерия и община (communauté) коммунистская, то коммунисты сами переняли бы очень многое от фалайстерии, а фаланстерия, может быть, кое-что от них, и таким образом вместо фаланстерии и общины устроились бы две фаланстерии смешанные (mixtes). Из этих-то слов, вероятно, и составили некоторые из присутствовавших что-то

несвязное, ни с чем несообразное, чего он, Тимковский, не мог сказать по здравому смыслу, а именно, будто бы он предлагал разделить мир на две части—между коммунистами и фурьеристами. Такого раздела не мог он предложить, во-первых, потому, что он, Тимковский, не всемирный властелин, а во-вторых, потому, что фурьеристы не взяли бы не только полмира, но даже полсамого маленького из европейских государств на опыт, хотя бы им и предлагали. Если б он сделал такое нелепое предложение, то над ним расхохотались бы все, понимающие сколько-нибудь теорию Фурье, между тем это может также доказать, до какой степени в памяти присутствовавших перемешались искаженные ими же его, Тимковского, идеи.—Он не предлагал также полмира отдать коммунистам, потому что все знали, что он не был коммунистом и не признавал их учения истинным. Что же касается слов: «сильные не торопитесь, а вы, слабые, не бойтесь, я вас не вызываю на площадь»,—ему, Тимковскому, кажется, что этих слов он не говорил, а тут что-нибудь переиначено. Впрочем даже приводящие на него эти слова сами же говорят, что он не вызывал их на площадь.

Устройство кружков он считал полезным для изучения системы Фурье, и так как эти кружки собирались бы у тех, которые глубже изучили науку, чем вновь начинающие, то хозяева этих кружков, как люди более сведущие, составляли бы свой особый круг, который руководствовал бы прочих в деле их собственного изучения, разъяснял бы вопросы темные или спорные и распоряжался бы пропагандой, когда она началась бы. Наконец сюда же приходили бы за советами те, которые, излагая где-нибудь в обществе (т.-е. в гостиных) теорию Фурье, встретили бы со стороны слушающих такие возражения, которые сами не сумели бы опровергнуть.

Беклемишеву он, Тимковский, действительно сказал, что речь его у Петрашевского произвела большой эффект. Он и считал, что она произвела большой эффект именно такой, какого он ожидал. Он хотел узнать, что это за люди, и на кого из них можно рассчитывать в деле пропаганды фурьеризма, кто из них захочет серьезно заняться наукою.

И когда он предложил им и ставил непременным условием прежде самим учиться, то действительно этим поселил во многих страх и раскаяние в приезде на вечер, потому что учиться-то им не хотелось.

Кроме того Тимковский в поданном в комиссию дополнительном объяснении излагал, что он начал заниматься социа-

лизмом случайно в Ревеле в сентябре 1848 года и к несчастью напал прямо на Фурье. Теория Фурье возбудила в нем какой-то энтузиазм, именно потому, что обещает счастие и благоденствие всему роду человеческому, посредством приятного и увлекательного труда и достигает своих целей путем мирным, без потрясений, без кровопролития, при всякой форме правительственной и с содействием самих правительств. Под влиянием этого энтузиазма, тогда еще совершенно в нем нового, свежего, в конце октября он приехал в Петербург и попал в круг Петрашевского. На собраниях у Петрашевского, на которых он был 6 пятниц сряду, он слышал преимущественно от подсудимых: Петрашевского, Толя, Ястржембского и Спешнева и бывшего там чиновника Баласогло такие речи о религии, которые сначала приводили его в ужас, а потом совершенно поколебали его веру так, что он вскоре дошел до положительного отрицания веры христианской, даже сомневался в существовании самого бога. Петрашевский вместе с другими доказывал недостоверность всех книг священного писания ветхого и нового завета и, называя их писаниями апокрифными, говорил, что все наши четыре Евангелия писаны не апостолами, слушавшими учение Иисуса Христа, а позднейшими мыслителями, принадлежащими к касте духовенства, жаждавшего забрать в свои руки власть, что сам господь и спаситель наш Иисус Христос был такой же человек, как и мы, но гениальный и посвященный в таинства наук нововводитель, умевший воспользоваться своим положением. Наконец, касаясь суждений о бытии божием, толковали, что путем разума, путем научным нельзя доказать положительно ни его бытие, ни небытие, и что как то, так и другое останется только гипотезой. До такого ужасного результата, продолжает Тимковский, они доводили всеми тонкостями самой хитрой и лукавой диалектики, и это было причиной того, что он, Тимковский, впал в бездну неверия и злочестия, из которого одно только милосердие божие могло его вывести и вывело, подвигнутое к тому теплыми молитвами жены его, Тимковского, и духовника его. По мере же того, как религиозные верования в нем возобновлялись, он яснее видел лживость учения Фурье и, наконец, убедился, что оно не только не прекрасная теория, но учение вредное, потому что прямым путем ведет ум к .безбожию. Тогда он горько раскаялся, что вдался, как слепой, как ребенок, в это дело распространения фурьеризма и мог увлечь и других, но к счастью не успел. Знает, что раскаянием выкупаются только

вины пред богом, и что оно никогда не бывает поздним пред судом его, а на суде земном позднее раскаяние не приносит плода, и вина выкупается только наказанием. Но ему легче будет перенести наказание, какое бы оно ни было, чем постоянно мучиться совестью, и потому пренесет безропотно все, что богу и вашему императорскому величеству угодно будет положить на него.

При спросе в военном суде подсудимый Тимковский показал, что он подтверждает прежние свои показания и ничего к оправданию своему прибавить не имеет.

Сверх того, при производстве военного суда, один из подсудимых, учитель Толль, на сделанный ему словесный вопрос определил ли подсудимый Тимковский время и средства для произведения необходимого, по его мнению, переворота, показал, что, сколько он припомнил, Тимковский высказал в своей речи, что все старания истинных поборников прогресса должны быть обращены на ускорение возмущения, что ранее или позже оно должно произойти, но что он желал бы видеть осуществление этого еще до отъезда своего в Ревель, что он готов первый выйти на площадь, и, если нужно будет, принести себя в очистительную жертву святому делу свободы, которого первое условие успеха заключается в единении его поборников и прекращении всех споров о системах, а также в установлении прочных правил пропаганды. В конце же своей речи Тимковский делал род воззвания к соединению в одно общество всех, согласных с его образом мыслей.

Самому Тимковскому против сего вопросы не сделаны, и очной ставки ему с Толлем не дано, равно и прочие подсудимые о сем не спрошены.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого титулярного советника Тимковского виновным в том, что он посещал с октября месяца 1848 года собрания подсудимого Петрашевского; участвовал там в противозаконных рассуждениях о религии и правительстве и потом сам читал речь, предлагая учредить отдельные, без ведома правительства, собрания или, как называет Тимковский, кружки, для распространения социальных систем, и чтоб старшины этих кружков составляли особый круг для руководства прочих. Вскоре после произнесения этой речи Тимковский, отправясь по делам службы в Ревель, пытался, как сам показывает, распространить и там свой

образ мыслей, но, не имев успеха, прекратил свои действия. В какой степени были преступны речи, намерения и действия Тимковского к распространению противозаконных замыслов, доказательств не открыто, самой речи, которую он читал в собрании Петрашевского, не найдено. Но, по показаниям подсудимых Момбелли, Львова и Толля, бывших при чтении Тимковским речи, он, Тимковский, навлекает на себя сильное подозрение в том, что в этой речи он высказал возмутительные предложения и воззвания к близкому восстанию. Из упомянутых лиц Толль утверждает, что Тимковский в своей речи говорил о необходимости переворота и скорейшего возмущения, а Момбелли и Львов,—что Тимковский предлагал действовать; к сему Момбелли прибавил, что речь Тимковского произвела такое грустное впечатление в собрании Петрашевского, что многие от страха побледнели [1]). Прочие из числа присутствовавших в собрании Петрашевского об упоминаемых в показаниях Толля, Момбелли и Львова фактах не показали. А потому военный суд приговорил его, титулярного советника Тимковского, за умысел составить общество с целью изменить общественное устройство посредством неуказанных и недозволенных действий, лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I, ст. 196 и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных ст. 348, чинов, всех прав состояния и сослать на поселение в отдаленнейшие места Сибири, а в склонении Тимковского к возмущению оставить его, за неимением доказательств, в подозрении.

О титулярном советнике Ястржембском.

Титулярный советник Ястржембский, 34 лет, из дворян, воспитывался в Харьковском университете и, по окончании курса 1-го мая 1843 года с степенью кандидата, поступил помощником инспектора классов в Технологический институт, в настоящем чине с 1 мая 1847 года.

По донесению агента Антонелли, подсудимый Ястржембский был на собраниях у Петрашевского четыре раза, именно: 11 и 18 марта, 8 и 15 апреля...

В собрании 11 марта, когда из подсудимых Толль говорил

---

[1]) Объясненное Момбелли впечатление могло последовать оттого, что, как показывает подсудимый Толль, Тимковский требовал безотлагательно, исполнения своих предложений к возмущению, к чему присутствовавшие не были приготовлены и, сколько можно судить из дела, не имели еще положительного и согласного мнения.

речь о религии, доказывая, что религия убивает нравственность, что она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что подавляет развитие ума и пр., многие из присутствовавших принимали живое участие в прениях по этому предмету, особенно же подсудимый Ястржембский говорил много и красноречиво.

В собрании 18 марта сам Ястржембский говорил речь о науках и утверждал, что все науки, особенно статистика, показывают на социальное правление, как наилучшее, говорил, что по настоящему она должна называться общественною социальною наукою; но как великий князь в приказе велел ее называть статистикою, то нечего делать, ее нужно называть таким образом. Кроме того Ястржембский, говоря о богословии, выразился, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клобуков, а при рассуждении, имеет ли государство какую-либо цель, заметил, что Российское государство имеет целью подчинить достоинство всех людей выгоде и пользе одного, и что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло в себе весь род человеческий. Речь Ястржембского в этом собрании была усеяна, по словам Антонелли, солью на здешнюю чиноманию, на чины возвышенных классов, на особу вашего императорского величества (при чем Ястржембский дерзал называть ваше величество богдыханом) и вообще на все административное.

В собрании 8 апреля, за ужином, Ястржембский говорил, что он поляк душою и телом, что за свободу Польши позволит выпустить себе всю кровь по капле; но если бы он был уверен, что самостоятельность Польши вредна развитию общечеловеческой идеи, то первый бы, одним взмахом топора отрубил ей голову. Потом Ястржембский старался убедить присутствовавших, что простой народ принципом зла непременно понимает ваше императорское величество, и, представляя в доказательство разговор свой с извозчиком, прибавил, что он, Ястржембский, был в сношении с польскими, малороссийскими и белорусскими мужиками, и что все они принцип зла видят также в вашем императорском величестве.

В собрании 15 апреля было читано письмо Белинского к Гоголю, которое привело Ястржембского в восторг, а когда потом Петрашевский начал говорить о перемене судопроизводства, то Ястржембский, защищая мнение Петрашевского, просил позволения впоследствии развернуть эту идею обширнейшим образом.

Из бывших на означенных собраниях лиц в отношении действий подсудимого Ястржембского объяснили:

Титулярный советник Кайданов,—что подсудимый Ястржембский на вечерах у Петрашевского говорил о политической экономии четыре или пять раз, приводя примеры для подтверждения своих мыслей, преимущественно из статистики Франции и Англии: что он, когда разбирали сочинения Прудона, Фурье и, в особенности, Мальтуса, преимущественно занимался этим и говорил о социализме; что Ястржембский касался суждений о вашем императорском величестве и часто критиковал некоторые меры правительства.

Губернский секретарь Ламанский,—что Ястржембский на двух вечерах у Петрашевского, излагая историю политической экономии и социализма, доказывал необходимость свободной торговли и вред запретительной системы и говорил об отношении Прудона к капиталу, выставляя мнения об этом экономистов, социалистов и фурьеристов...

Подсудимый Ахшарумов,—что Ястржембский на вечерах у Петрашевского читал лекции в духе социальном.

Подсудимый Львов,—что Ястржембский, сравнивая Россию с Китаем, называл ваше императорское величество богдыханом, подражая в этом Петрашевскому; равно отзывался очень дурно о чинах и административных лицах.

Согласно с этим показал живший в доме Петрашевского учитель Мадерский.

Подсудимый Кашкин,—что 8 апреля, во время ужина у Петрашевского, Ястржембский, рассказывая анекдот об извозчике, говорил, что хотя он любит Польшу, как свое отечество, всею душою, но если бы гибель Польши была необходима для счастья всех других народов, то он готов первый принять топор на отсечение головы ее. Кроме того он, между прочим, к какому-то случаю сказал, что в России нет народной любви к вашему императорскому величеству; причем он, Кашкин, возражал противное.

Подсудимый Пальм,—что в собрании у Петрашевского 18 марта Ястржембский смеялся над католическим духовенством и говорил, что статистика должна бы называться наукой о государстве, но он решился в классе с кадетами не пускаться в рассуждения, а отвечать коротко: «так велено».

Подсудимый Дебу 1,—что Ястржембский в собрании у Петрашевского, говоря о науках, называл статистику наукою социальною, а богословие называл не наукою, а какими-то бреднями, восставал на чины и говорил, что человек должен

стремиться составлять не отдельные какие-нибудь общества, а одно целое, которое бы соединяло весь род человеческий.

Сам подсудимый Ястржембский на предварительном спросе следственной комиссии показал, что он познакомился с Петрашевским в начале 1848 года, а вечера его стал посещать с конца августа или начала сентября того же года и до времени ареста был там раз 10 или 15. В первый раз, когда он пришел к Петрашевскому, какой-то незнакомый молодой человек говорил о распределении богатства или дохода по методе Фурье; потом в другой раз надворный советник Баласогло читал о семейном и домашнем счастии; а в следующие затем вечера сам он, Ястржембский, читал о распределении промышленности, теорию населения по системе Мальтуса и Сея, о торговле, о кредите и кредитных учреждениях и о статистике. Кроме того в одну из пятниц подсудимый Толль читал о религиозном чувстве в человеке, но его он, Ястржембский, не понял, а на вечере 15 апреля сам Петрашевский, при рассуждении о том, что полезнее для России: введение ли гласного судопроизводства или освобождение крестьян, утверждал, что первое гораздо важнее. В тот же вечер Достоевский читал переписку литератора Белинского с Гоголем. К сему Ястржембский присовокупил, что в самом начале посещений его Петрашевского кто-то, незнакомый ему, говорил речь, из которой он, Ястржембский, понял только, что не нужно подражать заговорщикам западной Европы, а стараться мирным изучением системы Фурье содействовать счастью человечества, что подсудимый штабс-капитан Львов читал о специальном образовании, и что на тех вечерах, на которых бывал он, Ястржембский, никаких рассуждений о правлении и в особенности о предметах, относящихся до России, не было, только 15 апреля были читаны вышеизложенные статьи, из которых он заключил, что или сам Петрашевский, или некоторые из его посетителей могут мечтать о либеральных постановлениях в России; но имели ли они мысль сделать что-нибудь для устройства таких учреждений, положительно не знает.

Противу же означенных донесений агента Антонелли и показаний свидетелей, подсудимый Ястржембский при словесном расспросе в следственной комиссии показал, что разговор с извозчиком он действительно рассказывал у Петрашевского, но разговор этот был им выдуман; равно говорил, что, бывая в Малороссии и в западных губерниях, убедился,

что вообще простой народ не имеет понятия о высшем правительстве и далее станового пристава никого не знает, что он, Ястржембский, точно иногда смеялся над чиноманией и однажды сказал, что если бы видел, как страдают бедные классы людей, то отказался бы от задушевной своей мысли,— восстановления Польши, и что по замечанию его, Ястржембского, бывшие в обществе у Петрашевского желали конституционного правления.

При подробном же допросе в следственной комиссии подсудимый Ястржембский отозвался, что на вечерах у Петрашевского говорил, что государство вообще не имеет никакой цели, потому что существует по воле провидения, и что поэтому никто не должен самовольно отлагаться от государственной жизни, но о Российском государстве вовсе не говорил. При рассуждении же относительно развития человечества, он, Ястржембский, сообразно системе Фурье, сказал, что современем отдельные народности сольются в одно, и что будет общий язык, одинакие меры и т. п., при чем точно говорил, что, хотя он в душе поляк и готов отдать жизнь свою за восстановление Польши, но для счастия человечества пожертвует совершенно польскою народностью.

Сверх того подсудимый Ястржембский на предложенные вопросы показал, что о богословии он говорил, что оно составляет не науку, а знание особого класса людей, что при разговоре о статистике он, желая определить, что такое статистика, привел различные мнения авторов, и сказал, что придерживается мнения Нимана, по которому статистика есть теория государства или общества, что другие авторы называют науку такую политическою экономией; но что совершенно все равно, как ни называть ее, и что так она называется в военно-учебных заведениях, с утверждения великого князя. Засим, опровергая мнение Головинского, утверждавшего, что помещичьи крестьяне надеются на ваше величество в своем освобождении от крепостного состояния, он говорил, что простой народ говорит в пословице: «Бог высоко, царь далеко», и что он вовсе не имеет точного понятия о высочайшей власти,—и старался подтвердить это анекдотом об извозчике, который сказал эту же пословицу и после добавил: «что если бы царь хотел, то мог бы и освободить, да бог весть, захочет ли!»

К сему подсудимый Ястржембский противу изложенных обвинений присовокупил, что действительно он иногда смеялся над чиноманиею, но административных лиц не по-

носил и ваще императорское величество богдыханом не называл, что слова: будто бы Российское государство имеет целью подчинить достоинство людей выгоде одного, равно, что простой народ принципом зла почитает ваше величество, были сказаны кем-то другим, и что о том, будто бы в России нет народной любви к вашему императорскому величеству, не говорил.

На спрос следственной комиссии подсудимого Ястржембского: с какого времени у него проявилось либеральное или социальное направление, он отозвался, что либералом себя не признает, а держится системы Фурье, который находится на стороне монархического правления и советует употреблять правильно страсти человеческие в деле производства богатства.

В бумагах подсудимого Ястржембского ничего противозаконного не оказалось.

При спросе в военном суде подсудимый Ястржембский, подтверждая данные им при следствии показания, присовокупил, что к оправданию своему он ничего более представить не может и что злого умысла он не имел [1]).

ПРИГОВОР.

Военный суд находит: подсудимого титулярного советника Ястржембского виновным в том, что он, посещая с мая месяца 1848 года собрания подсудимого Петрашевского, участвовал в происходивших там преступных рассуждениях о религии, правительстве и об изменении некоторых государственных учреждений; присутствовал при чтении преступного против правительства и религии письма литератора Белинского, а между тем в продолжение некоторых собраний читал записки своего сочинения о статистике и политической экономии, написанные в вредном духе и сверх того, по показаниям трех из числа обвиняемых, Ястржембский навлекает на себя подозрение в дерзких выражениях насчет высших сановников и вашего императорского величества.—А потому военный суд приговорил: его, титулярного советника Ястржембского, за участие в преступных рассуждениях о религии и правительстве и недонесение о письме литератора Белинского по этому же предмету,—лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V

---

1) Из формулярного списка о подсудимом Ястржембском видно, что имения ни за ним, ни за родителями его не состоит.

кн. I ст. 142, 144 и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных ст. 274, всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах на шесть лет; а в произношении дерзких слов против священной особы вашего императорского величества оставить, за неимением доказательств, в подозрении.

Об учителе Толле.

Подсудимый Толль (не имеющий чина) 26 лет; из обер-офицерских детей, воспитывался на казенный счет в Главном педагогическом институте, откуда по окончании курса наук был назначен в марте 1845 года учителем русского языка и географии в Астраханскую гимназию, в декабре того же года переведен учителем словесности в Финляндский кадетский корпус, а в августе 1848 года перемещен в Главное инженерное училище. По показанию Толля, он давал уроки в батальоне военных кантонистов и в двух частных пансионах и занимался переводами, между коими замечателен перевод «О подражании Иисусу Христу», за что он получил 150 рублей серебром.

По донесению агента, Толль был у титулярного советника Буташевича-Петрашевского на собраниях 11, 18 и 25 марта, 1, 8 и 22 апреля. Во время этих собраний рассуждалось: о разных видах правления, при чем объяснялось, что Российское государство имеет целью подчинить достоинство всех людей выгоде и пользе одного, о восстановлении подведомственных лиц противу властей; о цензуре, об освобождении крестьян и о судопроизводстве; о сочинениях Фурье и Прудона и о том: «каким образом литераторы должны поселять свои идеи в публике». В одном из этих собраний, именно 11 марта, сам Толь говорил речь о религии, доказывая, что религия не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, и речь его произвела всеобщее одобрение.

Из подсудимых Ястржембский, Момбелли, Ахшарумов и один из прикосновенных к делу, чиновник Ламанский, показали, что Толль читал у Петрашевского рассуждение о религии, производя ее от чувства боязни. По отзыву же подсудимого Филиппова, Толль говорил, что народы дикого состояния бывают подавлены внешней природой, что чувство их основывается на страхе пред мощными силами природы и что основатели различных религий: Зороастр, Магомет и прочие сами не веровали в те божества, поклонение которым проповедывали;—но что в этих вымышленных боже-

ствах они искали только какого-то внешнего авторитета, для поддержания своих нравственных правил, которые они старались вселить в умы народа; в противном случае, народы никогда не могли дойти до того, чтобы создать себе богов или постичь истинного бога.

У Толля в бумагах найдено:

1) Русский перевод лекций Карла Бидермана о социализме, с отметкою: конспект, сделанный в сентябре 1848 года, в заключении которого сказано: «и так социализм не химера: в его основании глубокие истины, благородные, высокие цели, социальное движение не может пройти без следа, оно открыло новые пути, новые цели идеям прогресса и реформы и показало много в новом свете. Но мы не должны слишком увлечься этим движением и по причине его бросить наши стремления по прогрессу в области политики, ремесел и народного хозяйства, ибо я думаю, что народ должен быть приготовлен политическим устройством к социальному перевороту. Притом надобно дозволить свободное обсуждение этих вопросов как изустно, так и письменно».

2) Историческое рассуждение о начале и развитии народов, в котором, между прочим, изъяснено: Религия, вырабатывавшаяся из жизни самого этого народа, представляет ему такой авторитет в лице Бога, Гома, Ормузда, Еговы, Озириса; он низводит Бога на землю, заставляет его из любви к одному народу принять человеческий образ, говорить языком, доступным этому народу, создать для него кодекс морали и государственной жизни. Прежде народ не имел надобности в этом потому, что без него тепло верил в своего бога, братски любил своих ближних, был равен им и свободен, значит обладал тем, чего, как прекрасной, но отдаленной мечты, добивается в настоящую минуту вся Европа,—благосостоянием. Но вот это благосостояние нарушено вторжением чуждого народа. Является сильный и слабый из братьев; люди делаются членами каст, побежденный становится рабом, а следовательно льстецом, человеком без убеждений. Народ гибнет. Нужен человек, который снова скрепил бы связь между человеком и природою. Таким образом явились в критическую минуту: Ману, Будда, Зороастр, неизвестный основатель Египетской религии, Моисей, Орфей, Гомер, Христос. Все они старались подслушать таинственный голос минувшего, повествовавшего о философии природы, все старались отыскать ключ к морали, которой главными задачами было установление равенства, брат-

ства и свободы между людьми, с тою разницей, что один думал достигнуть этой цели более духовным, другой более материальным путем; один решительнее и менее боялся разрушать старое, другой хотел примирить свою мораль с существующим порядком вещей, найдя точку соприкосновения рабства с свободою, братства с господством, равенства с кастами. Оттого первый находил мало отголосков; второй, ничего не изменяя, только утверждал прежнее и давал ему более прочное основание.

Сам Толль при допросе показал, что с Петрашевским он знаком около трех лет, но прежде бывал у него редко; в конце же 1848 года и в начале 1849 г., посещая его вечера, слышал между разговорами и социальные вопросы, которые решались по социальным системам. Сначала он посещал эти вечера чаще, а потом реже, потому что вечера сии стали принимать отчасти вид политический. В особенности замечательны были речи Тимковского, который высказывал в самом нелепом духе о необходимости какого-то переворота, о соединении в один кружок, о легчайшем способе распространения социальных идей и об уничтожении закоренелых предрассудков в отношении семейств и родства, и Ястржембского, говорившего против правительственных лиц. Вообще разговоры Ястржембского заставляли предполагать, что он приверженец системы Фурье, который высказывает мысль об уничтожении народностей и целых государств и соединения всего человечества в одну семью. Сам Петрашевский говорил о недостаточности судопроизводства и о том, как должны поступать литераторы, чтобы посеять свои идеи в публике; подсудимый же Дуров при этом утверждал, что литераторы должны писать так, как будто бы не было никакой цензуры. На вопросы комиссии о подробностях других разговоров, происходивших на вечерах Петрашевского, Толль отвечал не положительно, отзываясь, что или не слыхал, или не помнит, что было говорено.

Относительно собственных своих действий у Петрашевского Толль показал, что однажды Петрашевский, узнав, что он, Толль, читал Историю иезуитов, упросил его поговорить о сем вопросе. Вследствие этого он, Толль, набросал несколько мыслей без связи, не справляясь ни с какими книгами, а так, как они пришли ему в голову, из ученья Фейербаха и Бауера, и в следовавшую затем пятницу, точно, говорил об этом предмете, выдавая, впрочем, все сказанное

отнюдь не за свои мнения, а за мнения названных философов; при чем обещал дать свое мнение в то время, когда изложит историю религий, и хотя после того он уклонялся от исполнения своего обещания и стал реже бывать у Петрашевского, но, увлекаясь ложною совестливостью по случаю данного обещания, действительно говорил там о происхождении религии, выводя ее из чувства страха; если же при этом высказано им было, что религия вредна, то никак не от себя; о значении же и пользе религии в социальном смысле он не говорил. Посещая Петрашевского, он, Толль, имел в виду одно—провести время свободное от занятий в разговорах с образованными людьми. И действительно, с большим вниманием слушал чтение Ястржембского о политической экономии и разбор политико-экономических систем; а в один вечер Ястржембский читал о статистике, иногда же разговаривали о событиях на Западе, но разговоры эти ограничивались передачею новостей. Вопросов чисто социальных, как, например, о равенстве прав, при нем никогда не было. Только однажды разговор коснулся о системе Фурье, но говорившие вовсе, повидимому, не имели в виду вербовать последователей этой системы или применять ее к России.

На вопрос о времени, с которого проявилось у него социальное направление, Толль показал, что дух сомнения был пробужден в нем еще в бытность его в Институте изучением немецкой философии, но ограничивался, впрочем, сферою науки. Первое же и ясное понятие о социализме он получил в 1848 году из книги Бидермана, которую взял для прочтения у Петрашевского и из которой сделал выписки (у него найденные), впрочем узнав социальные системы, он не сделался социалистом, хотя и считал некоторые меры, предлагаемые ими, удобоприменимыми к настоящему быту, но не принадлежа ни к одной из так называемых школ, образовавшихся у нас в последнее время, он составил себе особенное, свое собственное политическое мнение и, думая написать, современем, историю просвещения России, хотел провести чрез нее свою мысль, в том убеждении, что если просвещение должно итти вперед в России, то источником прогресса и впоследствии будет самодержавная власть. Что касается его личных убеждений религиозных, политических и нравственных, то хотя в жизни его, Толля, бывали минуты, в которые молодой, кичливый ум требовал нераздельной власти над его духовным миром и отвергал все,

непосредственно данное, все откровенное; однако это были минуты, которые едва ли не всякий имел, и которые он, Толль, загладил раскаянием и слезами. Социальные системы он изучал из одной любознательности, и если иногда думал сделать применение какой-либо части их к России, то прямым путем, предоставляя заботу об этом правительству. Вообще он, Толль, не имел никакого злого умысла против правительства и желал всегда доказать свою преданность престолу и отечеству.

При спросе в военно-судной комиссии Толль, подтвердив показания свои при следствии, отозвался, что к оправданию своему ничего не имеет.

Кроме того он, Толль, подал в военно-судную комиссию особое объяснение, в котором писал, что на сделанный ему словесный вопрос—определил ли подсудимый Тимковский время и средства для произведения необходимого, по его мнению, переворота?—он припомнил, что Тимковский высказал в своей речи, что все старания истинных поборников прогресса должны быть обращены на ускорение возмущения, что ранее или позже оно должно произойти, но что он желал бы видеть осуществление этого еще до отъезда его в Ревель, что он готов первый выйти на площадь и, если нужно будет, принести себя в очистительную жертву святому делу свободы, которого первое условие успеха заключается в единодушии его поборников и прекращении всех споров о системах, а также в установлении прочных правил пропаганды. В конце же своей речи он, Тимковский, делал род воззвания к соединению в одно общество всех, согласных с его образом мыслей [1]).

ПРИГОВОР.

Военный суд находит, что подсудимый учитель, не имеющий чина, Толль, участвуя с 1846 года в собраниях подсудимого Петрашевского, читал там преступные рассуждения о религии, старался доказать, что она происходит из одного лишь чувства страха и что она вредна; сравнивал спасителя Иисуса Христа с основателями языческих верований и с греческими поэтами; он же, Толль, был у Петрашевского и в то время, когда подсудимый Тимковский

---

[1]) Почему Толль не показывал этого при следствии—он не спрошен равно Тимковский и никто из бывших у Петрашевского лиц о сем не показывают.

в говоренной им речи: о распространении социальных идей и необходимости переворота, высказал, как Толль объясняет, желание скорейшего возмущения и изъявлял готовность выйти на площадь, но об этом Толль своевременно не донес и сознался только пред военно-судною комиссией. А потому военный суд приговорил его, подсудимого учителя Толля, за порицание религии, богохуление и недонесение о произнесенной подсудимым Тимковским возмутительной речи, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 142, 176, 178 и 596, лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О титулярном советнике Головинском.

Титулярный советник Головинский, 20-ти лет, сын генерал-майора, уволенного от службы из Корпуса путей сообщения, воспитывался в императорском Училище правоведения на собственный счет. По выпуске из училища, в июне 1848 г., с чином титулярного советника, поступил на службу младшим помощником секретаря в 1-е Отделение 3-го департамента правительствующего сената; а в марте 1849 года причислен к Департаменту министерства юстиции, с назначением исправляющим должность Казанского казенных дел стряпчего, но до отправления к месту назначения арестован.

Действия подсудимого Головинского по сему делу заключаются в следующем:

По донесению агента, Головинский был на собраниях у подсудимого Петрашевского 1 и 15 апреля.

В собрании 1 апреля Петрашевский разбирал вопросы о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян, при чем Головинский говорил, что грешно и постыдно человечеству глядеть равнодушно на страдания 12 миллионов несчастных рабов, что идеею каждого должно быть старание освободить сих угнетенных страдальцев, и что это освобождение не представляет никакого чрезвычайного затруднения, потому что они сами уже сознают всю несправедливость своего положения и стремятся всячески от него избавиться. Кроме того он, Головинский, между прочим, излагал план, которым вернее можно достигнуть разрушения настоящего порядка вещей, и объяснял, что перемена правительства не может произойти вдруг, и что сперва должно утвердить диктатуру. Подсудимый же

Петрашевский сильно восставал против этого и в заключение сказал, что он первый поднимет руку на диктатора.

В другое собрание, 15 апреля, подсудимый Достоевский читал письмо литератора Белинского к Гоголю, где Белинский, разбирая положение России и народа, говорит сперва о православной религии в неприличных и ругательных выражениях, а потом о судопроизводстве, законах и властях. После того Петрашевский говорил речь по поводу отдания первенства вопросу о перемене судопроизводства и при этом сказал, что нельзя предпринимать никакого восстания без уверенности в совершенном успехе, и что главная их забота должна состоять в том, чтобы внушать всем и каждому о требовании различных перемен у правительства совершенно справедливым и совершенно законным образом. При этом подсудимый Головинский, соглашаясь с мнением Петрашевского насчет перемены судопроизводства законным порядком, говорил, что более прочих противится освобождению крестьян граф Панин.

Из бывших на означенных собраниях лиц, в отношении действий подсудимого Головинского, объяснили:

Подсудимый поручик Момбелли,—что Головинский говорил речь свою с жаром, так как, по замечанию Момбелли, он вечно увлекается и ни о чем не может говорить спокойно, без жара.

Подсудимый штабс-капитан Львов,—что во время собрания у Петрашевского в одну из последних пятниц, когда Петрашевский говорил, что в движении гражданской жизни в России вопросы об устройстве правильного и публичного судопроизводства гораздо важнее вопроса об освобождении крестьян, то Головинский, возражая Петрашевскому, объяснял, что самая высшая несправедливость есть крестьянское состояние, которое не имеет никаких прав.

Дворянин Деев,—что Головинский спорил с Петрашевским о невозможности перемены образа правления мгновенно, говоря, что если возможна реформа, то не вдруг, а двумя путями—освобождением крестьян и открытым судопроизводством, при чем Петрашевский был на стороне последней меры, и подсудимый Головинский на стороне освобождения крестьян.

Поручик Пальм,—что Головинский, утверждая, что освобождение крестьян есть важнейший вопрос в России, приводил в пример суд помещика с своим крестьянином и говорил, что первый имеет права, а другой никаких; следователь-

но, будучи свободными, крестьяне потребуют и прав. Говоря очень горячо, он прибавил, что для освобождения крестьян все меры хороши. При этом же было что-то сказано и о диктатуре, но подробностей он, Пальм, не расслышал.

Подсудимый Достоевский,—что Головинский говорил о возможности внезапного восстания крестьян, потому что они сами уже достаточно сознают тягость своего положения, но это сказано было им, как факт, а не как желание свое, ибо, допуская возможность освобождения крестьян, он далек от бунта и от революционного образа действий.

Подсудимый Григорьев,—что на собрании у Петрашевского I апреля Головинский, при разговоре о том, каким образом освободить крестьян без содействия правительства, предполагал одну только меру—восстание их самих; а также он, Головинский, между прочим, говорил, что перемена правительства не может произойти вдруг, но прежде надобно учредить диктатуру.

Подсудимый Дуров,—что Головинский на вечере у Петрашевского сказал, что перемена правительства не может произойти вдруг, но что и диктатура вредна.

Подсудимый Филиппов,—что в одну из пятниц подсудимые—Головинский и Петрашевский говорили, что у нас публика не умеет пользоваться своими правами, ибо, по словам Головинского, закон дозволяет имеющему дело в суде присутствовать при чтении докладной записки по этому делу, а между тем никто этим не пользуется. После того между Петрашевским и подсудимым Головинским возник спор о том, что важнее для России: искоренение ли злоупотреблений в судах, или ограждение крепостных крестьян от злоупотреблений помещичьей власти; при чем Петрашевский утверждал, что первое было бы самым большим благом для всех, а Головинский, напротив, говорил, что, по его мнению, правительство оказало бы самое большое благодеяние, если бы освободило крепостных людей. Затем, при рассуждении о возможности освобождения крестьян без воли правительства, Головинский заметил, что крестьяне, доведенные до крайности, могут сами потребовать свободы, что им нетрудно внушить, как противоестественно их отношение к помещикам, и что они сами понимают и чувствуют тягость своего положения. Кроме того Головинский говорил, что образ правления не может измениться вдруг, но прежде должна быть диктатура, как необходимое следствие происходящей реформы.

Сам подсудимый Головинский, при предварительных расспросах следственной комиссии, показал, что он точно бывал в собраниях Петрашевского два раза и, увлекаясь вопросами, интересовавшими всех, говорил о предположениях к перемене судопроизводства и о предоставлении крестьянам свободы; при чем присовокупил, что он не имел в виду дурной цели, а полагал, что в том обществе может быть есть люди с специальными сведениями, с готовностью ко благу, которые сказанное слово от сердца применяют к делу. Теперь же, судя не по минутному увлечению, он считает себя виновным в том, что судил о таких вопросах, о которых судить не мог ни по своему положению, ни по своему малому знанию, ни по своей малой опытности, а единственно из видов самолюбия и желания сказать свое слово.

При подробных же допросах следственной комиссией против открытых по делу обстоятельств подсудимый Головинский отозвался, что он познакомился с Петрашевским в январе 1848 года и после того был на вечерах у него два раза, 1 и 15 апреля сего 1849 года. На первом из этих вечеров он, Головинский, говорил об освобождении крестьян, желая только доказать необходимость содействия помещиков в сем случае, потому что при освобождении крестьян с землею видел затруднение для финансов государства. Равномерно он желал доказать, что всякое улучшение в судопроизводстве должно начаться с сравнения крепостных в их правах с прочими сословиями, т.-е. в даровании им гражданских прав собственности, право завещать и право быть свидетелями; при чем сказал, что освобождение крестьян может произойти двояким образом: во-первых, правительственным (или диктаторским), когда правительство, собрав данные, разрешит этот вопрос в силу самодержавного права, не спрашивая у помещиков, желают ли они того или не желают, и во-вторых, общественным, когда дворянство какой-нибудь губернии или уезда, заключив условие с своими крестьянами, будет просить правительство утвердить их. Когда же Петрашевский сказал, что правительство скорее займется улучшением судопроизводства, чем освобождением крестьян, которое может повлечь за собою столкновение сословий, гибельное как само по себе, так и по своим последствиям, и во всяком случае повлечет за собою такой переворот существующих отношений, который затрудняет и отдаляет разрешение этого вопроса, упомянув притом и о публичности судопроизводства,—то он, Головинский, на эти опасения объявил,

что, допуская даже действительность их, полагает, что они устраняются временною диктатурою, разумея под этим то, что самодержавие, охраняющее в обыкновенное время существующие отношения между сословиями, при необходимости для пользы общественной, в силу права державного, может изменить их не постепенно и чрез обоюдное соглашение, а рядом энергичных мер, выходящих из пределов обыкновенной законности. Но о перемене правительства он, Головинский, не говорил ни слова; равно не объяснял и о возможности освобождения крестьян без воли правительства таким образом (как показывает Филиппов), что крестьяне, доведенные до крайности, могут сами потребовать свободы, что им нетрудно внушить, как противоестественно их отношение к помещикам, и что они сами понимают и чувствуют тягость своего положения. В другом же собрании, 15 апреля, ничего особенного говорено не было в сравнении с 1 апреля, и письма Белинского к Гоголю при нем, Головинском, не читано. К сему Головинский присовокупил, что собрания Петрашевского он не считал имеющими преступную цель, а полагал, что цель их состояла в желании распространить образование словесною беседою и приохотить к занятию наукою.

Кроме того по делу открывается, что подсудимый Головинский в марте и апреле сего года бывал на вечерах у коллежского асессора Дурова. На вечерах этих, между прочим, было читано: поручиком Момбелли рассуждение о том, что люди, более или менее с одинаковым направлением и образом мыслей, должны теснее сближаться, дабы под влиянием друг друга тверже укрепиться в этом направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении; студент Филиппов—рукопись из «Слова верующего», соч. Ламене, и Достоевский—переписку Гоголя с Белинским, и кроме того предложено было завести домашнюю типографию.

Подсудимый же Спешнев показал, что Головинский в числе прочих был у него на обеде, когда поручик Григорьев читал статью преступного содержания под названием «Солдатская беседа», и что он посещал вечера Плещеева, на которых была читана юмористическая статья под заглавием «Петербург и Москва» и рассуждалось о возможности печатать за границею запрещенные книги.

Подсудимый Головинский на предварительный спрос следственной комиссии показал, что он был у Дурова два раза, но о вечерах его ничего не знал. По предъявлению же

ему означенных показаний о посещении им вечеров Дурова и о политическом их направлении, он, Головинский, объяснил, что в бытность его в первый раз у Дурова слышал разговор Достоевского, что не следует действовать преступно против 2-х пунктов и что должно действовать на общество не желчью и насмешкою, а показанием собственных недостатков; во второй же раз он, Головинский, говорил с Дуровым о делах Екатерины. Кроме того на тех же вечерах читан был перевод из «Paroles d'un croyant» и что-то о Белинском и Гоголе. Филиппов же хотя был при нем, Головинском, но ничего не говорил, а также предложения Момбелли о теснейшем сближении между посетителями он, Головинский, не слыхал и вообще о направлении этих вечеров судить не может.

Равным образом подсудимый Головинский при первоначальном спросе ничего не показывал и о бытности своей на обеде у подсудимого Спешнева и на вечерах Плещеева; при передопросе же против показания о сем Спешнева, он, Головинский, сознался, что действительно был на обеде у Спешнева и слышал читанную Григорьевым статью преступного содержания, под заглавием «Солдатская беседа».

Относительно же вечеров Плещеева подсудимый Головинский показал, что он был на них три раза, но при нем ничего не читали, о печатании за границею запрещенных книг не говорили, и что вообще, сколько мог он, Головинский, судить, вечера эти не имели вредного направления.

На спрос подсудимого Головинского следственною комиссией: с какого времени проявилось в нем либеральное или социальное направление, он сначала также не дал удовлетворительного ответа, объяснив только, что понятия либеральные и социальные совершенно неприменимы в России; при передопросе же показал, что он имел малое столкновение с практическою жизнью, но и то, которое имел, не могло вселить в нем ни либерализма, ни социализма.

Следственная комиссия, усматривая при дополнительных допросах Головинского несообразность первоначальных его показаний с показаниями других арестованных лиц об одних и тех же предметах (как видно из журнала ее от 25 июля сего года), убеждала его к откровенному и положительному объяснению, и хотя по некоторым предметам, именно: о бытности своей на вечерах коллежского асессора Дурова и на обеде у помещика Спешнева, Головинский, как выше значит, сделал более удовлетворительное объяснение против прež-

него своего показания,—за всем тем Комиссия заметила в нем явное упорство в объяснении истины и изворотливость его при написании ответов, которые он излагал не в том виде, как объяснял их на словах. А потому комиссия положила о таком упорстве Головинского записать в журнал и иметь в виду при постановлении заключения о степени виновности по этому делу.

При арестовании подсудимого Головинского в бумагах его, как уведомил статс-секретарь князь Голицын, ничего подозрительного не оказалось, а найдено только десять запрещенных книг в духе демократии и социализма.

При допросе по сему предмету подсудимый Головинский показал, что, занимаясь политическою экономиею, он приобрел означенные книги частию покупкою у букинистов и на рынке, а частью получил в подарок от тетки своей, впоследствии умершей.

На спрос в военном суде подсудимый Головинский, подтвердив прежние свои показания, присовокупил, что к оправданию своему ничего более прибавить не может.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого титулярного советника Головинского виновным в том, что он, участвуя в марте месяце сего года в собраниях подсудимого Дурова, присутствовал при чтении там преступного против религии и правительства письма литератора Белинского; потом был у подсудимого Спешнева, когда читано было у него подсудимым поручиком Григорьевым вышеупомянутое сочинение его, под заглавием: «Солдатская беседа». В собраниях подсудимого Петрашевского Головинский излагал предположения к освобождению крестьян, и хотя при следствии утверждал, что эти предположения не имели преступной цели и могли быть осуществлены самим правительством, но, по показаниям трех человек из других обвиняемых, навлекает подозрение в том, что предполагал достигнуть освобождения крестьян посредством восстания сих последних и перемены правительства. При допросе в следственной комиссии Головинский, как видно из ее журнала, упорствовал в объяснении истины и изложил ответы на письма не в том виде, как объяснял словесно. А потому военный суд приговорил его, титулярного советника Головинского, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева,

лишить его на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 142, 144, 169, 170, 172, 174, 176 177 и 178 чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О титулярном советнике Кашкине.

Подсудимый Кашкин, 20 лет, из дворян, воспитывался в императорском александровском лицее, откуда в июле месяце 1847 года выпущен с чином титулярного советника; находился на службе в Азиатском департаменте министерства иностранных дел младшим помощником столоначальника [1]).

Поступки Кашкина открытые по производству сего дела, заключаются в следующем:

Подсудимый Кашкин, в последних двух месяцах 1848 года, во время отсутствия своих родителей, вместе с которыми проживал, делал у себя в квартире один раз в неделю вечера, на которые собирались знакомые его и товарищи по лицею. По приезде же, в конце декабря 1848 года, родителей Кашкина из деревни, вечера у него прекратились, а назначены собрания у товарища Кашкина, чиновника Отто, но потом, в великом посту 1849 года, опять собирались к нему, Кашкину, не более, однако, 4-х раз. На вечерах, бывших у Кашкина, рассуждали о системе Фурье, сам Кашкин читал речь о религии и один из посещавших его, коллежский секретарь Европеус, говорил речь о ненадобности морали. На собраниях же у Отто положено было составить на общих издержках библиотеку из социальных сочинений, а наконец, когда собрания снова перешли к Кашкину, то составлен был обед в честь Фурье.

На этом собрании, в котором участвовал и подсудимый Кашкин, произнесены были подсудимыми Петрашевским, Ахшарумовым и Ханыковым речи с преступными выражениями против религии, семейственного быта и существующего порядка, и предложено переводить сочинение Фурье на русский язык.

На другой день после сего, 8 апреля, Кашкин был на собрании у подсудимого Петрашевского, где, по донесению агента, разбирались тогда сочинения Фурье и Прудона, а подсудимый Ястржембский старался убедить присутствовавших на собрании, «что в России нет народной любви к государю

---

[1]) За родителями Кашкина, по показанию его, состоит 2500 душ крестьян.

императору, и что простой народ принципом зла непременно понимает государя», и приводил в пример разговор свой с извозчиком, которого он старался возбудить к неповиновению и восстановить против помещиков и властей. Сам Кашкин во время этого собрания принимал живое и деятельное участие в разговоре насчет помещенного в журнале «Des Débats» рассуждения о системе Фурье, называя эти суждения пошлыми.

При предварительном расспросе в следственной комиссии подсудимый Кашкин, сознаваясь в том, что присутствовал 7 апреля на обеде, данном в квартире подсудимого Европеуса, объяснил, что на обеде этом, названном полусерьезно обедом в честь Фурье, подсудимый Ханыков говорил длинное растянутое слово, в котором хотел указать на идеи Фурье; но подробностей этой речи он, Кашкин, не помнит, потому что слушал ее весьма рассеянно и скоро после обеда уехал домой. На другой день он, Кашкин, не имея в виду никакого вечера в городе и вспомнив о приглашении Петрашевского, которого он видел в первый раз накануне на обеде у Европеуса, поехал к нему вечером и застал тогда у него человек восемь гостей, из которых подсудимый титулярный советник Ястржембский говорил с Петрашевским о нёясности некоторых частей сочинений Фурье, а именно об аналогиях, о которых он, Кашкин, совершенно не имел понятия. Потом, за ужином, Ястржембский рассказал анекдот об извозчике, которого он расспрашивал дорогою, отчего он платит оброк, а немцы—нехристи—не платят, после же Ястржембский сказал еще, не помнит он, Кашкин, к какому случаю, «что в России нет народной любви к государю императору», но он, Кашкин, возразил, что, несмотря на молодость и малую опытность свою, смеет утверждать противное и никогда не встречал никакого случая, который побудил бы согласиться с этим. Вообще он, Кашкин, чувствовал себя как-то неловко в обществе Петрашевского и вскоре уехал от него, вынеся впечатление тяжелое и неприятное и уже не собираясь никогда более в гости к Петрашевскому.

О речах же, произнесенных на обеде у Европеуса подсудимыми Петрашевским и Ахшарумовым, о сделанном при этом же соглашении перевести сочинение Фурье на русский язык, а равно о собственных своих собраниях подсудимый Кашкин в означенном показании своем ничего не объяснил. Но вслед за тем в другом показании, на предварительные же расспросы в следственной комиссии, а потом и на формаль-

ные вопросы объяснил, что в октябре месяце 1848 года, когда он, по возвращении из отпуска, жил один в квартире своих родителей, однажды собрались к нему несколько товарищей, и, как время прошло в разговорах весело, то это дало ему мысль повторять собрания, а потому он, Кашкин, назначив день, просил их посещать его. После этого собирались к нему в продолжение полутора месяца, раз в неделю, знакомые его и товарищи, человек 12, но не постоянно, одни реже, а другие чаще. Определенной цели этих собраний не было, предпочтительно занимались разговорами о системе Фурье, а один раз подсудимый Европеус говорил о ненадобности морали, как науки, лишенной всякого значения в наше время. Вообще он, Кашкин, считал эти вечера простым развлечением, не придавая им никакого значения, а на теорию Фурье смотрел, как на совершенно безвредную экономическую систему, будучи знаком только с одною ее хозяйственною стороною, и то поверхностно, и зная из разговоров, что она не имеет ничего общего с пагубными социальными и коммунистическими утопиями. Во время же великого поста у него, Кашкина, собирались некоторые знакомые и товарищи раза три или четыре, и тут также, между прочим, говорили о Фурье, но на вечерах этих было как-то скучно; к тому же он, Кашкин, был этим очень мало заинтересован, ибо был рассеян светскою и домашнею семейною жизнью, а потому, еще до окончания поста, перестал приглашать к себе, и вечера его кончились. На вечера к товарищу его, Кашкина, Отто собирались не более 8 раз, но определенной цели для этого не было, и разговор был обыкновенно разнообразный, речей никто никогда не говорил, и только один раз, по просьбе гостей, он, Кашкин, прочел статью о воспитании из Консидерана. Участие в состоянии библиотеки приняли все, назначив распорядителем оной Дебу I-го.

Относительно участия в обеде, данном у подсудимого Европеуса в честь Фурье, Кашкин объяснил, что однажды подсудимые Дебу 1-й и 2-й сказали ему, что хорошо бы, если бы несколько человек, знакомых с именем Фурье и уважающих его ум, собрались пообедать в день его рождения 7 апреля, и он, Кашкин, видя в этом только хороший сбед в знакомом обществе, согласился на это предложение. В последний же свой вечер великим постом предложил гостям, не хотят ли они участвовать в нем, и они согласились, а Европеус предложил для этого свою квартиру, как самую удобную по поместительности. На обеде этом речь, произнесенная под-

судимым Ханыковым, была принята с удовольствием и одобрением вообще всеми присутствующими, содержание же речей Петрашевского и Ахшарумова он, Кашкин, утомленный вниманием к речи Ханыкова, передать не может и даже вовсе не слышал их, но, сколько помнит, на них мало было обращено внимания. Сам он, Кашкин, прочитал за обедом вслух принесенное Петрашевским стихотворение под заглавием: «Чудаки» [1]), смысл которого был тот, что великие люди, появляющиеся в мир с новыми истинами, редко бывают оцениваемы современниками, что их называют чудаками и только впоследствии отдают им справедливость. Но откуда достал это стихотворение Петрашевский, он не знает. Кроме того на этом же обеде принято было предложение подсудимого Дебу 2-го перевести сочинение Фурье, для чего все бывшие на обеде собирались после и разделили на части одно сочинение Фурье.

На сделанные подсудимому Кашкину особые вопросы следственной комиссии: какие были его политические убеждения, как желал он осуществить их и как полагал применить учение социалистов к России? Кашкин показал, что он занимался только системою Фурье, и если приступал к переводу сочинений его, то более потому, чтобы познакомиться с этою системою и удостовериться, есть ли в ней что-либо способное к применению; при этом он, Кашкин, полагал, что если, изучив систему Фурье, он найдет в ней что-либо удобоприменимое к земледельческому быту, то составит из этого проект, по которому он просил бы от правительства позволения устроить модельную ферму. К сему Кашкин присовокупил, что либеральных идей он в себе не сознает и либерального направления не имел и не имеет, а с идеями Фурье познакомился осенью 1848 года и занимался ими только потому, что считал их противоположными идеям социалистов и коммунистов, которые он находил вредными и безнравственными.

В заключение своих ответов при следствии Кашкин объяснил, что, обсуживая теперь свое поведение, он находит себя виновным в том, что легкомысленно судил о всех этих обстоятельствах, не видя в них никакой важности, и горько раскаиваться, что, поступая необдуманно, не отдавал себе никогда отчета о возможных последствиях своих поступков, но если молодость и неопытность (ему тогда не было и

---

[1]) Беранже. *Ред.*

20 лет) могут сколько-нибудь служить извинением, и если бы он мог надеяться, что, по заступничеству комиссии, вашему императорскому величеству благоугодно будет оказать ему высочайшую милость и даровать возможность возвратиться на истинный путь, то он твердо убежден, что с помощью горестного испытания, им перенесенного, и благих советов родителей вполне заслужит и оправдает доверие, ему оказанное, которого теперь может казаться недостойным.

В отношении собраний подсудимого Кашкина и обеда, бывшего у подсудимого Европеуса, прочие подсудимые и прикосновенные к делу лица, принимавшие в оных участие, показывают согласно с Кашкиным, объясняя, что главный предмет разговоров на этих собраниях была система Фурье. При этом подсудимые Ханыков и Ахшарумов объявили: Ханыков,—что на вечерах у Кашкина разговор был в духе либеральном, а Ахшарумов,—что целью собраний Кашкина было изучение и распространение системы Фурье; что впоследствии, когда вечера Кашкина продолжались у товарища его, Отто, тогда начали составлять общую библиотеку, и тут только обнаружилось социальное направление этих вечеров, вследствие чего многие удалились от них, даже сам Отто оставил своих знакомых и прекратил у себя вечера, которые потом снова появились у Кашкина, но уже в меньшем числе. При этом подсудимый Ахшарумов объяснил, что на собраниях у Отто библиотека составлялась следующим образом: каждый предлагал книгу, какую хотел, и потом спрашивали у всех—купить ее, или не купить; число голосов записывалось, и большинство их было на стороне социальных книг, которые все были приняты. Другие, впрочем, предлагали книги о посторонних предметах, потому что целью общей библиотеки было сокращение издержек, которые каждый употреблял для своего образования. Положено было также в этих собраниях говорить впоследствии, когда все устроится, речи, и те, которые посещали Петрашевского, занесли оттуда заведение будущего порядка, в случае громких споров, звонить. Все это, прибавляет Ахшарумов, заставило многих прекратить знакомство и посещение вечеров, бывавших у Отто, так что они не являлись более и на вечера к Кашкину, когда они после возобновились [1]).

---

[1]) На вечерах у Кашкина бывали также некоторые из лиц, посещавших собрания Петрашевского, как-то подсудимый Спешнев, Ахшарумов, Ханыков и другие. Вообще же собирались к Кашкину постоянно одни и те же лица, только иные бывали у него на собраниях реже, а другие чаще.

Служащий в министерстве финансов чиновник 9-го класса Отто объяснил, что собрания подсудимого Кашкина положительной цели никакой не имели, занимались там разговорами о литературе и науках, а более разбором учения Фурье; обязательности же посещать эти вечера никакой не было, и потому общество было почти всегда разное. После, когда вечера эти продолжались в квартире у него, Отто, то и к нему тоже собирались без всякой определенной цели, только для взаимного обмена своих мыслей. Составление же библиотеки было сделано с целью облегчить каждому из участвующих чтение книг, которые покажутся полезными для развития образования [1]).

Сверх того некоторые из посещавших собрания подсудимого Кашкина объясняют, что на этих собраниях, между прочим, говорено было о том, чтобы стараться как возможно более распространять учение Фурье, особенно между женщинами; подсудимый же Ханыков показал еще, что на другой день после обеда, бывшего у подсудимого Европеуса, Кашкин и подсудимый Дебу 2-й, быв в квартире у него, Ханыкова, спрашивали, как осуществить систему Фурье в России.

Но подсудимый Кашкин объяснил, что общего разговора насчет распространения учения Фурье, особенно между женщинами, он не слыхал, один же раз бывавший у него на вечерах чиновник Ващенко говорил ему, что он считает это полезным. Приводили ли это другие в исполнение, ему, Кашкину, неизвестно, сам же он не считает за исполнение такой мысли те неуместные разговоры о Фурье, которые он, Кашкин, имел с женщинами, с коими встречался в обществе.

Чиновник Ващенко показал, что о распространении учения Фурье между женщинами он всегда слышал от подсудимого Дебу 1-го, но как это исполнялось, не знает.

Подсудимый же Дебу 1-й отозвался, что об означенном обстоятельстве ему вовсе неизвестно.

Что касается до показания подсудимого Ханыкова, что Кашкин вместе с подсудимым Дебу 2-м спрашивали его: как осуществить систему Фурье в России, то как сам Кашкин, так и Дебу не подтвердили этого.

По рассмотрении опечатанных у подсудимого Кашкина бумаг оказалась между ними речь о достижении счастья

---

[1]) Чиновник Отто не содержался под арестом, а был только призван к допросу в следственную комиссию, по определению которой признан маловиновным и подвергнут секретному надзору.

и совершенства человечества, написанная, как уведомил стаст-секретарь князь Голицын, в самом вредном духе как в гражданском, так и в религиозном отношении.

Речь эта начинается следующими словами: «В последний раз было сказано, что форма правления недостаточна, чтобы привести человека к осуществлению стремления его к счастью». Это должно быть делом науки. Затем, сделав вопрос: какая наука ведет к достижению этого? Кашкин разделяет науки на точные и неточные; к первым относит те, кои в основание свое берут факты из природы, истины непреложные, как-то: физику, астрономию,—вообще науки естественные; ко вторым—те, которые берут в основание не факты из природы, но или положения, взятые из одного разума, выдуманные, или факты общественной жизни, так, как она есть, а не так, как должна быть по законам природы. В этот разряд он поставляет политику и политическую экономию, называя такие науки нравственно-политическими или наукою общественною. Отдавая преимущество первым, Кашкин пишет: «Я не признаю за общественной наукой права гражданственности между науками естественными, удовлетворяющими требованию разума. Науку, не имеющую в основании своем общих непогрешимых истин, я назову не наукою, а фантазерством, гипотезою». Потом, описывая трудности для открытия истины, Кашкин заключает следующими словами: «Не будем же предаваться отчаянию, не будем отрицать того, что еще неясно для нас, но будем смело и неутомимо итти вперед, искать истину; честь и слава тому, кто найдет ее... Но первый шаг к познанию добра есть отрицание зла. Чтобы открыть истину, признаемся прежде, что мы находимся в царстве лжи и восстанем против источников ее». Далее Кашкин делает разбор наук, называющихся неточными, разделив их на четыре отдела: метафизику, мораль, политику и политическую экономию. Он говорит, что метафизика, имеющая предметом определение природы человека и цели его существования, к которой должно стремиться как индивидуально, так и в массе, не выполнила своей задачи; что философы на все отвечают громкими словами и вместо того, чтобы пояснить противоречия в жизни и мышлении, прикрывают их легкими тканями искусственной диалектической фиоритуры; что они, взяв одни буквы, одни слова, заглушили всякое сострадание, всякое теплое сочувствие, что они намеренно, с усилием, поднялись на точку равнодушия ко всему человеческому, и мертвое уничтожение в

бесконечном считают свободой и целью; что им удивительно, о чем люди хлопочут, когда все объяснено, сознано, и человечество достигло абсолютной формы бытия, и что все философы стремятся поставить разум человека выше его природы и из одного разума извлечь общественный порядок, который бы вполне удовлетворил стремлению человека к счастью». Далее Кашкин, приводя подлинные слова Канта, что разум человека выше общего разума природы, и чтобы человек искал счастия и совершенства одним собственным разумом, не принимая в расчет того инстинкта, тех страстей, которые даны человеку, пишет так: «Откуда взялась у человека дерзкая мысль ставить себя выше разума природы, создавшего его, присвоить рассудку монополию управлять обществом и устранить страсти, получившие при создании равные с ним права на это управление». Потом продолжает: «Мне кажется, что, не изменив этого положения, мы никогда не дойдем до совершенства и счастья. Инстинкт человека, его страсти никогда не подчинялись разуму; из столкновения их всегда происходила и будет происходить борьба, а понятие борьбы противоположно понятию гармонии. Такое понятие прямо ведет к атеизму. Неверующий видит между людьми страдания, ненависть, нищету, притеснения, необразованность, беспрерывную борьбу и несчастия,— ищет средства помочь всем этим бедствиям и, не нашед его, восклицает: «Если такова судьба человечества, то нет провидения, нет высшего начала, и напрасно священники и философы будут ему говорить, что небеса провозглашают славу божию. Нет, скажет он, страдания человечества гораздо громче провозглашают злобу божию. Чем более творение его—вся природа, выказывает его искусство, его мудрость, тем более он достоин порицания за то, что, имея возможность к этому, он не позаботился о счастии людей. К чему нам все это поразительное величие звездных миров, когда мы не видим конца нашим страданиям? И какая ему честь в том, что он создал вселенную? Если все эти миры населены такими же несчастными созданиями, как и мы, то ему мало чести в том, что он умеет так размножать число несчастных; если же между ними есть населенные счастливыми существами, то мы должны только упрекать его в несправедливости к нам. Во всяком случае мы можем скорее видеть в нем духа зла, нежели начало всего доброго и прекрасного. И атеиста нельзя винить за такое мнение. Да разве не всякий день слепо верующие воссылают к богу хор упреков?

Вся разница в форме: но какое дело богу до учтивой формы? Разве молитва, в которой его просят о богатстве, о здоровье, о счастии, не тот же косвенный упрек? Не есть ли это порицание за то, что он не дал богатства, не дал здоровья, не дал счастья? По моему мнению, неверующий поступает гораздо логичнее слепо верующего. И в самом деле: не разумнее ли отрицать вовсе существование всемудрого и всеблагого существа, нежели утверждать, что оно есть и всеблаго, но не хочет дать счастья стольким миллионам созданий своих; что оно всемудро и не может изменить такого порядка, в котором бедный ежеминутно завидует изобилию богатого, раб свободе господина, женщина мужчине, дети старикам, и старики детям; где один человек заставляет работать для себя другого человека, то угрозой палки, то угрозой голодной смерти... Но истина ни в слепой вере, ни в неверии, ни в том, ни в другом метафизическом учении, истина в природе. В ней высший разум начертал волю свою, и из природы человек должен перенести ее в свою жизнь, в свое общественное устройство. Он научился открывать в естественных науках законы природы, остается применить их к науке общественной. И когда он это сделает, человечество будет иметь закон счастья и совершенства; пока же он не осуществит воли высшего начала, творца своего, начертанной в великой книге природы, будет борьба, будет мрак, будет несчастие, царство зла и лжи! Заключим прекрасными словами Искандера: «Вера в будущее—наша благороднейшее право, наше неотъемлемое благо; веруя в него, мы полны любви к настоящему. И эта вера в будущее спасет нас в тяжелые минуты отчаяния, и эта любовь к настоящему будет жива благими деяниями».

Кроме того, в бумагах Кашкина найдены еще: первая часть сочинений Фурье и проект письма к Европеусу.

В письме этом, писанном 26 декабря 1845 года, Кашкин просил Европеуса помочь одному близкому ему лицу, которого по имени не называет, и притом, между прочим, выразился: «Если бы я верил в какое-либо божество, я бы у него просил дать мне силы для борьбы с болезнью, но я не верю. Бог, если ты существуешь, помоги мне, и ты не будешь иметь более ревностного поклонника».

При допросе в следственной комиссии Кашкин показал, что означенная речь написана им в конце 1848 года и тогда же прочтена была им у себя на вечере; что он хотел доказать в ней бесполезность и вред философии в религиозном

отношении, именно, что философствующая логика ведет к атеизму, и для этого представил рассуждение философа-атеиста и старался доказать, что он может сбить с толку человека слепо верующего,—нерассуждающего. Если же мысль его дурно выражена, и самая статья написана бестолково и безрассудно, то это потому, что она написана наскоро и без знания дела; но что он, Кашкин, никак не имел намерения доказывать ею преступные мысли, оскорбительные для нравственного чувства и которых он вовсе не разделяет.

При спросе в военно-судной комиссии подсудимый Кашкин подтвердил все прежние свои показания, объясняя, что к оправданию своему он ничего более сказать не может.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого титулярного советника Кашкина виновным в том, что он, Кашкин, присутствуя 7 апреля сего года при чтении на обеде в квартире подсудимого Европеуса вышеупомянутых речей против религии, семейственного быта и государственного устройства, не донес о том своевременно, а на другой день был в собрании у подсудимого Петрашевского, где, как сам Кашкин объясняет, происходили также рассуждения, противные духу правительства. Сверх сего по следствию открыто, что у подсудимого Кашкина в октябре и ноябре месяцах 1848 года собирались на вечера подсудимые Спешнев, Ахшарумов, Ханыков и другие лица, но чтоб в этих собраниях происходили преступные против правительства рассуждения, доказательств нет; не доказано тоже и то, чтоб Кашкин, сверх упомянутого уже одного случая, был еще на собраниях Петрашевского. А потому военный суд приговорил: титулярного советника Кашкина, за недонесение о произнесенных подсудимыми Петрашевским, Ханыковым и Ахшарумовым, на бывшем в квартире у подсудимого Европеуса обеде, речах, в коих они порицали бога, церковь и государственное устройство, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 142, 144, 196 и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных ст. 274, лишить его, Кашкина, всех прав состояния и сослать в каторжные работы на заводах на четыре года.

Примечание. В отношении вышеизложенной речи, найденной в бумагах подсудимого Кашкина, в приговоре суда постановления не сделано. Следственная же

комиссия в заключении своем об обстоятельствах, относящихся до Кашкина, признала, что помянутая речь содержания преступного против бога и общественного устройства.

О кандидате университета Ахшарумове.

Подсудимый Ахшарумов, 26 лет, сын уволенного от службы генерал-майора, воспитывался сперва в 1-й С.-Петербургской гимназии, а потом в университете на казенный счет; по окончании же курса со степенью кандидата, с февраля 1847 года состоял при Азиатском департаменте в учебном отделении восточных языков, но на действительной службе не считался и чина не имеет.

По донесениям агента Антонелли, Ахшарумов был на двух собраниях у Петрашевского, 25 марта и 15 апреля, на которых было говорено о восстановлении подведомственных лиц против властей, о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян и читались— предисловие к сочинениям Хмельницкого, написанное Дуровым, и письмо Белинского к Гоголю. Но в какой мере Ахшарумов принимал участие в суждениях о сих предметах, в донесении не объясняется.

Кроме того по делу открылось, что Ахшарумов бывал на вечерах у Кашкина и был на обеде, данном у Европеуса в честь Фурье, где читал речь преступного содержания.

Речь эта найдена в бумагах его, Ахшарумова, и содержание ее, как уведомил стаст-секр. кн. Голицын, обнаруживает стремление сочинителя и общества, в котором она была читана, к совершенному разрушению существующего порядка...

Речь эту Ахшарумов начинает обращением к цели обеда так: «Сегодня, господа, мы даем обед в честь мыслей и чувств истины, которые соединяют нас, поглощая все личности». Потом упомянув, что назначение человека сознать в себе закон природы и применить его к жизни своей, пишет: «Жизнь, как она теперь тяжела, гадка, не представляется по разуму согласною с природой; что сердце каждого неумолкаемо говорит о счастии, что счастье это не то, которым теперь пользуются немногие, и которое обещают наши грязные попы в будущей жизни, но в жизни другого общества, в наслаждении и роскоши на нашей высокой прекрасной земле. Мы все несчастны, и можно ли быть счастливым в этом обществе, в котором мы живем. Оно обезобразило, исковеркало наши страсти, оно измучило нас и

сделало нас нуждающимися, больными. И так как порядок установленный противоречит главному основному назначению человеческой жизни, как и всякой другой жизни, то он непременно, рано или поздно, прекратится и вместо него будет новый-новый-новый и новый. Когда? Вот это важный вопрос, и мы можем только отвечать, что скоро. Факт, что мы сознаем недостатки, ошибки в устройстве,—этот самый факт доказывает, что началось время его разрушения. И рухнет, и развалится все это дряхлое, громадное, вековое здание, и многих из нас задавит оно при разрушении, но жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело».

«Невинность, молодость—единственные причины всех доселе испытанных неудач; будет время зрелости, когда человек не будет ошибаться и падать, как теперь».

«Итак, люди всегда стремились к переменам, и эта потребность не была сознана и не была понята ясно, как теперь. Постыдные религиозные предрассудки, рабство женщин и ничтожные знания законов природы удерживают развитие, оковали цепями живую, свободную душу человека и стройные силы ее. Причины непосредственные, от чего человек терпит несчастье, которое превращает жизнь нашу в вечные жалобы и печали,—объяснены, раскрыты достоверно учением, которое созревало, росло и, наконец, высказано было и объяснено Фурье и стало понятно каждому из нас. Новейшие открытия и истины социальные—это материалы одной и той же науки огромной, в которую сливаются все, для которой все орудия науки средства науки счастья.

«Мы живем в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, испачканных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом, скопище разрозненное все семействами, которые вредят друг другу, теряют время и силу и обедняются в бесполезных трудах. И там за столицей ползут города, единственная цель, высочайшее счастье для них, апогей их величия недосягаемого—сделаться многолюдным, развратным, больным, чудовищным, как столица. А еще пониже десятки миллионов работников, целый день летом на солнце и дожде сглаживают, возятся с землей, да еще не своей, чтоб она дала скудные плоды... Но не для этого человек так долго трудился и не здесь венец трудов его—он ждет его, он заслужил его и возьмет его скоро, и покроет им свою измученную голову, и предстанет царем земли».

«В эти дни, в этом самом обществе, мы собрались сегодня не для жалоб и не для этих несчастных повество-

ваний; но, напротив, полны надеждой, торжеством, весельем, накрыли стол и переносясь в будущее время и скоро ожидаемое всеми, мы даем обед залогом лучших дней и празднуем грядущее искупление всего человечества. Мы празднуем день рождения Фурье потому, что он указал нам путь, по которому итти, открыл источник богатства, счастья. Сегодня первый обед фурьеристов в России; 10 человек немногим более; все начинается с малого и растет до великого. Мы должны гордиться тем, что природа нас выбрала для развития своих возвышенных целей в человеческом роде. Нас окружают 100 миллионов людей, которые оглушены бреднями и не знают, что ожидает их новая жизнь, и что они должны приготовиться к принятию ее. Наше дело высказать им всю ложь, жалость этого положения, обрадовать их и возвестить им новую жизнь. Да, мы, мы все должны это сделать. Законы природы, растоптанные учением невежества, восстановить, реставрировать образ божий человека; освободить страсти стесненные, подавленные. Разрушить столицы, города и все материалы их употребить для других зданий и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья и всю землю нищую покрыть дворцами. Вот цель наша, великая цель, и все действия превратятся в единство; в нашей стране начнем преобразование, а кончит его вся земля. Да, обед сегодняшний—событие важное—он дается нами, действователями природы, во имя будущего торжества истины над невежеством,—истины, которою скоро избавлен будет род человеческий от невыносимых страданий.

Наслаждение пускай будет наш девиз».

Кроме сего у Ахшарумова найдены еще следующие бумаги:

1) Стихотворение под заглавием: «Европа 1845 года». Оно начинается описанием смут и борьбы на западе и оканчивается следующим предсказанием о преобразовании, которым изменится вся земля:

Но время лучшее придет,
Война кровавая пройдет,
Земля покроется дворцами,
Вражда взаимная умрет,
И нищий и немой народ
Свободу жизни обретет.

Столицы, города сотрутся
С лица земли — не будет их,
И с ними в землю погребутся
Все стоны, все мученья их.

2) Записная книга 1848 года с изложением в ней отдельных тем или мыслей. Первые страницы обращают в сем отношении особенное внимание.

На первой странице, в виде оглавления предметов, о которых писать следует, изложено так:

«О невозможности улучшения человечества доселе принятыми средствами—религиею и ею предписываемыми правилами, проповедями священников, устройством суда и законов и о крайней необходимости изменить все, переделать во всех основаниях общество и всю нашу глупую, бестолковую и пустую жизнь; об уничтожении семейной жизни, труда, собственности, в таком виде, как они теперь; государства никуда негодного с его министрами и царями и их вечной, бесполезной политикой. Об уничтожении законов, войны, войска, городов и столиц, в которых люди тяготятся и не перестают страдать, проводят жизнь в одних мучениях и умирают в отвратительных болезнях».

Развивая эти мысли, Ахшарумов, между прочим, пишет: «Человек для общего благополучия соединился в слишком большом числе, что произвело ужасный беспорядок. Куда целому государству управляться в одном центре—столице его; такое огромное соединение неестественно безобразно и должно разрушиться, надо разделиться на маленькие общества, которые устроят сами свою жизнь;—тогда будет настоящее истинное соединение, общее благополучие, к которому постоянно стремится все человечество».

3) Рукопись, под заглавием: Изложение домашней земледельческой ассоциации, составленное по правилам Прудона о разделении трудов.

Сверх того в бумагах подсудимого Дебу 2-го найдена особая тетрадь, написанная Ахшарумовым, с изложением в ней преступных рассуждений, по заданным им себе трем вопросам: 1. Какие мои мысли и убеждения? 2. Свободен ли я? 3. Готов ли я?

В этой тетради, между прочим, излагается план возмутительных действий для ниспровержения настоящего порядка в России. Особенно замечательны в нем следующие места.

«Жизнь, так, как она идет теперь, слишком тяжела, обре-

менительна, переполнена всякого рода неприятностями и гадостями».

«Все это томленье, все, что мы все поневоле терпим каждый день, происходит оттого, что человек соединился в слишком огромном множестве для устроения общественного своего блага. Оттого миллионы людей, желавших лучшего, не могли достигнуть своей цели. Они делали ужасную ошибку; хотели устроить все переменою одних форм управления, и не заметили того, что государства нельзя устроить. Государство должно погибнуть, с его министрами и царями, с его войском, с его столицами, законами и храмами. Необходимо, чтобы вместо него произошли небольшие общества, которые имели бы в себе целость, полноту, разнообразие, независимость одно от другого и представляли бы, так сказать, интегралы человечества».

Далее Ахшарумов, описывая всю тягость жизни, в нашем обществе происходящую, по его мнению, от неполного удовлетворения всех страстей человека, пишет: «что уничтожить это—есть средство одно—Фаланстер Фурье. Но к этому самое большое препятствие наше глупое, пустое, злое и сильное правительство. Вопрос приводится к тому, каким образом получить правительство, терпящее нововведения.

«Монархическое—неограниченное уместно только тогда, когда будет на престоле человек любознательный, благонамеренный и преданный благу всего человечества. Но с нашими негодными, недоверчивыми, всего опасающимися царями и многочисленным их семейством, в котором ни один из членов не обещает ничего доброго, с невежеством министров и всего правительства, решительно нет надежды на такое нововведение. Потому нам нельзя оставить это в таком положении. Надо изменить правление, но осторожно, чтобы не произошел слишком сильный беспорядок, который бы вовлек народ опять в старое. Я думаю так, что если народа нельзя вдруг лишить его любимого предмета, которому он вверился и которым дурачен столько веков, то надо оставить царя для названия, но уж взять его в руки. Надо конституцию, которая дала бы свободу книгопечатания, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для рассмотрения новых проектов и улучшений общественной жизни, и чтоб не было никаких вмешательств в дела частных людей, в каком бы числе они ни сходились вместе».

«Производить можно: 1) убеждением, 2) силою, обманом против воли и желания общей массы».

«Трудно говорить о том, какое правление в России скорее приведет к цели. Стоять непременно и дожидаться упрямо республиканского правления, значит терять время, потому что конституционное лучше монархического неограниченного. Пока у нас нет человека, известного всем, у которого был бы авторитет и популярность, то надобно иметь царя, но предоставить ему самые ничтожные преимущества, сказав народу, что он на все имеет право, только с согласия его самого, так, например: оставить ему титул, голос его в народном собрании считать за несколько голосов и т. п. но чтобы у него не было права ни распускать, ни созывать собрание, ни назначать время продолжения его, чтоб войско не было в руках его. Дела все рассматриваются в одной палате, президент избирается на короткое время. Потом, когда собрание получит доверенность народа, то можно обойтись без царя».

Далее Ахшарумов излагает, каким образом следует возбуждать простой народ к восстанию и как распространять в своем кругу мнения. Для этого он полагает приобретать людей различных званий, состояний и полов, взять в свои руки университет, лицей, училище правоведения, кадетские корпуса и другие учебные заведения; составить кружки и вообще действовать не по случаю, а систематически, но без формальностей.

Наконец Ахшарумов развивает следующий, заданный им себе, вопрос: «Готов ли я? На что? На что б ни было».

«Готов ли я действовать по моим убеждениям, подвергаться опасностям даже и тогда, когда бы я не мог наслаждаться плодами наших трудов, более, готов ли я жертвовать жизнью за доброе дело? Не действовать по убеждению—я считаю бесчестным, слабым поступком. Говорить одно, а делать другое—или низость, или слабость, или неуверенность в справедливости своих мыслей, сомнение. Но в этом случае я решительно объявляю, что у меня нет сомнения в тех мыслях, которые здесь написаны, и что я готов действовать по моим убеждениям».

«Подвергаться опасности даже и тогда, когда бы я не мог наслаждаться плодами наших трудов—если я встречу людей, вместе с которыми я могу моими трудами принести пользу человечеству, или хоть одному нашему народу, и если с их стороны будет предпринято благоразумное полезное предприятие, то я готов итти вместе с ними везде».

«Жертвовать наверно жизнью за доброе дело, если буду

знать наверное, что это доброе, достойное дело, что жизнь мою отдам не даром, то готов 1000 раз отдать ее, об этом думал я часто и решительно могу сказать, что готов; даже и тогда, я думаю, если б многие из людей, к которым бы я был привязан, увлеклись неблагоразумно на смерть, то я готов последовать за ними».

При допросах следственной комиссии Ахшарумов показал, что он познакомился с Петрашевским в декабре 1848 г., с целью пользоваться у него чтением книг, даже запрещенных, которые, как слышал, он выписывал и раздавал. На вечерах у него он, Ахшарумов, был всего раз 7 или 8, впрочем непостоянно. Вообще на этих вечерах говорили о религии, философии, литературе, но преимущественно сам Петрашевский предлагал вопросы настоящего положения о правительстве и говорил об открытом судопроизводстве, о свободе крестьян, а также о том, что в России нет правительства, точно так же, как и в Австрии, что законы все написаны под влиянием предрассудков века и в пользу одного класса людей. В один же вечер Тимковский говорил о социализме и его распространении, о солидарности между знакомыми Петрашевского для занятия мест по службе, о том, чтобы давать каждому отчет по истечении известного времени в том, что он сделал для пропаганды.

Получив новый взгляд на жизнь через чтение социальных книг и имея в виду лучшее устройство общества и перемену настоящего положения, Петрашевский старался передать свои мысли знакомым, с целью общественным мнением произвести переворот; вынудить общим желанием свободу книгопечатания и открытое судопроизводство и ввести в России социальную жизнь, не желая однакоже перевернуть все насильственным образом, но всегда, сколько мог заметить, он, Ахшарумов, из его слов, действовать одним убеждением. Для достижения же сего первым и самым важным средством было как можно больше выписать книг и раздавать их читать, книги эти переходили из рук в руки, и таким образом затеяна была пропаганда чтением книг. Кроме того он, по желанию каждого, выписывал какие книги кто хотел.

В отношении вечеров у Кашкина, Ахшарумов объяснил, что кружок знакомых Кашкина существовал всего полгода и сначала на бывавших у него вечерах никогда не было политических толков и разговоров против правительства, но в последние три месяца направлением и целью вечеров

сделалось изучение и распространение системы Фурье. По приезде родителей Кашкина, вечера его перешли к Отто, где, между прочим, положено было составить общую библиотеку, и как с этого времени собрания получили исключительно социальное направление, то вследствие сего многие удалились, и сам Отто прекратил у себя вечера, однакож оные продолжались еще несколько времени опять у Кашкина. На одном из вечеров знакомые Кашкина согласились сделать обед в память Фурье и в благодарность за сочинения его, доставившие им удовольствие и сообщившие новое открытие для осчастливления людей. Обед этот был на квартире Европеуса, и в комнате, где накрыт был стол, повесили портрет Фурье. По окончании обеда, пили тосты в память Фурье, а потом Ханыков, Петрашевский и он, Ахшарумов, произнесли речи, каждый особо. Кашкин также сказал несколько слов, которых он, Ахшарумов, не помнит, и прочитал принесенное Петрашевским, не знает откуда, маленькое стихотворение, под названием «Чудаки», содержание коего было то, что над всеми чудаками смеются, а чудаки-то и делают открытия, изменяющие всю жизнь человека. Кроме того на этом же обеде, по предложению Дебу 2-го, согласились переводить сочинения Фурье и для этого собрались после к Ващенке, где разделили труд перевода.

К этому Ахшарумов присовокупил, что с весны 1848 года, когда он начал читать социальные книги, все мысли его перепутались социальными идеями, и убеждения его тогда были следующие: что все существующее неестественно и дурно, и что мы все ведем неправильную жизнь, и правительство, само не замечая этого и не обращая внимания на книги, которые проясняют этот предмет, поддерживает эту неправильную жизнь. Единственное средство, по мнению его, Ахшарумова, выйти из этого положения,—есть путь, указанный учением Фурье. Политические убеждения его, Ахшарумова, вследствие этого изменились в такой степени, сколько нужно для выполнения системы Фурье, и он думал, что правление, ограниченное конституциею, удобнее для этого, нежели то, которое теперь в России. О применении же социального учения в России он, Ахшарумов, думал, что, так как учение социалистов запрещено в России и не позволяют его здесь выполнить, то надо употребить все меры, чтобы получить возможность эту, несмотря на препятствия правительства, т.-е. распространить сперва тайно это учение и после заставить правительство признать его.

Потом мысли его, Ахшарумова, изменились, и он полагал ожидать, пока в том государстве, откуда занеслось к нам это учение, приведется в исполнение система Фурье, и если удастся, то правительство и само примет ее, так же как и все другие полезные открытия.

О бумагах своих Ахшарумов объяснил, что если он писал что у себя в комнате, то не выносилось из нее и никем не было читано, исключая одной бумаги, которую читал Дебу 2-й. Когда у себя дома он проводил иногда длинные вечера в занятиях в чтении, то ему приходили в голову вздорные мысли и выражались на бумаге прозой и стихами. Иногда, даже и в то время, когда еще не были известны ему социальные мысли, находили на него минуты сомнения, в которых он, Ахшарумов, в мыслях своих обращался дурно с предметами, священными для него постоянно в жизни. Речь его, прочитанная им на обеде у Европеуса, хотя обличает его, повидимому, в изменении мыслей, но он, Ахшарумов, всегда осуждал революции, и политические перевороты никогда не могли его привлечь; если же он, Ахшарумов, и написал речь, то это было только тщеславие заставить товарищей своих думать о нем хорошо; но речь эту, как противную его совести, он впоследствии ненавидел. Что касается написанного им сочинения, под заглавием: «Готов ли я?», то смысл его был тот, что он, Ахшарумов, увлеченный в заблуждение и признавая его истиною, готов был на все, что покажется нужным для приведения в исполнение этой истины, даже если бы потребовалась жизнь его, если бы нельзя было обойтись, чтобы выстроить фаланстер Фурье, без восстания против правительства; если уже это необходимо, то он, Ахшарумов, и на это был готов, в то время, когда писал это сочинение; но эти вредные намерения пришли к нему с заблуждением и прошли вместе с ним.

Кроме того Ахшарумов сам признался, что им сочинено было в 1843 и 1844 годах несколько статей, уже уничтоженных, в которых он осуждал, по глупости своей, без всякой причины, ваше императорское величество.

Сочинения эти были следующие: 1) стихотворение, под заглавием: «Зимний дворец», содержание которого было то, что такое огромное здание и в нем нет пользы, а вред; 2) стихотворение без заглавия, насмешливое и неприличное, в котором осуждался государь император, и 3) сожаление о смерти Рылеева, написанное по случаю прочтения предсмертного письма его к своему брату и другу. Сочинение это

оканчивалось дерзким рассуждением насчет смертного приговора над Рылеевым.

Принося во всем этом раскаяние, Ахшарумов присовокупляет, что все дурные мысли, помещенные в его сочинениях, он никогда не питал и не носил в своей душе, что они явились у него просто от сомнения и горьких обстоятельств жизни и никогда не были его постоянными мыслями.

Вместе с тем Ахшарумов написал письмо на имя вашего императорского величества, в котором, изъявляя чистосердечное раскаяние в своих поступках и сознавая себя виновным пред вашим величеством, просит себе прощение. Письмо это он заключает словами: «Я раскаиваюсь во всем и прошу прощения и пишу это не из желания быть избавлену от наказания, которое заслужил, но из раскаяния, от чистого сердца, чувствуя себя тяжело виновным перед тобою, как пред государем моим, считаю долгом христианина и подданного просить прощения. Прости меня, государь, если можно, за мое раскаяние и в память заслуг отца моего».

При спросе в военном суде подсудимый Ахшарумов отозвался, что подтверждает свои показания и ничего к оправданию своему не имеет.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого кандидата университета Дмитрия Ахшарумова виновным в том, что он посещал с декабря месяца 1848 года собрания подсудимого Петрашевского, участвовал там в преступных рассуждениях и, между прочим, о восстановлении подчиненных против властей, сам писал, как это видно из отобранных у него при арестовании бумаг, рассуждения о средствах к преобразованию общественного быта в России, перемене образа правления, и, употребив в этих рассуждениях в высшей степени дерзкие выражения о правительстве, о членах императорской фамилии и об особе вашего императорского величества, изложил и средства к произведению восстания и выразил готовность участвовать в оном, не щадя жизни. Наконец 7 апреля сего года на обеде, бывшем в квартире подсудимого Европеуса, произнес хотя и безрассудную, но не менее того преступную речь о необходимости общественного переворота, уничтожения семейной жизни, собственности, государства и разрушения столиц, городов и проч. А потому военный суд приговорил: его, кандидата Ахшарумова, за умысел к преобразованию общественного быта в России и перемене

образа правления, дерзкие выражения против правительства, членов императорского дома и в особенности против священной особы вашего величества, за изложение предположений к произведению восстания и изъявление готовности участвовать в оном, лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 169, 170, 171, 174, 177, 178 и 596, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О студенте Ханыкове.

Ханыков, 23 лет, из дворян, воспитывался в С.-Петербургской первой гимназии на казенный счет, а в 1845 году поступил приватным слушателем в университет.

Агент Антонелли в донесениях своих объяснял, что о студенте Ханыкове Петрашевский упоминал только по фамилии, при разговоре с ним, Антонелли, в январе месяце сего года, как о лице, которого он, Петрашевский, посещал; на собраниях же у Петрашевского он, Антонелли, его не видал.— Между тем другие два агента, наблюдавшие за действиями подозреваемого в злоумышлении мещанина Петра Шапошникова, в марте сего года донесли: что Ханыков, вместе с бывшим студентом Толстовым и неизвестным, приезжал к упомянутому мещанину Шапошникову, и, привезя с собою по выписке из какой-то французской книги, прочитывали каждую выписку, трактовали, и неизвестный говорил, кому из них, на какой конец, как и где убить министров, царя и царскую фамилию. Но потом это отложено, потому что одного студента из их общества за сочинение каких-то стихов сослали на Кавказ; в ту же ночь, как взяли этого студента, переданы от одного другому сведения, чтоб быть осторожными и готовыми и не забывать своего долга.—С того времени,—присовокупляют агенты,—дела шли весьма скрытно. Ханыков и другие двое у Шапошникова не бывали, но совещания продолжались. Кроме того Ханыков, бывши в театре с Толстовым, сказал сему последнему: «Хочешь ли я докажу, что у государя нет совести; я буду смотреть на него 15 минут, а он не выдержит и 5 минут и перевернется 10 раз». После этого Ханыков подошел к первому ряду кресел, навел лорнет на императора и вместе с Толстовым захохотал. После того Толстов говорил агенту Наумову о мещанине Григорьеве, что он упрям, тверд, как камень, и языком своим может собрать народ на площади, и что их обществу нужны всякого рода люди, но ни он, ни многие знают все наше

дело; что Ханыков и Петрашевский люди настоящие; что Ханыков сначала очень смело говорил и огорчил было родственников, но потом стал действовать иначе, не барабаня, и они утихли; при чем обещал познакомить его, Наумова, с ними, сказав: «тогда вы узнаете наш план, а покуда учитесь».

По донесениям этим при первом арестовании злоумышленников, Ханыков арестован не был, а внесен только в список в число лиц подозреваемых более или менее в сношениях с обществом Петрашевского и с другими.

Но следственная комиссия при самом начале своих действий, признавая студента Ханыкова по важности выведенных на него обвинений подлежащим арестованию, сделала о сем распоряжение, и 2 мая сего года он был арестован и доставлен в крепость.

При рассмотрении бумаг, найденных у Ханыкова, как уведомил статс-секретарь князь Голицын, не оказалось таких, которые бы обнаруживали принадлежность его к сему делу; найдены только две тетради читанных лекций о политической экономии, доказывающие вредное направление, даваемое учащимся, чрез занятие ума и воображения их подробным философским разбором теорий о социализме и коммунизме и притом не в духе благонамеренном, но в выражениях соблазнительных, часто выставляя благодетельную цель системы, влекущих к ниспровержению всякого законного порядка.

Но между бумагами подсудимого Петрашевского найдена речь Ханыкова, произнесенная им на обеде в честь Фурье, бывшем 7 апреля в квартире Европеуса...

В речи Ханыкова особенно замечательны следующие места:

«Я начинаю говорить с тем увлечением, какое внушают мен и до нашего времени, говорит, что «в этой борьбе надо здесь. Событие, влекущее за собою преобразование всей планеты и человечества, живущего на ней». Слова эти сказаны в самом начале речи.

Далее Ханыков, излагая в речи о законе победителей и побежденных и о борьбе различных сословий, с древних времен и до нашего времени, говорит, что «в этой борьбе надо признать неудовлетворенность страстей, и что нейтрализировать, уничтожить этот закон может только наше учение». Затем, описывая превосходство учения Фурье, Ханыков продолжает. «Но лишь только я хотел говорить о принципе

и законе нашего учения, как речь моя прерывается, пораженное чувство из светлого, ясного превратилось в тягостное, томительное; оно просится наружу, просит высказаться. Пусть пробежит туча, пусть она прольется обильным дождем на почву накипевших во мне оскорбленных страстей, разреженный воздух станет прохладнее, будет груди легче дышать. Отечество мое, это оригинальное, своеобразное выражение страстей,—начало всемирное, следовательно чувство общечеловеческое, отечество мое в цепях, отечество мое в рабстве, религия, невежество—спутники деспотизма, затемнили, заглушили твои натуральные влечения; отечество мое, думал я про себя, прислушиваясь к толкам современных славян, где твое общинное устройство, где ты, народная вольница—великий государь Новгород, и ты, раздольная широкая жизнь удельных времен? Заунывной песнью, прерываемой порою задорной удалью былою, отвечала ты мне, угнетенная женщина, воплощенная страсть моей любви к отечеству. Не люби меня, не ласкай меня, закон царский, господский, христианский—заклянет, угнетет мое детище, изведет меня семья. Семья, повторял я с тех пор, есть угнетение, семья есть деспотизм, владычество исключительное привилегированных групп, нарушенная гармония страстей, семья есть монополия, семья есть безнравственность, разврат, семья есть бог-притеснитель, этот алчный злодей, распинающий своего сына из любви,—говорит нам церковь. Принцип нашего учения есть страсти, основное (пивотальное) начало всемирного движения, глаголу и велению которых подчинено все сущее, наведением к чему служит аналогия,—окончательным, торжественным доказательством законы Серии».

В заключении в речи Ханыкова сказано: «Весь недостаток и все изумительное величие нашей системы, господа, есть новый мир, открытый нашим учителем и совершенно противоположный действительному порядку вещей. Нам, нашей школе, следует пополнить пробел в системе. Как открытие ни будь, господа, истинно, благодетельно само по себе, но по косности, невежеству большинства, вытекающему из теперешней организации общества, оно не может быть принято скоро и повсеместно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживает до сих пор борьбу упорную, сильную.—Но не нам бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, наш тесный, дружный союз на всех концах земного шара, во имя ее начала и закона...

Преображение близко!.. Но не в вере, не в молитве, как делают это христиане, день которых пришелся с нашим днем, не в вере, не в молитве, этом модном, светском, семейном детском препровождении времени, а в науке чистой будем приобретать мы бодрость наших страстей на терпение, на дело».

По показанию одного из бывавших на вечерах Петрашевского коллежского советника Барановского, студент Ханыков говорил у него о различных сторонах учения Фурье и опровергал учение коммунистов, отзываясь, что основание его—абсолютное равенство—нелепо, как видимо противоречащее законам природы.

Подсудимый же Момбелли показал, что Ханыков был у Спешнева в тот вечер, когда Тимковский читал свой перевод: Le fou du palais Royal, par Cantagrel, одного из последователей Фурье.

При допросах следственной комиссии Ханыков показал, что он познакомился с Петрашевским в 1845 году и начал посещать его по пятницам с 1846 года. Направление разговора на этих вечерах было либерально-ученое, говорилось о системе Фурье, о религии и критиковались правительство и правители, а в октябре месяце 1848 года Тимковский произнес возбудительную речь, в духе коммунизма, советуя слушателям образовать кружки и заниматься пропагандою. Сам Петрашевский говорил о необходимости уничтожения религиозных предрассудков, о свободной цензуре и публичном судопроизводстве. Сколько помнит он, Ханыков, любимые слова Петрашевского были, между прочим, следующие: «Прежде чем действовать, нужно учиться. Слепая вера в бога вредна, ибо она повергает человека в бездействие и косность». Целью этих разговоров было взаимное образование для достижения посредством этого самых высоких результатов гражданственности, которые осуществляются в системе Фурье, чему, по мнению Петрашевского, должны были необходимо предшествовать свободные инструкции политические и прежде всего свободное тиснение и публичное судопроизводство. «Будем взаимно, товарищественно образовываться,—говорил он,—и тогда мирно мы преобразуем себя, других, целое общество». Кроме того Петрашевский пригласил его, Ханыкова, выписывать общими средствами книги, на что он, Ханыков, согласился и подавал голос преимущественно за книги социальные, ученые.

У Спешнева он, Ханыков, был раза четыре, и в один вечер

у него было совещание о переводе сочинений Фурье, а Тимковский читал перевод сочинения одного из учеников Фурье—Кантагреля: «Палерояльский дурак». Равным образом он посещал в 1848 году вечера Кашкина, где преимущественно рассуждали о социальных системах.

Относительно речи, говоренной на обеде, данном у Европеуса в честь Фурье, Ханыков показал, что обед этот был сделан на общие издержки. По окончании обеда, бывши в хмельном виде, он, Ханыков, произнес свою безрассудную речь, которую приняли с одобрением единодушно все присутствовавшие. Потом говорили речи: Ахшарумов, Дебу 2-й, Кашкин, Есаков и Петрашевский. Из них Петрашевский говорил о знании русской действительности и необходимости соединения пропаганды социальной с политической,—содержания же прочих речей не помнит. Тосты на этом обеде провозглашены были: в честь Фурье и за фурьеристов, за распространение учения Фурье и за первых распространителей этого учения в Петербурге—Данилевского и Петрашевского. Когда же на другой день после сего приходили к нему, Ханыкову, Петрашевский, Дебу 2-й и Кашкин и предложили вопрос, как осуществить систему Фурье в России, то он, Ханыков, отвечал, что для этого нужна публичность и предлагал купить журнал, заняться разборкою русской истории и найти в ней авторитет народный. Он, Ханыков, был одним из жарких защитников учения Фурье, и единственное желание его было передать своим соотечественникам систему Фурье на русском языке. С этой целью он, Ханыков, вместе с Дебу 1-м и 2-м, Ващенко, Спешневым, Есаковым, Европеусом и Ахшарумовым решились, для лучшего изучения системы Фурье, перевести к сентябрю месяцу сего года одно из главных сочинений Фурье: «Теория всемирного единства».

К сему Ханыков присовокупил, что он политических убеждений не имел и кроме одной речи, произнесенной им на обеде у Европеуса, более не говорил, на словах же, случайно, критиковал правительство и говорил, даже одно время думал, о тайных обществах, но это было только скоро-преходящее нравственное раздражение, что возникшими потребностями в государстве он, Ханыков, считал, между прочим, свободное книгопечатание, публичное судопроизводство и освобождение крестьян, но осуществление этого предоставлял времени, чрез дозволенные правительством меры, и мирная реформа была девизом действий той школы, к которой принадлежал он, Ханыков.

В отношении знакомства с мещанином Петром Григорьевым Шапошниковым, Ханыков показал, что один раз, проездом в Парголово вместе с студентом Толстовым, с которым он познакомился в университете, они зашли в лавку Григорьева для покупки табаку; при чем Григорьев сказал приветствие из какой-то драмы Шекспира. По сему он, Ханыков, из любопытства, говорил тогда с ним о театре и драматическом искусстве и после того был у него еще два раза, но без всякой особенной цели, никаких сношений с ним не имел, и разговоров насчет правительства у него не слыхал. Толстов же говорил ему, Ханыкову, что он посещал мещанина Петра Григорьева и говорил с ним о происшествиях на Западе.

Сам мещанин Шапошников показал, что года два тому назад Ханыков заезжал к нему, Шапошникову, раза три в магазин для покупки папирос, с каким-то человеком и между разговорами отзывался дурно о правительстве, говорил, что мещане или торговый класс в России угнетены, что если этого не чувствуют, то оттого, что не читают, что пишут во Франции и Германии, и что у нас не позволяют подобного печатать.

Кроме сего Шапошников, при словесном объяснении во время допроса, добавил, что Ханыков говорил ему, что у нас может быть республика.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого студента Александра Ханыкова виновным в том, что он с 1846 года посещал иногда собрания подсудимого Петрашевского, участвовал в происходивших там преступных рассуждениях о религии и правительстве и потом 7 апреля сего года на обеде в квартире подсудимого Европеуса произнес речь, в которой порицал бога, церковь и государственное устройство. А потому военный суд приговорил: его, Ханыкова, за произнесение на бывшем в квартире подсудимого Европеуса обеде речи, в коей порицал бога, церковь и государственное устройство, лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V, кн. I ст. 142, 144, 196 и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных ст. 274, всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах на четыре года.

О коллежском секретаре Европеусе.

Подсудимый Европеус, 22 лет, воспитывался в императорском Александровском лицее на собственный счет, и в

мае 1847 года, по окончании курса наук, с чином коллежского секретаря поступил на службу в Комиссариатский департамент военного министерства, но в мае 1848 года, по прошению, уволен оттуда, для продолжения образования в С.-Петербургском университете. По показанию Европеуса, предмет, избранный им для специального изучения, была политическая экономия.

В донесении агента о бытности подсудимого Европеуса на собраниях у Петрашевского не упоминается, но сказано что он, Европеус, принадлежа к обществу фурьеристов, 7 апреля сего года давал у себя в квартире в честь Фурье обед, на котором, кроме его, Европеуса, было еще 10 человек, именно: брат его, Европеуса, студент С.-Петербургского университета, коллежский регистратор Ващенко, титулярный советник Есаков и подсудимые Петрашевский, Ахшарумов, Кашкин, Спешнев, Ханыков и два брата Дебу.

На этом обеде, по показанию всех означенных лиц, подсудимые Петрашевский, Ханыков и Ахшарумов говорили речи преступного содержания, а подсудимый Дебу 2-й сделал предложение о переводе на русский язык сочинений Фурье, для лучшего распространения его учения. По изъявлении же присутствовавшими на обеде согласия, они впоследствии собирались к коллежскому регистратору Ващенко, где разделили между собою труд перевода; при чем подсудимый Европеус, в числе других, был избран редактором перевода.

Кроме того, по делу видно, что подсудимый Европеус бывал на собраниях у Кашкина и Отто и принимал участие в составлении общей библиотеки из сочинений Фурье, которую положено было завести на собраниях у Отто.

Подсудимый Европеус, при допросе в следственной комиссии показал, что обед, данный в квартире его, не имел никакой политической цели и был только праздником в день рождения Фурье, что тогда были провозглашены тосты: за Фурье, за распространение его учения, за знание действительности и за дружбу и согласие между присутствующими.— Затем подсудимый Ханыков сказал панегирическую речь в честь Фурье, о которой пред обедом было условлено, что она одна должна быть произнесена, как обусловливающая самое празднество, и что после того всякий может говорить что желает. За Ханыковым говорили речи социального направления Петрашевский и Ахшарумов, но точного содержания ни той ни другой он, Европеус, не помнит.—Речь Петрашевского была о необходимости соединения пропаганды социаль-

ной с политическою, и по окончании ее все бывшие на обеде пили и аплодировали. Наконец сказали несколько слов без приготовления Кашкин и Есаков, а Дебу 2-й предложил перевести главное сочинение Фурье «Теорию всемирного единства», что принято было всеми присутствовавшими на обеде. Впоследствии все они собирались к коллежскому регистратору Ващенко, для разделения перевода на части между собою по жребию, при чем на долю каждого досталось перевести известное число листов, с тем, чтобы по возвращении с вакаций в конце сентября вновь собраться для прочтения всех переводов, для споров о терминологии и для изучения самой теории. Кроме того при этом он, Европеус, вместе с Дебу 2-м и Ханыковым были избраны редакторами перевода. К сему Европеус присовокупил, что с Петрашевским он познакомился в первый раз у себя на обеде и на вечерах его никогда не был.

Относительно вечеров у Кашкина и Отто подсудимый Европеус объяснил, что собрания у Кашкина продолжались с половины октября до половины декабря месяца и собирались там от 6 до 8 раз те же самые лица, которые были на обеде у него, Европеуса, и некоторые другие, посещавшие эти вечера случайно. Сперва собрания эти не имели никакой цели, а в последнее время на них рассуждали о разных социальных теориях, но речей и сочинений не читали. На вечерах же у Отто, бывших до 8 раз, собирались те же самые лица, которые бывали на вечерах у Кашкина, при чем он, Европеус, вместе с другими, согласился составить общую библиотеку из социальных книг.

Сверх того, по показаниям подсудимого Кашкина и коллежского регистратора Ващенко, подсудимый Европеус на одном собрании у Кашкина говорил речь, доказывая о ненадобности морали, как науки, лишенной всякого значения в наше время. Сам подсудимый Европеус показал, что он действительно говорил об этом однажды на собрании у Кашкина, но относил это не к одной морали, а вообще к наукам неточным, политической экономии и метафизике, и делал заключение, что эти науки не имеют определенного объема и содержания. В заключение же своих показаний подсудимый Европеус объяснил, что он принадлежит к обществу фурьеристов, а не либералов, что с идеями Фурье познакомился в декабре 1848 года, читая сочинение его, и что характер теории Фурье есть религиозный, гармонический, научный и мирный, противоположный всяким насильственным перево-

ротам, революциям и беспорядкам, и в своем соприкосновении с действительностью требующий добровольного опыта, который должен быть произведен в какой бы то ни было стране с дозволения правительства.

В бумагах подсудимого Европеуса ничего подозрительного не найдено.

В военном суде подсудимый Европеус, подтверждая прежние свои показания, отозвался, что к оправданию своему прибавить ничего не имеет.

При словесном же расспросе в военном суде подсудимый Европеус, как видно из журнала комиссии от 23 октября сего года, изъявил искреннее и совершенное раскаяние в своих поступках, объясняя, что они произошли не от злонамеренности, а от легкомыслия по молодости [1]).

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого отставного коллежского секретаря Европеуса виновным в том, что на бывшем у него 7 апреля сего года обеде, данном по подписке в память дня рождения Фурье, слышал произнесенные подсудимыми Петрашевским, Ахшарумовым и Ханыковым речи, в коих порицаемы были религия, семейный быт и государственное устройство, но не донес о том. А потому военный суд приговорил: его, Европеуса, за недонесение о произнесенных у него на обеде подсудимыми Петрашевским, Ахшарумовым и Ханыковым речах, в коих порицались религия, семейный быт и государственное устройство, лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V, кн. I, ст. 142, 144, 196 и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных ст. 274, всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах на четыре года.

О коллежском секретаре Дебу 2-м.

Подсудимый Дебу 2-й, 25 лет, из дворян, воспитывался сначала в 1-й С.-Петербургской гимназии, а потом в С.-Петербургском университете; в декабре 1847 года, по окончании курса наук с степенью кандидата, поступил на службу в Азиатский департамент министерства иностранных дел и

---

1) За подсудимым Европеусом, как видно из показания его, состоит в общем владении с братом его в Пензенской губернии 80 душ, и кроме того, он имеет небольшой капитал, заключающийся в билетах сохранной казны.

впоследствии назначен младшим помощником столоначальника.

По донесению агента, подсудимый Дебу 2-й был на собраниях у Петрашевского 18 марта, 15 и 22 апреля...

В собрании 18 марта Ястржембский говорил речь о науках, объясняя, что все науки, и в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее; далее, сравнивая разные правительства, сказал: «Наше государство имеет целью подчинить достоинства всех людей выгоде и пользе одного»,—вообще он восставал на сановников и дерзко отзывался о священной особе вашего императорского величества, называя ваше величество богдыханом.

В собрании 15 апреля Достоевский читал письмо Белинского к Гоголю, исполненное самых зловредных идей, которое вызвало множество восторженных одобрений общества, преимущественно там, где Белинский говорит, что у русского народа нет религии; при чем положено было, чтоб распустить это письмо в нескольких экземплярах.

Петрашевский говорил, что нельзя предпринимать никакого восстания, не будучи вперед уверенным в совершенном успехе, и предлагал поэтому свое мнение к достижению цели. После того рассуждали о перемене судопроизводства, свободном книгопечатании и освобождении крестьян.

В собрании 22 апреля Петрашевский говорил о том, как должны поступать литераторы, чтобы переселять свои идеи в публику; предлагал составить журнал на акциях.

Кроме того по делу обнаружено, что подсудимый Дебу 2-й бывал также на собраниях подсудимого Кашкина и чиновника 9 класса Отто и участвовал в обеде, данном в честь Фурье.

На собраниях Кашкина и Отто, между прочим, говорено было о системе Фурье и предполагалось завести общую библиотеку социальных книг, а на обеде у Европеуса говорены были, как выше изложено, подсудимыми Петрашевским, Ахшарумовым и Ханыковым речи, а подсудимый Дебу 2-й сделал предложение о переводе на русский язык сочинений Фурье, для того, чтобы дать возможность читать их тем, которые не знают французского языка. При этом, по показанию из подсудимых Ханыкова, он, Дебу 2-й, сказал: «Прежде чем мы возьмем на себя трудную обязанность быть пропагаторами, нам должно самим разучить в замкнутом кружке систему Фурье», а на другой день после этого обеда, как показал тот же подсудимый Ханыков, Дебу приходил к нему с Петрашев-

ским и Кашкиным и вместе с ними предлагал вопрос о том, как осуществить систему Фурье в России.

Сам подсудимый Дебу, на предложенные следственною комиссиею вопросы показал, что он знал Петрашевского еще в бытность в университете, а потом, поступив на службу в Азиатский департамент, где служил и Петрашевский, в конце зимы 1847 года познакомился с ним, и, по приглашению его, стал бывать у него на вечерах, сначала изредка, а в послед-нюю зиму довольно часто. Поводом к такому знакомству по-служило то, что он, Дебу, слышал, что будто бы у Петрашев-ского собираются начитанные молодые люди и некоторые из литераторов. На этих собраниях подсудимый Ястржембский говорил о политической экономии, в чем однакож он, Дебу, не заметил ничего дурного,—и сильно нападал на здешнюю чиноманию и на чины возвышенных классов, но чтобы назы-вать ваше императорское величество богдыханом, не слыхал. В другой раз подсудимый Дуров говорил о том, как должно действовать на цензоров, чтобы поселять свои идеи в публике, а подсудимый Тимковский рассуждал о кружках, которые рас-пространяли бы известное направление. Что же касается переписки Белинского с Гоголем, то хотя по числам и оказы-вается, что в тот вечер он, Дебу, был у Петрашевского, но чтения той переписки не слыхал. К сему Дебу присовокупил, что, бывая у Петрашевского, он нисколько не понимал, и не подозревал, что находится в обществе злоумышленников, притом, видя в Петрашевском человека не злого и не опасного, а только желавшего показать свои познания и любившего веселую жизнь, которого знали многие и посе-щали люди большею частью незнакомые друг другу, мог ли он, Дебу, думать что такой человек откроет у себя тайное общество, тем более, что никто и никогда не делал ему, Дебу, такого законопротивного предложения, которое могло бы за собою повлечь что-либо вредное для блага обществен-ного и частных лиц и произвести переворот. Сам же Петра-шевский говорил ему, Дебу, что он первый читал систему Фурье, признал ее и давал другим читать сочинения этого автора.

В отношении собраний у Кашкина и Отто и обеда у Евро-пеуса подсудимый Дебу объяснил, что на первых двух со-браниях, между прочим, говорили о системе Фурье, а на вечерах у Отто, кроме того, составлялся реестр книгам для общей библиотеки, в которой желали иметь сочинения Фурье, журналы, в коих помещены его статьи, и некоторые экономи-

ческие сочинения, но речей на этих собраниях говорено не было. Обед же у Европеуса, на котором находился в числе других и он, Дебу, дан был в день рождения Фурье, с целью отпраздновать этот день. Речи произнесены были на этом обеде Ханыковым, Петрашевским и Ахшарумовым. Из них Ханыков говорил о Фурье и его системе, и последние слова его речи, в которых он обращался к гению Фурье, возбудили приятное сочувствие в слушателях. Затем говорил Петрашевский о том, что открытие Фурье должно быть признано, что прежде всего должно изучить действительность и тут увидеть, что есть другие вопросы, не экономические, которые, по мнению его, должны прежде решиться. При этом Петрашевский делал различные отступления, которые были приняты многими за личности, и он, вероятно заметив, что слова его произвели дурное впечателние, остановился и не кончил своей речи. Наконец речь Ахшарумова, по содержанию ее и по тому, что она была как бы ответом на речь Петрашевского, приняли с одобрением. После всего этого он, Дебу, действительно предложил перевести общими силами на русский язык главное сочинение Фурье: «Теорию всемирного единства», но при этом вовсе не говорил о пропаганде и предложил перевод для удобнейшего и основательного изучения системы Фурье. Впрочем он, Дебу, прочитав в первый раз Фурье и быв невольно увлечен новым направлением его учения и основательностью этого направления, при всяком удобном случае говорил о сочинениях Фурье точно так же, как говорили ему другие, читавшие их, что хорошо бы было, если бы большее число лиц знало об этих сочинениях. Что касается того, что возбудило его, Дебу, к такому предложению, и чего он хотел достигнуть, то причины этому были следующие: он думал, что возведение политической экономии из науки неточной на степень науки точной и полное развитие ее—должно принести пользу, что разумно экономическое употребление материальных средств, улучшая домашнюю ежедневную жизнь, от которой каждый более или менее зависит и которая, по мнению его, играет важную роль в жизни, может доставить следующую ему большую долю удовольствий; наконец, что теория Фурье, признавая и согласуя все существующие интересы между людьми, невольно заставляет светло и весело смотреть на жизнь и не пренебрегать ее мелочными заботами. Целью же этого было изучение Фурье, цель, которую он, Дебу, вполне сознавал. По предложению его, Дебу, участие в переводе сочинений Фурье захотели

принять все, бывшие на обеде у Европеуса, и он, Дебу, вместе с Европеусом и Ханыковым избран был редактором перевода. После того все они собирались к Ващенко, где и разделили между собою труд перевода. Что ж касается до показания Ханыкова, будто бы он, Дебу, на другой день после обеда, бывшего у Европеуса, приходил к нему с Петрашевским и Кашкиным и вместе с ними предлагал вопрос о том, как осуществить систему Фурье в России, то Дебу отозвался, что такого вопроса он никогда ни с кем и сам один не воз-буждал [1]).

Сверх сего, по показанию из подсудимых Момбелли, Дебу был у Спешнева в тот вечер, когда Тимковский читал свой перевод одного из последователей Фурье.

Но в показании подсудимого Дебу не объяснено, был ли он на означенном собрании у Спешнева, а видно, что осенью или в начале зимы 1848 года, по приглашению из подсудимых Плещеева, с которым он, Дебу, встречался у Петрашевского, он был один раз на вечере у Плещеева, где встретил Достоевского, Дурова, Пальма, Филиппова и несколько других незнакомых лиц; при чем в этот вечер ничего особенно замечательного не происходило и говорили большею частью о литературе, а один из незнакомых ему, Дебу, читал в рукописи письмо Искандера: Москва и Петербург, которое было напечатано в «Отечественных Записках» с пропусками.

В заключение своих ответов Дебу присовокупил, что он не чувствовал никакого желания к политическим переменам и не следовал ни одному из учений социалистов или коммунистов, из коих последние действуют только на чернь, возбуждая в них зависть к богатым; о первых же он, Дебу, всегда говорил, как о людях честолюбивых, теории которых не заключают в себе ничего более, кроме громких, ужасающих фраз.

В бумагах подсудимого Дебу 2-го найдено несколько запрещенных иностранных книг и разных выписок из сочинений Фурье, Страуса, Видаля и других социалистов и, кроме того, принадлежащая из подсудимых Ахшарумову особая тетрадь, в которой, как объяснил статс-секретарь князь Голицын, заключаются в высшей степени преступные рассуждения,

---

[1]) В показаниях подсудимых Петрашевского и Кашкина о бытности Дебу 2-го на другой день после обеда у Европеуса у подсудимого Ханыкова не объясняется, и Кашкин также не сознался в предложении означенного вопроса.

со включением плана возмутительных действий для ниспровержения настоящего порядка в России. Тетрадь эта, по показанию Ахшарумова, написана им самим и дана была Дебу 2-му для прочтения.

Подсудимый Дебу показал, что найденные у него запрещенные книги он доставал большею частью у букинистов и в книжных магазинах; а выписки делал как из социальных сочинений, так и из политико-экономических и других книг, потому что хотел составить критический разбор всех экономических систем. Сочинение же Ахшарумова оставалось у него, Дебу, потому, что он хотел отвечать ему, описав свою жизнь и намерения, и потом возвратить ему его сочинение вместе с своим.

При допросе в военном суде подсудимый Дебу 2-й подтвердил прежние свои показания, объясняя, что к оправданию своему ничего прибавить не может.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого коллежского секретаря Дебу 2-го виновным в том, что он присутствовал у подсудимого Европеуса на обеде 7 апреля сего года, когда подсудимые Петрашевский, Ахшарумов и Ханыков произносили преступные речи, и не донес о том своевременно. Сверх того Дебу 2-й оказывается виновным в хранении у себя рассуждения подсудимого Ахшарумова, в коем заключаются изъяснения предположений к возмутительным действиям и ниспровержению настоящего государственного устройства и крайне дерзкие выражения о священной особе вашего императорского величества и членов императорского дома. А потому военный суд приговорил его, Дебу 2-го, за изъясненные преступления, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 142, 144, 169, 171, 172, 174 и 596, лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

Об отставном коллежском асессоре Дурове.

Подсудимый Дуров, 33-х лет, из дворян, воспитывался в благородном пансионе, бывшем при С.-Петербургском университете. По выпуске оттуда в 1833 году с правом на чин 12 класса он вступил в службу в государственный коммерческий банк, потом в 1840 году перешел в канцелярию морского министерства, а в 1847 году вышел в отставку. По показанию Дурова, он, зная некоторые иностранные языки,

занимался переводами и сверх того помещал свои сочинения в библиотеке для чтения, в Пантеоне, в С.-Петербургских ведомостях и других периодических изданиях и чрез это снискивал средства к содержанию себя.

Отставной коллежский асессор Сергей Дуров, по донесению агента, был на собраниях у титулярного советника Буташевича-Петрашевского 11, 18, 25 марта, 1, 15 и 22 апреля. На собрании 11 марта учитель Толль говорил речь о религии, доказывая, что будто она вредна и убивает нравственность. 18 марта подсудимый Ястржембский говорил речь о науках, объясняя, что все науки, особенно статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее. При этом же он восставал на сановников и дерзко отзывался о священной особе вашего императорского величества. В прочих собраниях рассуждалось о восстановлении подведомственных лиц против власти, о свободе книгопечатания, о перемене судопроизводства, об освобождении крестьян, о том, как должны действовать литераторы, чтобы поселять свои идеи в публике, и читалось письмо Белинского к Гоголю, в коем Белинский говорил в дерзких выражениях о религии, судопроизводстве, законах и властях.

В двух собраниях, 25 марта и 22 апреля, сам Дуров говорил: 25 марта при рассуждении о том, каким образом должно восстановлять подведомственные лица против властей,—Дуров утверждал, что должно показывать зло в самом его начале, т.-е. в законе и государе, потом читал предисловие к сочинениям Хмельницкого, написанное им, Дуровым, и заключающее в себе много либеральных идей. 22 же апреля, когда Петрашевский говорил речь о том, каким образом должны поступать литераторы, чтобы поселять свои идеи в публике, и предложил составить журнал на акциях, Дуров возражал, что журнал на акциях химера, что на цензоров должно действовать не убеждением, а обманом, воровски, так чтобы из множества идей хотя одна проскочила, что обязанность редактора журнала быть в дружбе со всеми цензорами и властями, имеющими влияние на его журнал, и тогда какую бы статью он ни захотел поместить в своем журнале, всякую пропустят.

При допросах следственною комиссией нижепоименованные лица в отношении действий Дурова на собраниях у Петрашевского показали:

Коллежский асессор Барановский,—что Дуров в 1847 году на собрании у Петрашевского излагал исторически о союзе

родственном и доказывал, что родственные связи опутывают личность человека.

Учитель Толль,—что при разговоре у Петрашевского о цензуре Дуров сказал, что литераторы должны писать так, как будто бы не было никакой цензуры: тогда, если многое будет вымарано, то останется еще кое-что из идей автора.

И студент Филиппов,—что Дуров говорил у Петрашевского, что зло, а именно произвол и дурное обращение начальников с своими подчиненными, заключается в высших.

Коллежский асессор Дуров на предварительный расспрос следственной комиссии объяснил, что познакомился с Петрашевским летом 1847 года и бывал у него в конце того года и в начале 1848 года по пятницам раза два в месяц, но ничего такого, что бы могло возбудить подозрение не заметил. Слышал только вечеров 6 сряду рассуждения о теории Фурье. После того в конце января или в начале февраля 1849 года Петрашевский предложил гостям прослушать несколько лекций из политической экономии. Читал эти лекции вечеров 6 или 7 Ястржембский. В первый вечер он доказывал единство политической экономии с статистикою и читал историю сих наук. Во второй вечер он говорил о богатстве. В третий изложил теорию Мальтуса о народонаселении. В четвертый исчислил мнения всех ученых, писавших pro и contra теории Мальтуса. После этого чтения он, Дуров, не был у Петрашевского пятницы две, а в следующий за тем вечер Ястржембский сделал краткий перечень всего им прочитанного. В чтениях этих не было ничего такого, чтобы хотя мало-мальски могло подать повод обвинить его. Дух его чтения был более шуточный, нежели серьезный. Все положения свои он брал чисто теоретически, научным образом, не делая никаких применений ни к России, ни к Англии, ни к Франции. Иногда однако возникали вопросы, относящиеся собственно до России. Так вопрос об освобождении помещичьих крестьян был неоднократно затронут, одни говорили, что для полного благоденствия России освобождение это необходимо, другие утверждали противное, были также толки об отечественной литературе. Некоторые утверждали, что в настоящее время от строгости цензуры литература не существует, другие говорили, что дарования есть, но они в руках журналистов.

Сверх того, при словесных расспросах в комиссии Дуров показал, что в чтениях на вечерах у Петрашевского прокрадывались фразы либеральные, но в письменном объяснении Дуров об этом не упомянул; равно ничего не сказал ни о чи-

танном им предисловии к сочинениям Хмельницкого, ни о письме Белинского к Гоголю.

Затем при подробных расспросах следственной комиссией против означенных обстоятельств Дуров показал, что он с Буташевичем-Петрашевским познакомился в 1846 году, а начал посещать его собрания по пятницам в начале 1847 года. Суждения обо всех вышеупомянутых предметах он, Дуров, слышал на собраниях у Буташевича-Петрашевского; и когда, между прочим, там говорили о системах Фурье и Прудона и о том, что фаланстеры могут быть устроены в России, то он, Дуров, сказал, что их в настоящее время нигде нельзя устроить, что для этого нужно, по крайней мере, еще 2 года, и то не иначе, как с согласия всех правительств. Петрашевский же на это ему возразил, что введения в России фаланстеров правительство не заметит. В другой раз, когда Головинский сказал, что перемена правительства не может быть вдруг, но что и диктатура вредна, то Петрашевский также возразил, что он первый бы поднял руку на диктатора.

Против же разговоров, отнесенных к нему, Дурову, он показал, что 25 марта, когда зашла речь о том: должно ли восставать против властей, он говорил, что не против начальства следует восставать, а против неисполнителей закона, прибавив к этому, что мы вообще дурно делаем, что часто сами не пользуемся, по своему неведению или беспечности, теми правами и преимуществами, которые нам даны законами. В этот же вечер он действительно читал биографическую статью о Н. Н. Хмельницком, которая напечатана при полном собрании его сочинений, вышедшем в 1849 году. Потом 22 апреля при разговоре о литераторах положительно утверждал, что цензоры преследуют более фразы и слова, нежели самые идеи, если только идеи верны и ничьей личности не затрогивают, а этого весьма достаточно для художественного произведения. Но если иногда случается, что цензор, не вникнув в смысл вещи, черкает статью, то мы имеем полную возможность объясниться с ним лично и убедить его быть снисходительнее.

Равным образом он, Дуров, сознался, что на одном из вечеров Петрашевского в 1847 году действительно, говоря о родстве, утверждал, что бедному человеку неблагоразумно жениться по любви ли, по расчету, или по связям, а о дальнем родстве сказал, что оно опутывает человека большими неприятностями.

Кроме того Дуров показал, что он в бытность на вечерах

Петрашевского заметил в речах титулярного советника Тимковского что-то возмутительное, именно Тимковский советовал изучать системы социализма и извлекать из них все, что может служить для России. Один же раз он, Дуров, бывши на обеде у Спешнева, слышал, как Григорьев читал статью под названием: «Солдатская беседа», которую он, Дуров, советовал ему сжечь.

Так как по делу открывалось, что у самого Дурова были собрания, то ему был предложен по сему предмету вопрос, и он показал, что вечера у него начались в марте месяце 1849 года раз в неделю, но дней для них назначено не было. Для вечеров этих, чтобы не обременять друг друга, каждый вносил по 3 руб. сер. на месяц. Цель вечеров была—занятие литературою и музыкою. Здесь читали: Пальм повесть: «Сестра и Брат», сам он, Дуров, драматическую повесть: «Петербургский Дон-Жуан»; Ф. Достоевский—письмо Плещеева к нему, Дурову, и переписку Гоголя с Белинским и Милюков—статью, содержание которой взято частью из св. евангелия, частью из пророчеств; смысл же этой статьи есть тот, что слабые угнетаются сильными, и что сам Иисус Христос предан был архиереями и князьями на осуждение. Кроме сего Филиппов говорил, чтобы упомянутые статьи разработывать в духе либеральном, а Момбелли и Григорьев излагали мысли писать статьи против правительства; распространять же эти статьи предполагалось посредством домашней литографии. Из упомянутых статей действительно некоторые по своему содержанию и направлению имели характер чисто политический и оправдать их нельзя ничем более, как только тем, что собрание их вполне не высказалось и бродило ощупью без всякой определенной цели; преступное вкралось незаметно, и он имеет только сказать в оправдание свое, что когда оказалась в большей части из посетителей преступная цель, то вечера эти были прекращены, и 18 апреля разосланы записки, что вечеров не будет. В заключение Дуров объяснил, что либеральное направление в нем проявилось со времени событий на западе и чтения книг и журналов.

По делу видно, что на вечерах Дурова бывали из подсудимых: Филиппов, Момбелли, Львов, Григорьев, Достоевский, Головинский, Спешнев и Пальм, живший вместе с Дуровым.

Из них Филиппов показал, что разговоры на этих вечерах сначала были литературно-музыкальные, но потом стали принимать политический характер, чему положили начало: Момбелли—чтением рассуждения о том, что все они, более или

менее, с одинаковым направлением и образом мыслей, должны теснее сближаться между собою, дабы, под влиянием друг друга, тверже укрепиться в этом направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении, и сам он, Филиппов,—тем, что предлагал заняться, общими силами, разработыванием статей в либеральном духе, вменив себе в обязанность распространить свои мнения и представлять в разоблаченном виде все несправедливости законов, все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации. Когда же в другой раз у Дурова он, Филиппов, прочел рукопись из «Слова верующего» сочин. Ламене, а Достоевский—переписку Гоголя с Белинским, и присутствовавшие пожелали иметь копию с этой переписки, то он, Филиппов, предложил завести общими средствами домашнюю литографию, но Достоевский убедил всех, что мысль эта безрассудна. У него же, Дурова, по показанию Филиппова, говорили, что учителя в учебных заведениях должны стараться читать сколь возможно в либеральном духе.

Поручик Момбелли также показал, что вечера Дурова были составлены преимущественно из бывавших у Петрашевского и там между собою познакомившихся; а потому они тоже были либеральны, отличаясь только введением изящной словесности и музыки; что на одном из вечеров он, Момбелли, читал составленный им план о сближении между собою, и что когда был в последний раз у Дурова, то разговаривали, чтобы писать статьи, противные правительству, и распространять их посредством домашней литографии.

Поручик Львов отозвался, что на вечерах Дурова занимались чтением литературных статей, нецензурного содержания, и музыкою. В первый вечер у Дурова Момбелли прочел статью о необходимости тесного соединения между людьми передовых понятий, но как речь его была принята со всеобщим неодобрением и ему сказали, что напрасно он придает такую важность этим вечерам, что это просто одно средство провести приятно время, то Момбелли тогда же разорвал свою статью. После того прошло четыре или пять вечеров, в которые, кроме музыки и разговоров о литературе, ничего более не было. В пятый или в шестой вечер он, Львов, не был у Дурова, но после узнал, что в тот вечер сделано было предложение распространять в публике разные рукописные нецензурные сочинения, и так как переписка их была бы затруднительна, то думали, нельзя ли употребить для этого литографию. В это же собрание Достоевский прочел перепис-

ку Белинского с Гоголем и многие хотели переписать ее; а Милюков читал свой перевод какого-то французского аббата «Parole d'un croyant», под названием «Новое откровение митрополиту Антонию». К сему поручик Львов присовокупил, что Дуров и живший с ним поручик Пальм, как казалось ему, Львову, раскаивались, что затеяли у себя вечера и всеми мерами старались расстроить их, и что вообще в этом обществе не господствовало никакой определенной идеи, ничего органического.

Показание прочих подсудимых о вечерах Дурова согласно в главных основаниях с вышеизложенными показаниями; при чем присовокупили: поручик Пальм,—что когда он и Дуров заметили преступное направление заведенных ими собраний, то тотчас старались кончить их и в назначенный для собрания день он, Пальм, послал извинительные записки, а Дуров ушел со двора, и поручик Григорьев,—что он Дурова не считает злым и способным на очень дурное, но он любит покричать, поболтать и ругнуть подчас.

Кроме того Дуров был два раза на вечерах у подсудимого Плещеева, из коих на одном, как сам Дуров показал, была читана юмористическая статья, под заглавием «Петербург и Москва», сочиненная Герцем [sic] [1]).

В бумагах Дурова, как отозвался статс-секретарь князь Голицын, ничего подозрительного, ниже относящегся к настоящему делу не оказалось; что бумаги его относятся к литературным и историческим занятиям, и что в сочинениях его, более легкомысленных, проявляются безнравственные чувства.

На спрос в военно-судной комиссии Дуров, подтверждая прежние свои показания, присовокупил, что он к оправданию своему ничего не может представить.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого отставного коллежского асессора Дурова виновным в том, что он, посещая с 1847 года собрания подсудимого Петрашевского, участвовал там в преступных рассуждениях о религии и правительстве, а в марте месяце сего года, учредив у себя собрания, допустил читать преступное против религии и правительства письмо литератора Белинского, имел совещания о распространении посредством домашней литографии со-

---

[1]) Герценом. *Ред.*

чинений против правительства и, наконец, 1 апреля сего года присутствовал у подсудимого Спешнева при чтении подсудимым Григорьевым злоумышленного в высшей степени сочинения его под заглавием «Солдатская беседа». А потому военный суд приговорил его, Дурова, за допущение у себя в собрании читать преступное о религии и правительстве письмо литератора Белинского; за намерение распространять сочинения против правительства и за недонесение о злоумышленном сочинении подсудимого Григорьева, лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 142, 144, 169, 170, 172, 174, 176 и 596, чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О поручике л.-гв. Егерского полка Пальме.

Поручик Пальм, 26 лет, из дворян, воспитывался в Дворянском полку и в 1842 году из фельдфебелей произведен в прапорщики в означенный полк, в настоящем чине с 11 апреля 1848 года.

Поручик Пальм, по донесению агента, был на вечерах у титулярного советника Буташевича-Петрашевского 18 и 25 марта и 15 апреля. На вечере 18 марта из подсудимых Ястржембский, рассуждая о науках, доказывал, что все они, в особенности статистика, показывают на социальное правление, как наилучшее, и кроме того делал насмешки над чинами высших классов. 25 марта происходило прение о восстановлении подведомственных лиц против властей, и 15 апреля рассуждали о перемене судопроизводства, освобождении крестьян и читали письмо Белинского к Гоголю, наполненное самых зловредных идей.

В какой мере Пальм принимал участие при суждениях об означенных предметах в донесениях агента не объясняется, равно никто из числа подсудимых и других лиц, бывавших на тех вечерах, ничего о нем не упоминает.

Кроме того по делу открыто, что поручик Пальм, живя на одной квартире с коллежским асессором Дуровым, делал вместе с ним вечера.

По уведомлению статс-секретаря князя Голицына, в бумагах Пальма ничего противозаконного не оказалось; все они относятся к литературным и историческим занятиям, и из них видна сильная любовь к России и к славянским древностям.

Поручик Пальм при допросах в следственной комиссии показал, что он познакомился с Петрашевским с августа

1847 года и с того времени начал бывать у него на вечерах по пятницам, всего же был у него не более 15 раз. В разговоры, бывшие на этих вечерах, он, Пальм, вступать не мог, потому что предметом оных были вопросы из политической экономии, науки для него совершенно неизвестной. Только один раз принял участие в споре с Петрашевским о баснях Крылова, стараясь защитить их достоинство против нападков Петрашевского. На вечерах Петрашевского он, между прочим, слышал, что 18 марта Ястржембский смеялся над католическим духовенством, говорил рассуждения о статистике и политической экономии, что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло весь род человеческий. Сверх того Ястржембский восставал на здешнюю чиномманию и на чины возвышенных классов и если желал назвать кого дураком, то называл его действительным статским советником. На другом вечере, именно 25 марта, Дуров говорил, что всякое зло нужно искоренять в самом его корне, сказав это впрочем при разговоре, что судьба бедного чиновника достойнее сожаления, чем судьба крепостного крестьянина, разговора же о восстановлении подчиненных против властей он, Пальм, не слыхал, кроме того, что один из бывших там, чиновник Баласогло, говорил о своем начальстве с неудовольствием. 15 апреля он, Пальм, приехал к Петрашевскому пред самым ужином и застал только конец его речи о судопроизводстве, именно, что вопрос о публичном судопроизводстве касается почти всех, стало быть большинство потребует его скорее, чем освобождения крестьян, и что тогда только правительство должно будет удовлетворить требование, когда это требование будет общее. Подсудимый же Головинский говорил, что вопрос об освобождении крестьян есть важнейший в России и приводил в пример суд помещика с своим крестьянином, что первый имеет права, а другой не имеет никаких; стало быть, говорил он, будучи свободным, крестьяне потребуют и прав. Вообще Головинский говорил очень горячо, и сказал, что для освобождения крестьян все меры хороши. Было также что-то сказано и о диктатуре, но он, Пальм, не схватил подробностей. Сверх того он, Пальм, показал, что на одном из собраний у Петрашевского Тимковский говорил, что современем будет половина России фурьеристов, а другая—коммунистов; Петрашевский же возражал, что это невозможно, а нужно что-нибудь одно. Пред сим же, как рассказывали

ему, Пальму, Тимковский читал что-то о пропаганде фурьеризма и составлении кружков, которые бы всюду разъясняли систему Фурье. В заключение Пальм объяснил, что он на вечерах Петрашевского, совершенно не секретных,—не подозревал никакого тайного общества, и что если бы услышал в сих собраниях что-либо зловредное, то не только никогда не был бы на них, но и вечеров бы не существовало. В самом Петрашевском он также не заметил ничего опасного и после увидел в нем либерала, более странного и смешного, чем опасного. Целью же знакомства его было то, что он, не имея никакого состояния и находя скромные средства для поддержания себя с матерью и братом, надеялся познакомиться там с литераторами и тем облегчить помещение своих статей в журналах.

Относительно вечеров, бывших в квартире Пальма совместно с Дуровым, он показал, что с первой недели великого поста до половины апреля сего 1849 года собирались у них по разу в неделю, но положенных дней не было. Первую мысль устроить эти вечера подали он, Пальм, Дуров, подсудимый Достоевский, Плещеев и Филиппов и другие их знакомые, с тем, чтобы на вечерах этих, кроме музыки и литературы, ничего не было, и как они все люди недостаточные, то и придумали сделать складчину по три рубля серебром в месяц, для найма фортепьян и на ужины. Из знакомых своих они выбрали преимущественно тех, которые не говорили речей у Петрашевского, именно Федора и Михаила Достоевских, Плещеева, Спешнева, Ламанского 1, Ламанского 2, Мордвинова, Милюкова, Момбелли, Львова, Григорьева, Кашевского и Филиппова. На этих вечерах занимались музыкой и толковали о литературе и об искусствах. Так было вечера три. Чтения было только: повесть его, Пальма, читанная им; стихи Дурова «Киайа», перевод из Барбье, и «Фелица» Державина. На третьем или на четвертом вечере Филиппов сказал, чтобы вместо чисто литературных статей читать статьи ученые и преимущественно описание России, кто что лучше видел и знает. Это было одобрено почти всеми. Тут же говорили о том, что интересно бы прочесть комедию Тургенева «Нахлебник», которую цензура запретила печатать в журнале «Отечественные записки». Прежде еще этого Момбелли читал мнение о вечерах его, Пальма, и Дурова, но это мнение было, кажется, Петрашевского, который подтрунивал над ними. Момбелли выразил такое мнение, что эти вечера, как складчина, подают повод подозревать,

что они политические, между тем как не имеют никаких выгод и гарантий последних. После первых четырех вечеров все почти, кроме Момбелли, который от оных отказался, и Плещеева, уехавшего после пятого вечера в Москву, пожелали сделать еще четыре; но тут, вместо чисто литературных статей, Милюков прочел свой перевод из «Paroles d'un croyant», Плещеев прислал из Москвы переписку Гоголя с Белинским. При чем почти все говорили, что нельзя ли распространить сии статьи, и Львов предложил устроить литографию, а Филиппов настаивал на том, чтобы эти статьи, если не литографировать, то переписывать и сообщать своим знакомым. Но Михайло Достоевский возразил, что они отступают этим от первоначальной цели вечеров, что такие статьи не литературные, а политические, и распространять их может разве какой-нибудь организованный клуб. Это было поддержано многими, и все согласились в том, признав возможным только читать эти статьи, а переписывать и давать их знакомым предоставлялось каждому на волю. Так как это преступное направление встречено им, Пальмом, и Дуровым с неудовольствием, то они старались кончить эти вечера, и в следовавший назначенный день он послал извинительные записки, а Дуров ушел из дома. К этому Пальм присовокупил, что как на двух из последних вечеров он не был дома и приезжал только к ужину, то об этих вечерах знает только то, что рассказывали ему другие, именно: на первом были разговоры об упомянутом выше предложении Филиппова, а на втором Федор Достоевский читал письма Гоголя и Белинского. Кроме того Пальм сознался, что он был на обеде у Спешнева, где тогда поручик Григорьев читал статью под заглавием: «Солдатская беседа» [1]).

На вопрос: с которых пор и по какому случаю проявилось в нем, Пальме, либеральное или социальное направление? он объяснил, что, выйдя из Дворянского полка, не имел никакого понятия о социализме и либерализме и сохранял это направление до тех пор, пока не попал в пагубное знакомство с Петрашевским и его обществом. Понятиям о социализме он обязан Петрашевскому, либералом же, по искренному своему убеждению, не был, но виноват, что в других терпел либерализм. Познакомясь с Петрашевским,

---

1) Показания лиц, бывавших на вечерах Пальма и Дурова, изложены в записке о Дурове.

он читал даваемые им ему, Пальму, книги, и социальные идеи, как новость, ему нравились. Но в последнее время социализм казался ему ребячеством.

При спросе в военно-судной комиссии поручик Пальм отозвался, что подтверждает все, показанное при следствии, и к оправданию своему, кроме легкомыслия, ничего не может сказать.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого поручика Пальма виновным в том, что он в марте месяце сего года, квартируя вместе с подсудимым Дуровым, участвовал в бывших у сего последнего собраниях и рассуждениях о распространении, посредством домашней литографии, сочинений против правительства; присутствовал при чтении преступного письма литератора Белинского и был у подсудимого Спешнева, когда у него читано было подсудимым Григорьевым возмутительное сочинение под заглавием: «Солдатская беседа». А потому военный суд приговорил его, Пальма, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 142, 144, 169, 170, 172, 174, 176, 177 и 178 чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О студенте Санкт-Петербургского университета Филиппове.

Студент Филиппов, 23 лет, сын статского советника, начал образование в Санкт-Петербургской ларинской гимназии; из оной перешел в Варшавскую губернскую гимназию, а по окончании там курса поступил в Санкт-Петербургский университет своекоштным студентом. По показанию его занимался составлением и переводом статей, относящихся к физике и физической географии и помещал их в Отечественных записках.

По донесению агента Филиппов был на собраниях у титулярного советника Петрашевского 11 и 25 марта, 1 и 15 апреля, на которых рассуждалось о религии с доказательствами, что она вредна, о восстановлении подведомственных лиц против властей; о цензуре, об освобождении крестьян и о перемене судопроизводства. В последнем же собрании было читано письмо Белинского, наполненное зло-

вредными идеями. В собрании 25 марта, когда говорено было о том, каким образом восстановлять подчиненных против властей, и один из участвовавших, Дуров, утверждал, что всякому должно показывать зло в самом его начале, т.-е. в законе и государстве, то Филиппов, в числе других, говорил, что, напротив, должно вооружать подчиненных против ближайших властей и, восходя постепенно, внушить им и показать, что самое то зло происходит не от ближайшей власти, но от высшей и таким образом невольно, как бы ощупью, довести их до самого начала зла. Потом Филиппов прибавил: «Наша система пропаганды есть наилучшая, и отступать от нее—значит отступать от возможности исполнения наших идей».

Сверх сего по делу открылось, что Филиппов был на вечерах подсудимых Дурова и Плещеева и на обеде у помещика Спешнева, где читана была поручиком Григорьевым статья преступного содержания под названием «Солдатская беседа».

При предварительном расспросе следственной комиссией Филиппов показал, что он с Буташевичем-Петрашевским познакомился летом 1848 года, имея желание сблизиться с некоторыми людьми, замечательными в литературе, познакомиться с системою Фурье, которую, как ему говорили, Петрашевский и посещающие его хорошо знают, и, наконец, слышать новости о политических делах Западной Европы. Начал же посещать собрания Петрашевского в конце октября и был у него от 7 до 10 раз.

Относительно происходивших на собраниях Петрашевского рассуждений Филиппов в означенном показании изложил в общих выражениях, что на собраниях было говорено о политической экономии, о русских городских общинах, об историческом развитии тех идей, на которых основаны все религии, о судопроизводстве, цензуре и о крестьянах, и что часто предметом разговора была система Фурье. Вместе с тем он показал о лицах, участвовавших на таких разговорах, объясняя, что и сам входил в суждения о литературе, о злоупотреблениях в судах и о крестьянах, и что, при рассуждении об обращении с подчиненными, с его стороны было дерзкое легкомыслие обвинять начальство в излишней строгости, но притом никогда, ни в каком случае, не произносил какого бы то ни было двусмыслия против самодержавной власти, или священной особы вашего величества, ибо он знает, что только самодержавной власти наших монар-

хов Россия обязана своим величием, могуществом, благосостоянием и всеми плодами просвещения, с самого детства привык питать к священной особе вашего величества чувства глубочайшего уважения, любви и преданности беспредельной.

В другом же показании своем на словесные расспросы следственной комиссии, равно в объяснениях своих против предложенных комиссиею письменных вопросов по каждому обстоятельству, он, Филиппов, изложил следующее:

1) 25 марта, во время спора об обращении ближайших начальников с подчиненными, он, Филиппов, по легкомыслию говорил, что некоторые начальники виновны в том, что ведут себя с подчиненными, как с врагами; что мы ничем не ограждены от их произвола и что жаловаться значит подвергнуться новым оскорблениям и уничижениям, что у нас всякий начальник деспот, и нет никакой гарантии для личной безопасности слабого, которого всякий, кто старше чином, может раздавить, как червяка. Когда же разговор этот коснулся вопроса: каким образом должно восстановлять подведомственные лица противу властей, он, Филиппов, сказал: надобно показать, что причина зла заключается не только в высших начальниках, но что и непосредственные начальники виновны, злоупотребляя своею властью, что таким образом надобно обнаружить и ту часть зла, которая заключается в самых отношениях начальников к подчиненным, и ту, которая происходит от злоупотребления власти начальниками, восходя от низших к высшим. Он, Филиппов, долгом считает признаться, что имел намерение, по заблуждению своему, распространять эти понятия. Ему, в ослеплении, казалось, что это должно делать для того, чтобы поколебать в общественном мнении те идеи, на которых основаны существующие отношения между начальниками и подчиненными и содействовать развитию других понятий, по которым подчиненный должен зависеть менее от власти, над ними поставленной. Одним словом в разговорах этих были употребляемы дерзкие мысли о правительстве и о правительственных лицах и осуждались действия правительства, при чем всех резче говорили: он, Филиппов, Ястржембский и другие.

2) При суждении об образе правления называли существующее у нас правление—самодержавие деспотизмом и считали его пока неизбежным злом в России, однакож большая часть признавала самодержавие за такой образ

правления, который наиболее соответствует потребностям отечества не потому, чтобы все считали этот образ правления вообще самым лучшим, но потому что в России невозможен никакой другой по разнообразию и обширности ее, по разъединению между сословиями и по резкому различию в степени образованности между классами народа. При чем, несмотря на уважение к особе вашего величества, он, Филиппов, не раз отзывался без должного почтения о царском сане, а также несмотря на сознание, что Россия обязана всем воле своих самодержавцев, он дерзал вместе с другими называть самодержавие деспотизмом.

3) При разговоре о правах наших городских общин он, Филиппов, точно сказал, что городские обыватели только по закону имеют право собираться для совещаний о своих нуждах, но на деле им не позволят даже и подумать, чтобы воспользоваться правом этого закона. Это было им сказано в том смысле, что у нас законы существуют только для проформы, а на деле не исполняются. Подобную же мысль он выразил и при другом случае, именно когда шла речь о праве истца присутствовать при чтении докладной записки по его делу, а между тем никто этим не пользуется.

4) При разговоре о цензуре он также говорил, что цензура есть зло, что она стесняет свободу мысли и лишает человека естественного права, с целью остановить всякое развитие мысли и сознательного взгляда народа на его положение, и что этому надо противодействовать посредством деятельного распространения идей, которые могут сообщить публике истинный взгляд на вещи, пробудить в ней сознание настоящего и желание лучшего в будущем.

5) При разговоре о крепостных людях он, Филиппов, дерзал отзываться, что правительство потворствует помещикам, поясняя это тем, что сановники, окружающие престол, сами помещики, и что из личных выгод они скрывают от государя истину, ибо сами также злоупотребляют своею властью, как и мелкие помещики, окруженные полным изобилием, они часто отнимают от своего мужика последний кусок хлеба, выработанный с потом и кровью. Потом он, Филиппов, в числе других говорил, что если правительство не освободит крестьян, то они сами, доведенные до крайности, потребуют свободы и потому надо убеждать всех, особенно помещиков, в необходимости этой реформы для общего блага, указывая на те страшные драмы, которые разыгрываются в некоторых имениях над помещиками и за которые однакож нельзя

обвинять доведенных до крайности крестьян. Стало быть, как выразился в заключении сего Филиппов, они оправдывали бунт. Вообще же всего больше говорили о реформе крестьян. Важность последствий от этой реформы для блага народа отстаивали Головинский, Достоевский и он, Филиппов.

6) В одно из собраний во время речи об историческом развитии тех идей, на которых основаны все религии, исключая христианской, когда учитель Толль выводил, что народы дикого состояния бывают подавлены внешней природой, и что чувство их основывается на страхе, то он, Филиппов, утверждал, что в порождении религиозного чувства участвует и чувство величия природы. Спор об этом был горячий и продолжался с 10 или 11 часов до 3 часов ночи. Потом недели чрез две Толль возобновил спор о том же предмете, утверждая, что основатели различных религий Зороастр, Магомет и другие, кроме божественного основателя христианской религии, не веровали в те божества, поклонение которым проповедывали, но он, Толль, доказывал противное.

7) При разговоре о судах Петрашевский говорил, что надобно желать реформы в их устройстве больше, чем реформы крестьян и свободы книгопечатания, и полагал, что наибольшее благодеяние, которое может оказать правительство, было бы введение публичных судов. При этом и он, Филиппов, в числе других, утверждал, что без этого преобразования злоупотребления судей нельзя искоренить, что для искоренения их нужна радикальная реформа в самом устройстве судов и без такой реформы у нас справедливость всегда будет продажная, а судьи всегда останутся взяточниками, готовые служить орудием сильным против слабых.

8) Между другими разговорами и суждениями на собраниях у Петрашевского, он, Филиппов, 1 апреля слышал, как Головинский говорил, что образ правления не может измениться вдруг, но что прежде должна быть диктатура, как необходимое следствие происходящей реформы.

Далее подсудимый Филиппов в показаниях своих излагает, что на собраниях у Дурова на которых и он бывал, между прочим, читал Момбелли рассуждение о том, что все они более или менее с одинаковым направлением и образом мыслей должны теснее сближаться между собою, дабы под влиянием друг друга тверже укрепиться в этом направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении, а сам он, Филиппов, предлагал заняться общими силами

разработыванием статей в либеральном духе, относящихся к вопросам, которые касаются до современного состояния России в юридическом и административном отношениях. Развивая эту мысль, он, Филиппов, довел ее до последней крайности и сказал: «каждый из нас должен не только не скрывать своих мнений, а напротив, всегда и везде поддерживать их смело и открыто; что, рассматривая различные стороны нашей общественной жизни и убедившись в возможности некоторых начал ее, должно вменить себе в обязанность распространять свои мнения и представлять в разоблаченном виде все несправедливости законов; все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации. Вообще разговоры на собраниях у Дурова принимали часто либеральное направление, которое и сообщало этим собраниям характер политический; говорили там также, что учителя в учебных заведениях должны стараться читать сколь возможно в либеральном духе. Однажды он, Филиппов, прочел рукопись из «Слова верующего», соч. Ламене, а Достоевский—переписку Гоголя с Белинским, и когда присутствовавшие пожелали иметь с этой рукописи списки, то это самое внушило ему мысль налитографировать рукопись, и он предложил общими средствами завести домашнюю литографию, но Достоевский убедил всех, что мысль эта безрассудна. Несмотря на это убеждение, мысль о распространении идей пробудилась у него снова, и он, Филиппов, недели за две до ареста вознамерился устроить уже не литографию, а типографию и действовать независимо и в тайне от других, предполагал собирать и распространять печатанием такие сочинения, которые не могут быть напечатаны с дозволения цензуры. С этою целью он, Филиппов, занял у Спешнева денег и заказал для типографии нужные вещи, из коих некоторые уже привезены были к Спешневу и оставлены, по его вызову, в квартире его. Сей умысел не касается никакого кружка и никаких лиц кроме его, Филиппова, и Спешнева, ибо оба они положили хранить это дело в величайшей тайне. Сверх того Филиппов сознался, что он был на обеде у Спешнева, когда там Григорьев читал написанную им статью возмутительного содержания под названием «Солдатская беседа», а также был три раза, по особому приглашению, на вечерах у Плещеева, из коих на одном слышал, как читали юмористическую статью под заглавием «Петербург и Москва»; на других же вечерах говорено ничего не было.

На вопрос, с которых пор проявилось в нем либеральное направление, Филиппов отвечал, что оно проявилось в нем весною 1848 года, при чтении французских журналов после переворотов на Западе, а сильнее оно укоренилось осенью, с тех пор, как он начал посещать собрания у Петрашевского.

Показание Филиппова о заведении им типографии подтвердил подсудимый Спешнев, объясняя, что просил Филиппова заказать разные части типографского станка, и что потом получил от Филиппова все вещи, чтобы не оставались в его руках. При чем Спешнев присовокупил, что хотя Филиппов объяснил, что не Спешнев, а сам он, Филиппов, хотел устроить домашнюю типографию, и что Спешнев содействовал ему в этом только средствами и взял к себе на сохранение заказанные вещи, но Спешнев утверждает, что мысль о заведении типографии принадлежит именно ему, Спешневу, и что Филиппов напрасно в этом случае берет на себя вину.

При рассмотрении бумаг и книг студента Филиппова, как уведомил следственную комиссию стаст-секретарь князь Голицын, обратили внимание следующие: 1) толкование десяти заповедей, написанное в возмутительном духе; 2) дневник, в котором между прочим находится отметка о составленном некоторыми лицами каком-то обществе; 3) листок с записанными на оном тостами: за свободу, за равенство и другими; 4) пять писем от отца Филиппова к сыну, доказывающие дурные нравственные качества сего последнего; 5) запрещенная книга под заглавием «Les Mystères de la Russie».

Статья эта начинается так: «Господь бог открыл нам волю свою в десяти заповедях, которые дал он Моисею на горе Синайской, для того, чтобы люди исполняли и свято соблюдали их». Потом, по изложении тех 10 заповедей, переходит к толкованию каждой следующим образом.

В первой заповеди говорится, что есть только один бог, и что кроме его нет иного бога. Этот единый бог создал все, и без него не было бы ничего: ни неба, ни земли, никаких тварей, живущих на земле, не было бы и человека. И так человек должен любить господа бога своего творца всем сердцем и всеми помышлениями и всегда жить по его святой воле. Кто преступит закон человеческий, виноват только пред людьми и прав пред богом; ибо закон человеческий положен людьми, а стало быть люди и переменить его могут. А кто нарушит закон божий, того по-

карает бог муками вечными, ибо божественный закон дан от бога, и человек не властен переменить его.

Вторая заповедь наказывает, чтобы для нас ничего не было дороже воли и правды господней. Кто возлюбил мирские блага паче правды божией, тот сотворил себе кумир и преступил вторую заповедь. Кто неправедными путями собирает богатства, воровством, обманом, грабежом, тот возлюбил богатства паче бога и его святой правды. Горе вам господа и начальники жестокосердые, что забываете заповедь божию и ради мирских благ обижаете подвластных ваших. Горе тому, кто в угоду начальству или господину творит всякие беззакония, ибо ради воли начальника презрел волю божию. Горе и тем, кто может и не хочет защитить бедных и утесненных. Горе вам, люди робкие, что боитесь защитить братий, ибо вы возлюбили плоть вашу больше правды господней.

Третья заповедь запрещает призывать нам господа бога напрасно. Кто клянется и божится, всуе приемлет имя господа бога. Если начальники приводят народ к присяге, поступают не по закону божию и примут тяжкое осуждение. Кто скажет: царь земной—бог, тот всуе приемлет имя господа бога, затем, что есть один только бог; он один царь неба и земли. А цари земные такие же люди, как и мы грешные. И когда все мы предстанем на суд господень, не спросит бог, кто был царем, кто господином, кто крестьянином, и каждому воздаст по делам его. Царь должен быть первый слуга богу и людям, ибо в писании сказано: «Больший из вас да будет вам слуга», а также сказано: «Кто хочет у вас быть первым, будь ваш раб». Царь, который забыл свой долг, не хочет заступиться за народ, унять господ и начальников, тот враг богу и людям и власть его не от господа, а от сатаны. Кто скажет: всякая власть поставлена от бога, всуе приемлет имя господне».

В толковании на четвертую заповедь возбуждаются крестьяне к ненависти против господ за то, что они посылают их в праздник на работу вместо того, чтобы им быть в храме.

В толковании на пятую заповедь сказано: «Надо любить родителей; но ради любви к родителям не должно оставлять заповедей божиих. И так, коли отец или мать стали посылать тебя на дело противное заповедям божиим, или стали удерживать от дела угодного богу, может не послушать их, ибо воля господня паче воли родителей».

Особенно замечательно толкование на шестую заповедь,

где сказано: «Кто же убьет ближнего своего без нужды или ради грабежа, того осудит господь на тяжкие мучения. Бог дает жизнь человеку, бог один может отнять ее и послать смерть на человека. Мало того, чтоб не убивать человека, надо и не обижать ближнего, ибо обижающий ближнего подлежит суду. В писании сказано: «Всякий гневающийся на брата своего подлежит суду; а кто скажет брату своему: рака (пустой человек)—подлежит верховному судилищу; кто же скажет бессовестный—подлежит геенне огненной». А как же, забывая слово божие, начальники и господа слова не вымолвят с нашим братом мужиком без брани? Забыли они слово божие и не соблюдают святой его заповеди. Дадим ответ и мы, что попускали их обижать наших братий, пора унять беззаконников, да перестанут гневить господа бога; ибо коли не уймем их, гнев господень падет на всех нас. Нарушающий слово божие смертию да умрет. Все вы идете смотреть, как наказывают мужиков, что посмели ослушаться господина, или убили его; разве вы не понимаете, что они исполнили волю божию и что принимают наказание, как мученики за своих ближних. Разве не будете защищаться, коли нападут разбойники, а помещик, обижающий крестьян своих, не хуже ли он разбойника? Не должно быть и войн, ибо все люди, по слову евангельскому, должны жить, как братья; и потому начинающий войну даст ответ на суде страшном, а кто защищается, тот неповинен в крови братьев. Итак, если мы пойдем войною, на чужой народ, согрешим. Но всех более прегрешит царь, что начинает войну и ведет народ свой на убийство, ибо в писании сказано: «На начинающего бог». Ответит и народ, который пустил своих братий на убой».

«В седьмой заповеди сказано: «Не прелюбодействуй». Сообщение должно быть по любви и должно быть освящено богом; брак по расчету не освятится богом, и потому прелюбодеяние, ибо лжет во время обряда; брак по принуждению родителей—прелюбодеяние; брак по назначению помещика,—прелюбодеяние и еще больший грех и для помещика и для жениха с невестой».

Толкование на 8, 9 и 10 заповеди нет, но к десятой заповеди сделано примечание, чтобы обвинить современное общество и показать, что при другом, более естественном распределении богатств, не было бы ни зависти, ни воровства, ни клеветы, ни убийств. Внушить надежду. Пословица: на бога надейся, а сам не плошай.

Замечательные места в письмах отца подсудимого Филип-

пова суть следующие: в письме от 13 октября 1845 года: «Мне не нравятся слишком дерзкие твои суждения о старших и неуважение, с каким отзываешься о попечителе, ибо в этой-то вольности мыслей и заключается корень зла». В письме, писанном в феврале 1846 года: «Меня ты не слушаешься, не почитаешь, не любишь, мать не уважаешь, инспектора презираешь, приказания высшего начальства нарушаешь. За то готовься испить горькую чашу, и если вскоре не исправишься, то будешь крепко наказан». Вообще во всех письмах содержатся упреки за незанятие науками, дурное поведение, за буйный и непокорный характер, и за молодечество в разговорах, а в заключение излагались просьбы исправиться и тем успокоить отца.

Относительно найденных у Филиппова бумаг он отозвался: 1) что толкование заповедей написано им в начале марта 1849 года под влиянием разговоров у Петрашевского. Не бывая прежде в обществах, где бы рассуждали о политических делах, он мало занимался, но разговоры у Петрашевского заставляли его иногда задумываться о таких вопросах, которые не представлялись прежде его уму. Таким образом ему пришла мысль применить религиозные убеждения к политическим мнениям и в этом виде написал означенные толкования. В них он хотел представить в систематическом виде те мысли, на которые наведен был ложным пониманием истин божественного писания и объяснить эти истины так, как в своем ослеплении, их понимал. Раскаиваясь искренно во всех своих преступных действиях и намерениях, он не хочет утаить и того, что сочинение это хотел распространить в рукописи между знакомыми; 2) что замеченные на листке тосты написаны им были под влиянием особенного расположения духа, но без всякой цели, или какого-либо особенного назначения, и 3) запрещенную книгу под заглавием: «Les Mystères de la Russie»—он приобрел от букиниста. Что касается до предполагавшегося общества между Фон-Визиным, Соколовым, Залебецким и Катеневым, о котором упоминается в дневнике его, то он, Филиппов, написал это потому, что заметил тех лиц в близких отношениях, но была ли какая цель сего общества не знает, и осуществилось ли оное—ему также неизвестно.

В заключение ответов своих при следствии Филиппов изложил, что последняя его надежда остается только на бога и на милосердие вашего императорского величества. Не смягчения наказания желает он, Филиппов, но молит дать

средство искупить, хотя бы самыми тяжкими трудами свои преступления, помириться с собственною совестью и доказать нашему общему отцу на земле, что он еще может найти в нем верного сына. В пламенном желании загладить свои преступления, в твердой решимости безропотно покориться самому тяжкому осуждению, с помощью бога,—найдет он, Филиппов, силы исполнить этот обет, который дает теперь пред лицем бога, вашего величества, пред лицем отца своего и пред собственною совестью.

При спросе в военно-судной комиссии Филиппов отозвался, что, подтверждая показания свои при следствии, в оправдание свое имеет сказать только то, что, увлекшись либеральными мыслями, он не имел сношения с лицами, которые не разделяли бы его образа мыслей, и потому не сделал того вреда, который могли бы принести эти мысли при других обстоятельствах.

На запрос военно-судной комиссии товарищ министра народного просвещения князь Ширинский-Шихматов уведомил, что студент Филиппов поступил в университет августа 19 дня 1841 года из Варшавской гимназии; в 1845 году 10 декабря, вследствие происшедшей ссоры между двумя студентами, Филиппов, принимая в этом участие, произвел беспорядок во время перемены лекции, почему и был уволен 13 того декабря вовсе из университета; но, по принесенному раскаянию и по убедительной просбе его, принят I февраля 1846 года в число слушателей, а по уважению его хорошего впоследствии поведения 31 декабря 1846 года принят вновь в студенты университета. В конце же прошлого 1848 и в начале сего года мало посещал лекции, отзываясь всегда нездоровьем.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого студента из дворян Павла Филиппова виновным в том, что он, Филиппов, участвуя в собраниях подсудимого Петрашевского, порицал действия правительства и вашего императорского величества, а в собраниях подсудимого Дурова предложил распространять сочинения против правительства посредством домашней литографии и впоследствии покушался с подсудимым Спешневым завести для той же цели тайно типографию. Между тем присутствовал при чтении преступного письма литератора Белинского, возмутительного сочинения подсудимого поручика Григорьева под заглавием: «Солдатская беседа», и

сам написал найденное в его бумагах толкование десяти заповедей, в котором, он, объясняя 6 заповедь, сказал, что если крестьяне убьют своего господина, то исполнят волю божию; что тот согрешит, кто пойдет на войну, и в особенности прегрешит царь, ведущий народ свой на убийство. А потому военный суд приговорил студента Филиппова, за порицание действий правительства и вашего императорского величества, за покушение к распространению сочинений против правительства; за написание с возмутительною целью толкования десяти заповедей и недонесение о распространении преступного письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, лишить его, Филиппова, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 169, 170, 171, 174, 177, 178 и 596, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

Об отставном инженер-поручике Достоевском.

Подсудимый Достоевский, 27 лет, из дворян; поступил в Кондукторскую роту Главного инженерного училища кондуктором в январе 1838 года, произведен в офицеры в августе 1841 года, с оставлением в училище для продолжения наук в офицерских классах, произведен по экзамену в подпоручики в августе 1842 года, выпущен из училища с назначением в чертежную Инженерного департамента в августе 1843 года, а в октябре 1844 года уволен от службы в отставку с чином поручика. По показанию Достоевского, он занимался литературою, участвуя в некоторых журналах.

По донесению агента, подсудимый Достоевский был на собраниях у Петрашевского 1 и 15 апреля. На первом собрании рассуждалось о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян, а на собрании 15 апреля сам Достоевский читал переписку литераторов Гоголя и Белинского, где Белинский, разбирая положение России и народа, говорит в неприличных и дерзких выражениях о православной религии, о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это заслужило восторженное одобрение общества и положено было распространить оное в нескольких экземплярах [1]).

Из лиц, спрошенных по сему предмету, подсудимые Ахшарумов, Тимковский, Ястржембский и Филиппов пока-

---

[1]) Письмо Белинского подробно изложено при объяснении действий подсудимого Плещеева.

зали, что Достоевский действительно читал на собрании у Петрашевского означенную переписку Белинского и Гоголя; при чем из них Филиппов присовокупил, что эту переписку он писал с рукописи Достоевского, который дал ее ему за несколько времени пред тем и просил хранить в секрете, а впоследствии взял обе рукописи себе.

Кроме того подсудимые Момбелли и Ахшарумов показали, что Достоевский был и на том вечере у Петрашевского (в декабре 1848 года), когда подсудимый Тимковский читал речь, в которой, по показанию Момбелли, рассуждал о прогрессе, фурьеризме, коммунизме и пропаганде, потом предлагал разделить мир на две части, отдав одну часть на опыт фурьеристам, а другую коммунистам, и кончил советом устроить кружки, на которых занимались бы исключительно вопросами коммунизма и чтобы хозяева тех кружков собирались в свой кружок для рассуждения о вопросах спорных и труднее решаемых.

Подсудимый Достоевский при первоначальном расспросе следственною комиссиею показал, что он никогда не был в коротких отношениях с Петрашевским, хотя и бывал у него по пятницам, равно и Петрашевский в свою очередь делал ему визиты. Впрочем он, Достоевский, бывал на вечерах Петрашевского не столько для него, сколько для встречи с некоторыми людьми, которых видел очень редко и которые нравились ему. В последнюю же зиму, начиная с сентября месяца, он, Достоевский, был у Петрашевского не более восьми раз. Его всегда поражали странности в характере Петрашевского, и он, Достоевский, слышал несколько раз мнение, что у Петрашевского больше ума, нежели благоразумия.—Рассматривая Петрашевского с политической стороны, трудно сказать, чтобы он имел какую-нибудь свою определенную систему в суждении, или определенный взгляд на политические события. Он, Достоевский, заметил в нем последовательность только одной системе Фурье и это именно, как полагает, мешает ему смотреть на вещи самобытным взглядом. Что касается общества, собиравшегося у Петрашевского по пятницам, то в нем он, Достоевский, не встретил никакого единства, никакого направления или общей цели и положительно может сказать, что нельзя было найти там трех человек, согласных в каком-нибудь пункте на любую заданную тему. От этого происходили споры друг с другом, вечные противоречия и несогласия в мнениях, при чем в некоторых из этих споров принимал участие и он, Достоевский.

Он говорил у Петрашевского три раза, два—о литературе и один раз—о предмете вовсе не политическом: «О личности и человеческом эгоизме», и не припомнит, чтоб было в словах его что-нибудь политическое и вольнодумное. Если же желать лучшего есть либерализм, то в этом смысле он, Достоевский, может быть, вольнодумец точно так же, как и всякий человек, который чувствует себя вправе быть гражданином и желать добра своему отечеству, потому что находит в себе и любовь к отечеству и сознание, что никогда ничем не повредил ему. Далее Достоевский объяснил, что если его обвиняют в том, что он говорил о политике, о Западе, о цензуре и пр., то кто же не говорил и не думал в наше время об этих вопросах. Зачем же он учился, зачем наукою в нем возбуждали любознательность, если не имеет права сказать своего личного мнения или не согласиться с таким мнением, которое само по себе авторитетно. Но из этого нельзя выводить, что он вольнодумец и противник самодержавия; напротив, для него, Достоевского, никогда не было ничего нелепее идеи республиканского правления в России, и всем, кто знает его, известны об этом мысли его. Говоря о цензуре, об ее непомерной строгости в наше время, он, Достоевский, сетовал об этом, ибо чувствовал, что произошло какое-то недоразумение, из которого и вытекает натянутый тяжелый для литературы порядок вещей. Ему грустно было, что звание писателя уничтожено в наше время каким-то темным подозрением, и что на писателя уже заранее, прежде, чем он написал что-нибудь, цензура смотрит как будто на какого-то естественного врага правительству и принимается разбирать его рукописи уже с очевидным предубеждением. Однако он, Достоевский, никогда не говорил об этом у Петрашевского.

Относительно статьи—переписка Белинского с Гоголем,—подсудимый Достоевский объясняет, что точно читал ее на одном из вечеров Петрашевского, но при этом не только в суждениях его, но даже в интонации голоса или жеста во время чтения не было ничего, способного выказать пристрастие к которому-либо из переписывавшихся. Письмо Белинского написано слишком странно, чтобы возбудить к себе сочувствие; оно наполнено ругательствами, написано желчно и потому отвращает сердце; читал же оное, как замечательнейший литературный памятник, будучи уверен, что письмо то не может привести никого в соблазн.

На предложенные следственной комиссией письменные вопросы подсудимый Достоевский объяснил, что он знаком

с Петрашевским три года и сначала бывал у него редко, а в последнюю зиму стал ходить чаще и принимал участие в разговорах и споре, и что означенную переписку Белинского с Гоголем прочел у Петрашевского, сам вызвавшись на это при свидании с Петрашевским у Дурова, отчего впоследствии не мог отказаться.

Кроме того подсудимый Достоевский, на спрос следственной комиссии противу вышеизложенных донесений агента и свидетельских показаний, объяснил, что на вечерах у Петрашевского, он, Достоевский, слышал, что Петрашевский говорил о пользе, которую приносит цензура, вычеркивая из сочинений всю нелепость, и о том, что если бы цензура была уничтожена, то явилось бы множество людей, влекомых личными страстями, которые будут служить препоною к развитию человечества и к достижению цели; он же, Достоевский, доказывал, что литературе не нужно никакого направления, кроме чисто художественного. Подсудимый Головинский с увлечением говорил, что идеею каждого должно быть освобождение крестьян, этих угнетенных страдальцев, но что правительство не может этого сделать, потому что освободить их без земель нельзя, и что он, Головинский, признает возможность внезапного восстания крестьян самих собою, потому что они уже достаточно сознают тягость своего положения; впрочем он выражал это, как факт, а не как желание свое, ибо, допуская возможность освобождения крестьян, он далек от бунта и от революционного образа действий. В опровержение Головинского, Петрашевский объяснял, что при освобождении крестьян непременно должно произойти столкновение сословий, которое, будучи бедственно уже само по себе, может быть еще бедственнее, породив военный деспотизм, или, что еще хуже, деспотизм духовный; что реформы юридическая и цензурная необходимы прежде крестьянской, и вычислял даже преимущество крестьянского сословия пред вольным, при нынешнем состоянии судопроизводства, объясняя, что в нашем запутанном, многосложном и с предубеждениями судопроизводстве справедливость не может быть достигнута, и что одно судопроизводство возможно, в котором достигалась бы справедливость, это судопроизводство публичное—jury; но требовать перемены в судопроизводстве не следует, а должно всеподданнейше просить об этом потому, что правительство, и отказавши и удовлетворивши в просьбе сословию, поставит себя в худшее положение: отказавши в просьбе, оно вооружит его противу себя, и идея

наша идет вперед; исполнивши просьбу, оно ослабит себя и даст возможность требовать большего, и все-таки идея наша идет вперед.

О речи, читанной Тимковским на собраниях у Петрашевского, в которой, как выше изложено, Тимковский рассуждал о прогрессе, фурьеризме, коммунизме и пропаганде и предлагал учредить фурьеристические кружки, подсудимый Достоевский показал, что она написана горячо, и видно было, что Тимковский старался угодить на все вкусы. Она занимала два или три вечера, но он, Достоевский, был только на двух из этих вечеров. Тимковский говорил о Фурье с большим уважением, коснулся многих выгод его системы и желал ее успеха, убеждаясь, впрочем, в невозможности применения оной немедленно; увещевал быть согласными в идеях, кто бы какой социальной системы ни держался, и в то же время оговаривал, что он зовет не на бунт и не желает тайного общества.

Сверх того из числа подсудимых в отношении действий Достоевского показали:

Студент Филиппов,—что подсудимый Достоевский посещал вечера коллежского асессора Дурова, из коих на одном Момбелли читал рассуждение о том, что все они более или менее с одинаковым направлением и образом мыслей; должны теснее сближаться между собою, дабы под влиянием друг друга тверже укрепиться в этом направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении, а сам он, Филиппов, предлагал заняться общими силами разрабатыванием статей в либеральном духе, вменив себе в обязанность распространение своих мнений, и представлять в разоблаченном виде все несправедливости законов, все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации. В другой же раз он, Филиппов, прочел рукопись из «Слова верующего», сочинение Ламене, а Достоевский—переписку Гоголя с Белинским, и когда присутствовавшие пожелали иметь с этой рукописи списки, то предложено было завесть домашнюю литографию; но Достоевский убедил всех, что мысль эта безрассудна.

Помещик Спешнев,—что на обеде у него, в то время, когда Григорьев читал статью преступного содержания, под названием «Солдатская беседа», в числе прочих был и Достоевский и что, кроме того, Достоевский посещал и вечера подсудимого Плещеева, на которых была читана юмористическая статья, под заглавием «Петербург и Москва», и рас-

суждалось о возможности печатать за границею запрещенные книги.

Коллежский асессор Дуров и поручик Пальм,—что Достоевский, в бытность на вечерах Дурова, читал переписку Белинского и Гоголя, о других же действиях его они не объясняют.

При допросе противу сего подсудимый Достоевский показал, что действительно он посещал вечера Дурова и ввел туда подсудимых Филиппова и Спешнева. Эти вечера сначала были чисто литературные и музыкальные, а потом изменили свой характер, когда Филиппов сделал предложение литографировать мимо цензуры сочинения, которые могли быть написаны кем-нибудь из их кружка. Но предложение это почти все приняли весьма дурно и все, сознавая, что зашли далеко, хотели отвергнуть оное, только не прямо, а как-нибудь косвенным образом, сам же Дуров хотел уничтожить свои вечера как можно скорее. Наконец, когда собрались в другой раз, он, Достоевский, попросив, чтоб его выслушали, отговорил всех, стараясь действовать в своей речи легкою насмешкою, и все как будто ожидали этого, и тотчас же предложение Филиппова было отвергнуто. После того собирались к Дурову только один раз, после святой недели, а затем вечера его вовсе были прекращены. Речей на этих вечерах, кроме его, Достоевского, никто не говорил, и он сказал только одну речь, а читали: Милюков—перевод свой из «Paroles d'un croyant»; и он, Достоевский, по получении переписки Белинского с Гоголем, прочитал ее сначала Дурову и Пальму до обеда, а потом оставшись пить чай, по приезде к Дурову Момбелли, Львова и других, прочел ее в другой раз, будучи под влиянием первого впечатления.

На вопрос о том, точно ли из подсудимых Момбелли на вечере у коллежского асессора Дурова предложил о теснейшем сближении между посетителями, дабы под влиянием друг друга тверже укрепиться в направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении, Достоевский показал, что в начале вечеров Дурова Момбелли действительно стал говорить что-то подобное, но не докончил, потому что его прервали на половине и занялись музыкою. Момбелли засмеялся и тут же согласился, что начал говорить некстати. После этого о словах его не было уже помину, и общество надолго осталось чисто литературным.

Об обеде Спешнева Достоевский показал, что он точно был на этом обеде и слышал чтение Григорьевым статьи пре-

ступного содержания, под названием: «Солдатская беседа»; но впечатление, произведенное ею, было очень слабое, потому что все почти не желали подобных чтений, и Спешнев, которому навязывали сделать этот обед, по предложению Момбелли, решительно объявил, что ему неудобно звать к себе в другой раз.

В отношении вечеров Плещеева, Достоевский показал, что у него постоянных вечеров никогда не было, а только изредка он звал к себе на чай. На этих вечерах был он, Достоевский, в продолжение зимы не более трех раз, и как они были обыкновенными, приятельскими собраниями и особенной цели не имели, то не было и особого направления их. Статья «Петербург и Москва» действительно один раз была прочитана, но не для возмутительных целей и без предварительного намерения, а случайно, кажется, потому, что попалась под руку, как легкая фельетонная статья, в которой много остроумия, хотя бездна и парадоксов; смотрели же на нее с точки зрения чисто литературной. Сверх того один раз, за год слишком пред этим, он, Достоевский, зашел к Плещееву в 11 часов вечера и встретил у него Данилевского и Спешнева. В это время действительно было сказано несколько слов о возможности печатать за границею; но ему, Достоевскому, тогда же показалось это невозможным по многим причинам, и затем разговор об этом предмете остался без всяких последствий и никогда уже не возобновлялся.

При арестовании подсудимого Достоевского, в бумагах его были найдены:

1) Письмо к нему от Плещеева, присланное из Москвы, в котором Плещеев поручает Достоевскому передать поклон всем, кто бывает по субботам у Дурова, и упоминает о впечатлении, произведенном пребыванием императорской фамилии в Москве.

2) Записка от Белинского, заключающая в себе приглашение Достоевского в собрание у одного лица, с которым он не был еще знаком.

3) Две запрещенные книги под заглавиями: одна Le Berger de Kravan, и другая La célébration du dimanche.

Подсудимый Достоевский показал, что о записке от Белинского, заключающей в себе приглашение его в собрание у одного лица, с которым он не был еще знаком, он решительно ничего не может припомнить, а вероятно она написана была в первые дни знакомства с Белинским, который если и приглашал его куда-нибудь, то не на собрание, а в гости

к какому-нибудь литератору. Запрещенные же книги взяты им, Достоевским, от знакомых.

В заключение своих показаний в следственной комиссии подсудимый Достоевский объяснил, что весь либерализм его состоял в желании всего лучшего своему отечеству. Это желание началось с тех пор, как он стал понимать себя, и росло в нем более и более, но никогда не переходило за черту невозможного. Он всегда верил в правительство и самодержавие: однакоже не осмеливается сказать, что никогда не заблуждался в своих желаниях, которые в отношении усовершенствования и общей пользы, быть может, очень ошибочны, так что исполнение их послужило бы к всеобщему вреду, а не к пользе. Может быть, ему удавалось иногда выражать свое мнение с излишнею горячностью, или даже горечью, но это было минутами. Злобы и желчи в нем никогда не было и к тому же им всегда руководила самая искренняя любовь к отечеству, которая подсказывала ему добрый путь и сберегала его от пагубных заблуждений. Он желал улучшений и перемен и сетовал о многих злоупотреблениях,—но вся основа его политической мысли была ожидать этих перемен от самодержавия. Он хотел, чтобы не был заглушен ничей голос, и чтобы выслушана была, по возможности, всякая нужда, и потому изучал, обдумывал сам и любил слушать разговор, в котором знающие более объясняли о возможности некоторых перемен и улучшений. Социалистом же никогда не был, хотя и любил читать и изучать социальные вопросы и с большим любопытством следил за переворотами западными.

В военном суде подсудимый Достоевский, подтверждая прежние свои показания, к оправданию своему присовокупил, что он никогда не действовал с злым и преднамеренным умыслом против правительства, что все сделанное им было необдуманно, а многое сделано почти нечаянно, как, напр., чтение письма Белинского, что если он когда-нибудь сказал что-либо свободно, то разве в кругу близких людей, которые могли понять его и знали в каком смысле он говорил, и что распространения своих мнений он всегда избегал.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив в марте месяце сего года из Москвы от дворянина Плещеева (подсудимого) копию с преступного письма литератора Белинского,—читал это письмо в

собраниях: сначала у подсудимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского и, наконец, передал его для списания копий подсудимому Момбелли. Достоевский был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием: «Солдатская беседа». А потому военный суд приговорил его, отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева,—лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 142, 144, 169, 170, 172, 174, 176, 177 и 178, чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О неслужащем дворянине Алексее Плещееве.

Подсудимый Плещеев, 23 лет, из дворян, чина не имеет; воспитывался сначала в Школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, откуда чрез полтора года по слабости здоровья вышел; потом в 1843 году поступил в С.-Петербургский университет, но через два года также вышел по болезни. По показанию Плещеева, он занимался литературой, участвуя в некоторых русских журналах.

По донесению агента Антонелли, подсудимый Плещеев был на собрании у Петрашевского 25 марта сего года.

На этом собрании приходил спор о том, каким образом восстановлять подведомственные лица против властей; при чем подсудимый Дуров утверждал, что всякому должно показывать зло в самом его начале, т.-е. в законе и государе, и вооружить подчиненных не против начальников, а против самого корня, начала зла. В тот же вечер была читана статья о началах религии, с превратным доказательством, что она времна в социальном смысле.

В показаниях других лиц, бывших на вечерах Петрашевского, о действиях там Плещеева ничего не упоминается.

Сам подсудимый Плещеев при предварительном спросе показал, что он знаком с Петрашевским три года и во все время знакомства с ним бывал у него раза два в месяц, или по утрам до 12 часов, или по вечерам в положенный у него день, т.-е. по пятницам. На вечерах этих собиралось иногда очень много, человек до 20 и более; иногда же, напротив, кружок был весьма ограниченный. Он, Плещеев, не скрывает, что иногда на этих вечерах осуждались некоторые

распоряжения администрации, указывалось на недостатки в разных существующих учреждениях, на злоупотребления, допускаемые мелкими должностными лицами, часто неисполняющими предписаний закона, или исполняющими их не надлежащим образом. При чем говорилось о необходимости преобразований в этих случаях, в особенности же в делах судопроизводства. Многими выражаемо было мнение, что каждый человек, ясно сознающий свои недостатки и убежденный в необходимости известных преобразований, должен стремиться к искоренению зла путем законным, открытым, и потому молодые люди не должны пренебрегать и низшими должностями, если они знают, что могут принести в них пользу, не упуская из виду, что ежели современем они будут почтены высшим чином, то, как люди с весом и опытом, будут иметь возможность, в подчиненных им ведомствах, предложить и исполнять разные изменения к лучшему; если молодые люди имеют поместья, то должны всеми силами стремиться к улучшению быта своих крестьян, заниматься сельским хозяйством и способствовать к процветанию земледелия. В таких толках на собраниях Петрашевского нередко и сам он, Плещеев, принимал участие. Впрочем на вечерах у Петрашевского он, Плещеев, не замечал ничего систематического, ничего организованного, тайного, а в словах ничего либерального. Если же иногда у кого-нибудь и даже у самого его, Плещеева, вырывалось необдуманное легкомысленное слово, то никогда не придавалось ему никакого значения. Он, Плещеев, без всяких осторожностей посещал вечера Петрашевского и, следовательно, не считал их предосудительными.

При дополнительном же допросе подсудимый Плещеев объяснил, что в последний год посещений своих Петрашевского он заметил, что направление бывших у него собраний клонилось к либерализму, потому что на них толковалось о разных социальных системах, о необходимости преобразований в администрации и обсуждались разные меры правительства, а Тимковский в своей речи предложил составить фурьеристские кружки.

Противу изложенного донесения агента, что подсудимый Плещеев был на вечере у Петрашевского 25 марта, когда было говорено о восстановлении подведомственных лиц противу властей и читалось сочинение в духе либеральном,

Плещеев отозвался, что 25 марта он был в Москве, куда уехал 15 числа того месяца [1]).

Кроме того из донесений агента видно, что к самому подсудимому Плещееву также собирались разные лица, в том числе Толь, Дуров и Головинский, из которых последний советовал, чтобы члены их общества старались занимать места в нижних губернских инстанциях.

Из показаний по сему предмету других подсудимых, именно: Спешнева, Данилевского, Достоевского, Григорьева, Пальма, Момбелли, Дурова, Головинского, Тимковского и Филиппова, видно, что постоянных вечеров у Плещеева не было, а собирались только изредка, и собрания эти определенного направления не имели. Все они были у Плещеева от двух до трех раз. В один из этих вечеров читана была Милюковым статья под названием: «Петербург и Москва», сочинения русского писателя Герцена (sic), не без возмутительных, впрочем, целей, как объясняет подсудимый Достоевский, и без предварительного намерения, а случайно, как легкая фельетонная статья, в которой много остроумия. По показанию же подсудимого поручика Пальма, на одном вечере сам Плещеев читал речь Феликса Пиа из газеты «La Presse», а Головинский имел политический спор об отношениях подрядчика и работников и о правах их; но сущности этого спора он, Пальм, не определил по неизвестности ему настоящего предмета. А титулярный советник Тимковский и подпоручик Григорьев отозвались, что при них у Плещеева был, между прочим, разговор о политике и социализме, однакож в этом разговоре, как объяснил Тимковский, ничего определенного не было.

Сверх того подсудимый Спешнев показал, что он, по жалобам Плещеева и Достоевского на строгость цензуры, вызвался на дерзкое намерение печатать за границею запрещенные книги и сказал об этом сначала одному Плещееву, а потом повторил это у Плещеева при нем, при двух Достоевских, Данилевском и Буткове, и предложил им писать статьи и присылать к нему, так, чтобы он не знал даже от кого они. Но Михайло Достоевский отказался от этого, а другие были очень смущены и сказали, что посмотрят, и если до осени ничего не пришлют, то значит, что и не хотят.

---

[1]) Когда именно подсудимый Плещеев уехал в Москву, по делу не видно, но действительно он 25 марта находился в Москве, где он уже в мае месяце был арестован.

После этого он, Спешнев, стал отступать от намерения своего и думал, что если кто пришлет к нему статьи, то он сожжет их; однакоже никто не прислал ни строчки, и о том разговора уже не было.

Коллежский секретарь Данилевский и поручик Достоевский подтвердили, что у Плещеева однажды действительно был разговор о возможности печатать за границею; но разговор этот остался без всяких последствий.

Из показания подсудимого Пальма видно еще, что подсудимый Плещеев, до отъезда своего в Москву, посещал вечера Дурова, когда они не имели еще политического характера; а во время нахождения в марте месяце сего года в Москве прислал оттуда список с письма Белинского к Гоголю, которое было потом прочтено в кружке посетителей Дурова и Петрашевского.

Письмо это писано Белинским в виде критического разбора сочинений Гоголя, и в нем особенно замечательны следующие места:

«Нельзя молчать, когда под покровом религии и кнута провопедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель».

«Россия видит свое спасение в успехах цивилизации, просвещения. Ей нужны не проповеди, не молитвы, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе,—права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми,—страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности; но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей».

«Самые живые, современные, национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство, что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостного кнута трехвостною плетью».

Далее Белинский, упрекая Гоголя за выражение насчет русских крестьян и обращаясь к самому Гоголю, писал:

«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и кнутобесия, панегирист татарских нравов—что вы делаете? Взгляните себе под ноги, ведь вы стоите над бездною... что вы подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю; она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма. Но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства; церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, чем продолжает быть до сих пор. Но смысл Христова слова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки погасивший в Европе костры фанатизма, невежества, конечно, более сын Христа и плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи восточные и западные».

«Неужели вы искренно, от души пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неимоверно выше духовенства католического?»

«Характер (русской публики) определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие мысли; но сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию; только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Публика видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от кулака самодержавия, православия и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не простит ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя и в зарыдыше, свежего, здорового чутья, и это же показывает, что у него есть будущность».

При допросе противу сего подсудимый Плещеев объяснил, что он, живя на одной квартире с матерью своею, действительно иногда принимал у себя своих знакомых, но это случалось не часто и не в определенные дни. В последнюю зиму собирались у него, Плещеева, не более пяти раз, не в определенное время, а тогда только, когда он был при деньгах, при чем на одном из этих собраний точно была читана юмористическая статья Герница [1]) «Петербург и Москва»,

---

[1]) Герцена. *Ред.*

но случайно, потому что разговор коснулся этого писателя. Кроме же сего ничего не читалось, и вечера его, Плещеева, никакой особенной цели не имели. Также рассуждения о возможности печатать за границею запрещенные книги у него, Плещеева, не было; впрочем он не ручается, чтобы кто-нибудь не выразил мысли об этом предмете, в то время, когда он, Плещеев, был занят каким-нибудь другим разговором. На вечерах же Дурова был он, Плещеев, до отъезда своего в Москву только два раза, тогда целью этих вечеров были исключительно музыка и литература. Переписка Белинского с Гоголем, точно, была прислана им, Плещеевым, из Москвы к Достоевскому для того, чтобы узнать мнение Белинского насчет сочинения Гоголя. Досталась же ему, Плещееву, эта статья случайно, именно, он отыскал ее, вместе с сочинениями Гоголя, в библиотеке своего дяди, недавно умершего в Москве.

При арестовании подсудимого Плещеева, в бумагах его ничего замечательного не найдено, кроме неоконченного письма к неизвестному лицу из Москвы от 25 апреля сего года.

В письме этом Плещеев, излагая рассуждения свои насчет комедии: «Горе от ума» и «Ревизора», между прочим, объяснял, что в сочинениях этих много либеральных идей, так что теперь цензура не пропустила бы их ни за что, а между тем первую из сих комедий государь очень любил и всегда ездил смотреть, что доказывает, что государь гораздо лучше понимает, как вредят разные обветшалые предрассудки успехам общества, нежели многие думают о нем, и пр.

В бумагах подсудимого Достоевского найдено письмо к нему от Плещеева из Москвы от 14 марта, где он, Плещеев, между прочим, упоминает о впечатлении, произведенном пребыванием императорской фамилии в Москве, в следующих выражениях: «царь и двор встречают здесь мало симпатии. Все, исключая разве лиц, принадлежащих ко двору, желают, чтобы они скорее уехали. Даже народ как-то не изъявляет особенной симпатии. В первый день приезда царицы я видел ее на гулянье, ура кричали одни мальчишки. Это без преувеличения. Я слышал сам, как купцы, сидя в своих лавках, говорили: что ж это они больно мало кричат? а сами, однакоже и не думали поддерживать. Стихи Шевырева и статья Погодина решительно ни в ком, кроме старух, не находят сочувствия. Великий князь сажает студентов на гауптвахту за то, что они не так шляпы носят».

В бумагах коллежского секретаря Щелкова оказалось письмо Плещеева к жившему вместе с Щелковым на одной квартире подсудимому коллежскому асессору Дурову, также из Москвы, от 26 марта сего года. В этом письме Плещеев, между прочим, писал, что он в Москве ведет жизнь такую же, как и в Петербурге; также нашел там хороших людей, разделяющих его образ мыслей, и встретил много умных людей, которые все лежат за общее дело; что, впрочем, есть и такие, которые делают. К этим людям он, Плещеев, относил Грановского и Кудрявцева—профессора истории в университете, излагая, что они превосходно читают и имеют большое влияние на студентов, с которыми обходятся как с равными себе; зовут их на дом, дают им книги и вообще стараются развить в них хорошие семена. Плещеев познакомился с Грановским и нашел, что он человек чрезвычайно живой, энергический, вечно держащий оппозицию университетскому начальству, которое до того подло и гнусно, что трудно вообразить себе, а попечитель Голохвастов всеми ненавидим. Как любим всеми Грановский, так презираем всеми профессор Шевырев—педант и низкопоклонник, друг всех губернаторов, распоряжающийся маскарадом графа Закревского, у которого он в передней сидит вместо конторщика и записывает, кто желает участвовать. Далее Плещеев писал: «Для двора здесь будет маскарад, в котором все аристократы, так называемые, будут изображать разные исторические лица и города российские. Мне очень жаль, что я продал свой овчинный дубленый тулуп, может быть, меня бы взяли изображать город Клин или Вышний-Волочок». В заключение Плещеев прибавляет: «Здесь есть люди, сочувствующие нашим мыслям о способах деятельности; даже говоруны здешние, любящие в клубе поспорить кое о чем, хотя для процесса спора не совсем бесполезны».

Подсудимый Плещеев в предварительном показании на словесный расспрос в комиссии объяснил, что всякое оправдание его противу того, что находится в письме его к Достоевскому, всякое усилие истолковать это в какую-нибудь другую сторону, он считает столько же бестолковым, сколько и недобросовестным. Одно он желает прибавить, что подобные вещи часто говорятся из одного фанфаронства, из одного хвастовства, говорятся так же необдуманно, как скоро забываются, и что понятия его, Плещеева, в последнее время его пребывания в Москве, во многом так изме-

нились, что уже другого подобного письма он написать бы не мог; но он не в состоянии представить этому никаких доказательств и, следовательно, должен с покорностью принять на себя полную ответственность за все, выраженное им в этом письме и достойное осуждения.

При формальных же допросах Плещеев в пояснение содержания письма к Достоевскому показал, что он упомянул о недостатке симпатии к императорской фамилии в Москве по легкомыслию своему, приняв в основание этого различные толки, которые слышал о дороговизне и о притеснениях, по причине присутствия в Москве высочайшего двора. Сверх того, во время гулянья в Вербное воскресенье он видел купцов, которые не поддерживали ура, а между тем говорили: «Отчего так недружно кричат», и продолжали смотреть с своих мест. Это удивило его, Плещеева, и заставило упомянуть в письме, что ура кричат одни мальчишки.

О письме к Дурову Плещеев показал, что дерзкие выражения насчет маскарада, готовившегося для высочайшего двора, употреблены им, Плещеевым, в шутку, потому что в маскараде между блестящими костюмами были костюмы, изображавшие дикие племена Сибири и состоявшие просто из вывороченного меха. Профессоров Грановского и Кудрявцева отнес он, Плещеев, к людям, которые делают и стараются развить хорошие семена, потому, во-первых, что они имеют определенные должности и трудятся для науки, а во-вторых, что они, в качестве профессоров, дают студентам книги и стараются всячески приохотить их к занятиям. Но слово «семена» он принимал в общем, а не в либеральном или социальном смысле. О попечителе же университета он, Плещеев, употребил дерзкие выражения, основываясь на разных слухах, не относящихся к его чести, ибо все почти в московском обществе отзываются о нем неблагоприятно. Говоря о людях, сочувствующих мыслям, о способах деятельности, он, Плещеев, имел в виду профессора Кудрявцева и Грановского, Голохвастова и Арнольди. Мысли свои о деятельности полагал в том, что каждый человек в какую бы сферу общественной деятельности ни был поставлен, должен стараться прежде всего о принесении пользы своему отечеству, одним словом, всегда и везде иметь в виду общую пользу, не выходя из круга обязанностей, предписываемых законом, и гнушаясь взяточничеством или дурным обращением с принадлежащими ему или находящимися под его ведением людьми. Распространение и применение подобных

понятий он, Плещеев, разумел под словом: «способы к деятельности». Слова: «умные люди», употребил он в письме, относя их к славянофилам, пользующимся в Москве этой репутацией. К ним же он отнес в насмешку и слова: «лежат за общее дело», в том отношении, что все славянофилы имеют там свою теорию, состоящую в каком-то стремлении сблизиться с народом, от которого мы будто бы слишком отдалились и нравами и одеждою.

Копию с означенного письма подсудимого Плещеева к коллежскому асессору Дурову следственная комиссия 25 марта представляла к г. военному министру с тем, не признает ли он нужным отослать оное к московскому военному генерал-губернатору, для принятия с его стороны мер к обнаружению действий профессоров Грановского и Кудрявцева. А г. военный министр препровождал то письмо к генерал-адъютанту графу Закревскому.

Но граф Закревский отозвался, что по собранным секретно сведениям о всех обстоятельствах, относящихся до Грановского и Кудрявцева, оказалось, что Грановский, исправляя должность ординарного профессора, в сентябре 1839 г., начал в тамошнем университете чтение лекций средней и новой истории. Он человек характера пылкого, но непостоянного и готов сближаться с каждым; в прошедшем году намеревался выйти в отставку, но сего не исполнил и на первой лекции настоящего курса сказал в объяснение своих поступков: «Вновь принимаюсь за дело, но не с той охотой, как прежде. Я имел намерение оставить университет, но, по неизвестным мне причинам, принужден опять продолжать». С студентами он обходится, как с товарищами, чрезвычайно ими любим и потому имеет на них большое влияние. Кудрявцев же состоит преподавателем в тамошнем университете с 15 августа 1847 года, характер имеет пылкий, студентами любим и обращается с ними так же, как и Грановский. По отзыву университетского начальства, ни Грановский, ни Кудрявцев не оказывали оному ни малейшего сопротивления, держали себя всегда в границах должного уважения и в духе и направлении их лекций не замечено ничего вредного. К сему граф Закревский присовокупил, что для положительного дознания об образе мыслей Грановского и Кудрявцева следовало бы произвести у них внезапный обыск и тщательно рассмотреть все их бумаги, но мера сия, спустя более месяца после арестования Плещеева, по мнению его, графа Закревского, не обещает важного ре-

зультата и может принести более вреда, нежели пользы, а потому он, граф Закревский, признал достаточным ограничиться учреждением строжайшего секретного надзора за Грановским и Кудрявцевым, и если по оному обнаружится что-либо предосудительное, то принять тогда решительные меры.

В военном суде подсудимый Плещеев, подтверждая означенные показания свои, данные при следствии, объяснил, что к оправданию своему прибавить ничего не имеет.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого неслужащего дворянина Алексея Плещеева виновным в том, что он с 1846 года, посещая подсудимого Петрашевского, присутствовал, по собственному сознанию, у него в собраниях во время непозволительных рассуждений о правительстве и о необходимости перемены в администрации; а в марте месяце сего 1849 года, отправясь в Москву, выслал оттуда подсудимому поручику Достоевскому список с преступного письма литератора Белинского. А потому военный суд приговорил: его, Плещеева, за распространение преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского, лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. V кн. I ст. 142, 144 и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных ст. 274, всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах на четыре года.

О мещанине Петре Григорьеве Шапошникове и сыне почетного гражданина Катеневе.

Агент Антонелли, наблюдавший за титулярным советником Петрашевским и собиравшимся у него обществом, между прочим, в донесениях своих писал, что у Петрашевского он встретился с студентом С.-Петербургского университета Толстовым, человеком чрезвычайно пылкого характера и отчаянным либералом. Толстов на собраниях у Петрашевского не бывал, но, судя по всем обстоятельствам, Петрашевский был с ним в весьма коротких отношениях, и, по замечаниям его, Антонелли, между Петрашевским и Толстовым существовала какая-то таинственность, а один раз Толстов, при нем, Антонелли, разговаривая с Петрашевским, порицал действия правительства и нападал вместе с ним на существующий порядок.

Вследствие сего обращено было внимание на студента Толстова, и как по особым наблюдениям за ним открыто, что он, кроме того, имел частые сношения с проживавшим в С.-Петербурге подсудимым мещанином Петром Григорьевым Шапошниковым, содержавшим здесь (на Петербургской стороне) табачный магазин, то для подробнейшего раскрытия этой связи студента Толстова назначены были для надзора за мещанином Петром Григорьевым Шапошниковым два агента одного с ним сословия, именно: мещане Василий Шапошников и Наумов.

По донесениям этих агентов, у мещанина Петра Шапошникова часто бывали сходбища, в которых постоянно участвовали студент Толстов, сын почетного гражданина Василий Катенев (подсудимый), имевшие с Шапошниковым весьма короткое знакомство, и мещанин Востров, находившийся в лавке Шапошникова приказчиком. На этих сходбищах Шапошников, Толстов и Катенев, в разговорах между собою порицая религию и правительство, рассуждали, между прочим, о французской революции, о республиканском правлении и о том, что в России может быть республика; дерзко выражались насчет священной особы вашего императорского величества и даже совещались об истреблении императорской фамилии и высших правительственных лиц, а один раз из них Катенев, быв в пьяном виде, сам вызывался на цареубийство.

По поводу таких донесений агентов мещанин Шапошников и участники его преступных замыслов, как-то: студент Толстов, подсудимый Катенев и мещанин Востров, вместе с арестованием титулярного советника Петрашевского, тоже были арестованы. Кроме того взяты еще студент С.-Петербургского университета Данилевский и купеческий сын Утин, которые хотя и не находились в связях с Шапошниковым, но были знакомы: Утин с Толстовым, а Данилевский с Катеневым и знали о некоторых преступных их намерениях.

Подробности обвинений на каждого из сих лиц заключаются в следующем:

О мещанине Петре Шапошникове.

Агенты доносили, что о сходбищах, бывших у мещанина Петра Шапошникова, и о происходивших при этом преступных разговорах, сделалось им известно из рассказов приказчика Щапошникова, мещанина Василия Вострова, что к подсудимому Шапошникову приезжали разные лица, в том

числе студенты и переодетые военные, говорили о французской революции и соглашали Шапошникова быть членом их общества, на что он и согласился, после чего у него были частые совещания, а когда он заметил, что за ним наблюдают, то перестал принимать у себя и сам часто ходил на собрания; что у Шапошникова происходили совещания о том, как и где убить министров, царя и царскую фамилию; что Шапошников, смеясь над употребленным со стороны правительства надзором за ними, говорил, что он сам подобьется к графу Орлову в качестве агента и будет путать его так, что правительство затруднится, а между тем партия его выиграет. Сам подсудимый Шапошников, при разговорах с ними, агентами, перебирал и осуждал особенно известных вельмож, говоря, что к нему ездят такие люди, что, оставляя свои экипажи поодаль, приходят к нему тайком, чтобы только поговорить с ним; рассуждал о вольности крестьян и говорил, «что Толстов, Катенев и подобные им негодяи, более ста человек, мечтают о свободе и много раз говорили ему, чтобы убить государя императора, ниспровергнуть трон и самим занять правительственные места и, желая заманить и его, Шапошникова, в свои сети, предлагали ему даже деньги, чтобы действовать под руководством студента Толстова». Кроме того агент Василий Шапошников доносил, что подсудимый мещанин Шапошников, между прочим, отзывался ему о титулярном советнике Петрашевском, как о человеке умном, с которым стоит иметь дело, и говорил, что Петрашевский замечателен по некоторым известным ему, Шапошникову, обстоятельствам, о коих он не может скоро открыть.

Студент Толстов и подсудимый Катенев показали, что они коротко были знакомы с подсудимым Шапошниковым и во время частых посещений Шапошникова, при разговорах между собою, они действительно порицали правительство, рассуждали о свободе и равенстве, говорили о том, что в России может быть республика и из них Катенев точно один раз вызывался на цареубийство. Сверх того Катенев показывает, что подсудимый Шапошников внушал ему развратные мысли против религии и правительства, при чем говорил возмутительные речи о народном правлении и трибуне, отвращал его, Катенева, от религии, отвергал законы, говоря, что это чистая выдумка ума человеческого, связывающая нас страхом наказания в будущей жизни, вольнодумствовал о браке и нравственности, проклинал все формы

и обряды, стесняющие наслаждение, и произносил следующее дерзкое выражение против священной особы вашего величества: «На место этого фонаря, желал бы видеть повешенного нашего царя».

Мещанин Василий Востров, находившийся в лавке подсудимого Шапошникова приказчиком, показал, что он слышал от подсудимого Шапошникова, что у него был разговор со студентом Толстовым и подсудимым Катеневым о том, как истребить царя и правительство, при чем Шапошников, называя Толстова и Катенева страшными людьми, говорил, что к нему приносят они несчастье. Один же раз он, Востров, сам видел, что Шапошников сжег какую-то тетрадь, которую называл ужасною и говорил тогда, что студент Толстов просил у него ту тетрадь, но он не отдал ему, опасаясь быть у него в руках.

Из расспросов означенных лиц открылось, что с подсудимым Шапошниковым находился еще в связях вольнопрактикующий архитектор Тверской, который, прежде еще арестования его, по приглашению агента сам явился в следственную комиссию и показал, что, познакомившись с подсудимым Шапошниковым в январе месяце сего года, он посещал его каждый день, и что у Шапошникова бывали по вечерам собрания, на которых постоянный разговор был о равенстве, о свободе человека, об угнетении вообще всех сословий и о прекрасном управлении в республике; при этом, когда студент Толстов и подсудимый Катенев приходили к Шапошникову и начинали разговоры в вольном духе, то Шапошников просил его, Тверского, оставлять их на время, или же, напоив его до-пьяна, укладывал спать, и, заперев дверь на крючок, просиживал с Толстовым и Катеневым всю ночь. При разговорах же с ним, Тверским, подсудимый Шапошников, называя Толстова и Катенева негодяями, говорил, «что они составляют заговор против правительства и хотят убить государя императора, но что они в этом не успеют, потому что на такое дело нужна голова, как у него, Шапошникова». К сему архитектор Тверской присовокупил, что подсудимый Шапошников вольностью мыслей своих возбуждал многих к ненависти против правительства и действовал в этом отношении особенно на кадетов и студентов, и что Шапошников неоднократно произносил разные дерзости против священной особы вашего величества, а один раз, указывая у себя в квартире на портрет вашего императорского величества, сказал следующие слова: «Как будет

смотреть вся вселенная на этого тирана, пред которым преклоняется вся биржа», и к этому прибавил: «Блажен тот человек, который убьет его и все его поколение».

О произнесении подсудимым Шапошниковым этих слов подтвердил и один из агентов, мещанин Василий Шапошников.

В бумагах подсудимого Шапошникова ничего подозрительного не найдено.

При допросах в следственной комиссии мещанин Шапошников показал, что с студентом Толстовым и подсудимым Катеневым он познакомился летом 1848 года, и что, когда они приходили к нему для беседы, то действительно разговоры у них были о французской революции, о равенстве, о свободе человека, об угнетении вообще всех сословий и о прекрасном управлении в республике, в особенности же Толстов выражал ненависть свою к правительству и, говоря, что в России может быть республика, просил его, Шапошникова, написать свое мнение, как ввести ее в России, а когда Толстов узнал о наклонности его, Шапошникова, к театру и намерении его поступить в актеры, то, отклоняя его от этого, говорил, что он может дать ему другую деятельность, что его ждет участь лучшая, что дар слова его нужен будет для площади, и что с переменою правительства он может быть современем значительным человеком, если будет слушать его, Толстова. Но он, Шапошников, всегда противоречил в этом Толстову. Совещаний же на цареубийство у него, Шапошникова, с Толстовым и Катеневым никогда не было: но Катенев один раз, быв в нетрезвом виде, точно вызывался в квартире у него, Шапошникова, при студенте Толстове, что убьет государя императора, но он, Шапошников, сказал тогда Катеневу, что он нездоров и просил его уйти домой. Сам он, Шапошников, никогда преступных речей против правительства и религии не говорил и считает себя виновным только в том, что по страсти к чтению и театру он имел у себя разные дурные без всякого разбора стихи, написанные против правительства, и в одном из таких сочинений находилось выражение: «Что на место этого фонаря, желал бы видеть повешенного нашего царя». Может быть он, Шапошников, произнес эти слова, но потом все сии стихи сжег. Впрочем, присовокупляет Шапошников, иногда случалось, что он свободно рассуждал и философствовал, но зловредных замыслов никогда никаких не имел, ни в каком обществе не состоял и никого не возбуждал к

ненависти против правительства; с кадетами же, приходившими к нему в лавку за покупками, он разговаривал о разных предметах и, между прочим, о равенстве.

Против других изложенных выше обвинений подсудимый Шапошников не признался и утвердил свое показание и на очных ставках, данных ему с агентами и архитектором Тверским, которые уличали его в том, что он, Шапошников, сам говорил им, что к нему приезжали на собрания довольно важные лица, с которыми он имел знакомство, но после прекратил все это, потому что правительство начало наблюдать за ним; что он, Шапошников, действительно возбуждал многих к ненависти против правительства и, рассказывая о заговоре, составляемом студентом Толстовым и подсудимым Катеневым против правительства, и о замысле на цареубийство, сказывал, что они в этом не успеют, потому что на такое дело нужна голова, как у него, Шапошникова, и, наконец, что он, Шапошников, произносил дерзкие выражения против священной особы вашего императорского величества и, указывая на портрет вашего величества, упоминал слово тиран и говорил: «Что блажен тот человек, который убьет его и все его поколение».

О произнесении этих слов подсудимый Шапошников при очных ставках, между прочим, объяснил, что однажды, когда у него в квартире сидел под портретом вашего императорского величества купец Шеин, то он, Шапошников, обращаясь в движении к Шеину, сказал: «Вот чудовище, пред которым вся биржа преклоняется». На портрет же вашего величества он не указывал и слов о вселенной, тиране и об убийстве не говорил.

Купец Шеин, на спросе в следственной комиссии о говоренных подсудимым Шапошниковым словах, отозвался весьма неопределенно, объясняя, что он, Шеин, был тогда совершенно пьян.

В отношении знакомства с подсудимым титулярным советником Петрашевским подсудимый Шапошников показал, что он видел Петрашевского три раза у себя в магазине, когда он приходил к нему покупать сигары; при чем Петрашевский разговаривал с ним о театре и литературе, а в первый приход, говоря ему о дороговизне спичек, сказал, что это будет обременительно для нас; в последний же раз он заходил к нему спросить о квартире студента Толстова. К сему Шапошников присовокупил, что в первые два прихода хотя он спрашивал Петрашевского о его фами-

лии, но он не сказал, узнал же он об этом от мещанина Наумова (один из агентов), когда Петрашевский заходил к нему в магазин в третий раз. При разговорах с агентом Василием Шапошниковым он, Петр Шапошников, точно отзывался о Петрашевском, как о человеке умном, но вовсе не говорил ему, что Петрашевский замечателен по некоторым обстоятельствам, о коих он не может открыть, и никаких подобных обстоятельств в отношении Петрашевского ему неизвестно.

Сам Петрашевский объясняет, что личного знакомства с подсудимым Шапошниковым он не имел, но, по рассказам о его странностях и желании быть драматическим актером, он из любопытства хотел его видеть и действительно заходил к нему в магазин и имел с ним разговор тот самый, о котором показывает Шапошников.

О почетном гражданине Катеневе.

Кроме обвинений, упадающих на подсудимого Катенева по сообществу его с подсудимым мещанином Петром Шапошниковым и студентом Толстовым, как об этом изложено выше, один из агентов доносил, что Катенев говорил ему о существовании здесь, в С.-Петербурге, какого-то общества, которое называл клубом Ламартинистов, состоящим из одних литераторов, и обещал ввести туда и его, агента, однакож не исполнил этого; при других же разговорах Катенев, спрашивая, где живут главные раскольники, сказывал, что надобно к ним ехать и склонить их к соединению с ним, Катеневым, и его товарищами, для чего он полагал заготовить предварительно к ним воззвание, объяснив в оном, что и здесь многие, в том числе и раскольники, вообще негодуют на ваше величество.—Сверх того в апреле месяце сего года Катенев намерен был разбросать в маскараде-аллегри билетики с надписями: «Что в Москве был бунт, и при этом убит государь император» и просил агента написать таких билетиков штук сто; говорил об осмотре местности Петербурга для построения баррикад, прибавляя притом, что чем теснее улица или переулок, тем удобнее можно действовать; несколько раз выражался дерзко о священной особе вашего величества и произносил слова: «Что на место этого фонаря желал бы видеть повешенного нашего царя»[1]);

---

1) Известные стихи, приписывавшиеся Пушкину: Друзья! не лучше ли на место фонаря, который темен, тускл, чуть светит в непогоду, повесить нам царя? Тогда бы стал светить луч пламенный свободы.

один же раз, в бытность вместе с агентом в трактире, Катенев издевался над бюстами императоров: Петра I, Александра I и вашего величества, говорил, что теперь против него, Катенева, двое—Петр и Николай, и что первого он прибьет или даст ему яду, а последнего заколет; а в другой раз Катенев, быв также в трактире, публично богохульствовал там и, отвергая существование бога, говорил, что религия выдумана.

Об участии Катенева в преступных разговорах, происходивших в квартире подсудимого Шапошникова, и о сделанном им при этом вызове на цареубийство, подтвердили как Шапошников, так и студент Толстов.

Кроме сего из числа обвинявшихся по сему делу, студент Данилевский, находившийся в знакомстве с подсудимым Катеневым, показал, что в апреле месяце 1849 года, когда он был вместе с Катеневым в маскараде, то, при выходе из театра, Катенев говорил ему, что он с какою-то досадою смотрел на этот блеск и шум и хотел раскидать между билетиками от аллегри билеты с надписью: «Что в Москве был бунт, и убит государь император». На это он, Данилевский, возразил Катеневу, что такому пуфу никто здесь не поверит. После же того, когда он, Данилевский, услыхал, что Катенев публично богохульствовал в трактире, то, сочтя его за сумасшедшего, вовсе прекратил знакомство с ним.

В бумагах Катенева ничего особенно подозрительного или относящегося к делу не найдено; но один из агентов представил прощальные стихи, сочиненные Катеневым в то время, когда он намерен был уехать в Москву, и тетрадь, данную ему Катеневым и написанную им собственноручно, в которой заключается перевод сочинений под заглавием: «Религия будущности, человек или Христос, быть или не быть». Сочинение это написано в выражениях, противных духу православной религии. Стихи же начинаются следующими словами:

Прости, великий град Петра,
Столица новая разврата,
Приют цепей и топора,
Мучений, ненависти, злата... и пр.

Подсудимый Катенев при допросах в следственной комиссии показал, что, посещая часто подсудимого мещанина Петра Шапошникова вместе со студентом Толстовым, они

рассуждали о свободе, о равенстве и республике, при чем и сам он, Катенев, по тогдашнему своему вольнодумству, говорил, что у нас может быть республика, но он думал только показать этим свое удальство, полагая, что это согласно с мыслями подсудимого Шапошникова, который всегда порицал правительство и часто изъявлял желание перемены общественного быта, говоря, что настанет время, когда мы откинем все формы и будем равны. Во время таких разговоров в квартире подсудимого Шапошникова, он, Катенев, действительно вызывался на цареубийство при самом Шапошникове и при студенте Толстове. Это было следствием рассказанной Толстовым истории: «Что в одно злоумышленное общество вошел царь арестовать злоумышленников, но один из них встал спокойно с места и молча убил царя»; при чем Толстов прибавил, что такой молчаливый человек, как он, Катенев, способен на это; тогда он, Катенев, сказал: «Хотите ли, я убью царя». Слова эти хотя вырвались у него невольно, но они были следствием рассказанной Толстовым истории, и в то время, как помнит он, Катенев, желал быть равным в мнениях с Толстовым и Шапошниковым.

В разговорах с агентом он, Катенев, хотя точно говорил о существовании общества, которое назвал клубом Ламартинистов, но такого клуба никогда не существовало, и он говорил это агенту в нетрезвом виде [1]). Таким же образом он, Катенев, рассказывал агенту об осмотре будто бы местности Петербурга для построения баррикад и о намерении заготовить воззвание к раскольникам, но все это говорил совершенно несправедливо из одного хвастовства, ожидая, что агент будет его за это угощать. Что касается до намерения разбросать в маскараде-аллегри билеты с надписями: «Что в Москве был бунт, и убит государь император», то сделать это предлагал ему сам агент, по просьбе которого он, Катенев, даже написал означенные слова для образчика

---

1) Катенев не подозревал, что это был агент. Он знаком с ним несколько лет прежде. Катенев показывает, что агент в последнее время виделся с ним часто и видимо искал встречи с ним, Катеневым; тратил деньги на вино которым он, Катенев, при каждом свидании напивался; притом агент сам объявлял себя вольнодумцем и, между прочим, говорил ему о старообрядцах и что Толстов ввел его, агента, к Петрашевскому, где собираются по пятницам человек до 50 с злоумышленными намерениями, и при сем случае спрашивал его, Катенева, не принадлежит ли и он к какому-либо клубу, на что он и сказал ему, что принадлежит к клубу Ламартинистов; после чего агент долго добивался и просил свести его в этот несуществующий клуб.

билета, но, устрашась этого поступка, он замарал слова [1]). Засим Катенев, сознаваясь, что он несколько раз отзывался дерзновенно о священной особе вашего императорского величества, показал, что в бытность с агентом в трактире, точно издевался там над бюстами императоров и говорил, что теперь против него двое—Петр и Николай, что первого он прибьет или даст ему яду, а последнего заколет, и что под именем Петра он понимал подсудимого Шапошникова, а под именем Николая разумел ваше величество; но слова сии он, Катенев, с сердечным раскаянием признает совершенно бессмысленными как теперь, так и в то время, когда они были сказаны. Слова: «Что на место этого фонаря желал бы видеть повешенного нашего царя», он, Катенев, также произносил. Равным образом подсудимый Катенев сознался и в богохульстве, объясняя, что, не имея ни основательных правил, ни убеждений, он вел жизнь развратную, не признавал христианской религии и сделался еще более развратным и безнравственным от сообщества с подсудимым мещанином Шапошниковым, который, отвращая его, Катенева, от христианской религии, давал ему читать нравственный закон Вольтера и рукописную тетрадь под названием: «Религия будущности», которую он, Катенев, переписал и давал читать агенту; представленные же агентом прощальные стихи написал он, Катенев, по просьбе его самого, пред отъездом своим в Москву. В заключение своих показаний Катенев присовокупил, что, вверяясь воле божией и царя, с сокрушенным сердцем, полным веры и надежды на промысел божий, он, Катенев, припадает к стопам вашего императорского величества и молит о даровании прощения раскаявшемуся преступнику, что он не загрубел еще в преступлениях и так молод, что может с помощью божией быть полезным гражданином и верным слугою царю и отечеству и тем загладить свои преступления с искренним раскаянием.

Что касается до студента Толстова, который обвинялся в сообществе с подсудимым мещанином Шапошниковым и в участии с ним и подсудимым Катеневым в преступных разговорах, то сначала, при допросах в следственной комиссии, Толстов делал во всем упорное запирательство; но

---

[1]) Образчик этот представлен агентом и находится при деле; слова упомянутые Катеневым, написаны на афише и совершенно замараны карандашом.

при произведении ему формальных допросов, придя в раскаяние, сознался в участии в преступных разговорах с подсудимым Шапошниковым и Катеневым.

При чем Толстов написал особое объяснение с изъявлением своего раскаяния.

Объяснение это он начал так: «Я нахожу себя пред комиссией всех более виновным чрез мое упорство, и для того, чтоб заслужить хотя какую-нибудь милость с ее стороны, я должен сделать раскаяние самое полное и самое большее противу всех,—и да поможет мне бог в этом».

«Я не только виноват в тех преступлениях, в которых меня обвиняют, но гораздо в больших. Я разоблачу мою душу, каков я был до сей минуты. Все мои сердечные помыслы, все задушевные мысли—все налицо: я преступник, я негодяй, но поступлю как честный человек».

Засим он описывает историю своей жизни, свое воспитание в гимназии, где уже он задумывался над Вольтером и уже знаком был с бессонными ночами; поступление в университет, где его в особенности занимали вопросы: зачем он живет? есть ли будущее?—есть ли бог? и пр. Не найдя в себе разрешения этих вопросов, он начал пить и пил жестоко; сделался угрюм, заболел, кончил экзамен неудачно и в это время лишился отца, оставшись без средств к жизни. Но наука с ее истинами пролила на него тот свет, который облагородил его нравственно. Наука и религия увлекли его в мир отвлеченностей, а между тем жизнь на каждом шагу являлась с своими нуждами, с своими вопросами. Чем более погружался он в созерцание внешней жизни, тем более рождалось вопросов, и наконец он впал в целый лабиринт—огромный, безвыходный—задач неразрешимых. Уже отвлеченное, религиозно-философское направление было подорвано. Говоря с студентом Ханыковым о системе Фурье, он наружно его оспаривал, а между тем уже многое ему в ней нравилось, и если он, Толстов, не сделался фурьеристом, то только потому, что не хотел вдаваться в крайность, быть односторонним, а хотел большего, чего-то совершенно полного. Между тем, смотря с своей точки зрения, все он видел не так: ему казалось, что все находятся в дурном положении.

«Кто причиной?»—пишет Толстов,—«один: это государь мой. Он виновен во всем, я думал; слышал, что кто-нибудь брал взятку, виноват был государь, зачем ставит таких чиновников. Встречал оборванного нищего, опять виноват

был государь, зачем сорил деньги в Палермо. Одним словом во всем, во всем виноват был государь мой; я ни в чем не хотел оправдать его, ни одна мысль не приходила в голову к его защите. И не залюбил я моего государя, как иудей. Он был причина всеобщего бедствия в глазах моих; он не любит подданных, он эгоист, он сам знает, что неправ пред подданными и только схватил народ в свою железную руку. Если случалось, что я видел его портрет на Невском—я говорил, что бессовестно льстят его лицу. Если я встречал его едущим, завернувшись в шинель, с надвинутой на чело каской, он казался мне скрытым злодеем, мрачным тираном. Я убежден был, что в настоящее время жизни человечества форма монархическая уже сделалась стара; что одно лицо не может удовлетворить всем вопросам и потребностям, возникающим в государстве, но это нисколько не оправдало в глазах моих государя. Напротив, я думал, что это он и сам знает и что если не хочет сложить с себя короны, то только потому, что это было бы противно его эгоизму; что он не хочет пожертвовать этим благу народному потому, что для него счастье свое дороже народного блага,—а мысль, что он не хочет покинуть, бросить свое детище, свою Россию в жертву своих собственных междоусобий и кровопролитий, что ему жалко неповинной, необходимо потекущей крови,—подобная мысль не западала в мое сердце. И если я не посещал обществ никаких, то не потому, чтоб нравственно был чище и лучше тех, которые посещали их, а именно потому, что был хуже их, потому что не хотел рисковать, потому что они казались мне ничтожными; я думал, что там идут прения о том, что какая система лучше между поклонниками, что бесполезно шумят и только, и если участвовать в обществе, так, думал я, уже не иначе, как дать ему положительное направление. И если не составил в голове положительного плана, как восстановить республику, то только потому, что еще не успел, что сначала хотел кончить курс и потом, на досуге, заняться этим делом. И если не составил положительного, обдуманного в голове плана, как извести царскую фамилию, то не потому, чтобы имел сожаление к ней, а потому, что считал это бесполезным до тех пор, пока не будет приготовлен к этому народ,—пока народ не убедится в том, что нет необходимости в царе, что все равно, выберут другого, пожалуй. И если, может быть, не совершил бы сам своеручно смертоубийства, то только потому, что в сердце моем оставалось

еще несколько капель чистой крови, и подобное злодеяние казалось мне слишком кровавым; а если бы нашел человека, способного на это, и если бы знал, что я тут не могу попасться, я бы не преминул его настроить. И не посети меня бог ныне своим испытанием, я бы не очувствовался и, убежден в этом, может быть еще не окрепнувший вполне мой характер не совершенно соответствовал бы моим намерениям, но я оковал бы его, и еще несколько времени, тогда я сделался бы чудовищным извергом. Уже проходили в голове моей смутные идеи о составлении общества такого, члены которого бы сами не знали друг друга, и если этот план не вполне развился в голове моей, то только потому, что я откладывал все до будущего времени. Если говорил о себе иногда более, то не потому, чтоб болтал это из самохвальства, а это, так сказать, были мои задушевные помыслы, мои сладкие грезы. Вот каков я был. И ныне я был бы подлец, если б у государя смел просить себе пощады. Я только хочу одной милости, чтоб он простил меня в своем сердце, иначе жизнь моя будет для меня отрава, и я могу только вымолвить, как блудный сын: «Отче! согреших на небо и пред тобою, и да будет воля твоя. Не яко же аз хощу, но якоже ты, отче!»

О таком признании студента Толстого доведено было до сведения вашего императорского величества, и ваше величество, принимая во всемилостивейшее внимание откровенность, с которою Толстов изложил самые тайные мысли свои, высочайше повелеть соизволил определить его унтер-офицером в Отдельный кавказский корпус, дабы предоставить ему случай загладить заблуждение молодости.

Вследствие сего студент Толстов освобожден из-под ареста и отправлен по назначению.

После объявления Толстову всемилостивейшего прощения сделан был ему вопрос насчет свойств подсудимого мещанина Шапошникова. Толстов отвечал, что Шапошников человек всесторонне неоконченный и так останется на всю жизнь, актерство, кажется, преимущественно его стихия, а из самолюбия он показывает себя всегда большим, нежели есть в самом деле, что Шапошников не знал положительного своего призвания, а он, Толстов, подстрекал, что его призвание на республиканской площади! К этому Толстов прибавил, что мещанин Шапошников не может быть вредным для правительства, потому что, кроме всего, он еще и трус, и если бы он, Толстов, предложил ему какую-либо дея-

тельность для злоумышленной цели, то он не согласился бы, если же Шапошников говорил что-нибудь либеральное, то лишь из самолюбия, желая показать себя умным, он же, Толстов, почти уверен, что до знакомства с ним Шапошников не был либералом, а при нем, Толстове, говорил вольно только так, чтобы не показаться невежею.

Из других поименованных выше лиц, купеческий сын Утин, студент Данилевский и мещанин Востров обвинялись: первый в том, что, находясь в коротком знакомстве с Толстовым, слышал иногда резкие суждения его о правительстве, но не объявлял, и в том еще, что сообщил Толстову ложный слух о бунте, бывшем будто бы в Москве; студент Данилевский в том, что знал о намерении подсудимого Катенева разбросать в маскараде билеты с надписями: «что в Москве был бунт, и убит государь император»; сверх того у Данилевского найдена была еще книга «Историческое обозрение царствования государя императора Николая I», соч. Устрялова, в которой сделаны рукою Данилевского в разных местах выписки из исторического сочинения Луи Блана, заключающие в себе неблагонамеренные отзывы насчет России. Наконец мещанин Востров, как бывший в лавке подсудимого Шапошникова приказчиком, слышал преступные разговоры своего хозяина с подсудимым Катеневым и студентом Толстовым и не доносил о том.

Все сии лица содержались под арестом в крепости, в казематах, и по представлению следственной комиссии и с высочайшего вашего императорского величества разрешения освобождены. Из них студент Данилевский обращен в университет для окончания курса наук, при чем высочайше повелено подтвердить ему, чтобы он не увлекался чувствами и вредными мечтаниями; купеческий сын Утин признан маловиновным и подвергнут секретному надзору,—а мещанин Востров, находясь на излечении в больнице Всех скорбящих, умер там.

Независимо от сих лиц содержался еще под арестом вольнопрактикующий архитектор Тверской, который, как выше сказано, часто бывал у подсудимого Шапошникова и слышал происходившие у него в квартире преступные разговоры.

Но следственная комиссия, приняв в уважение, что Тверской еще прежде, чем был арестован, сам явился в комиссию и сделал искреннее обо всем показание, что сам он ни малейшего участия в преступных разговорах не принимал,

в особенности же, что Тверской содействовал разысканиям по сему делу и на будущее время может быть полезным при дальнейших раскрытиях,—освободила его из-под ареста.

Во время производства следствия призваны были к допросу, по подозрению в сообществе с подсудимым Шапошниковым и в знании его преступных замыслов, кроме вышепоименованных лиц, еще шесть человек из купеческого сословия, но как ничего особенного к обвинению их не открылось, то все они освобождены от ареста и отпущены к своим местам, исключая одного, купеческого сына Алексея Мазурина, в отношении которого следственная комиссия, приняв в соображение собственное его показание, что он часто предается пьянству и, будучи однажды в нетрезвом виде у мещанина Шапошникова, поддерживал преступные разговоры его против религии и правительства, признала полезным, по молодости лет его, Мазурина, и по вредному его направлению, отдать его под ближайший присмотр отцу, проживающему в Москве, и независимо от сего учредить за ним со стороны правительства секретный надзор.

По воспользовании на сие высочайшего вашего императорского величества разрешения Мазурин отправлен в Москву.

При спросе в военно-судной комиссии подсудимый мещанин Шапошников объяснил, что он подтверждает прежние свои показания и прибавить к ним ничего не имеет.

После сего Шапошников, с разрешения военно-судной комиссии, написал дополнительное показание, в котором, доказывая свою невинность, объяснил, что с подсудимым Катеневым и студентом Толстовым разговора о цареубийстве и о возможности в России республиканского правления он вовсе не имел, даже ему это на мысль никогда не приходило, ибо он всегда был предан вашему императорскому величеству и правительству и знает, как велика в народе любовь к вашему величеству. Обвинение его, Шапошникова, в означенном преступном разговоре происходит, как он полагает, потому, что однажды, когда подсудимый Катенев, студент Толстов и агент Шапошников, придя к нему в магазин, начали порицать правительство и ваше императорское величество, то он, Шапошников, видя их безрассудство, стал их опровергать, говоря, что слова и мысли их безумны, и при этом просил, чтобы они к нему для подобных разговоров не приходили. На это из них Катенев возразил, что он, Шапошников, ничего не понимает, называл его глу-

пою славянщиною XVI века и поклялся, что погубит его непременно, в чем и успел. Равным образом несправедливо также и то, будто он, Шапошников, указывая на портрет вашего императорского величества, назвал ваше величество тираном, пред которым вся биржа преклоняет колена. В пояснение об этом прежнего своего показания, Шапошников прибавил, что однажды, в бытность у него в магазине агента Шапошникова и архитектора Тверского, пришел к нему туда же брат одного биржевого купца Шеин и стал жаловаться, что брат заставляет его безвыходно сидеть в конторе для ведения торговых книг, не дозволяя ему ничем развлекаться и пить. На это он, Шапошников, сказал Шеину, что это самое для него полезно, и что брат его делает ему добро; когда же Шеин снова стал жаловаться, что такое занятие для него мучительно, то он, Шапошников, смеясь над ним, прочитал в шутку из драмы «Железная маска» то место, где Юлий жалуется на брата своего, короля, что он посадил его в Бастилию, и говорит, обращаясь к своему слуге, чтобы он не запрещал ему проклинать то чудовище, пред которым вся Франция преклоняет колена; а как брат Шеина биржевой купец, то он, Шапошников, употребил слово биржа вместо Франция. Во время произнесения означенных слов Шеин сидел на диване, под портретом вашего императорского величества, и он, Шапошников, обращался тогда к Шеину, а не к портрету, и о вашем величестве ни одного слова не произнес. С кадетами о свободе он, Шапошников, никогда не говорил и даже об этом имеет лишь самое простое понятие, т.-е. если не заперт, то свободен. Хотя же об этом он подтверждал при следствии, по доносу на него архитектором Тверским, но сделал сие по приказанию членов следственной комиссии, не смея противоречить, когда это на него показывают. Впрочем, если это и могло быть, то без всякого умысла, а единственно по словоохотливости и страсти его, Шапошникова, к театру, в чем и признает себя виновным, равно как виновен и в том, что говорил, будто имеет знакомство с важными лицами. Эту мысль внушил ему следующий случай. Однажды приезжал в Детский ночлег, помещающийся в том же доме, где находился магазин его, Шапошникова, начальник штаба военно-учебных заведений, генерал Ростовцев, который, проходя чрез его магазин, сказал с ним несколько слов насчет его торговли; когда же потом знакомые спрашивали его об этом, то он отвечал только из одного тщеславия, что у него бы-

вают люди важные и с ним разговаривают. Не показал же об этом при следствии потому, чтобы не беспокоили чрез него генерала Ростовцева. К сему Шапошников присовокупил, что о вызове подсудимого Катенева на цареубийство он не донес потому, что не смел смущать правительство тем, на что не имел никаких доказательств, кроме сказанного Катеневым в досаде и в пьяном виде; когда же, вследствие знакомства его с Толстовым, он стал говорить о республике, то он, Шапошников, прекратил с ним знакомство. Толстова он, Шапошников, знает потому, что он покупал у него табак и снабжал его, вместе с подсудимым Катеневым, книгами; разговоры же его о введении в России республики он считал безумною болтовнею, и, как полагает, Толстов просил его написать об этом свое мнение с намерением забирать у него в долг табак. В заключение своего показания Шапошников написал: «Я один сын у матери, я оклеветан. Я всегда почитал государя и почитаю, как бог велит и церковь учит. Если же я в чем виноват и чего не постигаю по неведению, в том со слезами и раскаянием испрашиваю у всемилостивейшего государя отеческого помилования».

Подсудимый Катенев в военном суде не спрошен, по нахождению его на излечении в больнице Всех скорбящих, куда он отправлен, вследствие замеченных в нем признаков умопомешательства.

На запрос военно-судной комиссии почетный опекун означенной больницы доставил рапорт о болезни Катенева старшего врача той больницы, в коем изъяснено, что у Катенева, со дня поступления его в больницу, оказалось отупление умственных способностей и душевных сил, что он молчалив и на вопросы отвечает неудовлетворительно, не обнаруживает никаких желаний, неудовольствий и скуки, стоит целые дни на одном месте и скидывает машинально свое платье, из чего следует заключить явное умственное расстройство.

О летах подсудимых.

Подсудимые:

Шапошников 28 лет; из московских мещан.

Катенев 19 лет; сын потомственного почетного гражданина и С.-Петербургского купца 2 гильдии; воспитывался в Коммерческом училище и в Ларинской гимназии и был вольным слушателем в университете, на службе не состоял,

ПРИГОВОР.

Военный суд находит подсудимого мещанина Петра Шапошникова виновным в том, что он, рассуждая с подсудимым Катеневым и бывшим студентом Толстовым, впоследствии всемилостивейше прощенным, о возможности ввести в России республиканское правление, произносил крайне дерзкие выражения против особы вашего величества, и потом, услышав, что подсудимый Катенев вызвался на цареубийство, не донес о том. Да и сам Шапошников, по показаниям других, по сему делу обвиняемых, навлекает на себя сильное подозрение в произношении выражений, относящихся к цареубийству и истреблению правительства.

Подсудимого же потомственного почетного гражданина Василия Катенева суд находит виновным в том, что он желая, как сам показывает, перемены общественного быта в России, рассуждал о введении республиканского правления, порицал неоднократно правительство и ваше величество, отвергал религию и бытие божие и однажды в пьяном состоянии изъявил даже готовность на цареубийство. Во время производства следствия Катенев подвергся расстройству ума, и был отправлен в больницу Всех скорбящих, одержим поныне явным умопомешательством, как уведомил о том управляющий больницею.

А потому военный суд приговорил мещанина Петра Шапошникова, за участие в совещаниях о перемене образа правления в России, произношение дерзких слов против священной особы вашего величества и недонесении об умысле подсудимого Катенева на цареубийство, лишить, на основании Свода Военных Постановлений ч. 5 кн. 1 ст. 169, 170, 171, 172, 174, 177, 178 и 596, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием.

О подсудимом же Катеневе, который хотя и подлежал бы той же казни, но как он, по случаю умопомешательства, не мог быть военным судом спрошен, то о нем приговора не постановлять.

Об отставном подпоручике Черносвитове.

Подпоручик Черносвитов, 39 лет, из дворян Ярославской губернии, состоял в военной службе с 1826 по 1842 год, в офицерском звании с 1830 года, находился в походах и делах против неприятеля в 1828, 1829 и 1831 годах, был ранен в правую ногу, контужен в голову черепком гранаты и за-

хвачен мятежниками в плен, в продолжение которого отнята у него раненая нога посредством операции; за оказанную в сражениях храбрость награжден знаком отличия военного ордена и произведен в прапорщики; имеет серебряную медаль за Турецкую войну 1828 и 1829 годов и Польский знак отличия за военные достоинства 4 степени; уволен от службы 11 мая 1842 года за раною, подпоручиком, с мундиром и пенсионом полного жалованья [1]).

По донесению агента Антонелли на Черносвитова обращалось только подозрение в сообществе его с титулярным советником Буташевичем-Петрашевским, по отзыву сего последнего в разговорах с ним, Антонелли, что будто Черносвитов имеет большое влияние на дела Сибири, пользуясь влиянием на генерал-губернатора Муравьева и на раскольников; а также по отзыву подсудимого Толля, в разговоре с ним же, Антонелли, что характер Черносвитова выразился в рассказанном им анекдоте о слуге, который выметал лестницу у своего господина всегда снизу вверх и не мог ее никогда вымести, почему господин его приказал ему выметать не снизу вверх, а сверху вниз.

Других обвинений против Черносвитова не было, а сам он в то время, когда началось это дело, находился вне Петербурга.

При производстве же следствия, из подсудимых помещик Спешнев, в откровенном своем показании, между прочим, объяснил, что в ноябре 1848 г. появился на собраниях у Петрашевского Черносвитов, человек одаренный умом, познаниями и красноречием. Он разговорами своими старался всех вызвать на резкость, рассказывал, что Восточная Сибирь, где Черносвитов имеет постоянное жительство, совсем отдельная страна от России, богатая, прекрасная, и что ей верно когда-нибудь суждено быть отдельною империею; при чем звал всех в Сибирь, говоря, что это славная страна, и что люди там славные. Впечатление, произведенное на него, Спешнева, Черносвитовым, было такое, что он или эмисар, или глава какого-нибудь тайного общества в Сибири и приехал набирать людей. Подстрекаемый любопытством, он на следующую пятницу хотел сблизиться с Черносвитовым, но не нашел к тому случая и только успел завязать короткий

---

[1]) По собственному показанию, имеет за собою в Ярославской губернии 10 душ крестьян; прочее имение его, в числе 60 душ, продано им в 1843 и 1844 годах. Имеет еще небольшой дом в г. Ирбите и 20/100 паев в Черносвитовском золотосодержащем прииске, известном под фирмою К⁰ Дриневича,

разговор. Когда Черносвитов говорил: «Вот беда, мы русские к палке-то привыкли», он, Спешнев, сказал: «Да ведь палка-то о двух концах», на что Черносвитов возразил: «Да другого-то конца мы схватить не умеем». Тем разговор их кончился. По разъезде однакож гостей, Петрашевский свел его с Черносвитовым, и когда они остались втроем, Черносвитов заметил Петрашевскому о неосторожности речи, которую в тот вечер говорил титулярный советник Тимковский, прибавив, что не следует и пускать к себе такого человека, который не умеет языка держать за зубами; когда же он, Спешнев, не считая речи Тимковского особенно резкою, начал излагать свое мнение, то Черносвитов сперва хвалил осторожность и практичность, прибавляя, что она дорого дается; а потом стал наводить их на мысль, что в России существует тайное общество, доказывая справедливость своих предположений пожарами в 1848 году и происшествиями в низовых губерниях [1]). Петрашевский его поддерживал, но разговор не завязывался, и он поехал домой вместе с Черносвитовым. Дорогою Черносвитов спросил его, Спешнева, какая бы, по мнению его, Спешнева, была теперь самая полезная реформа в России. На это он, Спешнев, отвечал, что реформа крепостного состояния, а Черносвитов сказал, что и он то же думает. Дня через два после этого он, Спешнев, заехал к Черносвитову, как к больному и, по его просьбе, излагал мнение свое о фурьеризме; а чрез два дня после того сам Черносвитов приехал к нему и застал у него Тимковского (один из подсудимых), пересидел его и, когда Тимковский уехал, стал говорить ему, Спешневу, что он очень ему понравился, выхвалял его физические и нравственные качества и, наконец, сказал, что если бы ему, Черносвитову, надо было поручить что исполнить, то поручил бы только ему, Спешневу; на замечание же его, почему бы сам он не хотел исполнить своего дела, Черносвитов отвечал темно, что он более способен на другое. Он, Спешнев, возразил, что находит его способным на все, и стал в свою очередь делать похвалу его практичности и меткости взгляда. Заметив, что Черносвитов поддается, он, Спешнев, прикинулся, что тоже кое-что знает. Черносвитов намекнул на готовность свою быть откровенным и переговорить с ним, если и он с своей стороны будет откровенен, и когда он,

---

[1]) В чем именно заключаются эти происшествия, в показании Спешнева не объяснено.

Спешнев, согласился быть откровенным и спросил его, отчего он ни слова не говорил ему, то Черносвитов предложил послать за Петрашевским, присовокупив, что втроем как-то лучше говорится; при чем сам написал пригласительную записку к Петрашевскому. Когда записка была отправлена, Черносвитов стал допытывать его, Спешнева, где есть общество: здесь или в Москве? и когда он, Спешнев, сказал, что, разумеется, в Москве, то он выразил сомнение насчет существования там тайного общества, прибавив: «а впрочем может быть»; после того спрашивал о плане действий, и по отзыву его, Спешнева, что плана собственно еще нет, что он зависит от случая, и что теперь на Волыни не так смирно, Черносвитов сказал, что восстания должно ожидать не на Волыни, ибо там войска много, разве будет заграничная война, а на Пермских заводах, где 400 тыс. народу, оружие под руками и все только и ждет первой вспышки; что там была уже вспышка, и правительство обязано ему, Черносвитову, что он затушил ее; что сначала однакож надобно, чтобы загорелось возмущение в Восточной Сибири; что туда пошлют корпус, но едва он перейдет Урал, как восстанет Урал, и тогда весь корпус останется в Сибири; что затем с 400 тыс. заводских можно кинуться на низовые губернии и на землю Донских казаков; что на потушение этого потребуются все войска; если же к тому присоединится бунт в С.-Петербурге и Москве, так и все кончено, и революционная партия выиграла; что на приготовление всего к восстанию нужно по крайней мере год, но что, впрочем, можно в теперешнем положении продержать это еще лет 5—6. После сего Черносвитов, заметив, что у Спешнева много людей, не стал ждать Петрашевского, а просил его приехать вместе с Петрашевским к нему. По приходе Петрашевского к нему, Спешневу, когда они вышли на улицу, он, Спешнев, объявив Петрашевскому о желании Черносвитова переговорить с ними, сказал, что он, Спешнев, будет представляться, что он глава целой партии и предложил и Петрашевскому сделать то же, в том предположении, что Черносвитов в этом случае выскажется перед ними. Но Петрашевскому это предложение не понравилось. Когда же они пришли к Черносвитову, то он, усадив их на диван, сказал: «Ну, господа, теперь надо дело вести на чистоту». «Ну да», сказал Петрашевский и, обратясь к нему, Спешневу, прибавил: «Вот не угодно ли, например, вам сказать, какие и где вы видите способы к восстанию». На это он,

Спешнев, отвечал, что, по его мнению, всего один вопрос в России представит повод к народному восстанию, именно: крепостной вопрос; а когда Петрашевский начал настаивать, чтоб он объявил где и как, кто он, Спешнев, отвечал, что Черносвитов за час или за полтора говорил ему, что у него весь Урал под рукою, 400 тыс. народу, это сила огромная. Но Петрашевский возразил, что всё то, что говорит Черносвитов, относится лишь до него одного. После этого Черносвитов, обращаясь к нему, Спешневу, сказал: «Ведь вы мне говорили про Москву». Петрашевский, зная, что он, Спешнев, солгал, стал явно намекать на это, говоря, что разумеется можно строить химеры, но что надо говорить серьезно; на замечание же его, Спешнева, что они ошибаются на счет отношений к нему, и что он не состоит с ними ни в каком тайном обществе, Черносвитов, обратив опять разговор на то, что ему говорено было им, Спешневым, относительно тайного общества в Москве, спросил: «не существует ли чего в гвардии», и на отрицательный отзыв его, Спешнева, и Петрашевского сказал: «а это было бы очень важно»; потом Петрашевский стал говорить вообще против бунта и восстания черни, говорил о фурьеризме и заключил, что он на своем веку надеется еще видеть и жить в фаланстере. После этого разговора он, Спешнев, уехал, а Петрашевский остался еще у Черносвитова.

Противу такого показания Спешнева были предложены следственною комиссиею вопросы подсудимому Петрашевскому с изложением в них всех подробностей, прописанных Спешневым, но без указания источника этих сведений, а в виде обстоятельств, известных по делу; при чем Петрашевский подтвердил все эти подробности большею частью в общих выражениях, противу каждого вопросного пункта, както: «подтверждаю», «слова Спешнева подтверждаю», «слова, сказанные Черносвитовым, подтверждаю»[1]). Против некоторых, однако, вопросов он сделал свои пояснения, именно: что на цель разговора Черносвитова о Восточной Сибири не стоит делать указания, ибо она из самых слов вытекает, что Черносвитов говорил, что обществу следует быть заведену в Москве, но было ли говорено об этом наедине или при Спешневе показать не может, что он, Петрашевский, хотел сблизить Спешнева с Черносвитовым по просьбе сего последнего—указать ему на лучших и умнейших из своих зна-

---

1) Здесь разумеются слова при разговоре на совещаниях.

комых, что когда при разговоре о способах к восстанию Спешнев сослался на Черносвитова, объявившего ему прежде, что у него весь Урал под рукой, то он, Петрашевский, возразил на это, что говоренное Черносвитовым относится до него одного, потому что Спешнев не имел причин ссылаться на Урал, а должен был объяснить свои намерения. Слова «можно строить химеры, но надо говорить серьезно» были сказаны им, Петрашевским, Спешневу, потому что он знал, что у Спешнева нет никаких способов к восстанию, и следовательно не должен был говорить о том, чего нет; к сему Петрашевский присовокупил, что влияние, произведенное на него Черносвитовым, было, как ему кажется, более схоже с влиянием человека возмутительного и желавшего возмущения. Черносвитов, между прочим, сказал ему однажды: «Надо всех запереть и разом хватить». На вопрос же следственной комиссии о значении этих слов, Петрашевский отвечал, что смысл их сам собою объясняется и не может быть другой, как относящийся к высшему правительству без исключения. Сверх того Черносвитов рассказывал ему, Петрашевскому, о влиянии своем на дела Сибири, по поводу неограниченного влияния на генерал-губернатора Муравьева и на раскольников; а однажды, приехав к нему, Петрашевскому, поутру, спрашивал о цели его собраний и сказал: «хороша идея, но надо делать», потом спросил, есть ли общество? и изъявил удивление отзыву его, что у него общества нет, намекнул, что он, Петрашевский, мог бы принять в свое общество и его, Черносвитова; на слова же его, Петрашевского, что он враг всякого тайного общества, Черносвитов заметил ему, что действуя таким образом, он, Петрашевский, не приносит никакой пользы и может погибнуть. Потом в продолжение разговора Черносвитов сказал ему, Петрашевскому: «ум хорошо, а два лучше, потолкуемте, может быть, вы отстанете от своего взгляда; знаете, в числе ваших знакомых есть человек с теплою душою, Спешнев; я вас извещу, приезжайте с ним ко мне».

Кроме того, впоследствии, когда все показания от Петрашевского были уже отобраны, он, в особом объяснении, изложил, что Черносвитов неоднократно внушал ему мысль о цареубийстве, рассказывал, что он член какого-то тайного общества, состоящего из 16 лиц, при чем советовал и ему заводить тайные общества в высшем аристократическом кругу; кроме того он, Петрашевский, узнал однажды из разговора с надворным советником Чириковым, что генерал-адъютант

Ливен говорил, что чрез три или четыре года имеет быть какая-то революция в России, и когда сказал об этом Черносвитову, то он отозвался, что Ливен говорил об этом Чирикову после разговоров с ним, Черносвитовым [1]). При отъезде же своем из С.-Петербурга, Черносвитов сказал ему, Петрашевскому, что едет предупредить какое-то восстание и говорил также, что намерен ехать вслед за войсками в Молдавию и Валахию.

По показаниям, отобранным при следствии от прочих подсудимых и других лиц, бывших на собраниях у Петрашевского, Черносвитов мало кому известен; те же, которые видели его там, удостоверяют, что он человек образованный, начитанный, говорит бойко, остро, часто порождает смех и вообще казался человеком бывалым и много видевшим, а подсудимый Толль показал, что, встречая Черносвитова у Петрашевского, замечал, что он слишком открыто высказывал свой образ мыслей. Бывшие же у Петрашевского в тот вечер, когда Черносвитов говорил о Восточной Сибири, трое из подсудимых: штабс-капитан Львов, поручик Момбелли и Достоевский 2-й удостоверяют, что он действительно называл Восточную Сибирь как бы отдельным государством, но из них Достоевский объясняет, что Черносвитов называл так эту страну в смысле климатическом и по оригинальности жителей. К сему Достоевский присовокупил, что все в разговоре Черносвитова внушало ему, Достоевскому, мысль, что он шпион. Ему показалось, что в разговоре его есть что-то увертливое, как будто, как говорится, с е б е н а у м е.

Львов тоже объяснил в своем показании, что при виде Черносвитова в нем родилось подозрение, не есть ли он агент-провокатор, потому что сначала он молчал, а после вглядывался как-то во всех и вообще произвел в нем, Львове, при первом взгляде, неприятное впечатление.

По таким показаниям в отношении Черносвитова, следственная комиссия признала нужным немедленно арестовать его, и 2 июня сообщила о сем г. военному министру, со стороны которого тогда же сделано распоряжение об аресто-

ВАНИИ Черносвитова там, где его можно будет найти.

С тем вместе г. военный министр сообщил г.г. генерал-губернаторам Восточной и Западной Сибири и Оренбург-

---

1) Надворный советник Чириков, по обвинению в сообществе с Петрашевским, был взят 24 апреля вместе с подсудимыми, и содержался в крепости, но по представлению Комиссии освобожден. Ниже объяснено о нем подробнее.

скому военному губернатору о строжайшем с их стороны дознании на счет Черносвитова, не распространял ли он во вверенных им краях, особенно между заводскими людьми, каких-либо вредных толков.

Для арестования Черносвитова послан был капитан корпуса жандармов Шевелев, который, миновав г. Каинск, Томской губернии, узнал, что Черносвитов незадолго пред тем, возвращаясь с золотых приисков, проехал чрез Каинск по направлению к Ирбиту, почему, пригласив с собою Каинского исправника, отправился обратно по следам Черносвитова; в четвертый день, настигши его на станции Камышенской, Омского округа, арестовал со всеми находившимися у него бумагами и 22 июля доставил в С.-Петербургскую крепость.

Сам Черносвитов в предварительных ответах своих по расспросами в следственной комиссии показал, что в сентябре месяце 1848 года, приехав в С.-Петербург по золотопромышленным делам своим, он слышал от знакомого своего, купеческого сына Латкина, о Петрашевском и его вечерах, и потому, познакомившись с Петрашевским в ноябре того же года, стал ходить к нему по пятницам. Первые вечера заинтересовали его, Черносвитова, тем, что он нашел там весьма свободную передачу мнений, подвергавшихся критике. В январе месяце 1849 года, он, Черносвитов, был у Петрашевского не более двух раз, и в последний раз Петрашевский читал какой-то французский увраж о необходимости частой перемены административных лиц в государстве; в тот же вечер, во время общего спора, он, Черносвитов, едва ли не в первый раз, осмелился высказать свое мнение и, кажется, говорил о Сибири и ее географическом и административном положении и защищал настоящий порядок управления тем краем. На втором или на третьем вечере он, Черносвитов, увидел в первый раз Спешнева, которого наружность и постоянное безмолвие поразили его; он, Черносвитов, спросил о нем Петрашевского, и тот отрекомендовал ему Спешнева как человека весьма умного и высоко образованного, посвятившего жизнь науке экономической; этого достаточно было, чтоб он, Черносвитов, пожелал ближе познакомиться с Спешневым; при прощаньи Петрашевский просил его остаться, Спешнев тоже остался, и тогда они втроем долго разговаривали о делах Европы, об отношениях ее к России и о последствиях, могущих произойти в случае войны соединенной Европы с Россиею, и устоит ли Россия, как она есть теперь. При этом Спешнев доказывал, что Европа непременно будет

действовать соединенными силами, защищая общую республиканскую свободу. Петрашевский не совсем соглашался с этим. Он, Черносвитов, рассказывал тогда о Сибири и о всех происшествиях, случившихся с ним со времени определения его на службу в Пермскую губернию; при чем весьма вероятно, что, как часто случается в частных разговорах обиженного человека, он мог выражаться довольно свободно, а может быть, и дерзко о своем начальстве и даже о правительстве [1]). Увлекаясь в этом рассказе, у него часто вырываются неблагоразумные выражения. Это он примечал за собою несколько раз. На другой день он, Черносвитов, сделал Спешневу визит. Не помнит, в этот или в другой раз застал там Тимковского, который впрочем скоро уехал. Его же, Черносвитова, Спешнев удержал и просил рассказать ему подробнее историю бунта в Оренбургской и Пермской губерниях, но он отказался, потому что торопился куда-то по делам. После того, не помнит он, Черносвитов, в какой именно день, Спешнев и Петрашевский, по предварительному условию, пили кофе у него, Черносвитова, и, кажется, в то время он рассказывал им историю бунта в Пермской губернии. Рассказ этот вызвал спор Петрашевского и Спешнева, во время которого они поссорились, и Спешнев уехал. Это было предпоследнее свидание его, Черносвитова, с Спешневым. Он ему не понравился, тем более, что не находил в нем ничего дельного и полезного для себя и узнал от Петрашевского, что Спешнев, желая более заинтересовать его, Черносвитова, намерен был представиться пред ним главою партии коммунистов в России, а это он, Черносвитов, считал небла-гонамеренным и возмутительным. После того Спешнев был у него еще один раз и спрашивал, что после него говорил Петрашевский. Он, Черносвитов, принял его холодно, и это было последнее их свидание. Петрашевский же был у него несколько раз и постоянно отзывался о Спешневе нехорошо. Далее Черносвитов объясняет, что по поводу вопросов Петрашевского и Спешнева ему случалось говорить о государственных преступниках в Сибири, сосланных по происшествию 14 декабря 1825 года. Главные вопросы были о их образе мыслей, и постоянный ответ его, Черносвитова, был, что все они теперь уже старики и жалеют о прошедшем. Раз

---

[1]) Черносвитов, по показанию его, считает себя обиженным по причине невознаграждения его за содействие его в прекращении бунта, бывшего между государственными крестьянами Пермской губернии.

как-то подобный рассказ вызвал рассуждение о тайных обществах; при чем он, Черносвитов, доказывал, что тайное общество, при нынешнем гражданском развитии, существовать не может, и непременно сделается явным. Разговор этот был с Петрашевским в его квартире. Однажды было замечено также им, Черносвитовым, Петрашевскому, что у него на вечерах часто дозволяются различного рода остроты насчет правительства, что правительство этого не любит, и он много может получить неприятностей; но Петрашевский отзывался, что у него бывают люди известные и сору из избы не вынесут.

К этому объяснению Черносвитов приложил особые две записки о бунте в Пермской и Оренбургской губерниях в 1841 году и о видах на Сибирь в торговом и промышленном отношении, присовокупляя, что они написаны так, как рассказывал Петрашевскому и Спешневу.

В записке о бунте Черносвитов, излагая о заслугах своих, по званию исправника, при усмирении бунтовавшихся крестьян, между прочим, выводил предположение о возможности возмущения от самого ничтожного повода, присовокупляя, что если бы он во время возмущения в 1841 году, зная свое положение и положение страны, показал хоть тень нерешимости, то все поднялось бы, и дорога от Перми была бы занята бунтовщиками, ибо в Камышловском уезде два завода казенные винокуренные и два таких же завода в Тюменском уезде населены каторжными без всякого военного конвоя; да кто поручится и за горные заводы? После рассказа об этом, Спешнев спрашивал его, Черносвитова, что бы могло произойти, если бы он был разбит крестьянами? Здесь произошел спор между Спешневым и Петрашевским, из коих последний начал говорить о неуместности этих расспросов. Разговор перешел к революции, и Спешнев, делая из рассказа его, Черносвитова, вывод о возможности восстания заводов горных, сказал, что это единственный путь, каким должна начаться будущая революция России. В заключение он, Черносвитов, писал, что он теперь понимает в чем виноват. Он дал, может быть, идею Спешневу и Петрашевскому, но подозревать здесь умысел со стороны его, Черносвитова, нельзя. Он стоит выше такой пошлости.

При формальных допросах в следственной комиссии Черносвитов, против обвинений, взведенных на него Петрашевским и Спешневым, объяснил, что, владея хорошо русским языком, он всегда говорит резко и определенно, а в обществе

Петрашевского это могло броситься в глаза и быть принято за вызов на резкость. Говоря о Сибири вообще, он называл ее часто Америкою, Калифорниею, Eldorado, Русскою Мексикою и пр. Восточная Сибирь, по географическому положению своему, действительно есть страна, отдельная от России, и он, Черносвитов, увлекаясь иногда в суждениях о будущности Сибири, не раз называл ее Великою Империею, но отнюдь не отдельною; впрочем, может быть, и это выражение вылетело у него, как возможность, ибо когда Сибирь сделается Великою Империею, кто знает, что будет в Европе. Любя Сибирь, как родину, он мог в увлечении при разговоре приглашать всех туда, но это сказано было, вероятно, в шутку. На вечерах у Петрашевского он, Черносвитов, часто импровизировал небывальщины для потехи общества и даже рассказывал пошлые анекдоты. Разговор о палке мог быть в переносном смысле, и в таком случае слово палка могло быть употреблено как кара закона или даже иго закона и правительства; но он, Черносвитов, сомневается чтобы разговор этот был веден буквально, и, вероятно, передан с изменением. Когда в одну из пятниц он, Черносвитов, остался у Петрашевского вместе с Спешневым, то, рассказывая им о свирепствовавших около 1843 года в Перми пожарах, действительно выражал свои подозрения, а не убеждения на счет общества поджигателей; но о происшествиях в низовых губерниях он не мог тогда говорить, потому что не имел об этом никакого понятия; по уходе же от Петрашевского вместе с Спешневым, если был между ними разговор о крепостном состоянии, как о предмете, привлекавшем тогда общественное внимание, то он, Черносвитов, вероятно, подал голос за уничтожение этого состояния, потому что оно ему не нравится. Разговор с Спешневым о его качествах и доверии к нему его, Черносвитова, был не у Спешнева, а у Петрашевского, когда они оставались втроем и говорили о Тимковском, которого он, Черносвитов, осуждал тогда за то, что в прощальной речи своей, говоренной им в этот вечер, вставил дерзкие выражения; Петрашевский тоже был недоволен Тимковским; Спешнев же защищал его, называя «теплою душою». Этот разговор, не помнит к чему, вызвал сравнение Тимковского с Спешневым, и он, Черносвитов, точно говорил, что если б в каком-либо важном деле ему пришлось выбирать одного из двух лиц для выполнения поручения дельного, то выбрал бы Спешнева, потому, что он казался ему, Черносвитову, обстоятельнее; он тогда не знал еще Спешнева и судил о нем

по наружности, в которой обманулся. После этого разговора они говорили уже о политике Европы, о настоящем положении ее и России и, наконец, он, Черносвитов, рассказывал историю беспорядков в Оренбургской и Пермской губерниях. Когда же после того в одно утро он, Черносвитов, заехал к Спешневу, то застал у него Тимковского; он хотел было уехать, но Спешнев не пустил его и, по отъезде Тимковского, расспрашивал о подробностях не совсем оконченного разговора, т.-е. рассказа его Черносвитова о бунте в Шадринском уезде и Оренбургской губернии. Ему, Черносвитову, некогда было сидеть, и он просил Спешнева приехать к нему. Спешнев сам предложил ему написать к Петрашевскому, и он помнит, что посылал за ним от Спешнева. В тот ли самый день они были у него, хорошо не помнит, но первый приехал к нему Спешнев и рассказывал что-то о знакомстве в Москве и переписке с тамошними приятелями. Подробностей рассказа этого он, Черносвитов, не помнит, но разговор был отнюдь не о тайном обществе, и вообще он не может представить возможности такого общества при настоящей организации государства. Эти общества бывали, но время для них уже прошло; быть может, что разговор был о тайном обществе прошедшем, но и над ним он, Черносвитов, постоянно смеялся. Разговор о возможности восстания в Восточной Сибири и на Урале начат был самим Спешневым в то время, когда они втроем оставались у Петрашевского, по разъезде других гостей. При рассказе своем о бунте в Оренбургской и Пермской губерниях, может быть, из самолюбия, даже желая выставить собственные дела и мысли, говорил, как и всегда говорится при этом рассказе,—о последствиях, которые непременно последовали бы, если б он не распорядился так, как сделал. Последствия эти могли быть следующие: при нерешительности действий отряда его, Черносвитова, все, бывшие в с. Верхтечинском из других волостей и уездов люди, разъехавшись по домам, воспламенили бы народ, настроенный уже к возмущению, еще в прошлом году. Это истина, не требующая доказательств; притом же известно, что в Курганском округе Сибири в то же время начиналось брожение сильное в народе. Князь Горчаков сам прискакал и уговорил его; если б взбунтовался уезд Камышловский и Ирбитский, то кто поручится за спокойствие горных заводов? Недовольных везде не нет; буйная же голова в этом народе отыщется, да и соседство сибирских поселенцев и каторжных на винокуренных заводах Пермских и

Тобольских есть соседство ненадежное; отсутствие войск в этом крае действительно поставляло его в положение опасное; Оренбургский корпус слишком растянут, чтобы вдруг потушить мятеж весьма важный, и т. п. На это Спешнев важно сказал: «Вот где должна будет начаться будущая революция России». По поводу этого разговора, за разногласием в мнениях между Петрашевским и Спешневым, был спор, и они разъехались. По приезде к нему, Черносвитову, Спешнев просил рассказать ему снова это дело; Петрашевский, как он уже сказал, приехал после; разговор не прекращался и продолжался в том же духе. Говорили о восстании хребта Уральского как о возможности. О возмущении же, могущем загореться в Восточной Сибири, он, Черносвитов, зная и Сибирь и возмущения по опыту, лучше своих гостей, не мог говорить и уверен, что в Восточной Сибири могут загореться леса, а не возмущения людей, коими она так бедна, но, может быть, это обстоятельство и было в числе прочих возможностей в разговоре. Мысль о пути мятежа на низовые губернии принадлежит Спешневу и высказана им как следствие восстания Урала; он называл это «Пугачевским путем». Выражение: «если же к тому присоединится бунт в Петербурге и Москве, то и все кончено», может быть, сказано было им, Черносвитовым, но уж, верно, не так направлен был разговор, чтоб это могло служить к предложению плана. Этот разговор он, Черносвитов, помнит как разговор занимательный по идее, но никогда не предлагал своих мыслей как план к действию, потому что никогда не носил в душе своей возмутительного начала; а если бы этот план и созрел в голове его, то он, Черносвитов, не мог предлагать его Петрашевскому и Спешневу, потому что, по его понятиям, подобное предложение может быть сделано только вследствие весьма короткого убеждения в людях и притом людям, могущим действовать в подобном предприятии, или по положению служебному высокому, или по влиянию на общество в моральном или социальном даже отношении; в Петрашевском же и Спешневе ничего этого не подозревал. Наконец, если Спешнев и Петрашевский поддались влиянию его, Черносвитова, то отсутствие вопроса с их стороны—для чего именно это восстание, невозможно, ибо разговор без цели быть не может, а поэтому и предложение, сделанное будто им, Черносвитовым, о плане действий есть чистая выдумка Петрашевского и Спешнева, могущая родиться в головах их только по инстинкту самосохранения. При дальнейшем раз-

говоре Спешнев и Петрашевский заспорили об убеждениях; Спешнев утверждал, что переворот, долженствующий быть в России для улучшения настоящего ее быта, должен быть насильственный; а Петрашевский утверждал, что напротив, до всего можно дойти путем закона, улучшая и направляя благоразумно законы. Разговора о гвардии он, Черносвитов, не припомнит, но он не мог быть в том виде, как объяснено в вопросе.

По прочим предметам показаний, сделанных исключительно одним Петрашевским, Черносвитов объяснил, что о влиянии на генерал-губернатора Муравьева и на раскольников он Петрашевскому не говорил и не мог говорить этого, ибо генерала Муравьева он, до столкновения с Петрашевским, видел один только раз при подаче ему записки в г. Красноярске о своем золотопромышленном деле и два раза после, в г. Иркутске, при объяснениях по тому же делу; с раскольниками же никогда никаких дел не имел; впрочем, может быть, что-нибудь о них и говорил Петрашевскому, потому что он, Черносвитов, сам слышал много анекдотов о раскольниках. Влияние его, Черносвитова, в Сибири не может быть велико даже по времени, которое он провел в этом крае. В октябре 1838 года он был назначен от комитета раненых исправником в Ирбит; в 1841 году переведен в Шадринск; в 1842 году вышел в отставку и с этого времени постоянно в Сибири уже не жил, а приезжал туда только ежегодно по золотопромышленным делам своим. Разговор с Петрашевским о его собраниях он, Черносвитов, действительно имел, но где именно, не помнит; в разговоре этом он, Черносвитов, намекал только Петрашевскому, что у него говорятся такие вещи, за которые может ему достаться, но Петрашевский сказал, что вечера у него уже давно, что он посетителей своих знает, и что лишнее не вынесется; цель вечеров своих Петрашевский объяснил ему как желание развития в обществе морали и социальных сведений. Об обществе тайном, которое могло бы образоваться из собраний Петрашевского, он не говорил; предлагать же себя в его члены он, Черносвитов, не мог по чувству собственного достоинства. О Спешневе он с Петрашевским говорил один раз при первом знакомстве; а с самим Спешневым виделся не более 5 или 6 раз и в одно из последних свиданий, узнав его более, расстался; следовательно, говорить Петрашевскому о Спешневе, что этот человек с теплою душою, он не мог, и о том, чтобы он приехал с Спешневым к нему для перего-

воров, никогда его не просил. О том, что надобно всех запереть и разом хватить, никогда разговора между им, Черносвитовым, и Петрашевским не было. Мысли о цареубийстве он, Черносвитов, никогда не имел и гнушается этою мыслью. Членом никакого тайного общества не был и Петрашевскому о том не говорил. Поручать Петрашевскому заводить тайные общества в аристократическом кругу не мог, потому что Петрашевский сам не имеет и не может иметь туда доступа. Рассказа Петрашевского о генерал-адъютанте Ливене не помнит, хотя это обстоятельство очень важно, чтоб забыть его, а потому он, Черносвитов, убежден, что Петрашевский или имел этот разговор не с ним, Черносвитовым, или вовсе не имел его ни с кем, или же, быть может, зная отношения его к генерал-лейтенанту Саблукову, у которого бывал генерал Ливен, для важности, приклеил имя Ливена, для того чтоб уроня его, Черносвитова, в глазах правительства, уронить и в мнении его знакомых. При отъезде своем из Петербурга он, Черносвитов, Петрашевскому не говорил того, что едет предупредить какое-то восстание, ибо ни о каком восстании не имел понятия; о намерении же своем ехать за войсками в Молдаво-Валахию он, Черносвитов, высказал в шутке таким образом: если бы он не был женат и не имел золотых дел в Сибири, то поехал бы маркитантом за войсками нашими, ушедшими за границу, куда приглашал и Петрашевского. Наконец на вопрос противу донесения Антонелли о рассказанном Черносвитовым анекдоте о слуге, который выметал лестницу у своего господина всегда снизу вверх и, следовательно, не мог никогда ее вымести, подсудимый Черносвитов отозвался, что анекдот этот он действительно говорил по случаю рассказа его о злоупотреблениях волостных писарей и вообще о действиях низших служителей земской полиции и министерства государственных имуществ, потому что низшие не могут быть чисты дотоле, пока не очистятся высшие, которые перестанут сорить на низших.

После отобрания всех означенных показаний подсудимый Черносвитов подал в следственную комиссию особое объяснение и, называя оное своею исповедью, изложил следующее: не получив классического воспитания, он уже по выходе в отставку приобрел массу разнородных сведений. По страсти к наукам математическим и вообще реальным, он изучал все, что мог, что видел. Изъездивши огромные пространства по России и Сибири, он замечал все на пути своем; одаренный памятью и соображением, он удержал все виденное и до-

знанное,—любя беседу и разговор, нисколько не таил своих взглядов и убеждений. Человеку свойственно мыслить, и потому часто, в беседах и разговорах с знакомыми и даже незнакомыми, он любит высказывать свои и выслушивать чужие взгляды на предметы настоящие и будущие, и редко случалось, чтоб его взгляды на вещи оспаривались. Он много читал. Живя вдали от центров образованности в нашем отечестве, ему редко удавалось пользоваться беседою людей ученых. В русских и французских книгах и журналах последнего времени часто встречались мысли и слова о фурьеризме, коммунизме; отсутствие социальных понятий нашего времени мучило его. О Фурье он имел еще понятие, но коммунизм и до сих пор остается для него загадкою, и вот причина, по которой не хотелось ему оставить вечера Петрашевского. Любя образованное общество, он старался бывать в нем и бывал по возможности,—но вместе с тем бывал он в трактирах, харчевнях, бывал в кабаках и даже бывал в местах более недостойных, и отовсюду выносил, более или менее, вновь подмеченные черты жизни народа нашего и факты для науки и практической жизни; это его страсть. Вследствие всех этих наблюдений, он знает хорошо народ русский в тех местах, где бывал он; знает его потребности, образ мыслей, положение, нравственность. Из всего того, что он знает о народе русском, нельзя состроить народного бунта, а можно, может быть, снова поднять беспорядки частные. Общих действий между отдельными состояниями народа нашего быть не может, вследствие совершенного разъединения интересов, бунта общего противу правительства не может быть по отсутствию идеи. Наблюдая прошедшие беспорядки, он видел, что народ волновался в Оренбургской и Пермской губерниях вследствие сведений о поступлении из звания государственных крестьян в частную собственность к министру Киселеву; так, по крайней мере, проявилась в них эта причина, но вернее, главною причиною беспорядков были крутые меры нововведений, которые русский народ не скоро усваивает и, вместе с тем, совершенно непонятный народу метод управления. В жалобах своих, высказываемых в час мятежа, желали они остаться по-старому, т.-е. поступить в ведение земского суда, к которому привыкли. Вот понятия народа. Но в самых буйных выражениях их заметна была, даже преобладала привязанность к царю. Так, упрекая его, Черносвитова, что он, вместе с другими, продал их министру, они главным укором ему ставили измену царю. Можно взволновать народ по-

добными слухами, но верность к престолу в нем тверда. Имя царя священно.

Далее, описывая народный быт в тех частях Сибири, где он бывал, Черносвитов излагает, что, проведя 18 месяцев на золотых приисках, с народом, состоящим большею частью из ссыльных поселенцев, крестьян разных мест России, татар и людей, следовательно, всех стран нашего отечества, он может безошибочно сказать об этой массе свое мнение. В главных чертах, это—сброд безнравственный, страстный более к бродячей, нежели оседлой жизни; завтрашний день для них не существует; живут для настоящего момента и, добывая деньги тяжелым трудом в продолжение лета, а иные и в продолжение года, пропивают их в один день, а много-много в неделю. Имея в виду рассуждение о бунте в Восточной Сибири, можно рассчитывать на этих людей, но это расчет не верный; они порочные трусы; одного казака с нагайкой довольно, чтобы унять их, да и по местному положению страны — расчет невозможный. Чем прокормить эту орду? Чем удержать ее, буйную, пьяную? Чем платить ей? Итти в Китай с нею еще можно, но произвесть восстание народное—нельзя. Это будет пугачевщина, а эти времена прошли уже для нашего отечества. Вообще народ этот живет без цели; живет потому, что не умер, и с этой точки зрения—эта толпа, будучи под влиянием человека с направлением разрушающим, может служить ему орудием,—но она без средств и потому опасною быть не может. Рабочих на приисках Восточной Сибири бывает до 15-ти и более, может быть, тысяч. Эта масса людей потребляет всевозможные запасы края, так что при посредственном урожае в 1845 и 1846 годах на 1847 год доставлялись хлебные запасы по Ангаре из Иркутска и даже из Западной Сибири по цене невероятной. Представим, продолжает Черносвитов, что вся эта толпа взбунтовалась, но что может произвесть она, кроме всеобщего опустошения, и в заключение — умереть от голоду, истребя все запасы жителей. С приисков нельзя доставить заготовленные припасы,—они возятся туда в продолжение почти 6 месяцев, по зимнему пути. Одним словом—она умрет с голоду гораздо прежде, нежели дождется обещанного Спешневым корпуса из России, и умрет, уморя всех обывателей, у которых она съест хлеб. Иначе нельзя представить это дело. Если бунт этот направлен к тому, чтоб захватить власть, сосредоточенную в Иркутске, то прежде, нежели эта безоружная орда двинется к Иркутску, там уже приготовится

гроза, какой нет у нее—пушки. Притом же, путь с приисков до Иркутска невозможен; надобно итти чрез Енисейск и на почтовую дорогу Иркутско-Красноярскую; но без предварительного и трудного, впрочем, распоряжения о заготовлении продовольствия до Иркутска дойти нельзя. Все, что можно предпринять, итти по Енисею вверх на Китайскую границу,—но там ожидают голые и пустые степи Монгольские. Во всяком случае, он смотрит на эту возможность как на дело несбыточное; но если, несмотря на гибельные следствия подобного движения, оно осуществилось бы, то для чего же туда посылать корпус? Двух батальонов довольно, а они есть в Сибири. Корпус может дойти только до Красноярска, а далее нет средств найти продовольствия для корпуса, и здесь корпус войск потребит весь запас края. Во всей Енисейской губернии, считая инородцев и Туруханский край, около 110 т. обоего пола. Но если б и пришел корпус войск в Сибирь, кто ж истребит его? С 250 человеками он, Черносвитов, разбил до 6.000 бунтовщиков, да разогнал 20.000; спрашивается, в той же стране, при тех же условиях жизни и образования, но при меньших средствах достать оружие, сколько их понадобится для корпуса? Затем, если пропустится корпус, взбунтуется Урал, и народ заводский, сковав себе в один день сабли, пики, ружья, пушки, двинется к югу (он упускает вопрос о продовольствии), далеко ли уйдет он? Что будут делать в это время два корпуса: в Сибири и Оренбургский? Здесь надобно заметить, что войска на хребте Уральском и около него есть, хотя и не в большом числе: 1 батальон в Перми, 1 батальон в Екатеринбурге, 1 батальон в Богословских заводах, войска в Златоусте, в Оренбурге; а отсюда недалеко Омск с его войсками. Убежден он, Черносвитов, что при первой попытке к восстанию, если не замедлят распорядиться начальники—как примеры были недавно—он будет уничтожен непременно при самом начале. Все это в настоящем дико, нескладно, и он не мог быть сочинителем этой нескладицы, но как идея,—высокопагубна, тем более, что она почти возможна, но много надобно благоприятных обстоятельств для этой возможности, а главное, — согласие полное всего хребта Уральского; при одном только этом условии можно допустить восстание Урала, так как оно принимается здесь. Но сколько разнородных интересов, требований нужно согласить на таком пространстве в народе, разъединенном и расстоянием и потребностями! Нужен обширный заговор всех чиновников горных

и военных, согласие войска и управляющих заводами, а без того нельзя представить общего восстания. Идея государственного переворота не будет принята народом, он поймет ее и не допустит, если узнает; нужно обманывать его, и каждое сословие нужно по-своему обманывать и льстить его требованиям. Общей идеи, а следовательно, и единства действий быть не может, а без этого всякое предприятие будет напрасно; он говорит о предприятии, рассчитанном на важные результаты. На Урале, в настоящее время, могут быть такие же беспорядки, какие и были,—но и это сомнительно: государственные крестьяне начали уже понимать выгоды нового управления и сбережения лесов, не будут уж бунтовать за посев картофеля; они привыкли к новому порядку, одним словом, он, Черносвитов, уверен, что идея восстания Урала и бунта в Сибири, а особенно последняя, не может осуществиться и есть не более, как мечта юного воображения. Так как за всем тем ему приписываются проекты, гибельные для правительства, и даже покушение на жизнь государя, то он, Черносвитов, считает нужным рассказать и все остальные убеждения и взгляды свои на отечество и правительство, не в оправдание взводимого на него преступления,—подобные поступки не оправдываются; он отрицает клевету своих злодеев; но для того, чтоб судьи его видели все его убеждения и правильные и неправильные. Затем, постигая вполне настоящее дело, он видит ясно, что без столкновения с ним ни Спешневу, а тем более Петрашевскому не пришло бы на мысль составить план разрушения, подобный составленному; ни тот ни другой не имеют топографических сведений об отечестве; для них Восточная Россия была вроде средней Африки. Он чувствовал, что его рассказы, его объяснения и фантазии навели их на эту мысль, и он не смеет оправдывать ни свою страсть к рассказам подобного рода, ни свою неосмотрительность при столкновении с этими господами. Здесь он чувствует себя более их виновным, он старше их, он опытнее их, и ему не должно было рассуждать о делах государственных. За всем тем он не участник в преступлении. Зная хорошо все сословия общества, их положение и степень образования, он никогда не желал и не думал об изменении формы правления нашего; но в настоящем, по мнению его, нужно многое изменить и улучшить. В разговорах своих он, Черносвитов, высказывал, не тая, свои желания. Здесь Черносвитов подробно исчисляет все те предметы, которые он желал бы изменить и улучшить.

Существо таких изменений заключается в том, чтобы класс чиновников уничтожить; доступ к должностям административным допустить свободно всем классам народа; крепостное состояние уничтожить, впрочем, способами тихими и благородными, как, например, чрез покупку казною продающихся имений в кредитных установлениях и дозволением этим крестьянам переселяться на пустопорожние земли России и Западной Сибири; злоупотребление судей искоренить; вместо телесного наказания, которое не считается в народе бесчестием и только страшно по физической боли, за тяжкие преступления определить смерть, и, наконец, ускорить развитие реальных и земледельческих школ для большего развития просвещения в России, особенно в низших слоях общества. Все эти желания и убеждения Черносвитов представляет образчиком и для прочих его убеждений, по мнению его умеренных, не возмутительных, но именно ему принадлежащих. Он совершенно ясно видит тщету всякого переворота в России. Алчная только обида могла бы возродить в душе его мысль о убийстве, но и это по свойствам его невозможно. И может ли быть личность между им и великим, недосягаемым царем русским, облагодетельствовавшим его, Черносвитова, пожалованием ему 1.000 руб. серебром в то время, когда нужда съедала его, и он без помощи пропал бы, не будучи еще в состоянии сам обеспечивать свое существование, за что вечная благодарность вашему императорскому величеству, а не вражда в душе его, Черносвитова. О трех видах правления он, Черносвитов, имеет понятие: нашем, представительном и республиканском. Народ наш не в состоянии усвоить себе понятия о представительном правлении, а потому лучше настоящего оно быть не может, разве в частях, но там, где дело идет о целой массе народа, там должна быть мысль частная отброшена. Он знает дворянские выборы наши, а зная их и тот класс, к которому сам принадлежит, он, Черносвитов, отрицает возможное улучшение при перемене формы правления; здесь все-таки является возможность представительства, но кого пошлют крестьяне, черемисы, мордва, вотяки, башкиры и пр.? И кто же устроит эту машину? Спешнев? Петрашевский? Республиканское правление еще дальше от возможности в народе младенческом и едва только не диком. Не выставляет он, Черносвитов, личных и официальных дел в защиту против настоящего гибельного положения своего; убеждения его могли измениться, и он постигает всю глубину пропасти,

в которую ввергли его клевета и собственная неосторожность, но просит только внимания. Рассматривая положение, он теряется; он сам готов поверить клеветникам его и заподозрить себя в участии злодеяния, но он знает невинность свою; показания Спешнева и Петрашевского могли быть вследствие: 1) боязни наказания и желания смягчить его, указав соучастника главнее, могучее их, и инстинктивное чувство самосохранения указало на его, Черносвитова, как на причину мысли о возмущении Урала, а остальное выдумано для полноты; чем тягчее ему, тем легче им; 2) вследствие предварительного условия на случай открытия заговора; 3) вследствие подозрения на него, Черносвитова, в доносе, о чем была уже речь и ранее; 4) Спешнев показался ему довольно гордым и заносчивым, а потому не мог простить ему пренебрежения; 5) постоянно дурные отзывы Петрашевского о Спешневе и, как оказалось, их тесная связь ему тоже подозрительна; 6) не скрывается ли под этою личиною настоящая причина, буде она есть? Но все это не более, как догадки, между тем как настоящее положение его, Черносвитова, очень подозрительно, и он уверен, что в настоящем случае, участь его была бы легче, если б он солгал на себя, признав показания справедливыми, и просил только о милосердии, но он не лжет. Он желает свободы, желает прощения вины его в той мере, как признает ее, но не купит ни того, ни другого неправдою. Он надеется, что последствия совершенно оправдают его и снимут с него имя преступника. Из ответов его и даже соображая время пребывания его в Сибири и близ Урала, видно ясно, что влияние его, Черносвитова, на генерала Муравьева и на Урал есть явная выдумка. После этого объяснения можно предположить только, что он пошутил с Петрашевским и Спешневым, или захотел поважничать, выставляя себя великим деятелем,— но и это неправда, он не шутит так зло и не шутил. Если допустить наконец, что он предлагал план восстания на Урале, в Сибири и в Петербурге, то для чего ж? Где и в какое время окончен полный план действий? План восстания есть только эпизод из предполагаемого переворота, где же прочие материалы? Неужели он, Черносвитов, предложил себя Петрашевскому как средство для выполнения его целей, которых не интересовался даже и узнать? Неужели, сделав Спешнева в два свидания поверенным такого важного дела, он, Черносвитов, не объяснил ему дела? Как же они, связанные так тесно общим делом, расстались, не зная, кто что

работать должен? Знали ли Спешнев и Петрашевский, куда поехал он, Черносвитов? Где он, что делает? Как же его, такого важного и деятельного члена, они не пригласили в свое общество? В деле такого рода должно предположить и общность действий, а для этого необходима переписка, но он, Черносвитов, забыл даже имя Спешнева, да и он, вероятно, позабыл его, Черносвитова, в свою очередь [1]). Притом он, Черносвитов, убежден, что человек, занимающийся подобно ему мирными делами коммерческими и индустриальными, не вздумает о бунте. Ему нужен мир, а не война; покой, а не волнение народа гармонируют с его мирными занятиями. Только праздность и одностороннее воззрение на вещи могли породить идею такого рода, и то в голове юной, неопытной и при совершенном отсутствии положительных сведений о крае. К сему Черносвитов присовокупляет, что, не имея более никакой гарантии от настоящего подозрения, он с чистою совестью предает участь свою благонамеренности комиссии и милостивому вниманию вашего императорского величества.

На произведенной в следственной комиссии помещику Спешневу с подпоручиком Черносвитовым очной ставке, Спешнев, подтверждая вполне показание, данное им в отношении разговора Черносвитова о существовании тайного общества в Москве и о восстании на Пермских заводах и на Урале, в глаза уличал Черносвитова в том, как и где разговоры эти происходили, присовокупив к сему, что не имеет решительно никаких причин клеветать на Черносвитова и передает разговор его точно так, как он был, потому что твердо помнит его, равно как и то, что Черносвитов никогда не приглашал его приступать к действию по изложенному им плану, а рассказывал это только в смысле возможности.

Но Черносвитов, с своей стороны, утверждая свое показание о разговорах его с Спешневым и Петрашевским, объяснил, что, по просьбе Спешнева, он рассказывал ему и Петрашевскому о бунте, бывшем в Пермской и Оренбургской губерниях и о последствиях, какие могли произойти, если бы бунт этот не был прекращен. Он, Черносвитов, не отрицает, что при этом разговоре он мог сказать и о восстании на Урале, как о возможности, но не предлагал этого как план для действия и решительно отвергает это.

---

1) Петрашевский и Спешнев показывают, что с Черносвитовым после того как расстались переписки не имели.

Разговор о вышеупомянутом бунте был начат в квартире Петрашевского, и так как Спешнев заинтересовался им, то по просьбе его он, Черносвитов, рассказывал ему об этом бунте, когда был у Спешнева. При этом не он, Черносвитов, а сам Спешнев предложил ему послать за Петрашевским, к которому он, Черносвитов, и написал пригласительную записку, собственно потому, что положено было пригласить Петрашевского к нему, Черносвитову. Когда Петрашевский и Спешнев приехали к нему, то чтобы при этом Петрашевский спрашивал Спешнева, какие средства он видит на восстание, он, Черносвитов, не помнит, но вопрос этот, вероятно, был, потому что Петрашевский действительно напирал на Спешнева, чтоб он рассказал свои убеждения. Показанных Спешневым слов: «ну, господа, теперь надо вести дело на-чистоту», он, Черносвитов, не отрицает, если об этом Спешнев и Петрашевский показывают одинаково. О тайном же обществе в Москве и о подкопе на Урале он, Черносвитов, не говорил и твердо в этом уверен, но припоминает между прочим, что когда уехал Спешнев, то он, Черносвитов, спрашивал Петрашевского о связях Спешнева в Москве, следовательно, разговор о связях московских между Спешневым и им, Черносвитовым, был, но он не припомнит подробности.

При этом следственная комиссия, как объяснено в журнале о сей очной ставке, не могла не заметить, что при объяснении Спешневым всех подробностей разговора, Черносвитов обнаружил некоторое замешательство, тогда как Спешнев объяснялся положительно и с твердостью.

Такую же очную ставку следственная комиссия полагала необходимым дать и титулярному советнику Буташевичу-Петрашевскому с подпоручиком Черносвитовым по тем обстоятельствам, в которых он не сделал признания против показания на него Петрашевского. Но комиссия, имея в виду, что в Петрашевском в то время замечено было расстройство в умственных способностях, сочла нужным, прежде произведения очной ставки, удостовериться в настоящем его положении и для того два раза, 3 и 24 августа, вызывала его в свое присутствие. Сделав ему нужные расспросы, комиссия убедилась, что Петрашевский еще находится под влиянием нервного расстройства и по раздражительности своего характера не только не может быть употреблен для сделания улик Черносвитову, но, по известному его расстройству, скорее затмит с умыслом сделанные по настоящее время

открытия, а потому комиссия определила: очной ставки Петрашевскому и Черносвитову не делать.

Между тем, вследствие изъясненного выше сообщения г. военного министра гг. генерал-губернаторам Восточной и Западной Сибири и Оренбургскому военному губернатору о строжайшем с их стороны дознании: не распространял ли Черносвитов во вверенных им краях, особенно между заводскими людьми, каких-либо вредных толков, генерал-губернатор Западной Сибири и Оренбургский военный губернатор донесли:

Первый,—что по собранным на месте сведениям не оказалось, чтобы Черносвитов был на Алтайских заводах или имел с кем-либо из тамошних жителей переписку или знакомство, и что по местным обстоятельствам и состоянию умов, он, князь Горчаков, не находил никакого повода опасаться нарушения спокойствия и общественного порядка в Алтайских горных заводах и вообще в Западной Сибири.

И второй,—что к нему не поступало от местных начальств никаких донесений о неблагонамеренных толках во вверенном ему крае; что в последнее время, при осмотре вступивших в действующую армию 4 казачьих полков и некоторых частей Оренбургского корпуса, также строящихся в Уральских горах этапных помещений, проезжая большое пространство Оренбургского края и самый Урал по двум направлениям, где находятся заводы с значительным населением, он, генерал-от-инфантерии Обручев, везде видел одно спокойствие, и жители занимаются своими обычными работами и нигде не было приносимо жалоб; что, впрочем, в видах большей предосторожности, он приказал доставлять к себе еженедельные донесения от местных начальников о всех лицах, приезжающих во вверенные им части, и предписал как о произведении строжайшего дознания насчет подпоручика Черносвитова,—не распространял ли он в проезд свой чрез Оренбургский край, особенно между заводскими людьми, каких-либо толков,—так равно и о принятии дальнейших мер осторожности.

По дополнительным сведениям, доставленным от генерала-от-инфантерии Обручева, видно, что в недавнем времени послан был для разыскания о действиях отставного подпоручика Черносвитова вполне заслуживающий доверия чиновник, который, объехав все расположенные по Уральскому хребту заводы, а также посещая живущих между этими заводами башкир и тептярей, нигде никаких сведений о Черно-

свитове получить не мог и толков, могущих иметь вредные последствия, между жительствующими там поселянами никаких не слыхал, исключая того, что в Верхне-Авзяно-Петровском и Кагинском заводах распущены неизвестно кем слухи: в первом, будто бы все частные заводы отойдут в казенное ведомство, а во втором, что будто бы ваше императорское величество изволили отказаться от престола в пользу наследника, но и эти слухи не всем вообще крестьянам известны и не возбуждают в них никакого беспокойства. Впрочем обо всем вышеизложенном генерал Обручев передал главному начальнику горных заводов Уральского хребта, для разысканий о распространителях ложных слухов и принятия надлежащих мер к совершенному прекращению оных.

А капитан корпуса жандармов Шевелев, которым был арестован Черносвитов, по доставлении его в С.-Петербургскую крепость, донес, что он на пути собрал следующие сведения о Черносвитове:

1) Что Черносвитов, отправившись, в начале сего года, из С.-Петербурга в Сибирь по направлению к Красноярску, ехал безостановочно и, проезжая Екатеринбург, в окружности которого находится большая часть заводов, останавливался в городе только на час, чтобы напиться чаю, и никуда в сторону не заезжал.

2) На границе Пермской губернии в Сибирь, где Черносвитов с 1838 по 1842 год был исправником, о нем отзываются, что он был отлично распорядительный исправник и его все уважали, а когда при нем произошло возмущение некоторых селений Шадринского уезда, то он, при усмирении крестьян, действовал с особенным благоразумием.

3) О Черносвитове говорят, что он отлично ученый и образованный человек.

К сему капитан Шевелев присовокупил, что он, проехав по Сибири почти до Томска, везде видел во всем порядок, тишину и спокойствие, а в жителях сибирских полную беспредельную преданность к вашему императорскому величеству.

В бумагах, взятых у Черносвитова при арестовании его, по рассмотрении их в особой комиссии, ничего подозрительного не оказалось.

Но впоследствии, когда следственная комиссия окончила уже действия свои по производству этого дела, член особой комиссии, тайный советник Сагтынский, за отсутствием председателя стаст-секретаря князя Голицына, при отношении

от 26 сентября препроводил к бывшему председателю следственной комиссии генерал-адъютанту Набокову взятые в квартире Черносвитова две философические статьи: 1) «О свободной воле», переведенная Черносвитовым с французского, и 2) «Взгляд на теорию действия»; при чем тайный советник Сагтынский уведомил, что хотя статьи эти прямо не относятся к известному делу, но весь дух этих сочинений и особенно замеченные в оных карандашом мысли преисполнены вредного революционного духа.

На вопрос военного суда, не имеет ли он в дополнение данных им при следствии показаний еще чего-либо к оправданию своей вины представить?—Черносвитов отозвался, что ничего ни прибавить, ни переменить не имеет.

На другой день после отобрания сего показания, именно 22 октября, военная судная комиссия, как объяснено в ее журнале, признала необходимым, по важности обвинений, упадающих на подсудимого Черносвитова, и по разноречию его показаний с показанием подсудимого титулярного советника Батушевича-Петрашевского, дать очную ставку этим двум подсудимым, тем более, что необходимость оной указана и следственною комиссиею, но не была дана только по причине замеченного тою комиссиею расстройства умственных способностей подсудимого Петрашевского; а как в настоящее время Петрашевский находится совершенно в здравом рассудке, то комиссия определила: дать Черносвитову с Петрашевским очную ставку.

Разноречия, представляющиеся в показаниях Петрашевского и Черносвитова, заключаются в следующем:

1) Петрашевский показал, что Черносвитов, приехав однажды к нему, Петрашевскому, и спросив, какая цель его собраний, сказал: «Хороши идеи, но надо делать», потом спрашивал, есть ли общество? И удивлялся, что, по отзвыу его, Петрашевского, общества не было, присовокупляя, что он, Петрашевский, мог бы принять в свое общество и его, Черносвитова; на замечания же его, Петрашевского, что он враг всякого тайного общества, Черносвитов возразил, что, действуя таким образом, он, Петрашевский, не принеся никакой пользы, может погибнуть. Затем в продолжение разговора Черносвитов сказал: «Ум хорошо, а два лучше, потолкуемте, может быть, вы отстанете от своего взгляда; знаете, в числе ваших знакомых есть человек с теплою душою, Спешнев, я вас извещу, приезжайте с ним ко мне».

Напротив того, Черносвитов отозвался, что о тайном об-

ществе Петрашевскому не говорил и себя в члены не предлагал, о том, что Спешнев с теплою душою, тоже не говорил.

2) Петрашевский показал, что Черносвитов неоднократно внушал ему мысль о цареубийстве, рассказывал, что он член какого-то тайного общества, состоящего из неизвестных лиц, около 16 человек; советовал и ему, Петрашевскому, заводить тайные общества в высшем аристократическом кругу; мешать более аристократов.

Но Черносвитов отвечал, что мысли о цареубийстве не имел, членом никакого общества не был и как о том, так и о заведении тайных обществ в аристократическом кругу Петрашевскому не говорил.

3) Петрашевский показал, что когда, по приглашению Черносвитова, он вместе с Спешневым пришел к Черносвитову, то сей, усадив их на диван, сказал: «Ну, вот, господа, теперь дело надо вести на-чистоту», и потом любопытствовал знать, не существует ли в Москве тайного общества и нет ли чего-нибудь в гвардии.

А Черносвитов показывает, что к нему приехал прежде Спешнев, а потом уже Петрашевский, что разговора о тайном обществе в Москве и гвардии не было. Показанных слов: «Ну, господа, надо вести дело на-чистоту», он, Черносвитов, не отрицает, если об этом Спешнев и Петрашевский показывают одинаково.

4) По показанию Петрашевского, Черносвитов, при дальнейших разговорах с ним, Петрашевским, и с Спешневым, говоря о плане восстания, излагал его так: «Сначала надо, чтоб вспыхнуло возмущение в Восточной Сибири, что когда пошлют туда корпус, и он перейдет Урал, тогда восстанет Урал, и посланный корпус останется в Сибири, что потом с 400 тысяч заводских можно кинуться на низовые губернии и на землю Донских казаков, что на потушение потребуются все войска, и если при этом будет восстание в С.-Петербурге и Москве, так и все кончено».

Черносвитов утверждает, что о восстании в Сибири и на Урале говорил как о возможности, но плана к действию не предлагал, что мысль о пути мятежа на низовые губернии принадлежит Спешневу, который называл этот путь Пугачевским, что выражение: «Если присоединится бунт в С.-Петербурге и в Москве, то все будет кончено»,—может быть и сказано, но уже верно не так направлен был разговор, чтоб мог служить к предложению плана.

5) Петрашевский показывает, что на замечание Спешнева

что если весь Урал подкопан, как говорил прежде ему одному Черносвитов, то разрушение будет чрез несколько месяцев,—Черносвитов сказал: «Ну нет, надо по крайней мере год, чтоб приготовить все к самому восстанию, да можно еще лет 5—6 продержать в теперешнем положении, и что оттого ему, Черносвитову, и нужно знать все про Петербург и Москву».

Черносвитов отозвался, что подобного разговора не помнит и уверен, что его не могло быть,—что это выдумка.

6) Петрашевский объяснил, что Черносвитов говорил ему, что надо всех запереть и разом хватить, и что смысл этих слов относился к высшему правительству без исключения.

Черносвитов отозвался, что подобного разговора между им и Петрашевским вовсе не было.

7) Петрашевский показал, что при отъезде из С.-Петербурга Черносвитов сказал ему, что едет предупредить какое-то восстание.

Но Черносвитов это также не подтвердил, объясняя, что он ни о каком восстании понятия не имеет.

На очной ставке из подсудимых Петрашевский как в отношении разговора, происходившего с Черносвитовым и Спешневым, так и относительно разговоров, бывших между им, Петрашевским, и Черносвитовым отдельно, подтвердил прежние свои показания. Черносвитов тоже остался при своих показаниях, присовокупляя, что ни изменить, ни прибавить к оным ничего не имеет.

Из постановленного военно-судною комиссиею 27 октября, т.-е. чрез пять дней после сей очной ставки, журнала видно, что из подсудимых Черносвитов, испросив разрешение того же числа на объяснение в присутствии военно-судной комиссии обстоятельств, относящихся будто бы к его оправданию, показал, что упомянутые подсудимыми Петрашевским и Спешневым слова его, Черносвитова: «Ну, господа, теперь надо вести дело на-чистоту», сказаны им вследствие желания его, Черносвитова, выведать политические убеждения Спешнева; между тем, при дальнейшем объяснении, Черносвитов утверждал, что ехал из Сибири в С.-Петербург единственно по собственным своим делам, касающимся золотопромышленности, а на предложенный комиссиею вопрос, по какому же поводу и с какою целью желал знать политические убеждения Спешнева, Черносвитов не дал удовлетворительного ответа и обнаружил явное замешательство при объяснении.

ПРИГОВОР.

Военный суд находит, что отставной подпоручик Черносвитов, прибыв в 1848 году в С.-Петербург из Сибири, где имел жительство, познакомился с подсудимыми Петрашевским и Спешневым, и рассказывал им; как оба они показывают, о состоянии Сибирского края и бывшем в 1841 году частном возмущении в Пермской и Оренбургской губерниях, изложил, между прочим, и обстоятельства, могущие споспешествовать к возмущению на будущее время в Сибири и на заводах хребта Уральского; подсудимый Черносвитов как при следствии, так и в военном суде в этом не сознался; он уверяет, что сообщенные им Петрашевскому и Спешневу сведения не имели злоумышленной цели. Не взирая на это отрицательство, военно-судная комиссия, как из сведений, почерпнутых ею из следственного дела, так и вследствие личных допросов и очных ставок, данных ею Черносвитову, осталась в убеждении, что он должен подлежать сильнейшему подозрению. Убеждение это военно-судная комиссия основывает на следующих доводах:

Во-первых, на согласном показании Петрашевского и Спешнева, подтвержденном ими и на очных ставках, что Черносвитов сначала рассказывал им о влиянии своем на дела Сибири и проживающих там раскольников, а потом, пригласив их, Петрашевского и Спешнева, к себе, и сказав: «Ну вот, господа, теперь надо вести дело на-чистоту», изложил план к произведению восстания: сначала в Восточной Сибири, потом на горных заводах и на Урале; что за сим Черносвитов,—по тому же согласному показанию Петрашевского и Спешнева, не имевших возможности согласоваться предварительно,—говорил, что с 400 тысяч человек заводских можно кинуться на низовые губернии и на землю Донских казаков, что если к этому присоединится бунт в С.-Петербурге и Москве, то все будет кончено; но что на приготовление к восстанию нужно, по крайней мере, год; что впрочем можно еще лет 5—6 продержать дело в теперешнем положении.

Во-вторых, на замеченном первоначально следственною комиссиею замешательстве в объяснениях Черносвитова при очной ставке с подсудимым Спешневым, а потом на том же замешательстве, обнаружившемся при очной ставке, данной военно-судною комиссиею Черносвитову с Петрашевским, и по неудовлетворительному отзыву Черносвитова насчет упо-

требленного и сознанного им выражения в разговоре с Спешневым и Петрашевским: «Ну, господа, теперь надо вести дело на-чистоту». Хотя Черносвитов, испросив впоследствии, несколько дней спустя, вновь разрешение явиться в присутствие военно-судной комиссии, старался в свое оправдание объяснить, что упомянутые слова: «Ну, господа, теперь надо вести дело на-чистоту», сказаны им в желании выведать политические убеждения подсудимого Спешнева, но так как уже пред следственною комиссиею Черносвитов утверждал, что приехал из Сибири в С.-Петербург единственно по собственным своим делам, касающимся золотопромышленности, и другого интереса в С.-Петербурге не имел, то на предложенный военно-судною комиссиею положительный вопрос: по какому же поводу и с каким намерением он, Черносвитов, так настоятельно желал знать политические убеждения Спешнева, Черносвитов не мог дать никакого удовлетворительного ответа, а напротив того при объяснении обнаружил явное замешательство.

В-третьих, на разноречивых и несообразных с существом дела объяснениях его, Черносвитова, насчет отзывов Петрашевского о Спешневе и приезда их обоих к нему, Черносвитову, в день разговора о Сибири, и на обстоятельствах, выставленных им, Черносвитовым, в свое оправдание, Черносвитов сначала показывал, что Петрашевский рекомендовал ему Спешнева «как человека умного и высокообразованного», а впоследствии, «что Петрашевский постоянно отзывался о Спешневе дурно». В отношении же приезда Спешнева и Петрашевского к нему, Черносвитову, он утверждал, что сперва прибыл к нему Спешнев, а потом уже Петрашевский, а из показаний сих последних видно, что они приехали к Черносвтиову вместе.

Не быв еще формально допрошен против оговора Спешнева и Петрашевского, Черносвитов в своем рассказе об оказанных им услугах правительству при усмирении частного мятежа, возникшего в Пермской губернии, в бытность его исправником одного из уездов, старался высказать, как легко может возникнуть восстание в том крае и всю важность последствий оного, от которых, по его собственному убеждению, он спас край своею бдительностью и твердостью принятых им мер. Впоследствии же, дав ответы на формальные вопросы по обвинениям Петрашевского и Спешнева, Черносвитов в данной записке старался, в противность первому своему объяснению, доказать, что восстание в Сибири

невозможно или до крайности затруднительно. Впрочем, говоря о невозможности или затруднении к возмущению, он, Черносвитов, предполагал предприятие, «рассчитанное на важные результаты».

В-четвертых, на показании Петрашевского, подтвержденном им как при спросе в военном суде, так и на очной ставке, о том, что Черносвитов неоднократно внушал ему, Петрашевскому, мысль о цареубийстве и говорил: «Что надо всех запереть и разом хватить», относя это к высшему правительству без исключения.

Начальство сибирское и оренбургское удостоверяет, что в том крае не обнаружено поводов к нарушению общественного спокойствия, и не открыто, чтобы Черносвитовым были предприняты какие-либо меры к нарушению порядка.

А потому военный суд приговорил: отставного подпоручика Черносвитова в злоумышленном изъяснении подсудимым Петрашевскому и Спешневу средств к произведению восстания в Сибири и на заводах хребта Уральского, за неоткрытием доказательств, оставить в сильном подозрении.

Об освобожденных по сему делу из-под ареста разных лицах.

Кроме студента Данилевского, купеческого сына Утина и мещанина Вострова, из числа лиц арестованных по сообществу с Буташевичем-Петрашевским или по другим обстоятельствам освобождены с высочайшего разрешения следующие:

1) Отставной капитан-лейтенант Кузьмин.
2) Коллежский асессор Ольдекоп.
3) Уволенный от службы подпоручик Достоевский 2-й.
4) Коллежский асессор Барановский.
5) Вольнослушатель С.-Петербургского университета, однодворец Александр Мадерский.
6) Сын коллежского советника Платон Деев.
7) Свободный художник Алексей Берестов.
8) Учитель рисования в гимназиях Евстафий Бернардский.
9) Кандидат университета Александр Михайлов.
10) Титулярный советник Николай Кайданов (сын бывшего профессора в Царскосельском лицее).
11) Коллежский секретарь Николай Серебряков.
12) Надворный советник Михайло Чириков.
13) Уволенный от службы капитан-лейтен. Тимковский.
14) 1-го кадетского корпуса штабс-капитан Кропотов.

15) Коллежский секретарь Алексей Щелков.

16) Губернский секретарь Ламанский (сын действительного статского советника).

17) Бывший учителем истории во 2-м кадетском корпусе Петр Белецкий.

18) Штабс-капитан генерального штаба Кузьмин.

19) Коллежский регистратор Ващенко.

20) Коллежский секретарь Есаков.

21) Надворный советник Беклемишев.

22) Надворный советник Баласогло.

23) Коллежский секретарь Данилевский.

Действия сих лиц, как изложено в журналах следственной комиссии, заключаются в следующем:

1) Отставной капитан-лейтенант Кузьмин был на собраниях у Петрашевского один раз (8 апреля, когда разбирали сочинения Фурье и Прудона и были разговоры о том, что простой народ принципом зла считает государя), но сам ничего предосудительного там не говорил и прежде того с Петрашевским не был знаком. В письменных же объяснениях, данных всеми арестованными лицами, вследствие словесных расспросов их в комиссии, не открылось на него, Кузьмина, обвинения в каком-либо злоумышленном намерении; а в бумагах его ничего преступного или подозрительного не оказалось.

2) Коллежский асессор Ольдекоп был у Петрашевского тоже один раз (1 апреля, когда разбирались вопросы о свободе книгопечатания, о перемене судопроизводства и об освобождении крестьян), но никакого участия в разговорах, происходивших там, не принимал; по объяснениям прочих арестованных лиц, при словесных расспросах их в комиссии, никакого обвинения на него, Ольдекопа, в каких-либо преступных намерениях, не оказалось, в бумагах его ничего подозрительного не найдено.

3) Уволенный от службы подпоручик Достоевский 2-й, как видно из собственных его показаний и объяснений других арестованных лиц, был знаком с Петрашевским с зимы 1848 г. и сначала посещал его иногда, но в последнее время, пред арестом, был у него только один раз (22 апреля, когда происходило суждение о том, как должны поступать литераторы, чтобы распространять в публике свои идеи). Сам он никакого участия при происходивших там разговорах никогда не принимал. Равным образом он, Достоевский, бывал у коллежского асессора Дурова на музыкально-литературных

вечерах, но когда в последнее время они получили направление политическое, то Достоевский настоятельно изъявил свое мнение о прекращении этих вечеров, как отклонившихся от настоящей своей цели. Кроме того, он один раз зазван был братом своим к Спешневу на обед, на котором читана была поручиком Григорьевым статья, под названием «Солдатская беседа», при чем он, Достоевский, как удостоверяет и сам Григорьев, советовал ему уничтожить это сочинение, называя его гнусным. В бумагах Достоевского ничего подозрительного не оказалось. По этим основаниям следственная комиссия признавала, что Достоевский не только не имел никаких преступных намерений против правительства, но даже им противодействовал, притом, при освобождении Достоевского, было принято в соображение болезненное его положение, которое от двухмесячного ареста усилилось, равно как и тяжкое положение его семейства, которое он пропитывал своими трудами.

4) Коллежский асессор Барановский был арестован, по представлению комиссии, вследствие того, что, по донесению агента Антонелли, он жил довольно продолжительное время на квартире у Петрашевского и что однажды говорил Петрашевскому, что будто более 30 тысяч поляков содержатся в арестантских ротах, в Сибири и других местах, и что, происходя из поляков, он с большею частью самых главных между сосланными имеет личные связи. Но следственная комиссия нашла, что при всех расспросах не оказалось на него, Барановского, никаких обвинений в предосудительных разговорах на вечерах Петрашевского или в каком-либо участии в оных, а в бумагах его также ничего подозрительного не найдено, выведенный же в донесениях Антонелли разговор его, Барановского, с Петрашевским о поляках за всеми изысканиями комиссии не подтвердился и ясно опровергается тем, что Барановскому в 1831 году было только 7 лет от роду, что он не поляк, а русский и в Сибири никогда не был, притом сам Петрашевский от передачи этих слов Антонелли совершенно отказался, присовокупив, что о том, что в Сибири много поляков, он неоднократно читал в иностранных газетах. С тем вместе комиссия не могла не признать уважительным показание самого Барановского, что он жил у Петрашевского сколько по причине дешевизны его квартиры, столько же по бедности своей и съехал от него при первой возможности, а в последнее время он ни разу к Петрашевскому на вечер по пятницам не входил, как это подтвер-

ждается тем, что Антонелли, который начал бывать на означенных собраниях в марте месяце сего года, ни разу Барановского там не видал.

Об освобождении из-под ареста сих четырех лиц следственная комиссия делала вашему императорскому величеству особые представления,—о каждом порознь, 11, 16, 20, 29 июня, и, по воспользовании высочайшего разрешения, они тогда же были освобождены, с тем, чтобы арест их не был препятствием при дальнейшей службе.

5) Однодворец Мадерский и дворянин Деев оба по бедности имели в квартире Петрашевского по одной комнате с отоплением и освещением, слышали все речи и разговоры, происходившие на собраниях у Петрашевского, но сами участия в том не принимали—по показаниям других, ни в чем не обвинялись и в бумагах их ничего предосудительного не найдено. Из них Мадерский, заметив вредное направление разговоров на собраниях Петрашевского, оставлял временно его квартиру, но по бедности снова должен был к нему возвратиться, в показаниях же своих, при следствии, он высказал чистосердечие и похвальный образ мыслей [1]).

6) Свободный художник Берестов, учитель рисования Бернардский, кандидат университета Михайлов, титулярный советник Кайданов, коллежский секретарь Серебряков, надворный советник Чириков, уволенный от службы капитан-лейтенант Тимковский и штабс-капитан Кропотов, все в разное время посещали собрания Петрашевского, слышали речи и разговоры, происходившие на тех собраниях, но сами участия в них не принимали, по показаниям других ни в чем не оговаривались и в бумагах их ничего предосудительного не найдено.

7) Коллежский секретарь Щелков и губернский секретарь Ламанский бывали на собраниях у Петрашевского и у коллежского асессора Дурова (из коих у последнего Щелков имел и квартиру), слышали происходившие там разговоры и произносимые речи, кроме того были на обеде у Спешнева, когда поручик Григорьев читал статью своего сочинения под заглавием «Солдатская беседа», но сами они личного участия ни в разговорах, ни в речах не принимали, и в бумагах их ничего предосудительного не найдено.

Представление об освобождении вышепоименованных 12 лиц следственная комиссия сделала на основании объявленного ей 27 июня высочайшего повеления, чтобы тех,

---

[1]) Впоследствии Мадерский отправлен в больницу Всех скорбящих.

которые будут признаны невинными или маловиновными, выпустить из-под ареста. При представлении о них комиссия всеподданнейше ходатайствовала, чтобы арест этот не имел никаких последствий на будущую их службу, но чтобы всех их подвергнуть строгому надзору. Кроме того от них взяты в комиссии подписки, чтобы все расспросы содержать в строгой тайне и впредь никогда не принадлежать ни к какому тайному обществу и не распространять, каким бы то образом ни было, преступных идей социальных и коммунистских и вообще либеральных (в том числе и учения Фурье).

8) Учитель истории во 2-м кадетском корпусе Белецкий собраний Петрашевского не посещал и не только никем не оговаривался, но даже почти ни с кем из гостей Петрашевского не был знаком, в бумагах его ничего особенно предосудительного не найдено, кроме литографированных записок всеобщей истории профессора Педагогического Института Лоренца и записок, составленных по историческим лекциям профессора Куторги,—в 1842 и 1843 годах, в С.-Петербургском университете, когда Белецкий был студентом,—в которых местами замечены рассуждения в социальном смысле. Арестован же он был, по донесению агента, за то, что 16 апреля у себя в квартире хвастал пред своими гостями, что у него есть класс, который уже приготовлен по великой, бессмысленной программе Ростовцева, и что он, Белецкий, надеется, что из этого класса выйдут люди, которые двинут Россию вперед. Но чтобы действительно Белецкий преподавал историю в либеральном духе, по исследованию не подтвердилось, и директоры 1-го и 2-го кадетских корпусов удостоверили, что, посещая классы Белецкого, в преподавании его ничего предосудительного не находили, и замечали всегда, что воспитанники у него учились прилежно.

Следственная комиссия, испрашивая высочайшее соизволение на освобождение Белецкого из-под ареста, полагала, чтобы арест сей не имел никаких последствий на его будущность, но чтобы его в звании учителя в корпусах не оставлять. По всеподданнейшему же докладу, ваше императорское величество высочайше повелеть соизволило: освободить Белецкого из-под ареста с тем, чтобы он отнюдь не был определен на службу ни по военным, ни по гражданским учебным заведениям [1]).

---

[1]) Впоследствии Белецкий, за особый поступок, выслан из С.-Петербурга в Вологду, на жительство, под строжайший надзор полиции. (Выслан 22 июля за оскорбление на улице Антонелли. *Ред.*)

9) Штабс-капитан Кузьмин обвинялся следственною комиссиею в том, что он, быв знаком с титулярным советником Петрашевским, посещал его собрания, когда не мог не видеть зловредного их направления, и что в письме своем из Тамбова к надворному советнику Баласогло, описывая церковные обряды, сравнивал подлезание под образа с игрою в пролазки.

Представление о даровании Кузьмину свободы без судебного приговора следственная комиссия сделала по окончании следствия, при поднесении вашему императорскому величеству заключения по сему делу, и такое представление удостоено высочайшего утверждения с тем, чтобы над ним был учрежден секретный надзор.

10) Титулярного советника Есакова, коллежского регистратора Ващенко и надворного советника Беклемишева следственная комиссия признавала, по свойству их виновности, подлежащими окончательному судебному разбирательству. Они, по заключению следственной комиссии, обвинялись в следующем:

Есаков был на собраниях у Петрашевского в 1845 и 1846 годах и на вечерах Кашкина, где рассуждали о системе Фурье и его последователей, на обеде, данном 7 апреля в честь Фурье, где произнесены были самые преступные речи против существующего порядка, и предлагал на будущее время собираться в этот день, для подобного же торжества, приняв вместе с другими предложение о переводе сочинения Фурье на русский язык, для успешнейшего распространения его учения.

Ващенко посещал собрания Кашкина, где рассуждали о системе Фурье и его последователей, принимал денежное участие в составлении общей, в кругу их, библиотеки социальных и либеральных книг и был на обеде, данном 7 апреля в честь Фурье, где произнесены были самые преступные речи противу существующего порядка и положено было, для лучшего распространения учения Фурье, перевести сочинение его на русский язык, каковой труд разделен был между посетителями в квартире его, Ващенко.

Беклемишев не посещал ни одного из собраний, открытых по настоящему делу, привлекался же к ответственности потому, что у одного из подсудимых, коллежского советника Дебу 1-го, найдены письма-сочинения Беклемишева под заглавием: «Переписка двух помещиков», в которых Беклемишев, признавая настоящий порядок разделения трудов вредным

для общества, сознавал пользу обработания земли и производства промышленности общественным способом, предлагал соединить помещиков и крестьян в одну общину, доказывал, что вредные проявления страстей происходят будто от ложного устройства общества, и, наконец, заключил увещанием поспешить приведением в исполнение сего плана, пока не обвалилось называемое им ветхое здание настоящего порядка вещей.

Этих трех лиц следственная комиссия признавала подлежащими суду, но в представлении своем повергала на усмотрение вашего императорского величества, во-первых, что Есаков и Ващенко социального направления не имели, как комиссия убедилась в этом при допросах; во-вторых, что Ващенко был увлечен к посещению приверженцев системы Фурье, служащим с ним в одном департаменте коллежским советником Дебу 1-м, которого он полагал иметь руководителем; в-третьих, что Беклемищев не посещал ни одного из собраний, подлежащих обсуждению комиссии, при допросах обнаружил правила и чувства истинного верноподданного и, по засвидетельствованию местного начальника, нравственности был неукоризненной; в семейном быту кроток и в кругу общества повсюду любим.

Все эти лица, по высочайшему повелению, преданы суду с прочими. Но до открытия еще суда ваше императорское величество, приняв во всемилостивейшее внимание объяснение следственной комиссии насчет обстоятельств, могущих облегчить их участи, высочайше повелеть соизволили: не подвергая их военному суду, даровать им свободу без судебного приговора, с учреждением за ними секретного надзора.

Что касается до остальных двух лиц, надворного советника Баласогло и коллежского секретаря Данилевского, то они подвергнуты были суду, но впоследствии военно-судная комиссия, при обсуждении виновности сих подсудимых, нашла, что они, Баласогло и Данилевский, подвергнуты аресту по поводу посещения ими собраний подсудимого Петрашевского. Но чтобы они бывали там с особою целью, по следствию не оказалось, а обнаружено только то, что Баласогло, угнетаемый бедностью и неудачами по службе и относя все это к послаблению власти высших правительственных лиц, несправедливо порицал их действия и даже доверие к ним вашего императорского величества, что все это Баласогло показал не вследствие улик, но добровольно при первом допросе и изложил все подробности его мыслей и действий, ста-

раясь объяснить свое, как выражается, «безысходное страдание». Действия подсудимого Данилевского, следствием доказанные, ограничиваются тем, что он, признавая первоначально систему Фурье удобоприменительно, желал ее распространения в России и потому в собраниях у Петрашевского излагал основания той системы; потом, вследствие бывшего при нем у подсудимого Плещеева разговора о возможности печатать за границею, предполагал напечатать там подробное изложение упомянутой системы на русском языке, но впоследствии, убедившись в невозможности применения той системы в России, оставил свое намерение. Убеждением в добросовестности отзыва о сем Данилевского служит то, что он, быв 7 апреля приглашен на обед, бывший в квартире подсудимого Европеуса, уклонился от оного в опасении, что при этом могли выразиться идеи социальные и политические. Принимая в уважение, что вышеизъясненные поступки Баласогло и Данилевского не имели преступной политической цели и произошли не вследствие злоумышления, а по заблуждению, и имея в виду, что некоторые из арестованных вместе с ними и не менее виновные, по особой монаршей вашего императорского величества милости, уже освобождены из-под ареста, военный суд повергал участь Баласогло и Данилевского на всемилостивейшее вашего императорского величества благоусмотрение, всеподданнейше ходатайствуя об освобождении их из-под ареста с тем, чтобы во уважение чистосердечного их раскаяния и продолжительного заключения в крепости в каземате, прикосновенность их к настоящему делу не имела никакого влияния на их службу, но чтобы они, по примеру прежде освобожденных обвиняемых, подвергнуты были только одному секретному надзору.

Вследствие такого представления комиссии, ваше императорское величество, в 4-й день ноября, высочайше повелеть соизволили: освободить надворного советника Баласогло и коллежского секретаря Данилевского из-под ареста, согласно мнению военно-судной комиссии, но, по освобождении из крепости, из них Баласогло определить на службу в Олонецкую губернию, так как за дерзость против своих начальников он во всяком случае подлежит ответственности и здесь оставаться не может, а коллежского секретаря Данилевского определить на службу в г. Вологду, учредив как над ним, так и над Баласогло строгий секретный надзор.

О приведении сей высочайшей воли в исполнение сделано надлежащее распоряжение.

О 232-х лицах, упоминавшихся в донесениях агентов и в показаниях обвиняемых [1]).

Кроме лиц вышепоименованных, следственная комиссия имела в виду еще 232 человека, упоминавшихся в донесениях агентов и в показаниях обвиняемых.

Хотя к обвинению сих лиц не представлялось никаких явных улик и положительных показаний, хотя многие из них известны были только по одним фамилиям без дальнейших подробностей, однакоже следственная комиссия признала нужным произвесть разыскание и о сих лицах, с тем, не откроется ли по допросам их новых обстоятельств к разъяснению дела. Вследствие этого комиссия всеподданнейше испрашивала высочайшего соизволения призывать сих лиц для допроса в комиссию чрез III Отделение собственной вашего императорского величества канцелярии, опечатывать в то же время бумаги их, и когда по отобранным у них ответам или по бумагам они окажутся виновными или нужными комиссии для дальнейших допросов, то арестовать их немедленно, в противном случае отпускать; тех же из сих лиц, которые, как по допросам, так и по открытым обстоятельствам дела, признаны будут изобличенными только в том, что они иногда посещали собрания Петрашевского или другие им подобные, без участия в зловредном их направлении, под арестом не оставлять, а ограничиваться отобранием от них установленных подписок и учреждением над ними секретного надзора.

Такое представление комиссии удостоено высочайшего утверждения.

Приступив таким образом к подробному разбирательству указанных на эти лица обстоятельств, комиссия в самом еще начале убедилась, что из сих лиц 106 человек по явной неприкосновенности к делу не должны быть вовсе привлекаемы к допросам, а потому определила: всех тех лиц к допросу не призывать.

Затем из остальных спрошено 70 человек, на которых указывалось, что они посещали собрания или Петрашевского, или других лиц. Из них 60 человек,—как из отобранных от них ответов и из показаний обвиняемых оказалось, что некоторые из них участия в деле злоумышления не принимали, а другие вовсе делу неприкосновенны,—были тотчас же отпущены к своим местам. А 10 человек, именно: студент Па-

---

1) Заголовок дан редакцией.

вел Европеус, чиновник 9-го класса Отто, коллежские секретари: Николай Ахшарумов, Николай Мордвинов и Антон Сидоров, губернский секретарь Василий Толбин и титулярные советники: Аполлон Майков, Николай Кашевский, Евгений Ламанский и коллежский секретарь Александр Милюков подвергнуты секретному надзору. Из них первые 9 человек бывали на собраниях, некоторые у Петрашевского, а другие у Дурова или Кашкина, но в деле злоумышления участия не принимали [1]). Относительно же Милюкова, который сам показал, что читал у Плещеева статью «Петербург и Москва»,—сатирического содержания, а у Дурова статью из сочинения Ламене, то хотя комиссия по производству дела по собственным его ответам заметила в нем либеральный образ мыслей, но, приняв во внимание искреннее и глубокое раскаяние и отзыв его, что 9-летняя его служба учителем всегда одобрялась начальством, и что в учениках своих он никогда не распространял и не будет распространять непозволительного образа мыслей, признала справедливым не привлекать его к настоящему делу и отнести также к разряду маловиновных, вменив себе в обязанность сообщить о нем его начальству и подвергнуть секретному надзору.

Остальных же затем 52 человека во внимание того, что они находились в других губерниях и в войсках действующей армии, между тем как ни на одного из них никакого существенного обвинения не падало, кроме того только, что они прежде посещали собрания или Петрашевского, или Дурова, или Момбелли, но и таковые посещения давно уже прекратили,—комиссия, на основании высочайшего повеления, объявленного военным министром от 16 августа 1849 года, определила не подвергать допросам. Но при постановлении сего определения, усматривая из писем, найденных у чиновника 9-го класса Кайданова, который был арестован и уже освобожден, что из числа означенных лиц брат его Владимир Кайданов, проживающий в г. Ростове (Ярославской губернии) обнаружил наклонность к социальным идеям, комиссия признала нужным за образом мыслей его, Владимира Кайданова, учредить секретное наблюдение.

Наконец, в числе лиц, упоминаемых обвиняемыми, были и такие, которые сосланы в отдаленные губернии за прежние

---

1) Из сих лиц Мордвинов и Ламанский были при чтении „Солдатской беседы".

политические преступления, именно: Салтыков, Ромашов [1]), Бердяев [2]) и Яшвиль.

Хотя ни одно из показаний обвиняемых не давало повода предполагать, чтобы эти лица принимали какое-либо участие в злоумышлении по настоящему делу, тем более, что Салтыкова видели у Петрашевского один только раз, другие же, как-то: Ромашов с 1846 г. содержится в заключении в Шлиссельбургской крепости, Бердяев находится не в здравом уме, а о прежних действиях Яшвиля, который в настоящем деле также ни в чем не оговорен, неизвестно даже и III Отделению собственной вашего императорского величества канцелярии, за всем тем следственная комиссия все известные ей о них сведения сообщила управляющему III Отделением собственной вашего императорского величества канцелярии для дальнейшего распоряжения.

[Особая записка действительного статского советника Липранди] [3])

Во время производства следственною комиссиею сего дела действительный статский советник Липранди, которому, как выше сказано, поручено было наблюдение за Петрашевским, представил особую записку, с изложением в ней мнения своего о сем деле.

В записке сей он, между прочим, писал следующее:

В продолжение года, как он занимался наблюдением по этому делу, чем более проникал он в его подробности, тем более казалось ему, что оно никак не могло ограничиваться теми только данными, которые представлялись здесь в Петербурге, в том круге людей и действий, которые были непосредственно следимы и наблюдаемы им, ибо:

1) Он никак не мог остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество даже и здесь состояло из тех только людей, которых агент видел и слушал в собраниях Петрашевского в последние шесть пятниц. Это казалось невозможным уже по тому одному, что в тех собраниях каждый раз являлись

---

[1]) Афан. Ив. Ромашов, товарищ Н. Костомарова по Харьковскому университету, в 1846 г. был посажен в Шлиссельбург за составление проекта республиканской конституции. В 1865 г. отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер в 1873 г. (см. Н. А. Белозерская, „Русская Старина“ 1866 г., кн. 6, стр, 630, 631, и В. Семевский, „Голос Минувшего“, 1913 г., кн. 8, стр. 66.) *Ред.*

[2]) Официальную справку о Бердяеве см. В. Семевский, Следствие и суд по делу петрашевцев, „Русские Записки“, 1916 г., кн. 11, стр. 28. *Ред.*

[3]) Этот заголовок вставлен редакцией. *Ред.*

новые лица, и притом из разговоров их было видно, что с ними в большей или меньшей прикосновенности находились разные люди, которых в эти шесть пятниц налицо не было. Сколько же еще могло быть и таких, о которых в присутствии агента не было случая упоминать? Притом агент доводил до сведения о таковых же собраниях, бывавших у Плещеева, Европеуса и других. Кто, независимо лиц, виденных агентом на последних шести собраниях Петрашевского, бывал и на помянутых сборищах, неизвестно, но нельзя было не заключить, что тут бывали и другие, в чем он, Липранди, тем более убеждался, что на некоторых собраниях сам видел множество новых лиц разных состояний и ведомств, которых у Петрашевского не встречал. Это заключение согласуется совершенно и с наставлением Петрашевского агенту, каким образом должно составлять таковые собрания. По вскрытии же бумаг у арестованных лиц, обстоятельство это, по мнению его, не подлежало никакому сомнению. В бумагах этих, сколько он помнит, значится, что таковые собрания были у Пальма, Дурова и Щелкова (живших вместе) и у Момбелли. Эти последние обратили даже на себя внимание его начальства, принявшего, впрочем, оные только за литературные, но предметы, входившие в состав прений на этих вечерах, как значится о том из отрывков, найденных в бумагах Момбелли, едва ли могут относиться прямо к литературе, а дневник его и другие рукописи ясно обнаруживали организованное общество пропаганды.

2) В то же время обозначилось, что люди, принадлежащие к наблюдаемому обществу, находились вне столицы, в разных провинциях, и об них здешние сочлены ясно говорили, что им поручено везде стараться сеять идеи, составляющие основу их учения, приобретать обществу соумышленников и сотрудников и таким образом приготовлять повсюду умы к общему восстанию. Бумаги арестованных лиц обнаружили, что подобными миссионерами были: в Тамбове—Кузьмин; в Москве—Плещеев; в Ростове—Кайданов; в Сибири—Черносвитов; в Ревеле—Тимковский и пр. Так как общество существует уже с 1842 года, то весьма естественно предполагать, что подобные миссии ведутся издавна, и потому идеи могли быть уже посеяны и принести более или менее плоды в разных местах государства. Последствия, казалось, оправдывали это предположение: в письмах из Ростова Кайданов говорит о своей пастве, для которой он переводит на русский язык сочинение Бидермана о социализме на том осно-

вании: «чтобы доставить возможность прочитать его и тем, кто не знает немецкого языка», он выписывает и читает: Консидерана, Фурье, Прудона, Луи Блана. Говорит, что он совершенно убежден в истине и исполнимости учения Фурье, вовсе не считая себя обязанным свято верить à toutes les extravagances de notre Maître [1]) и пр., благодарит (присылающих ему в Ростов помянутые книги), за насыщение хлебом духовным его и всей здешней (Ростовской) небольшой паствы и пр. и пр. Паства эта, не знающая иностранных языков, в таком городе, как Ростов, конечно, должна была состоять из местных городских обывателей среднего класса: уездных чиновников, а также и самых купцов, мещан и т. п. Какой яд должен был разливаться от такой закваски в городе, куда на ярмарку стекаются со всех оконечностей государства?—И как после того он не мог не подумать, что и в других местах, особенно таких, где полупросвещение более распространено и где знание иностранных языков сильнее, чем в уездном городе, не завелись уже подобные паствы.

3) Самая сущность общества уполномочивала его, Липранди, к заключению, что оно необходимо должно иметь обширные и далеко пущенные отрасли. По всему, что узнавал, он, Липранди, нельзя было, по его мнению, не видеть, что это вовсе не какой-нибудь мелкий заговор, образовавшийся в нескольких разгоряченных головах, с определенною мыслию исполнения какого-нибудь преступного действия, в известном месте и в известное время. Некоторые из открытых соучастников, казалось, могли быть точно заговорщиками в изъясненном выше смысле этого слова: у них видны намерения действовать решительно, не страшась никакого злодеяния, лишь бы только оно могло привести к желаемой ими цели. Но не все были таковы. Наибольшая часть членов предполагала итти медленнее, но вернее и именно путем пропаганды, действующей на массы. С этой целью в собраниях происходили рассуждения о том, как возбуждать во всех классах народа негодование против правительства, как вооружать крестьян против помещиков, чиновников против начальников, как пользоваться фанатизмом раскольников, а в прочих сословиях подрывать и разрушать всякие религиозные чувства, которые они сами из себя уже изгнали, проповедуя, что религия препятствует развитию

---

[1]) Всем экстравагантностям нашего учителя. *Ред.*

человеческого ума, а потому и счастья. Тут же было рассуждаемо о частных, особых мерах: как действовать на Кавказе, в Сибири, в Остзейских губерниях, в Финляндии, в Польше, в Малороссии.

Из всего этого он извлек убеждение, что тут был не столько мелкий и отдельный заговор, сколько всеобъемлющий план общего движения, переворота и разрушения. Для приведения в действие этого плана очевидно нужны были пружины, расположенные повсеместно, и он, Липранди, имел все причины предполагать, что эти пружины уже устраиваются, а может быть, отчасти и устроены. Так, например, для того чтобы пустить в ход с полным успехом зажигательное истолкование десяти заповедей, назначенное очевидно для возмущения простонародья, необходимо было не только разослать эти заповеди, но и иметь везде людей, которые бы могли словесно разъяснять их и тем подстрекать массы к волнению.

4) С сим вместе в весьма естественной связи казался ему и самый состав общества, сколько он имел его под своими глазами. Без сомнения не для чего иного, как с целью произвесть всеобщее повсеместное движение, тут были вместе не только люди разных ведомств и званий по службе, но и не служащие из всех сословий: дворяне, купцы и даже мещане. Обыкновенные заговоры бывают большею частью из людей однородных, более или менее близких между собою по общественному положению. Например, в заговоре 1825 года участвовали исключительно дворяне и притом преимущественно военные. Тут же, напротив, вместе с гвардейскими офицерами и с чиновниками министерства иностранных дел рядом находятся неокончившие курс студенты, мелкие художники, купцы, мещане, даже лавочники, торгующие табаком. Очевидно казалось ему, Липранди, что сеть заткана была такая, которая должна была захватить все народонаселение, и следовательно, чтоб действовать не на одном месте, а повсюду.

5) Весьма важным обстоятельством казалось ему и то, что главную роль в этом обществе играли наставники и воспитатели юношества, которых общество, по испытании в образе мыслей и в правилах, старалось помещать повсюду. Тут цель, имевшаяся в виду, и последствия, какие от того ожидались, слишком очевидны, так что нет нужды о том распространяться: один такой учитель ежегодно мог приготовлять в своих идеях десятки, сотни молодых людей, которые после того рассыпались во все концы государства. До какой сте-

пени может простираться действительный успех этого, поистине, адского плана, он, Липранди, не имел ни времени, ни способов дознать положительно, сколько важность дела того требовала.

Наконец, 6) Довольно было видеть то убеждение, тот жар и, можно сказать, фанатизм, которым это общество одушевлялось в своих замыслах. Заговорщики, руководимые какою-нибудь частною идеею или страстью, например, мщением, корыстью, неудовлетворенным честолюбием и т. п., менее опасны: они не так легко могут сообщать другим свои преступные чувства и увлекать их вслед за собою.

В настоящем деле, конечно, он видел и таких, но в большинстве молодых людей очевидно какое-то радикальное ожесточение против существующего порядка вещей, без всяких личных причин, единственно по увлечению мечтательными утопиями, которые господствуют в Западной Европе и до сих пор беспрепятственно проникали к нам путем литературы и даже самого училищного преподавания. Слепо предаваясь этим утопиям, они воображают себя призванными переродить всю общественную жизнь, переделать все человечество — и готовы быть апостолами и мучениками этого несчастного самообольщения. От таких людей можно всего ожидать. Они не остановились бы ни на чем, не затруднились бы ничем, ибо, по их понятиям, они действуют не для себя, а для блага всего рода человеческого, не для настоящей только минуты, а для вечности.

В заключение действительный статский советник Липранди присовокупил, что на сих главных основаниях, подкрепляемых множеством частных наблюдений и соображений, которые здесь не место излагать подробно, он постепенно дошел до убеждения, что в деле этом скрывается зло великой важности, угрожающее коренным потрясением общественному и государственному порядку.

[Заключение следственной комиссии] [1]).

Записка эта была препровождена от г. военного министра в следственную комиссию, но комиссия журналом 31 августа постановила, что она при самом внимательном рассмотрении сделанных действительным статским советником Липранди суждений не могла согласиться с мнением его по следующим причинам:

---

[1]) Этот заголовок дан редакцией. *Ред.*

Рассуждения Липранди основаны на тех предположениях, которые он извлекал из донесений агентов, но по самом тщательном исследовании, имеют ли связь между собою лица разных сословий, которые в первоначальной записке представлены как бы членами существующих тайных обществ, комиссия не нашла к тому ни доказательств, ни даже достоверных улик, тогда как в ее обязанности было руководствоваться положительными фактами, а не гадательными предположениями; хотя в сем деле исследовались преимущественно идеи, а не действия, но ей надлежало внимательно удостовериться, в какой мере идеи те начали осуществляться, и, хотя ею открыто, что к несчастью зловредные мысли существовали в большом числе людей, но она была обязана подводить под взыскание только тех из них, которые или собирались для распространения зловредных мыслей, или письменно доказаны в вредном направлении собственных умов.

Организированного общества пропаганды не обнаружено, и хотя были к тому неудачные попытки, хотя отдельные лица желали быть пропагаторами, даже и были таковые, но ни благоразумное прозорливое годичное наблюдение Липранди за всеми действиями Петрашевского, ни тесная связь, в которую так удачно вступил агент его с Петрашевским, ни многократные допросы, учиненные арестованным лицам, на коих, до их собственного сознания, падало одно только подозрение, ни заключение их в казематах, сильно расстроившее здоровье и даже нервную систему некоторых из них, ниже искреннее раскаяние многих не довели ни одного к подобному открытию. Самые главные виновные, несмотря на то, что сознались в таких преступлениях, которые положительно подвергают их самому строгому по законам наказанию, не указали существования какого-либо организированного тайного общества, имеющего разные отрасли в разных слоях народа. Кузьмин, Плещеев, Кайданов, Черносвитов, Тимковский в записке Липранди обозначаются миссионерами общества, но по приватным письмам, которые ясно истолкованы в ответах подсудимых, давать словам значение, которое они имели бы только по совершенном доказательстве в существовании преступления, комиссия не могла; не может она и называть миссионерами общества людей, из коих иные по служебным занятиям, другие по частным надобностям ездили во внутрь России, и признавать их преступниками единственно потому, что были знакомы с

некоторыми лицами, впоследствии оказавшимися виновными наиболее, тогда как при всем усиленном разыскании, существование организированного тайного общества нисколько не доказано. Призывать же к допросу морских офицеров единственно потому, что Тимковский показывал, что он имел намерение распространять учение Фурье между прежними своими товарищами, не касаясь никаких политических воспросов, но что все попытки его в том были безуспешны и неудачны, тогда как на них по всему делу не выведено ни малейшего обвинения, комиссия полагала неуместным, с одной стороны, потому, чтобы вопросами не распространить зловредного учения, а с другой,—дабы привлечением к ответу не оскорбить людей, служащих с должною верностью престолу и отечеству.

Комиссия, когда имела только в виду одни донесения агентов, была, вместе с Липранди, убеждена в существовании подобного общества и сближалась в заключении с теми предположениями, которые выведены ныне Липранди, но она должна была уступить силе доказательств и видеть преступные намерения, преступные идеи, преступные письменные изложения в той мере, в которой они, по самом тщательном изыскании, дознаны; выводя те обстоятельства, которыми должна решиться участь людей, сливать в одно целое разбросанные в разных местах и в разное время обвинения, не имеющие прямой связи между собою, было бы противно совести ее членов, и потому всеобъмлющего плана общего движения, переворота и разрушения, не нарушив своих обязанностей в настоящем деле, признавать она не могла. Так, например, она не могла соединять вечера Петрашевского с мнимо существующим обществом Петра Григорьева Шапошникова. Не только существенной связи, но прямого знакомства между ними не доказано, а по делу видно, что Петрашевский случайно ли, с намерением ли заезжал всего два раза в табачную лавку Шапошникова и совещаний с ним никаких не имел. Конечно, может быть, что Петрашевский имел в виду современем учредить какое-либо сношение с помянутым Шапошниковым, но принимать гадательную будущность за настоящий факт, законно никогда сделано быть не может, и комиссия должна представить дело, как оно есть, а не как ей казаться могло бы при обращении внимания на одни выводы агентов, без сличения их с ответами подсудимых, и как со времени взятия в комиссии упоминаемой г. Липранди записки, комиссия

допрашивала всех лиц, на которых упадала хотя тень подозрения в преступных действиях, то она из представленного ныне мнения Липранди никакого извлечения для дальнейших своих разысканий сделать не может.

[Извлечение из всеподданнейшего доклада следственной комиссии] [1]).

Секретная следственная комиссия, по окончании производства дела, предоставляя записку из оного на высочайшее усмотрение, между прочим, излагала:

1) Буташевич-Петрашевский, еще с юношества заразившись либеральными понятиями, которые, по окончании в 1841 году университетского курса, в нем еще более укоренились от усвоенных им социальных и коммунистических идей,—под личиною общественных улучшений, путем мира и закона,—возымел замысел на ниспровержение нашего государственного устройства. Для этой цели он употреблял различные средства: пытался посеять зловредные начала социальных систем в молодое поколение посредством учителей, сам развращал юные умы социальными книгами и беседами и, наконец, с 1845 года начал действовать уже в духе пропаганды и собирать у себя, в известные дни, знакомых ему учителей, литераторов, студентов, кончивших или оканчивающих курс, и вообще лиц из разных сословий. На сходках сих происходили либеральные разговоры, читались лекции и речи в духе социализма и коммунизма, нападали на религию и верование во все святое, осуждали наше государственное управление, представляли действия административные в искаженном виде, порицали правительственные лица и даже священную особу вашего императорского величества. Петрашевский постоянно возбуждал и направлял эти суждения. Он доводил посетителей своих до того, что они если и не все делались социалистами, то уже получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенными в прежних своих верованиях и наклонными к преступному направлению. Впрочем, собрания Петрашевского не представляли собою организированного тайного общества, он и без этого достигал своей цели вернее и безнаказаннее, чем достигал бы оной посредством тайного общества,—средства более опасного, которое легче могло бы пробудить совесть завлеченного и скорее повести к открытию злоумышления, тогда как тут и раскаивающийся

---

1) Заголовок дан редакцией.

и не разделявший мнений Петрашевского, оставляя его собрания, не считали противным своей совести не доносить о них, как о собраниях обыкновенных. Не довольствуясь этим, Петрашевский устремил преступные свои помыслы к скорейшему достижению переворота, уже не путем мира, а действиями насильственными, для чего пытался уже образовать тайные общества, отдельно от своих собраний, и в этих видах из числа лиц, посещавших его собрания, оказавших более прочих склонность к свободомыслию, сводил помещика Спешнева с отставным подпоручиком Черносвитовым и имел с ними преступные разговоры о возможности восстания в Сибири, а вслед за тем сводил Спешнева же с поручиком Момбелли и участвовал с ними в совещаниях об учреждении тайного общества под названием товарищества или братства взаимной помощи.

При следствии Петрашевский не только не скрывал желания полного и совершенного преобразования быта общественного в России, но явно сознавая себя фурьеристом и социалистом, объявил, что он желал стать во главе разумного движения в народе русском.

2) В постепенном развитии исследования о собраниях у Петрашевского, комиссия раскрыла еще, что у двух из его посетителей, титулярного советника Кашкина и коллежского асессора Дурова, были в известные дни собрания, в том же социальном и либеральном духе.

Собрания у Кашкина начались с ноября месяца прошлого 1848 года и состояли из кружка не столь многочисленного, но более единомышленного, чем круг Петрашевского, в нем была определенная цель: изучение систем социальных и коммунистских и, по преимуществу, системы Фурье.

Кружок этот составляли (кроме коллежского советника Дебу 1-го) молодые люди высшего гражданского воспитания, все одинаково образованные, равные и по положению своему в обществе и по своему состоянию. Некоторые из них безотчетно предались социальным утопиям, в смысле науки, некоторые желали применить их к быту России, другие же помышляли уже и о возможно скорейшем приведении их в действие, и все это выражали на бывших у них сходках. Здесь, между прочим, сделано было соглашение составить библиотеку на общие деньги из социальных и либеральных книг, и распорядителем этой библиотеки назначен был коллежский советник Дебу 1-й, который выписывал те книги чрез посредство Буташевича-Петрашевского; наконец, положено

было сделать на общие же деньги, в квартире одного из участников, коллежского секретаря Европеуса, обед в честь Фурье, назначив для сего день его рождения, и на этом обеде, бывшем 7 апреля сего года, произнесены были самые преступные речи против существующего порядка вещей и положено было, для успешнейшего распространения учения Фурье, перевести на русский язык его сочинения.

Собрания у коллежского асессора Дурова были тоже немногочисленны и существовали весьма короткое время (с начала марта до половины апреля месяца сего года, по одному разу в неделю). Кружок этот состоял из лиц, посещавших Буташевича-Петрашевского, но менее смешанный, нежели у сего последнего. Цель собраний сначала была чисто музыкально-литературная, впоследствии же и на них начали читать сочинения в либеральном духе, сверх того предполагалось еще писать статьи против правительства и распространять их посредством тайной литографии, что однакож, по общему соглашению, оставлено без исполнения, и самые вечера, как отступившие от первоначальной своей цели, прекратились [1]).

3) Поводом к подозрению о существовании тайного общества под названием Русского был найденный у одного из посетителей собраний Петрашевского, помещика Спешнева, проект подписки для вступления в Русское тайное общество, с обязательством выступить на бунт вооруженною рукою, по требованию распорядительного комитета и с обязанностью аффильировать в это общество новых членов. Но Спешнев признался только в том, что, заразившись коммунистскими идеями во время четырехлетнего пребывания своего за границею, он мечтал о способах произвести переворот и в нашем общественном быте, а обязательная подписка, в бумагах его найденная, была лишь один проект, написанный им несколько лет назад, которого он никому не показывал. Хотя же в заключении сей подписки содержится обязательство: «Я переписываю для себя один экземпляр сих условий и храню его у себя как форму для аффилиации другим», но ни у одного из обвиняемых, несмотря на внезапное арестование их бумаг, подобной копии не най-

---

[1]) Побудительными причинами к толкам на собраниях были недозрелая, заносчивая ученость, праздность, неудовлетворенное самолюбие или честолюбие, неудовлетворенные житейские нужды, желание создать себе значительность, хвастовство либеральными мнениями и притязание на глубокомыслие и на дарование.

дено, и ни один ни собственным сознанием, ни опечатанными бумагами не уличен, чтобы знал о существовании этого общества.

4) Подозрение о преступных замыслах отставного подпоручика Черносвитова возбуждено показанием того же помещика Спешнева, который, между прочим, объяснил, что Черносвитов, в бытность в конце 1848 года в С.-Петербурге, в совещаниях с Спешневым и Петрашевским, наводя на мысль о вероятном существовании тайного общества в России, рассказывал о способах к восстанию и, указывая на Восточную Сибирь и на Урал, излагал даже и самый план восстания в смысле возможности оного.

Петрашевский, с своей стороны, не только подтвердил показание Спешнева, но еще прибавил, что Черносвитов неоднократно внушал ему мысль на цареубийство и рассказывал, что он член какого-то тайного общества, состоящего из 16 человек.

Но Черносвитов, по распоряжению комиссии арестованный в Сибири и доставленный в С.-Петербургскую крепость, не сознавая себя государственным преступником и отвергая всякое участие в каком бы то ни было тайном обществе, показал, что на собрании у Петрашевского он дозволял себе иногда резкие суждения о начальстве и о правительстве и, увлекаясь мыслию о будущности Сибири, которую любит как родину, действительно не раз называл ее Великою Империею. Относительно же прочих на него показаний Черносвитов отозвался, что преступные мысли о восстании в Сибири не могли бы родиться у Петрашевского и Спешнева без его с ними разговоров, и он, не смея оправдывать ни страсти своей к подобным рассказам, ни своей неосмотрительности, признает виновным себя более их, потому что он старее и опытнее, и ему не должно было рассуждать с ними о делах государственных.

5) Поручик Момбелли, быв заражен в высшей степени преступными идеями, сделал в конце 1848 года предложение: сперва штабс-капитану Львову, а потом Петрашевскому и помещику Спешневу об учреждении тайного общества, под названием товарищества или братства взаимной помощи, из прогрессистов и людей передовых мнений, которые могли бы двинуть гражданский быт вперед на новых началах, посредством возвышения друг друга. Для сего происходили в квартире Спешнева совещания, при чем Момбелли предлагал составить комитет из учредителей для управления обще-

ством и указал на необходимость хранить все это втайне под опасением смерти изменнику. Львов определял состав общества, а Спешнев читал написанный им план тайного общества на восстание. Однакож общество это, по разногласию совещавшихся, не состоялось. При этом нельзя не заметить, что Момбелли, по собственному его выражению, был одним из самых гнусных либералов, и такое вредное направление его ума доказывается, кроме описанного преступного его замысла, найденными у него разными рукописными сочинениями, в которых изложены демагогические мысли в отношении России и в высшей степени дерзкие отзывы о священной особе вашего императорского величества.

И наконец, 6) Выводимое, по наблюдениям агентов, из речей мещанина Петра Шапошникова намерение приступить к бунту, при самом внимательном исследовании комиссии, не подтвердилось. Обнаружено однакож, что Шапошников, питая вредный образ мыслей и будучи подстрекаем посещавшим его студентом Толстовым и сыном почетного гражданина Катеневым, людьми развратного поведения, вел с ними у себя в квартире преступные разговоры о религии и правительстве, и рассуждал о возможности ввести в России республику, при чем один раз Катенев (в нетрезвом виде) вызывался даже на цареубийство.

7) При исследовании всех описанных обстоятельств, комиссия обращала особенное внимание на то, не имели ли вышеозначенные сходки тайно условленной между собою связи. Но не нашла к тому ни доказательств, ни улик. Организированного тайного общества не обнаружено, чему служат ясным доказательством неоднократные и неудачные попытки образовать оное. Хотя отдельные лица желали быть пропагаторами и были таковыми, но ни благоразумное годичное наблюдение за их действиями, предшествовавшее учреждению комиссии, ни тесная связь, в которую так удачно вступил агент с Петрашевским и другими его единомышленниками, ни допросы, учиненные арестованным лицам, на коих, до их собственного сознания, падало одно только подозрение, ни строгий разбор всех их бумаг особою комиссиею, ни пятимесячное заключение обвиняемых в казематах, сильно расстроившее здоровье и даже нервную систему некоторых из них, ниже искреннее раскаяние многих не довели к подобному открытию. Самые главные виновные, несмотря на то, что сознались в таких преступлениях, которые поло-

жительно подвергают их строгому, по законам, наказанию, не указали существования какого-либо организированного тайного общества, которое, имело бы отрасли в разных слоях народа. Хотя некоторые из лиц, прикосновенных к делу, иные по служебным занятиям, другие по частным надобностям, ездили вовнутрь России, но комиссия не могла признать их миссионерами общества, не имея никаких положительных к тому данных, наиболее тогда, как, при всем усиленном разыскании, существование организованного тайного общества, ни плана общего движения—не доказано.

Изложив, таким образом, главные черты дела, комиссия пишет, что если и этого, к сожалению, достаточно для признания, что были замыслы на ниспровержение и превращение государственного нашего устройства, то нельзя, однакож, не заметить с радостным для русского сердца чувством, что на попрание святых обетов присяги дерзнула доныне только горсть людей ничтожных, большею частью молодых, что горсть эта, сколько строгим исследованием дознано, весьма немногочисленна, что ни собственно в среде ее, ни в ее соучастниках, не является ни одного лица, стяжавшего себе не только значительность, но даже известность, наконец, что начинания этой несчастной толпы, при всей ее преступности, были безумны и во всех отношениях чужды нравам, понятиям и чувствам русского народа и войска нашего, в котором самые важнейшие преступники находили невозможным обрести какое-либо сочувствие[1]). При всем том комиссия полагает, что и открытого уже совершенно достаточно, дабы обратить на себя самое бдительное внимание правительства. Россия имеет могучие опоры противодействия, которые Европою уже утрачены: религию, преданность народа к государю императору, сильное и верное войско; сверх того ее ограждают дальность расстояний, немногочисленное по пространству народонаселение и малое число пролетариев. Как ни сильны сии надежды, но со злом должно бороться и нельзя поручиться, чтобы и впредь не возникли у нас замыслы, подобные настоящим: ибо единомыслие заключается не в обществе условленном, а в самом

---

[1]) В доказательство этого комиссия приводит, что Петрашевский, главнейший из злоумышленников, на замечание агента, что недурно было бы забросить несколько идей в войско,—отвечал: „Это очень трудно сделать и опасно, потому что, вообще говоря о военных, это народ по большей части необразованный, с какими-то странными особенными понятиями и взглядом на вещи“.

духе социального учения, не столько в делах, сколько в идеях. Числа людей в России, зараженных таким духом, комиссия определить не может, но она имеет нравственное убеждение, что они есть и сверх открытых ныне; что маяк их на Западе; что число их, по всей вероятности, будет умножаться и, следовательно, частные покушения и попытки могут проявляться и в будущем времени.

В заключение комиссия всеподданнейше повергала на высочайшее вашего величества воззрение те убеждения, которые возникли в ней при рассмотрении этого дела и которые, по мнению ее, имеют также особенную важность для будущего:

1) Общественное обучение требует особого наблюдения как относительно духа и направления преподавания вообще, так и относительно строгого выбора учителей и поверки их преподавания.

2) Огромное количество вторгающихся к нам иностранных сочинений самого опасного содержания, способствующих превратному образу мыслей, доказывает, что или цензура наша недовольно осмотрительна, или что принимаемые против ввоза запрещенных книг меры не довольно еще бдительны и строги.

3) Собственная наша журналистика требует самого осмотрительного цензурного надзора. Хотя в последнее время, по высочайшей вашего императорского величества воле, на сей важный предмет обращено уже особенное внимание, но многие выпущенные из высших учебных гражданских заведений молодые люди, не довольствуясь служебными окладами, для подкрепления своих средств обращаются к составлению журнальных статей, а в числе сих статей, при недостатке бдительности цензуры, нередко прорываются такие, коих направление явственно вредно, и посредством сего легкого способа зараженные уже вольнодумством сочинители разливают яд свой во внутренность государства и в умы, чуждые еще пагубных мечтаний. Переводы статей о социальных движениях в Европе, помещаемые в наших русских газетах, требуют также бдительного наблюдения со стороны правительства.

Наконец, 4) Настоящий разврат умов, прилипчивость вредных идей, соблазнительность некоторых новых учений для голов слабых и неопытных, подрыв священных основ, на коих утверждается незыблемость и благоденствие государств,—все сие указывает прямо на необходимость строго

наблюдать за движением общественного состава не только в его целом, но и в частностях, следственно, на необходимость возможно бдительного наблюдения со стороны всех полицейских начальств за сборищами и собраниями, дабы не могли из них постепенно образоваться те анархические союзы и клубы, которых печальные плоды разрушили благоденствие Запада.

При производстве следствия высочайше учрежденною следственною комиссиею употреблено на канцелярские припасы, освещение комиссии и на другие расходы 256 руб. 94 коп. сер.

Военный суд в приговоре своем постановил деньги эти, на основании Свода Военных Постановлений, ч. V кн. 2 ст. 8, взыскать с имения из подсудимых титулярного советника Буташевича-Петрашевского как главного по сему делу преступника.

[Законы, относящиеся к делу] [1]).

Законами, относящимися к сему делу, постановлено:

Свода Военных Постановлений части V книги статьями:

142. Кто возложит хулу на господа бога и спаса нашего, Иисуса Христа, или на пресвятую, пречистую матерь божию, деву Марию, или на честный крест, или поносит службу божию и церковь православную и ругается св. писанию и св. таинствам и в том явно изобличен будет, тот подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу, а сверх того и публичному церковному покаянию.

144. Кто, слыша таковое хуление, благовременно о том не донесет, тот почитается участником в сем преступлении и подлежит наказанию, смотря по вине.

169. Злоумышлением противу священной особы государя императора почитается умысел противу жизни, чести и здравия государя, свержение его с престола, похищение верховной власти, лишение государя свободы и учинение ему какого-либо насилия.

170. Злоумышление во всех вышеозначенных видах считается действительным преступлением, когда по следствию окажется, что злоумышленник или открыл о предпринятом им деле другому мысли свои, или, что он имел твердую волю и намерение произвести свой умысел в действие, и учинил уже к тому какое-либо приуготовление.

171. За преступления во всех означенных видах, противу высочайшей особы государя императора, определяется смертная казнь в тех случаях, когда преступления сии по особой их важности передаются Верховному уголовному суду; когда же они судятся в Военно-судных комиссиях в мирное время, тогда определяются наказания, заменяющие смертную казнь, а именно: офицерам и лицам, изъятым по состояниям своим от телесного наказания, лишение всех прав состояния, переломление над головами их чрез палача шпаги и ссылка в каторжную работу.

---

[1]) Заголовок дан редакцией.

172. Соучастникам в злодейственных умыслах противу священной особы государя императора полагается то же наказание, коему подлежат главные виновники.

174. Обличенные в произношении дерзких слов противу императорского величества или в издании письменных или печатных сочинений, заключающих поносительные слова к личным качествам государя или к управлению государством, подлежат той же казни и наказанию, какие выше сего в ст. 171 постановлены за злоумышление.

176. Соучастники в сем преступлении подлежат наказанию, определенному главным виновникам.

177. Бунтом называется восстание скопом и заговором противу государя и государства, сопряженное с вооружением войск и насильственными действиями, как-то: грабежом, убийствами, зажигательством, взломом тюрем и освобождением преступников, или же с намерением учинить преступления такового рода.

178. Как главные виновники бунта, так и сообщники оного подлежат смертной казни или наказанию, оную заменяющему, на основании ст. 171.

196. Кто учинит сходбище подозрительное и составит общество, товарищество, братство, или иное подобное собрание, без ведома полиции, тот наказывается по мере вины или преступления, им учиненного.

197. Участвующие и управляющие незаконными тайными обществами, имеющими какую-либо цель, государству вредную, и подающими повод к возмущению и бунту, наказываются, как государственные преступники.

235. Поношение начальников бранными словами, так, как и произношение в собрании слов, предосудительных для чести их, наказывается разжалованием в солдаты с выслугою или без выслуги, с лишением дворянства или особенных прав состояния.

236. Когда слова, произнесенные противу начальника, заключают одну насмешку и не касаются до чести его, тогда виновный подлежит, смотря по обстоятельствам дела, или испрашиванию пред судом прощения, или содержанию на гауптвахте, или иному наказанию, по усмотрению военного суда.

596. Склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армиею занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения, наказывается смертию.

604. Открытый ропот против начальства либо порицание оного при свидетелях, до сведения военной полиции доведенные и ею на усмотрение высшего начальства представленные, могут, по важности обстоятельств, быть судимы и наказаны в виде бунта или открытого неповиновения.

Уложения о наказаниях уголовных и исправительных статьями:

182. Кто дерзнет публично в церкви с умыслом возложить хулу на славимого в единосущной троице бога или на пречистую владычицу нашу богородицу и присно-деву Марию, или на честный крест господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на бесплотные силы небесные, или на святых угодников божиих и их изображения, тот подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от двенадцати до пятнадцати лет.

Когда сие преступление учинено не в церкви, но в публичном месте или при собрании, более или менее многолюдном, то виновный приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет.

183. Учинивший означенное в предшедшей 182 статье преступление, хотя и не публично и не в многолюдном собрании, но однакож при свидетелях, с намерением поколебать их веру или произвести соблазн, приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

184. Кто в публичном месте, при собрании более или менее многолюдном, дерзнет с умыслом порицать христианскую веру или православную церковь, или ругаться над священным писанием или святыми таинствами, тот подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах, на время от шести до восьми лет.

Когда сие преступление учинено не в публичном собрании, но однакож при свидетелях и с намерением поколебать их веру или произвести соблазн, то виновный приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

185. Кто, будучи свидетелем произносимого в публичном месте с умыслом богохуления, или поношения святых угодников, или же дерзкого, с намерением поколебать в ком-либо веру, порицания христианского закона вообще, или в особенности церкви православной, или же ругательства над священным писанием и святыми таинствами, не даст о том знать надлежащему начальству для прекращения соблазна, тот за сие подвергается:

заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года или аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его.

187. Кто в печатных или хотя и письменных, но каким-либо образом распространяемых им, сочинениях дозволит себе богохуление, поношение святых господних или порицание христианской веры, или церкви православной, или ругательства над священным писанием и святыми таинствами, тот подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

Сим же наказаниям подвергаются и те, которые будут заведомо продавать или иным образом распространять такие сочинения.

263. Всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здравия или чести государя императора и всякий умысел свергнуть его с престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особе его какое-либо насилие, подвергают виновных в том:

лишению всех прав состояния и смертной казни.

264. Злоумышление во всех вышеозначенных видах почитается действительным преступлением не только в случае, когда виновным сделано уже покушение для приведения своих преступных намерений в исполнение, но и тогда, когда он, чрез предложение другому принять в них участие или чрез составление на сей конец заговора или сообщества, или чрез вступление в такое сообщество или заговор, или же чрез словесное или письменное изъявление своих о том мыслей и предположений, или иным образом приступил к какому-либо для сего приготовлению.

265. Все, участвовавшие в злоумышлении или преступном действии против священной особы государя императора, или против прав самодержавной власти его, в виде сообщества, пособников, подговорщиков, подстрекателей или попустителей, а равно и укрыватели виновных в сем, и те, которые, знав и имея возможность донести о злоумышлении или о злоумышленниках, не исполнили сей обязанности, приговариваются:

к тому же наказанию.

267. Изобличенные в составлении и распространении письменных или печатных сочинений или изображений, с целью возбудить неуважение к верховной власти, или же к личным качествам государя, или к управлению его государством, приговариваются, как оскорбители величества:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях, на время от десяти до двенадцати лет.

Участвовавшие в составлении или злоумышленном распространении таких сочинений или изображений подвергаются:

тому же наказанию.

Виновные в составлении сочинений или изображений сего рода, но не изобличенные в злоумышленном распространении оных, приговариваются за сие как за преступный умысел:

к заключению в крепости на время от двух до четырех лет с лишением некоторых, по ст. 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ.

Имевшие у себя такие сочинения или изображения и равномерно не изобличенные в злоумышленном распространении оных, если ими не будет доказано, что они имеют у себя сии сочинения или изображения по особому распоряжению или дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются за сие:

аресту на время от семи дней до трех месяцев и потом могут быть отдаваемы под надзор полиции на время от одного года до трех лет, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

268. Кто осмелится произнести, хотя и заочно, дерзкие, оскорбительные слова против государя императора или с умыслом будет повреждать, искажать или истреблять выставленные в присутственном или публичном месте портреты, статуи, бюсты или иные изображения его, тот за сие оскорбление величества присуждается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет.

Если виновный дозволил себе сии дерзкие слова или поступки в пьянстве, без преднамеренного на то умысла, то он приговаривается:

к заключению в смирительном доме на время от шести месяцев до одного года.

269. Бывшие свидетелями означенных в предшествовавшей статье дерзких поступков или слов и не препятствовавшие оным, а равно и не донесшие о них ближайшему местному начальству, приговариваются:

к аресту на время от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

271. За бунт против власти верховной, то есть восстание скопом и заговором против государя и государства, а равно и за умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой оного части, или же переменить образ правления, или установленный законами порядок престола, и за составление на сей конец заговора или принятие участия в составленном уже для того заговоре или в действиях оного, с знанием о цели сих действий, или в сборе, хранении или раздаче оружия и других приготовлениях к бунту, все, как главные в том виновные, так и сообщники их, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели, подвергаются:

лишению всех прав состояния и смертной казни.

Те, которые, знав о таком злоумышлении и приготовлении к проведению оного в действие и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, приговариваются:

к тому же наказанию.

272. Когда означенное в предшедшей 271 статье злоумышление открыто правительством заблаговременно, при самом оного начале, и потому ни покушений, вследствие сего умысла, ни смятений и никаких иных вредных последствий от него не произошло, то виновные, вместо смертной казни, приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в рудники на время от двенадцати до пятнадцати лет, или же в крепостях на время от десяти до двенадцати лет, смотря по большей или меньшей важности преступного их умысла, большему

или меньшему в оном участию и по другим, увеличивающим или уменьшающим вину их обстоятельствам.

273. Виновные в составлении и распространении письменных или печатных объявлений, воззваний или же сочинений, или изображений, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной, приговариваются:

к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы в крепостях на время от восьми до десяти лет.

Тому же наказанию подвергаются изобличенные в злоумышленном распространении таких сочинений и вообще все, участвовавшие заведомо в сем преступлении, а равно и те, которые в каком-либо месте будут, с тою же преступною целью, говорить публично речи.

Виновные в составлении таких объявлений, воззваний или же сочинений, или изображений, хотя и не изобличенные в злоумышленном распространении оных, подвергаются за сие, как за приготовление и начало покушения к возбуждению бунта:

заключению в крепости на время от двух до четырех лет, с лишением некоторых особенных, по статье 53 сего Уложения, прав и преимуществ.

Имевшие у себя объявления, воззвания или же сочинения или изображения сего рода и равномерно не изобличенные в злоумышленном распространении оных, если ими не будет доказано, что они имеют их по особому распоряжению или дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются за сие:

аресту на время от семи дней до трех месяцев и потом могут быть отдаваемы под надзор полиции на время от одного года до трех лет, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

274. За составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публично речей, в коих,—хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против верховной власти,—усиливаются оспаривать или подвергать сомнению неприкосновенность прав ее, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образ правления, или порядок наследия престола, виновные в том подвергаются:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет.

Тому же наказанию подвергаются изобличенные в злоумышленном распространении таких сочинений и вообще все участвовавшие заведомо в сем преступлении.

Виновные в составлении сочинений сего рода, не изобличенные в злоумышленном распространении оных, приговариваются за сие как за преступный умысел:

к заключению в крепости на время от одного года до двух лет.

Имевшие у себя такие сочинения и равномерно не изобличенные в злоумышленном распространении оных, если ими не будет доказано, что они имеют их по особому распоряжению или дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются за сие, как за недонесение о известном преступлении или преступном умысле:

аресту на время от семи дней до трех месяцев и потом могут быть отдаваемы под надзор полиции на время от одного года до трех лет, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

296. Кто будет составлять и распространять письма или же какие-либо сочинения, или публично говорить речи, или распускать ложные слухи, с намерением возбудить к противодействию или к сопротивлению властям, от правительства установленным, тот за сие приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

Когда же учиненное им преступление произвело важное нарушение установленного порядка, то он:

по лишению всех прав состояния подвергается ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет.

297. Виновные в составлении означенных в предшедшей 296 статье писем или сочинений, не изобличенные в злоумышленном распространении оных, за сие, как за умысел и приготовление к преступлению, приговариваются:

к заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев.

Имевшие у себя такие письма или сочинения и равномерно не изобличенные в злоумышленном распространении оных, если ими не будет доказано, что они имели их по особому распоряжению или дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются за сие, смотря по важности дела и обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их:

или аресту на время от трех дней до трех недель или же токмо выговору в присутствии суда.

307. Виновные в составлении и распространении сочинений, заключающих в себе недозволенные суждения о постановлениях и действиях правительства, подвергаются:

или лишению некоторых, по статье 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в смирительном доме на время от двух до трех лет,

или же, без лишения сих прав и преимуществ, токмо заключению в смирительном доме на время от трех месяцев до одного года, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

347. Основатели и начальники тайных под каким бы то ни было наименованием обществ, имеющих вредную для спокойствия или целости государства, или противную установленным законами образу и порядку правления цель, подвергаются, как государственные преступники:

наказаниям, выше сего, в статьях: 251, 271 и 272, определенным и, по правилам, в оных означенным.

Члены таких обществ, имевшие полное сведение о преступной оных цели, приговариваются:

к тем же наказаниям и на том же основании.

Те, которые, знав о существовании и об истинном свойстве и цели такого общества и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, подвергаются за сие:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

348. Основатели и начальники тайных обществ, хотя и неимеющих означенного в предшедшей 347 статье явно преступного направления против спокойствия или целости государства, но старающихся посредством каких-либо неуказанных и недозволенных законом действий или влияния произвести перемену в общих государственных или губернских и других местных учреждениях, или же в постановлениях, коими определяются дарованные или учрежденные высочайшею властью права и преимущества, или вообще права существующих в государстве состояний или сословий, или же достигнуть оной политической, без ведома правительства, цели, подвергаются за сие:

лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

Вступившие в такое общество с полным о цели оного знанием приговариваются:

к лишению всех, лично и по состоянию присвоенных им особенных прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от двух до трех лет и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в про-

должение определенного судом времени от восьми до десяти лет, или же в губернии: Томскую или Тобольскую, с заключением на время от двух до трех лет, смотря по степени их участия в действиях общества и по другим, более или менее увеличивающим или уменьшающим их вину обстоятельствам.

Те, которые, знав о существовании и цели такого общества и имев возможность довести о сем до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, приговариваются:

к заключению в крепости на время от шести месяцев до одного года;

тому же наказанию подвергаются члены сих обществ, которые при вступлении в оные не имели точного сведения о истинной их цели, но впоследствии узнали оную, и хотя не принимали участия ни в каких его действиях, но не довели о них до сведения правительства.

351. Те, которые в жилищах своих, или же в домах и других помещениях им принадлежащих, или состоящих в их управлении, будут заведомо допускать собрания или сходбища тайных зловредных обществ, подвергаются:

наказаниям, в предшедших: 347, 348 и 349 статьях членам оных обществ определенным.

Если, однакож, будет доказано, что им цель, свойство и намерения общества или сходбища были неизвестны, то они приговариваются:

к аресту на время от трех до семи дней или от трех недель до трех месяцев, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их.

1315. Если выпущенные, чрез продажу или иным каким-либо образом в обращение и употребление, более или менее общее, не пропущенные цензурою книги, отдельные печатные, литографированные или гравированные листы, эстампы, ноты с словами и т. п. принадлежат к роду тех, о коих упоминается сего Уложения в статьях 187 и 197 о преступлениях против веры в статьях 267, 270, 273 и 274 о преступлениях государственных, в статьях 296, 305, 306 и 307 о преступлениях против порядка управления, в статье 1301 о преступлениях против нравственности и в статьях 2020 и 2024 о преступлениях против частных лиц, то виновные в сем приговариваются:

к наказаниям, в тех статьях за сочинение и распространение сего рода книг и т. п. определенным.

Заключение генерал-аудиториата.

Генерал-аудиториат, по рассмотрении сего дела, находит следующее:

В конце апреля 1849 года, по предварительному, в течение годичного времени, наблюдению со стороны министерства внутренних дел, открыто было подозрение, что титулярный советник Буташевич-Петрашевский имеет преступные замыслы против правительства, что для этой цели собирались у него, один раз в неделю, по пятницам, известные ему лица, и что на этих собраниях происходили рассуждения о нравственных и политических вопросах, клонящихся к перемене ныне существующего в России порядка.

Поэтому, как Петрашевский, так и некоторые из посещавших его собрания лиц, всего 34 человека, по высочайшему

вашего императорского величества повелению, 23 апреля, были арестованы и отправлены в С.-Петербургскую крепость.

В то же время были подвергнуты аресту: живший на Петербургской стороне табачный торговец мещанин Петр Шапошников и имевшие с ним близкие связи—сын почетного гражданина Василий Катенев, бывший студент Толстов и другие два товарища их, на коих, по сделанным агентами министерства внутренних дел наблюдениям, возникло подозрение в таких же преступных замыслах против правительства.

Для исследования о сем, по высочайшему вашего величества повелению, учреждена была в С.-Петербургской крепости секретная следственная комиссия, под председательством коменданта крепости генерала-адъютанта Набокова, для разбора же бумаг, у арестованных лиц опечатанных, составлена особенная комиссия, под председательством статс-секретаря князя Голицына.

По предварительным расспросам следственною комиссиею взятых лиц открыты были новые лица, участвовавшие в близких сношениях с арестованными, а потому, по представлению комиссии, было арестовано еще 9 человек, в том числе из подсудимых Тимковский, Ханыков, Европеус и Черносвитов.

Из показаний лиц, бывавших на собраниях у Петрашевского, открыто, что собрания те начались в конце 1845 года и имели характер политический.

На собраниях этих читались речи о религии в преступном смысле, доказывая, что религия вредна, потому что подавляет образование ума и заставляет человека быть добрым не по собственному убеждению, а по чувству страха наказания; отвергали достоверность всех книг священного писания и даже самое бытие божие; приводили, что сам господь и спаситель наш Иисус Христос был не богочеловек, а лишь гениальный нововводитель, умевший воспользоваться своим положением; отрицали семейственность и все ее условия; порицали действия высших сановников и даже священной особы вашего императорского величества; рассматривали разные государственные вопросы в отношении перемены судопроизводства, освобождения крестьян и свободы книгопечатания и рассуждали о способах вооружать подчиненных против начальства.

В то же время, именно в конце 1848 и в начале 1849 года, подобные собрания бывали и у других лиц, как-то: у под-

судимого литератора отставного колл. ас. Дурова и тит. сов. Кашкина, у коих собирались большею частью лица, бывшие и на собраниях Петрашевского.

Собрания у литератора Дурова были немногочисленны и существовали с первых чисел марта до половины апреля сего года, по одному разу в неделю. Они заведены были сначала с целью музыкально-литературною, но впоследствии и на них начали читать сочинения в либеральном духе, и предположено было заняться общими силами разрабатыванием статей против правительства и распространением их посредством тайной домашней литографии, что, однакож, не было исполнено.

Собрания у тит. сов. Кашкина начались в октябре 1848 г. и, бывая по одному разу в неделю, продолжались до нового года. Потом, по случаю приезда к Кашкину его родителей, собрания сии переходили на некоторое время к товарищу Кашкина, чиновнику Отто, но с половины февраля 1849 года снова перешли к Кашкину и продолжались до апреля месяца.

Цель сих собраний состояла в изучении систем социальных и коммунистских, преимущественно системы Фурье, и в применении их к быту России, как это обнаруживается из бумаг, опечатанных у некоторых лиц, посещавших Кашкина.

Между лицами, собиравшимися у Кашкина, сделано было соглашение составить, на общих издержках, библиотеку из социальных и либеральных книг, которые и выписывались чрез посредство Буташевича-Петрашевского. Увлечение их системою Фурье дошло до того, что положено было сделать на общие деньги обед в честь Фурье, который и был дан в день его рождения, именно 7 апреля, при чем некоторыми из участвовавших произнесены были преступные речи против существующего порядка, и положено было, для распространения учения Фурье, перевести главнейшие сочинения его на русский язык.

Чтобы все сии собрания имели единство действий или взаимное между собою согласие и принадлежали к организованным тайным обществам, по делу не открыто, хотя видно, что некоторые из посетителей бывали попеременно на всех трех собраниях; равно не обнаруживается, чтобы лица те имели с кем-либо преступные сношения внутри России.

Между тем, в конце 1848 года подсудимый Петрашевский пытался уже образовать тайные общества, отдельно от своих собраний, и в этих видах, из числа лиц, посещавших его собрания и оказавших более прочих склонности к свобо-

домыслию, старался сблизить помещика Спешнева с отст. подпор. Черносвитовым и имел с ними разговоры о возможности восстания в Сибири. Потом вслед за тем сводил Спешнева с поручиком Момбелли и участвовал с ними и другими двумя подсудимыми, шт.-кап. Львовым и колл. сов. Дебу 1, в совещаниях об учреждении тайного общества под названием как сами они выражаются, товарищества, или братства взаимной помощи, из прогрессистов и людей передовых мнений, которые бы могли двинуть гражданский быт вперед, на новых началах, посредством возвышения друг друга; при чем Спешнев читал план на восстание, а Львов определял формы общества; однакож это общество, по разномыслию членов, не состоялось.

Сверх того, из найденного в бумагах Спешнева проекта обязательной подписки открывалось подозрение о действительном существовании тайного общества, под названием Русского. В проекте этом заключается обязательство для вступающего в Русское тайное общество участвовать в бунте вооруженною рукою, по требованию распорядительного комитета, и аффильировать (принимать) в общество новых членов. Но чтобы действительно существовало такое общество, не открыто; сам Спешнев отозвался, что подписка та была им написана в виде проекта за несколько лет назад, во время нахождения его за границею. У других обвиняемых, несмотря на внезапное арестование их бумаг, подобной копии не найдено, и ни один ни собственным сознанием, ни опечатанными бумагами не уличен, чтобы знал о существовании этого обязательства.

Что касается до выведенного, по наблудениям агентов, подозрения на Петра Шапошникова и лиц, имевших с ним сношение, о преступных их замыслах против правительства, то, при самом внимательном исследовании комиссии, не подтвердилось, чтобы они делали какие-либо покушения к злоумышлению. Обнаружено только, что Шапошников, имея вредный образ мыслей и будучи подстрекаем посещавшими его студентом Толстовым и сыном почетного гражданина Катеневым—людьми развратного поведения,—имел с ними у себя в квартире преступные разговоры о религии и правительстве, при чем один раз Катенев сделал в пьяном виде вызов на цареубийство.

Кроме подсудимых, были в соприкосновенности к сему делу многие лица; но как по исследованию оказалось, что они или не принимали прямого участия в преступных за-

мыслах, или вовлечены были к тому случайно, через посредство других, то все они, как маловиновные, по высочайшему вашего императорского величества милосердию освобождены уже от преследования законов, с учреждением за ними секретного надзора.

Затем, по свойству виновности, признаны подлежащими окончательному судебному разбору вышепоименованные 23 человека.

Действия каждого из подсудимых заключаются в следующем:

1. О титулярном советнике Буташевиче-Петрашевском (27 лет).

Тит. сов. Буташевич-Петрашевский еще в 1839 году, во время состояния воспитанником в Александровском лицее, был замечен в либеральном образе мыслей; по выходе же оттуда и по окончании в 1841 году курса в университете, либеральное направление в нем еще более укоренилось от изучения социальных систем, в особенности системы Фурье. Избрав изучение этих систем, как средство к достижению преступного замысла на ниспровержение настоящего государственного устройства, он употреблял разные средства к осуществлению своего предположения: раздавал своим знакомым, для чтения, запрещенные книги и периодические издания, которые выписывал тайно из-за границы, старался поселять несогласные с духом правительства мысли в юношестве, посредством знакомых ему учителей, и с этою же целью сам, в 1844 году, просил об определении его наставником в лицей, а когда ему в том было отказано, покушался поселять зловредные идеи в некоторых воспитанниках, лицея, посещавших его по праздничным дням. Трех из них, имевших от 14 до 16 лет, он в самое короткое время успел довести до того, что в них обнаружилось скептическое направление мыслей относительно предметов веры и существующего общественного порядка.

После того, именно в 1845 году, он, для достижения своей цели, замыслил уже действовать посредством пропаганды своих убеждений и в этих видах, имея большой круг знакомства, начал собирать у себя раз в неделю, по пятницам, некоторых из своих знакомых, преимущественно из воспитателей, литераторов и студентов, кончивших или кончавших курс, и вообще лиц из разных сословий, в коих наиболее обнаруживалось согласие с ним образом мыслей. На собра-

ниях этих, как выше изложено, происходили рассуждения о нравственных и политических вопросах, клонящихся к изменению ныне существующего порядка. Сам Буташевич-Петрашевский преимущественно возбуждал вопросы о перемене судопроизводства и об освобождении крестьян, но и в разговорах по прочим предметам принимал деятельное участие, высказывая предположения свои к изменению существующего в России порядка, в смысле систем социальных и коммунистских.

Между тем, в конце 1848 года, Петрашевский, возымев замысел к скорейшему достижению переворота, уже не посредством пропаганды, а действиями насильственными, пытался образовать тайные общества, отдельно от своих собраний. Заметив, что один из посещавших его подсудимый оставной подпоручик. Черносвитов, приезжавший в С.-Петербург из Сибири, обнаруживал в разговорах своих свободомыслие, он старался сблизить его со Спешневым и имел с ним суждения о возможности восстания в Сибири и на Урале. Потом, узнав от другого из посещавших его собрания подсудимого поручика Момбелли о предположении составить тайное общество, под названием товарищества, или братства взаимной помощи, Петрашевский свел его со Спешневым, пригласил к участию в этом обществе Дебу 1 и имел с ними тремя и Львовым неоднократные совещания о способах к образованию такого общества, при чем доказывал о необходимости общества на тот конец, чтобы, когда придет время, были люди готовые. Спешнев же читал план, предлагая в числе средств к произведению общественного переворота, восстание, а когда общество, по разногласию совещавшихся, не состоялось, то Петрашевский вновь старался возобновить совещания о нем и собирался с другими в квартире Львова, что, однако, также осталось без последствий. Вообще Петрашевский, в действиях своих в последнее время, показывал явную наклонность к произведению реформы, а 7 апреля, присутствуя на обеде в честь Фурье, произнес преступную речь в духе социализма и, называя себя старейшим пропагатором в России, усиливался доказать, что настоящее устройство общественного быта не соответствует естественным потребностям и должно быть преобразовано; в заключение же речи сказал так: «мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо же приговор наш исполнить».

При следствии Петрашевский не только не изъявил рас-

каяния в своих поступках, он объявил, что, стремясь к достижению полной и совершенной реформы быта общественного в России, желал стать во главе разумного движения в народе русском. Притом он делал многие дерзкие и неумственые отзывы, покушения тайным образом склонить к запирательству прочих подсудимых и, усиливаясь доказать мнимую благонамеренность социальных систем, в особенности Фурье, сравнивал участь свою и единомышленников с участью первых проповедников христианства. Вообще, Петрашевский, по замечанию следственной комиссии, во все время содержания его в крепости, один из всех арестованных, вел себя предосудительно, являлся дерзким и наглым, притворялся сумасшедшим и старался наговорить на других, чтобы облегчить свое обвинение.

Все вышеизложенные преступные действия Петрашевского, кроме показаний многих лиц, доказываются найденными у него бумагами, из коих обнаруживается явное стремление его к перемене ныне существующего в России порядка и отсутствие в нем религиозного чувства. В этом последнем отношении особенно замечательно одно сочинение, в котором он дерзнул назвать господа нашего Иисуса Христа известным демагогом, несколько неудачно кончившим свою карьеру.

Сверх того, Петрашевский, при расспросах в следственной комиссии о связях с подсудимым Черносвитовым, сам показал, что Черносвитов в конце 1848 года неоднократно внушал ему мысль о цареубийстве, и хотя Петрашевский не говорит, чтобы он разделял это безумное предложение, но об этом начальству в то время не донесли. Черносвитов же в этом не сознался.

2. О помещике Спешневе (28 лет).

Спешнев, во время четырехлетнего пребывания за границею (с 1842 по 1846 год), будучи проникнут духом либерализьма, возымел, по собственному его сознанию, замысел составить тайное общество в России, с целью произвести реформу уравнением всех сословий. По возвращении в 1846 году в Петербург он, начав посещать собрания Петрашевского, принимал участие в происходивших там преступных разговорах, а на одном собрании сам читал речь о религии, в которой, отвергая бытие бога, изъявлял желание распространять социализм, атеизм, терроризм. В конце 1848

и в начале 1849 годов. Спешнев, бывая на собраниях у Дурова, Кашкина и Плещеева, также обнаруживал преступные предположения: именно у Плещеева, при разговоре с некоторыми литераторами, сам вызывался печатать за границей запрещенные книги, что, однакож, не было принято; а у Дурова участвовал в совещаниях завести тайную литографию для распространения сочинений против правительства; когда же предположение это не состоялось, то Спешнев вознамерился устроить у себя типографию, с тем, чтобы, действуя независимо и в тайне от других, производить печатание по своему произволу; для этого, за день до арестования его, приобрел уже некоторые типографские принадлежности. Между тем, познакомившись на собраниях у Петрашевского с Черносвитовым, имел с ним и Петрашевским преступные разговоры о возможности восстания в Сибири и на Урале, а вслед за тем участвовал, по предложению Момбелли, вместе с Момбелли, Петрашевским, Львовым и Дебу 1, в злоумышленных совещаниях, которые происходили в квартире его, Спешнева, об учреждении тайного общества под названием товарищества, или братства взаимной помощи. При совещаниях этих предлагалось составить для управления обществом комитет из учредителей. Сам Спешнев читал написанный им план о различных внеправительственных путях действия (иезуитском, пропагандном и через восстание) и, признавая за лучшее соединить все эти пути действия, предложил план тайного общества на восстание.

Кроме того, Спешнев участвовал в обеде, данном 7 апреля 1849 года в честь Фурье, в день его рождения при чем были произнесены в высшей степени преступные речи против религии и существующего порядка и положено было для лучшего распространения Фурье, перевести его сочинения на русский язык. На обеде же, бывшем у самого Спешнева, читано было Григорьевым сочинение его «Солдатская беседа», написанное в возмутительном духе, и потом статья эта хранилась у Спешнева.

При рассмотрении опечатанных у Спешнева бумаг найден написанный им и неоконченный проект подписки для вступающего в Русское тайное общество, с обязательством принимать других в члены общества и с изъявлением готовности участвовать в бунте вооруженною рукою, по требованию распорядительного комитета.

В отношении этой подписки Спешнев показал, что она была составлена им за несколько лет тому назад, во время

пребывания за границей, когда он, занимаясь изучением истории о тайных обществах вообще, думал об учреждении такого же в России, но впоследствии начатую им историю уничтожил, о подписке же, заронившейся между бумагами, забыл и никому ее не показывал.

Чтобы подписка эта была составлена для какого-либо существующего общества, по делу не открыто; ни у одного из обвиняемых, несмотря на внезапное арестование их бумаг, подобной подписки не найдено, и ни один ни собственным сознанием, ни опечатанными бумагами, не уличен, чтоб знал о существовании этого обязательства.

Следственная комиссия, не убеждаясь на таком отрицательстве Спешнева, требовала от него откровенного объяснения о сей подписке, объявив ему 157 статью Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в коей постановлено, что в случае полного чистосердечного признания и доставления верных сведений, могущих предупредить исполнение другого злого умысла, наказание за преступление уменьшается не только в степени, но и в самой мере. Однакож Спешнев и за сим положительно утвердил, что Русского тайного сбщества не существовало и что подписка та была лишь проект.

В доказательство же искренности показания Спешнева сам добровольно открыл о преступных разговорах с Черносвитовым и о составлении, по предложению поручика Момбелли, тайного общества, тогда как об этом не представлялось ни малейших видов по делу, и, дав это показание, Спешнев кончил объяснение словами: «теперь я исполнил свой долг. Вот моя полная исповедь, я виноват, и меня следует наказать».

3. О поручике л.-гв. Московского полка Момбелли (27 лет).

Момбелли, будучи, как сам выражается, самым гнусным либералом, в зиму 46—47 годов, завел у себя литературные вечера по одному разу в неделю и читал на них писанные и переведенные сочинения в либеральноом духе. По прекращении же в феврале 1847 года вечеров [1]) Момбелли, познакомившись с Петрашевским, почти постоянно посещал его сообрания и слышал происходившие там преступные раз-

---

[1]) Собрания Момбелли прекратил, по его показанию, вследствие намека полкового командира о неуместности вообще собраний по вечерам в казармах.

говоры; однажды, как Момбелли показывает, при нем делались насмешки над чинами высших классов и дерзко отзывались о священной особе вашего величества. Сам Момбелли, сочувствуя, по собственному выражению, всему либеральному и идее республиканского правления, принимал участие в преступных рассказах, слышал чтение письма литератора Белинского с дерзкими суждениями о православной церкви и нашем правительстве и намерен был распространить это письмо, для чего и отдал списывать с него копии. Кроме того, в конце 1847 года, он, Момбелли, возымев умысел составить тайное общество под названием товарищества, или братства взаимной помощи, с целью преобразовать гражданский быт, сделал предложение Львову, Петрашевскому и Спешневу и имел с ними и Дебу 1 по этому случаю совещания, при чем предлагал составить комитет из учредителей для управления обществом и произнес речь о необходимости хранить все это в тайне, упомянув в виде угрозы про смерть изменнику; а подсудимый Спешнев читал план тайного общества на восстание. Когда же учреждение общества не состоялось, по разномыслию совещавшихся, то Момбелли, по собственному сознанию, покушался возобновить переговоры о сем с Петрашевским, Львовым и Дебу 1, однакож и эти совещания остались без последствий.

Все сии преступные действия Момбелли, кроме собственного сознания, доказываются показаниями других лиц, участвовавших с ним в совещаниях о тайном обществе.

В рукописных сочинениях Момбелли, при арестовании его отобранных, заключаются многие демагогические мысли в отношении России и в высшей степени дерзкие выражения против священной особы вашего величества и даже воззвание к уничтожению императорского достоинства. Впрочем, чтобы сочинения эти были им читаны кому-либо, по делу положительно не открыто, а сам Момбелли отозвался,что их нигде не читал.

4. О поручике л.-гв. Конно-гренадерского полка Григорьеве (27 лет).

Григорьев, познакомившись в конце 1848 года с Петрашевским, в бытность у него на собраниях, слышал разговоры и, между прочим, об освобождении крестьян, свободе книгопечатания и перемене порядка судопроизводства. Равным образом он посещал собрания у Дурова, где были

читаны сочинения в либеральном духе и предполагалось писать статьи против правительства и распространять их посредством домашней литографии. Сам Григорьев взялся описывать злоупотребления военные и написал статью в высшей степени преступного и возмутительного содержания, под названием: «Солдатская беседа»; впоследствии же читал ее при многих лицах на обеде у Спешнева и передавал другим лицам для прочтения. В этой статье Григорьев, в виде рассказа отставного гвардейского солдата,—которого представил после долгой службы и многих походов, не имеющим пристанища и просящим милостыню,—описал с самой дурной стороны нашу военную службу, в противоположность службе во Франции, и употребил в высшей степени дерзкие выражения о начальстве и священной особе вашего императорского величества. Вообще, сочинение это сколько по содержанию, столько и по слогу, приноровленному к понятию солдат, могло увлекательно действовать как на них, так и на народ, который представлен также угнетенным от помещиков.

В преступлениях сих Григорьев сам сознался, и, принося раскаяние, отозвался, что он написал означенную статью по увлечению дурными идеями и во время болезненного припадка, от неудовольствия, на обиды полкового командира.

5. О штабс-капитане л.-гв. Егерского полка Львове (25 лет).

Львов, посещая, с октября 1848 года, собрания Петрашевского, слышал происходившие там преступные разговоры, и между прочим, об освобождении крестьян и перемене судопроизводства; равно при нем же читано было письмо Белинского, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти. В марте 1849 года посещал собрания Дурова, где читались статьи в либеральном духе и предполагалось завести домашнюю литографию для распространения статей против правительства. В конце 1848 года, по предложению Момбелли, участвовал в числе пяти лиц в совещаниях о составлении тайного общества, имевшего целью преобразовать гражданский быт, при чем сам излагал формы для общества, а когда общество это, по разногласию совещавшихся, не состоялось, то Львов, по предложению Петрашевского, изъявил согласие возобновить предположение о нем, для чего Петрашевский, Момбелли и Дебу 1 собирались в его квартиру и имели дальнейшие совещания, которые, однакож, остались без последствий.

Львов, сознавая себя во всех означенных преступлениях виновным, присовокупил: «молю господа моего подать мне силы вынести справедливо заслуженные мною страдания, за мою гнусную неблагодарность к благодетельствовавшему мне с раннего детства, государю моему и умереть, удостоившись его великодушного прощения».

6. О студенте С.-ПБ. университета Филиппове (24 лет).

Филиппов, посещая с 1848 года собрания Петрашевского, был один из деятельных участников в происходивших там преступных рассуждениях, осуждал образ правления и даже не раз говорил без уважения о царском сане, стараясь, как сам объясняет, выказать свои либеральные мысли с целью поколебать те понятия, на коих у нас основаны существующие отношения между начальниками и подчиненными. Такие преступные суждения Филиппов обнаруживал и в собраниях у Дурова, где он первый сделал предложение завести домашнюю литографию для распространения статей против правительства; а когда это предложение было отвергнуто, то он, по соглашению с подсудимым Спешневым, вознамерился устроить типографию для печатания тех сочинений, которые не могут быть написаны с дозволения цензуры и, успев приобрести некоторые типографские принадлежности, доставил их Спешневу. Кроме того, Филиппов был на обеде у Спешнева в то время, когда Григорьев читал свое сочинение, под заглавием «Солдатская беседа», наполненное в высшей степени преступными и возмутительными выражениями. В бумагах Филиппова найдено написанное им в возмутительном духе сочинение под заглавием: «Толкование десяти заповедей». В сочинении этом, клонящемся к разрушению как религиозных, так и политических убеждений в народе, Филиппов истолковал в превратном смысле некоторые изречения священного писания с целью возбудить подчиненных против начальства, крестьян против помещиков.

Таким образом, он, между прочим, писал, что если кто скажет, что всякая власть от бога, приемлет всуе имя божие; что законы государственные, как изданные людьми, могут быть и переменены людьми; что царь должен быть равен со всеми, и если кто скажет, что царь есть бог земной, то согрешит; что при лучшем устройстве общества не было бы ни воровства, ни зависти. Особенно же замечательно толкование на 6-ю заповедь, где сказано, что если крестьяне

убьют своего господина, то исполнят волю божию; что тот согрешит, кто пойдет на войну или пустит своих братьев на убой, и что в особенности погрешит царь, ведущий народ свой на убийство.

Сам Филиппов, с первого допроса, сделав сознание во всем вышеизложенном, объяснил, что хотя толкование десяти заповедей написано им с целью распространять ложные мысли о божественном писании, но он никому этого сочинения не показывал.

Филиппов, тронутый назидательным письмом своего отца, приносит в преступлениях своих раскаяние в следующих выражениях: «моя последняя надежда остается только на бога и на милосердие государя. Не смягчения наказания желаю я, но молю дать мне средства искупить, хотя бы самыми тяжкими трудами свои преступления, помириться с собственной совестью и доказать нашему общему отцу на земле, что он еще может найти во мне верного сына. В пламенном желании загладить свои преступления, в твердой решимости безропотно покориться самому тяжкому осуждению, с помощью бога, найду я силы исполнить этот обет».

7. О кандидате университета Дмитрие Ахшарумове (26 лет).

Ахшарумов, познакомившись с Петрашевским в декабре 1848 года, в бытность у него на собраниях, участвовал в происходивших там преступных разговорах и между прочим слышал рассуждения об освобождении крестьян, перемене судопроизводства и о восстановлении подведомственных лиц против властей; был на собраниях у Кашкина, имевших целью распространение социальных систем, на обеде 7 апреля произнес речь, в которой, осуждая настоящее устройство быта общественного, доказывал необходимость переворота, уничтожение семейной жизни, собственности, государства, законов, войска, городов и храмов. Такие же преступные мысли, но еще с большей дерзостью, выражены Ахшарумовым в рукописных его сочинениях, у него найденных. В них он, между прочим, излагал о необходимости изменения образа правления сперва в конституционное монархическое, а потом в республиканское и, исчисляя удобные средства, выразил готовность содействовать к осуществлению своих убеждений, презирая все препятствия и жертвуя самою жизнью, если бы даже и не успел воспользоваться плодами

своих действий. Кроме таких преступных замыслов к преобразованию общественного быта в России, Ахшарумов употребил в высшей степени дерзкие выражения о правительстве, членах императорской фамилии и священной особе вашего величества. Бумаги эти переданы им Дебу 2, у которого и найдены.

При следствии, Ахшарумов показал, что выраженные им в сочинениях его преступные идеи развились в нем при чтении социальных книг, получаемых от Петрашевского, и в минуты дурного расположения от огорчавших его несправедливо обстоятельств; речь же, читанную им на обеде, он написал из одного тщеславия перед товарищами.

Изъявляя раскаяние о своих преступлениях, Ахшарумов просит всемилостивейшего помилования во всеподданнейшем письме, следующего содержания: «Государь мой! прости меня! увлеченный чтением непозволительных книг, в заблуждении, в моих мыслях даже и осуждал я тебя; писал безрассудные, бессмысленные слова, прости мне их; они произнесены в минуты болезненного увлечения и никогда не были моими постоянными мыслями. Я раскаиваюсь во всем и прошу прощения, и пишу это не из желания быть избавленным от наказания, которое заслужил, но из раскаяния, от чистого сердца, чувствуя себя тяжело виновным пред тобою, как пред государем моим; считаю долгом христианина и подданного просить у тебя прощения. Прости меня, государь, если можно, за мое раскаяние и в память заслуг отца моего!»

8. О студенте Александре Ханыкове (24 лет).

Ханыков посещал собрания Петрашевского с 1846 года и слышал происходившие там преступные рассуждения о религии и правительстве, участвовал с Петрашевским в выписывании запрещенных социальных книг и, увлекшись либеральными идеями, особенно учением Фурье, стремился распространять оное в России через перевод сочинений его на русский язык. На обеде 7 апреля произнес в высшей степени преступную речь, клонившуюся к ниспровержению существующего порядка.

В этой речи Ханыков, между прочим, выражал, что отечество наше в цепях и рабстве, что религия и невежество—спутники деспотизма,—затемнили и заглушили натуральные его влечения, вспоминал о былой народной вольнице Нов-

городской и увещевал слушателей стремиться к преобразованию всего общественного быта. Вместе с тем он, отвергая семейственность и религию, называл семейный быт безнравственностью и развратом, церковь—гнездом хищных злодеев, бога—притеснителем и алчным злодеем, распинающим своего сына.

Во всем этом Ханыков сам сознался, объясняя, что кроме того он говорил неприличные речи о правительстве, а также говорил и даже одно время думал о тайных обществах, но потом все это оставил.

9. О коллежском советнике Константине Дебу 1-м (38 лет).

Подсудимый Дебу, познакомившись с Петрашевским в конце 1848 года, неоднократно был у него на собраниях и слушал происходившие там преступные разговоры, а также участвовал в собраниях Кашкина, где рассуждали о возможности применения учения Фурье к быту России, предполагалось составить библиотеку из запрещенных книг, которые поручены были в распоряжение его, Дебу. В бытность же 7 апреля на обеде, данном в честь Фурье, он, Дебу, слышал произнесенные там речи против религии, семейственного быта и правительства и изъявил согласие переводить сочинения Фурье на русский язык.

Кроме того, он, Дебу, в декабре 1848 года участвовал с подсудимыми Спешневым, Петрашевским, Момбелли и Львовым в совещаниях о составлении тайного общества; при чем Момбелли предлагал порицать все меры, предпринимаемые правительством, и угрожал смертию изменнику, а Спешнев читал составленный им план тайного общества на восстание.

При следствии Дебу объяснил, что он, узнав о сущности предположения подсудимого Момбелли, отказался от участия, сказав, что ни к какому тайному обществу принадлежать не хочет, что не донес об этом потому, что предполагаемое общество, по разногласию совещавшихся, не состоялось и что сам он, Дебу, ни словом, ни делом никогда не способствовал к распространению каких-либо вредных идей, а всегда был предан правительству.

Показание подсудимого Дебу 1-го о том, что при означенных преступных совещаниях об учреждении товарищества он объявлял, что не хочет принадлежать ни к какому тай-

ному обществу, подтверждают подсудимые Петрашевский и Момбелли, из коих первый объяснил, что Дебу советовал и ему отстать от этого общества.

10. О коллежском секретаре Дебу 2-м (25 лет).

Подсудимый Дебу 2-й, посещая собрания Петрашевского с 1847 года, слышал происходившие там преступные разговоры, бывал также на собраниях у подсудимого Кашкина, где участвовал в составлении общей библиотеки из социальных и либеральных книг, а 7 апреля присутствовал на обеде, данном в честь Фурье; при чем, после произнесения подсудимыми Петрашевским, Ахшарумовым и Ханыковым речей с преступными выражениями против религии и существующего порядка, сам сделал предложение о переводе на русский язык сочинений Фурье для успешного распространения оных и согласился быть, в числе других, редактором переводов.

При обыске у подсудимого Дебу 2-го найдено несколько запрещенных книг и выписок из сочинений разных социалистов, и, кроме того, у него хранилась тетрадь сочинений подсудимого Ахшарумова, в которой заключаются преступные рассуждения и начертание к возмутительным действиям для ниспровержения нашего государственного устройства, с употреблением притом в высшей степени дерзких суждений об императорском достоинстве и правительственных лицах.

Сочинение это, по показанию Ахшарумова, дано было подсудимому Дебу 2-му для прочтения, а сам Дебу сознался, что он хотел отвечать Ахшарумову, описать свою жизнь и свои намерения и потом возвратить ему его сочинение вместе со своим.

11. О титулярном советнике Кашкине (20 лет).

Титулярный советник Кашкин в последних двух месяцах 1848 года и великом посту 1849 года делал у себя в квартире один раз в неделю вечера, на которые собирались знакомые его и товарищи, в числе коих было несколько человек, посещавших и собрания подсудимого Петрашевского. На вечерах у него, Кашкина, преимущественно рассуждали о системе Фурье в видах применения и распространения оной в России; при чем сам Кашкин читал речь своего сочинения в преступных выражениях против бога и общественного устройства. В речи этой он доказывал невозможность до-

стигнуть счастья и совершенства человеческого при нынешнем положении общества, выражаясь, что настоящая форма правления недостаточна, чтобы привести человека к счастью, и между прочим, приводя мнения атеистов, которые он, очевидно, разделял, излагал, что страдания человечества гораздо более провозглашают злобу божию, нежели славу его, что во всяком случае мы скорее можем видеть в нем духа зла, нежели начало всего доброго и прекрасного.

Кроме того, Кашкин участвовал в учреждении, на общих издержках, библиотеки, преимущественно из социальных книг, и был на обеде, данном 7 апреля в честь Фурье; при чем произнесены были речи с преступными выражениями против религии, семейственного быта и существующего порядка, и положено было переводить сочинения Фурье на русский язык, для чего все присутствовавшие на обеде собирались после и разделили между собою на части одно из главных сочинений Фурье. На другой день после обеда, 8 апреля, подсудимый Кашкин был на собрании у подсудимого титулярного советника Петрашевского, где, между прочим, происходили преступные разговоры против правительства, но сам Кашкин участия в этих разговорах не принимал и после этого раза у Петрашевского уже не был.

В бумагах подсудимого Кашкина, кроме означенной речи, найден еще проект письма, в котором он также обнаружил отсутствие религиозного чувства, выражаясь, между прочим, так: «Бог, если ты существуешь, помоги мне». Но при допросах в Следственной комиссии Кашкин изъявил раскаяние и обратился к религиозным чувствам.

Вместе с тем, Кашкин, изъявляя раскаяние и в прочих поступках, объяснил, что если молодость и неопытность сколько-нибудь могут служить извинением и если бы он мог надеяться, что вашему величеству благоугодно будет оказать ему высочайшую милость и даровать возможность возвратиться на истинный путь, то он твердо убежден, что с помощью горестного испытания, им перенесенного, и благих советов родителей, вполне заслужит и оправдает доверие, ему оказанное, которого теперь может казаться недостойным.

12. Об отставном коллежском асессоре Дурове (33 лет).

Коллежский ассесор Дуров, посещая собрания Петрашевского с 1847 года, слушал происходившие там преступные рассуждения о религии, о восстановлении подчиненных про-

тив властей и об освобождении крестьян, на одном из собраний у Петрашевского сам говорил речь о родственном союзе, доказывая, что родство опутывает человека. В марте же сего 1849 года Дуров сам завел у себя собрания, на которых были читаны сочинения в либеральном духе, а один раз читали письмо Белинского к Гоголю, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и предполагалось завести домашнюю литографию для распространения статей против правительства. Наконец, он, Дуров, в бытность у подсудимого Спешнева на обеде, слышал чтение поручиком Григорьевым возмутительного сочинения его под заглавием «Солдатская беседа».

При следствии Дуров, утверждая, что он умысла против правительства не имел, отозвался, что преступное на собраниях у него вкралось незаметно и что поэтому он тогда же прекратил собрания.

В бумагах Дурова ничего относящегося к сему делу не оказалось; но, по отзыву председателя Особой комиссии статс-секретаря князя Голицына, сочинения Дурова легкомысленны, и в них проявляются безнравственные чувства. Следственная же комиссия, обращая внимание на ход действий Дурова, заметила в нем либеральное направление.

13. Об отставном инженере поручике Федоре Достоевском (27 лет).

Поручик Достоевский, по собственному сознанию, посещая собрания Петрашевского три года, слышал происходившие там преступные суждения, между прочим, об освобождении крестьян, об изменении порядка судопроизводства, и сам принимал участие при разговорах о строгости цензуры, а на одном собрании, в марте сего 1849 года, прочел полученное им из Москвы от подсудимого Плещеева письмо литератора Белинского к Гоголю, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти. После того, встретив одобрение этому письму, Достоевский читал оное на собраниях Дурова и потом передал его для списания копии подсудимому Момбелли. На тех же собраниях Дурова он слышал чтение других либеральных статей, знал о предположении завести домашнюю литографию для распространения статей против правительства и, наконец, был на обеде у подсудимого Спешнева в то время, когда подсудимый Григорьев читал возмутительное свое сочинение под названием «Солдатская беседа».

При следствии Достоевский, сознаваясь, что он точно участвовал в разговорах о возможности некоторых перемен и улучшений, отозвался, что предполагал ожидать этого от правительства; письмо же Белинского читал на собраниях как литературный памятник, будучи уверен, что он не может никого привести в соблазн.

14. О неслужащем дворянине Алексее Плещееве (23 лет).

Подсудимый Плещеев втечение трех лет, постоянно, раз или два в месяц, бывал на собраниях у Петрашевского, где, как сам объясняет, были обсуждаемы разные меры против правительства и рассматривалось о необходимости некоторых преобразований в администрации. В марте же месяце сего 1849 года он, находясь в Москве, прислал оттуда подсудимому Достоевскому список с письма литератора Белинского, наполненного в высшей степени дерзкими суждениями о православной церкви и о нашем правительстве. Кроме того, сам Плещеев в письмах своих к подсудимым Достоевскому и Дурову излагал вольные суждения насчет пребываний в Москве высочайшего двора, выражаясь, что будто императорская фамилия встретила в Москве очень мало симпатии и что все желают, чтоб двор поскорее уехал. В этих же письмах Плещеев употребил дерзкие отзывы насчет начальства Московского университета и вообще обнаружил либеральное направление мыслей.

При следствии Плещеев показал, что означенное письмо отыскал случайно в библиотеке умершего дяди своего и прислал к Достоевскому как литературное произведение. В отношении же собственных своих писем отозвался, что он о недостатке в жителях Москвы симпатии к императорской фамилии упоминал от легкомыслия.

Примечание. По окончании производства суда мать Плещеева во всеподданнейшем прошении на имя вашего величества просила об облегчении участи сына ее, объясняя, что он впал в преступление по молодости лет и что она имела в нем единственную подпору; по докладу же о сем ваше величество повелеть соизволили: принять просьбу эту к делу и представить вместе с докладом генерал-аудиториата.

15. О титулярном советнике Головинском (20 лет).

Подсудимый Головинский, быв два раза в собраниях у титулярного советника Петрашевского, слышал происходившие там преступные разговоры и сам принимал в них участие, доказывая необходимость предоставить крепостным людям свободу; посещал также собрания подсудимого Дурова, на которых были читаны статьи преступного содержания и, между прочим, письмо литератора Белинского к Гоголю, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, а на обеде у Спешнева он слышал чтение подсудимым Григорьевым возмутительного сочинения, под названием «Солдатская беседа».

Кроме того, из показаний двух подсудимых, студента Филиппова и поручика Григорьева, видно, что Головинский, при рассуждении о предоставлении помещичьим крестьянам свободы доказывал, что их можно освободить без содействия и воли правительства, через восстание их самих, и что при этом же, говоря об изменении образа правления, сказал, что правление не может измениться вдруг, но прежде должна быть диктатура как необходимое следствие реформы. Подобно сему показал и подсудимый поручик Польем, объяснив, что Головинский, говоря очень горячо, прибавил: для освобождения крестьян все меры хороши.

Головинский в этом не признался, отзываясь, что он об освобождении крестьян говорил в том смысле, что это может сделать правительство в силу самодержавного права, а под диктатурою разумел самодержавие.

По засвидетельствованию Следственной комиссии, Головинский оказывал явное упорство в объяснении истины и изворотливость при написании ответов, которые излагал не в том виде, как объяснял на словах.

16. Об учителе Толле (26 лет).

Подсудимый Толль, посещая собрания Петрашевского с 1846 года, слышал происходившие там преступные разговоры, а на одном из собраний сам говорил речь о религии, доказывая, что она происходит из чувства страха и не только не нужна, но даже вредна. Такое же вольнодумное рассуждение, доказывающее отсутствие в нем религиозного чувства, было изложено им в особом сочинении, найденном в его бумагах, под заглавием «Историческое рассуждение о начале

и развитии народов». В этом сочинении Толль, также доказывая, что религия происходит из чувства страха и что она не нужна для человека, сравнивал господа нашего Иисуса Христа с основателями языческих верований.

При следствии Толль, сознаваясь, что точно говорил означенную речь, показал, что он приводил заключение о ненадобности религии не от себя, а только как мнение одного из германских философов.

17. О титулярном советнике Ястржембском (34 лет).

Подсудимый Ястржембский, бывая неоднократно на собраниях у Петрашевского, слышал происходившие там преступные разговоры и был при чтении письма литератора Белинского к Гоголю, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти. Сам он, принимая деятельное участие в суждениях, читал на нескольких собраниях лекции о политической экономии и статистике в либеральном духе, делал насмешки над чинами высших классов и доказывал, что государство вообще не имеет никакой цели, но что развитие человечества должно быть по системе Фурье.

Все это подтверждается показаниями многих прикосновенных к делу лиц и собственным сознанием Ястржембского.

Сверх того двое из прикосновенных к делу показали, что Ястржембский, доказывая на одном собрании у Петрашевского, что Российское государство имеет цель подчинить всех власти одного, отзывался резко о сановниках и, сравнивая Россию с Китаем, дерзал назвать ваше величество богдыханом.

Но сам Ястржембский в этом не признался.

18. О поручике лейб-гвардии Егерского полка Пальме.

Подсудимый Пальм, познакомившись в августе месяце 1847 года с Петрашевским, бывал у него на собраниях и слышал происходившие там преступные разговоры, но сам никакого участия в них не принимал. В марте же месяце сего 1849 года он, Пальм, живя на одной квартире с подсудимым Дуровым, участвовал в бывших у сего последнего собраниях, на которых были читаны статьи в либеральном духе, в том числе преступное письмо литератора Белинского, и предполагалось завести домашнюю литографию для распростране-

ния статей против правительства. Наконец, он, Пальм, был у подсудимого Спешнева в то время, когда поручик Григорьев читал сочинение свое под заглавием «Солдатская беседа», написанное в возмутительном духе.

В бумагах подсудимого Пальма ничего преступного не оказалось; напротив, в литературных и исторических сочинениях его (как уведомил председатель Комиссии о разборе бумаг, отобранных у обвиняемых, статс-секретарь князь Голицын) видна сильная любовь к России.

При следствии Пальм, изъявляя раскаяние в том, что присутствовал при вышеизъясненных чтениях и разговорах, отозвался, что он никаких преступных замыслов не имел и никогда либералом не был, но виноват в том, что терпел либерализм в других.

В показании своем Пальм просит милосердия вашего императорского величества в следующих выражениях: «Если бы я мог молить о проблеске милосердия того, кто неистощимо милосерд к несчастным, но я не стою ничего, я ничего не заслужил. Мне остается только с открытою совестью довериться судьбе моей и день и ночь со слезами молить всемогущего бога, да укажет мне путь и случай доказать мою безграничную преданность престолу и всеми моими силами, всею кровью смыть это черное пятно на моей чести, на моей несчастной молодости».

19. О коллежском секретаре Европеусе (22 лет).

Коллежский секретарь Европеус был увлечен зловредным учением Фурье, посещал собрания подсудимого Кашкина, где происходили суждения о различных социальных теориях, участвовал в составлении общей, в кругу их, библиотеки из социальных и либеральных книг и в квартире своей делал на общие деньги обед 7 апреля, в память дня рождения Фурье, при чем произнесены были подсудимыми Ахшарумовым и Ханыковым речи с преступными выражениями против религии, семейственного быта и существующего порядка и положено для распространения учения Фурье перевести на русский язык его сочинения, редактором же переводов избран был, в числе других, и он, Европеус.

При следствии Европеус отозвался, что он к политическим переменам никакого желания не имел, а в военном суде, изъявив искреннее и совершенное раскаяние в своих поступках, объяснил, что они произошли не от злонамеренности, а от легкомыслия, по молодости.

20. О титулярном советнике Тимковском (34 лет).

Подсудимый Тимковский, познакомившись с подсудимым Петрашевским в октябре 1848 года, был у него на шести собраниях, на коих происходили преступные суждения о религии и правительстве. Сам он на одном из собраний читал речь в похвалу коммунистских и социальных систем, советовал изучать эти системы для достижения возможности применения оных к России, приглашал всех действовать и распространять их, в особенности учение Фурье, во всех обществах высшего круга; предлагал солидарность (взаимно ответное товарищество) для того, чтобы подвигать друг друга вперед общими силами и, достигнув значительных мест по службе, иметь желаемое влияние на правительство к осуществлению своих намерений. В заключение же советовал устроить кружки для пропаганды фурьеризма, с тем чтобы хозяева сих кружков составляли свой особый круг для руководства прочих и распоряжения пропагандой. Действуя вообще в духе фурьеризма, подсудимый Тимковский в декабре того же года, отправившись в Ревель, где он находился на службе, покушался и там говорить об учении Фурье некоторым знакомым ему лицам и с целью распространить это учение начал переводить социальные сочинения на русский язык, но, встретив со всех сторон возражения и убедившись сам в лживости того учения, оставил мысль распространения оного и прекратил начатые переводы.

При следствии Тимковский, принося чистосердечное раскаяние с уклонением от пути истины, объяснил, что все это произошло под влиянием собраний Петрашевского и что там же он доведен был даже до отрицания самого бога, но потом, убедившись во вредности этого учения, ведущего прямым путем к безбожию, прекратил свои действия.

Хотя в отношении означенной речи Тимковского трое из других подсудимых: Момбелли, Львов и Толль показали, что Тимковский в речи своей делал возмутительные предложения, а Толль, кроме того, объяснил, что Тимковский требовал безотлагательного исполнения своих предположений к возмущению, но сам Тимковский, отвергая это, объяснил, что он говорил в смысле возможности постепенного преобразования государства по системе Фурье, и неоднократно повторял, чтобы итти путем мира и убеждения. Самой же речи Тимковского не осталось на письме в руках слушателей, и в бумагах его не найдено. Притом показание Тимковского

подтверждают отчасти подсудимые Спешнев и Достоевский, из коих первый показал, что хотя форма речи, читанной Тимковским, была несколько горяча, но он положительно и добросовестно отклонял в ней от всякого политического переворота и уговаривал каждого словесно распространить свои мысли и убеждения; а Достоевский объяснил, что Тимковский хотя отзывался в своей речи с большим уважением о Фурье и желал успеха в системе его, но вместе с тем убеждался в невозможности немедленного применения оной и, увещевая быть согласными в идеях, оговаривал, что зовет не на бунт и не желает тайного общества. Равным образом и из прочих подсудимых никто не показал, чтобы речь Тимковского была в возмутительном духе, в том смысле, как объяснили Момбелли, Львов и Толль.

21. О мещанине Шапошникове (28 лет).

Подсудимый Шапошников, по собственному его показанию, начитавшись разных вредных сочинений, написанных против правительства, усвоил самый либеральный образ мыслей и, находясь в коротких отношениях с бывшим студентом Толстовым и подсудимым Катеневым, имел с ними, у себя в квартире, преступные разговоры о религии и правительстве: рассуждал о преимуществах свободы и равенства и о возможности ввести в России республиканское правление, при чем один раз Катенев, быв в пьяном виде, при нем, Шапошникове и Толстове, вызывался на цареубийство.

О действительности таких разговоров подтвердили Толстов (впоследствии по милосердию вашего императорского величества прощенный) и подсудимый Катенев; из них последний, кроме того, показал, что Шапошников, внушая ему развратные мысли против религии и правительства, разрушил его религиозные убеждения и что один раз Шапошников произносил два дерзких стиха против священной особы вашего величества.

Сам Шапошников при следствии отозвался, что в беседе с Толстовым и Катеневым действительно были разговоры о Французской революции, равенстве, о свободе человека и республике; что из них Толстов, выражая ненависть к правительству, говорил, что в России может быть республика; а когда узнал о склонности его, Шапошникова, к театру и о намерении поступить в актеры, то, советуя оставить это, говорил, что может дать ему другую деятельность

и что его ждет участь лучшая, ибо дар слова его нужен на площади; однакож он, Шапошников, всегда противоречил в этом Толстову. Сам он никогда преступных речей против правительства не говорил, а считает себя виновным только в том, что, по страсти к театру и чтению, имел разные дурные стихи, в коих находилось дерзкое о священной особе вашего императорского величества выражение, которое он, Шапошников, может быть, и повторял. Равно он слышал, что Катенев один раз, быв в пьяном виде, сказал, что убьет царя, при чем, заметив Катеневу, что он нездоров, просил его притти домой.

В военном же суде Шапошников, изъявляя раскаяние в своих поступках и прося об отеческом помиловании, присовокупил, что не донес о вызове Катенева на цареубийство потому, что не смел смущать правительство тем, на что не имел доказательств.

Кроме того, он, Шапошников, по показанию агента и одного из своих знакомых, навлекает на себя подозрение в произнесении дерзких слов о священной особе вашего величества, но сам он в том не сознался, и положительных доказательств к изобличению его не открыто.

22. О сыне потомственного почетного гражданина Василии Катеневе.

Подсудимый Катенев, находясь в близких сношениях с мещанином Петром Шапошниковым и бывшим студентом Толстовым, участвовал с ними в преступных разговорах о правительстве и, желая, как сам показал, перемены общественного быта в России, рассуждал о возможности ввести в России республиканское правление, отзывался дерзко о священной особе вашего величества, а один раз, в пьяном виде, изъявил даже готовность на цареубийство. Кроме того, Катенев, не признавая христианской религии и отвергая существование бога, произносил богохульные слова публично в трактире и говорил, что религия выдумана.

Во время производства следствия Катенев подвергся расстройству ума и был отправлен в больницу Всех Скорбящих. На запрос военного суда управляющий больницею уведомлял, что Катенев одержим явным помешательством ума, а потому он судом опрошен не был.

23. Об отставном подпоручике Черносвитове (39 лет).

Подсудимый Черносвитов прибыл в конце 1848 года в С.-Петербург из Сибири, где имел жительство, вскоре познакомился с подсудимыми Петрашевским и Спешневым и бывал неоднократно на собраниях у Петрашевского, при чем, как сам сознался, говорил довольно свободно и резко о своем начальстве и даже о правительстве. Независимо от разговоров на собраниях, Черносвитов имел с Петрашевским и Спешневым неоднократно особые свидания или у них или у себя в квартире и при этом рассказывал им о состоянии Сибирского края, о бывшем в 1841 году частном возмущении в Оренбургской и Пермской губерниях и о возможности на будущее время подобных возмущений в Восточной Сибири и на заводах хребта Уральского. Однакож все эти разговоры остались без всяких последствий, и Черносвитов вскоре затем уехал из С.-Петербурга. Во время же производства по сему делу следствия по поводу показаний Спешнева и Петрашевского, что они имели с Черносвитовым совещания к произведению восстания в Сибири, Черносвитов был арестован близ города Омска особо командированным жандармским офицером.

Сделанные на Черносвитова подсудимыми Спешневым и Петрашевским показания заключались в следующем: что Черносвитов в разговорах с ними, наводя их на мысль о существовании тайного общества в России, выведывал, нет ли такого общества в Москве и в С.-Петербурге, что он, похваляясь влиянием своим на дела Сибири и на раскольников и называя страну эту отдельною империею, говорил о возможности к произведению возмущения в Восточной Сибири, на горных заводах и на Урале и излагал план действия при возмущении, присовокупляя, что на пермских заводах 400 тысяч народу, оружие под рукой, и все только ждет первой вспышки, а наконец сказал, что для приготовления к возмущению нужно год, но что можно и в теперешнем положении продержать лет пять-шесть.

Петрашевский же, кроме того, добавил, что Черносвитов во время означенного разговора сказал: «Надо всех запереть и разом хватить», относя это к высшему правительству, и что вообще направление речей Черносвитова всегда было проникнуто возмутительным духом. А в особом показании Петрашевский объяснил, что Черносвитов неоднократно внушал ему мысль о цареубийстве, рассказывал, что он член

какого-то тайного общества, и советовал ему, Петрашевскому, заводить такие общества в высшем кругу.

Подсудимый Черносвитов, не отвергая, что он в разговорах с Петрашевским и Спешневым сообщал им сведения о состоянии Сибири и о бывшем в Пермской губернии возмущении, отозвался, что разговоры его не имели преступной цели и что о возмущении в Сибири говорено было в смысле возможности, но плана для действий он никогда не предлагал и, зная Сибирь, твердо убежден, что идея восстания там, на Урале, никогда осуществиться не может. За всем тем он чувствует себя виновным в том, что его рассказы, объяснения и фантазии навели Петрашевского и Спешнева на ту мысль, и видит, что без столкновения с ним ни Спешневу, а тем более Петрашевскому не пришло бы на мысль составить план разрушения.

Доказательств к тому, чтобы Черносвитов имел вредные замыслы против правительства и рассказывал Петрашевскому и Спешневу о возможности восстания с целью преступною, по делу не открыто, однакоже на него падает подозрение в том, по следующим обстоятельствам:

Во-первых, подсудимые Спешнев и Петрашевский сделали означенное показание совершенно согласно между собой, объяснив притом в подробности все случаи, бывшие при разговорах их с Черносвитовым.

Во-вторых, Черносвитов при изложении доводов к опровержению извета подсудимых Спешнева и Петрашевского сам высказал факты, или друг другу противоречащие или несообразные с существом дела, именно: говоря о прибытии к нему Спешнева и Петрашевского, показал, что прежде приехал Спешнев, а потом Петрашевский, но Спешнев и Петрашевский показали, что они прибыли вместе. Потом Черносвитов, объясняя повод к знакомству с Спешневым, сначала упомянул, что Петрашевский рекомендовал ему Спешнева как человека умного и высоко образованного, но потом утверждал, что будто бы Петрашевский постоянно отзывался дурно о Спешневе. Наконец, при исчислении препятствий к восстанию в Сибири Черносвитов писал, что там не может быть единства действий и что всякое предприятие напрасно, но в другом показании, описывая заслуги свои при усмотрении в 1841 году возмущения государственных крестьян в Пермской губернии, где он был исправником, излагал, что возмущение в Сибири может распространиться от самого

ничтожного повода, присовокупив: «Да кто поручится и за горные заводы».

В-третьих, на очной ставке с подсудимым Спешневым, при объяснении им всех подробностей разговора, Черносвитов, как видно из журнала Следственной комиссии, обнаружил некоторое замешательство, тогда как Спешнев объяснялся положительно и с твердостью.

Равным образом на очной ставке с подсудимым Петрашевским Черносвитов также показал замешательство и сделал неудовлетворительный отзыв насчет сказанного им в разговоре с Спешневым и Петрашевским выражения: «Ну, господа, теперь надо вести дело на чистую». Хотя Черносвитов, испросив впоследствии разрешения явиться в Комиссию военного суда, старался в свое оправдание объяснить, что слова те сказаны им в желании выведать политические убеждения Спешнева, но когда суд, имея в виду показание Черносвитова, что он приехал из Сибири в С.-Петербург единственно по собственным делам, касающимся золотопромышленности, и другого интереса не имел, предложил ему положительный вопрос: по какому поводу и с каким намерением он, Черносвитов, так настоятельно желал знать политические убеждения Спешнева?—то Черносвитов не мог дать никакого удовлетворительного ответа, а, напротив, при объяснении обнаружил явное замешательство.

И, в-четвертых, Черносвитов в показаниях своих при следствии обнаружил либеральный образ мыслей и, между прочим, сознался, что считает необходимым сделать некоторые перемены в общественных учреждениях, особенно освободить крестьян.

В бумагах Черносвитова ничего относящегося к изобличению его в злоумышлении не оказалось.

Главное начальство Восточной и Западной Сибири и Оренбургского края отозвалось, что о распространении Черносвитовым вредных толков сведений получено не было и что поводов к нарушению спокойствия и общественного порядка нет. А командированный для арестования Черносвитова офицер корпуса жандармов донес, что на границе Пермской губернии, где Черносвитов служил исправником, все отзываются о нем с отличной похвалою.

По соображении обстоятельств сего дела, генерал-аудиториат признает:

Преступные замыслы подсудимых к ниспровержению существующего в России государственного устройства возникли

от либерального направления ума и от усвоенных ими вредных социальных идей Западной Европы.

Первый пример к таким замыслам подал подсудимый титулярный советник Буташевич-Петрашевский, который еще с юношества, быв проникнут либеральными понятиями, кои, по окончании в 1841 году университетского курса, в нем еще более укоренились, возымел преступный замысел на ниспровержение государственного устройства. Для достижения этой цели он употреблял различные средства: пытался поселять зловредные начала либерализма в молодое поколение посредством учителей, сам развращал юные умы зловредными книгами и беседами, а с 1845 года, действуя уже в духе пропаганды, собирал у себя в известные дни знакомых ему учителей, литераторов, студентов и вообще лиц разных сословий и постоянно возбуждал и направлял происходившие на сих собраниях суждения, клонившиеся к попранию религиозного убеждения, к осуждению государственного управления, к порицанию правительственных лиц и даже священной особы вашего императорского величества. Таким образом он доводил посетителей своих до того, что они получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенными в прежних своих верованиях и наклонными к преступному направлению. Не довольствуясь этим, Петрашевский в конце 1848 года, для скорейшего достижения переворота, вместе с некоторыми из лиц, посещавшими его, делал попытки образовать тайное общество, независимо от своих собраний, и в этих видах имел тайные совещания с подсудимыми помещиком Спешневым и отставным подпоручиком Черносвитовым о возможности восстания в Восточной Сибири и на Урале; а вслед за тем участвовал в таких же совещаниях с поручиком лейб-гвардии Московского полка Момбелли и другими тремя лицами об учреждении тайного общества под названием товарищества или братства, с целью преобразования нашего гражданского быта; однакоже общество это, по разногласию совещавшихся, не состоялось.

По примеру Петрашевского, в конце того же 1848 года и в начале 1849 года учредились подобные собрания у литератора отставного коллежского ассесора Дурова и у служащего в Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел титулярного советника Кашкина.

В собраниях у Дурова читаны были рукописные сочинения в либеральном духе, и сверх того предполагалось писать

статьи против правительства, а для распространения их завести тайную литографию, что, однакож, оставлено без исполнения.

Собрания Кашкина, состоявшие из кружка немногочисленного, имели целью изучения систем социальных и коммунистических, и по преимуществу системы Фурье, с целью применения оных к России.

Свойство сих систем, как видно из речей и рукописных сочинений обвиняемых, клонилось тоже к ниспровержению как религиозных, так и политических убеждений в народе, к уничтожению прав семейной жизни, собственности, к произведению труда и промышленности общественным способом, через соединение помещиков и крестьян в одну общину, и следовательно вели к тем же последствиям разрушения настоящего порядка.

Независимо от означенных собраний и лиц, в них участвовавших, представлялось еще сочинение на мещанина Петра Шапошникова и сына почетного гражданина Катенева в злоумышлении против правительства и в намерении приступить к бунту, но это по исследованию не подтвердилось; обнаружено только, что Шапошников, питая вредный образ мыслей и будучи подстрекаемым посещавшими его бывшим студентом Толстовым и вышеупомянутым Катеневым, вел с ними у себя в квартире преступные разговоры о религии и правительстве и рассуждал о возможности ввести в Россию республику.

Впрочем, все описанные собрания, отличавшиеся вообще духом, противным правительству, и стремлением к изменению существующего порядка, не обнаруживают единства действий; к разряду организованных тайных обществ они тоже не принадлежали, и чтобы имели какие-либо сношения внутри государства, не доказывается никакими положительными данными. За всем тем преступные начинания подсудимых, при дальнейшем их развитии, могли бы иметь гибельные последствия для спокойствия государства, если б оные не были своевременно предупреждены принятыми со стороны правительства мерами, тем более, что превратные мысли распространялись уже между многими лицами, находившимися в сношениях с подсудимыми.

Из числа подсудимых главнейшими виновниками по сему делу должно признать: титулярного советника Буташевича-Петрашевского, помещика неслужащего дворянина Николая Спешнева и поручика лейб-гвардии Московского полка Ни-

колая Момбелли. Из прочих подсудимых одни в большей, другие в меньшей степени были соучастниками в преступных замыслах или произнесенными ими возмутительными речами на собраниях, или собственными их сочинениями, или, наконец, личным принятием участия в совещаниях о предполагавшемся тайном обществе.

Обвинения каждого из подсудимых основываются на собственных их показаниях, на письменных актах, у них найденных, и на других, более или менее положительных сведениях.

Степень виновности их, по обнаруженным личным действиям в преступных замыслах, заключается в следующем:

1) Существо и важность падающих на титулярного советника Буташевича-Петрашевского обвинений изложены выше; но вина преступных его замыслов еще усиливается, во-первых, зловредным примером, увлекшим многих других к подражанию и развращению; второе, тем, что он не только не изъявил в поступках своих раскаяния, но еще во время производства следствия употреблял дерзкие выражения в своих объяснениях и покушался тайным образом склонить к запирательству других подсудимых.

2) Помещик, неслужащий дворянин Спешнев, будучи тоже, подобно Петрашевскому, проникнут духом либерализма, во время четырехлетнего пребывания за границею, замышлял о составлении тайного общества в России и для этого написал проект обязательной подписки для членов общества. В этом проекте, еще неоконченном, он изложил обязательство не только принимать других в члены тайного общества, но споспешествовать восстанию и участвовать вооруженною рукою в бунте. Хотя Спешнев показывает, что означенное обязательство написано им еще в бытность за границею, и что он к составлению общества не приступал, однако такому показанию верить сомнительно, ибо последующие действия его, по возвращении в Россию, обнаруживают в нем явно направление злоумышленное, а именно: на собраниях у Петрашевского он говорил речь в духе социализма, отвергая даже самое бытие божие; в разговорах с некоторыми литераторами вызывался печатать за границею запрещенные в России книги; посещал собрания коллежского ассесора Дурова, где читаны были сочинения преступного содержания и предполагалось писать статьи против правительства, распространяя их посредством домашней литографии; а когда это не состоялось, вознамерился устроить тайно у себя в доме

типографию, для чего уже и были приобретены им некоторые типографские принадлежности; на обеде у себя допустил подсудимого поручика Григорьева читать сочинение под заглавием: «Солдатская беседа», написанное Григорьевым с целью возмутительною; находился на обеде, данном в честь Фурье, когда там произнесены были речи против религии и общественного порядка, и согласился вместе с прочими, для лучшего распространения учения Фурье, участвовать в переводе его сочинений на русский язык. Кроме того, по собственному и добровольному при следствии сознанию, участвовал с подсудимыми Момбелли, Петрашевским, Львовым и Дебу 1-м в совещаниях о составлении тайного общества, под названием товарищества или братства взаимной помощи, и сам излагал написанный им план действий тайного общества на восстание, а с подсудимым отставным подпоручиком Черносвитовым имел рассуждение о средствах к восстанию в Сибири и на Урале.

3) Поручик лейб-гвардии Московского полка Момбелли (литератор), быв тоже напитан либеральными идеями, употреблял в рукописных своих сочинениях, при арестовании у него захваченных, возмутительные и в высшей степени дерзкие рассуждения против правительства и в особенности против священной особы вашего императорского величества и даже допустил выражения о восстании и об уничтожении императорского достоинства, старался поселять либеральные свои идеи на бывших у него в зиму 1846—1847 года литературных вечерах между посетителями, по прекращении же сих вечеров, именно в феврале 1847 года, принял участие в собраниях подсудимого Петрашевского, где, высказывая преступные свои мысли, выражал, как сам показывает, сочувствие республиканскому правлению, намеревался распространять противное правительству и религии письмо литератора Белинского, наполненное дерзкими выражениями против верховной власти и православной церкви, и наконец в декабре месяце 1848 года покушался составить тайное общество, под названием товарищества или братства, пригласив к участию в оном подсудимых Петрашевского, Спешнева, Львова и Дебу 1-го, при чем сам он на бывших совещаниях произнес речь о составлении комитета из учредителей и о необходимости хранить все это втайне под опасением смерти изменнику.

4) Поручик лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка Григорьев, имея тоже либеральное направление ума, посещал со-

брания подсудимого Петрашевского и слушал происходившие на оных преступные рассуждения, а в марте месяце сего года, на собрании подсудимого Дурова, участвуя в совещаниях о сочинении статей против правительства, изъявил готовность описывать злоупотребления военные и вскоре написал и распространял статью, в высшей степени преступного и возмутительного содержания, под заглавием: «Солдатская беседа». В этой статье, под видом рассказа отставного гвардейского солдата, Григорьев описывал в самых черных красках нашу военную службу и действия воинских начальников и поместил дерзкие отзывы о священной особе вашего императорского величества. Сочинение это тем более оказывается преступным, что по смыслу и увлекательному слогу, приспособленному к понятию солдата, оно предназначалось к поколебанию в нижних чинах преданности к престолу и повиновения к начальникам.

5) Штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка Львов 2-й посещал собрания Петрашевского, слушал происходившие в оных преступные разговоры и между прочим письмо литератора Белинского, наполненное дерзкими выражениями против верховной власти и православной церкви; посещал собрания подсудимого Дурова и участвовал в совещаниях о сочинении статей против правительства и распространении их посредством домашней литографии, а на обеде у Спешнева слушал читанную поручиком Григорьевым статью возмутительного содержания под заглавием: «Солдатская беседа». Наиболее же виновен в том, что в декабре месяце прошлого 1848 года участвовал с подсудимыми Петрашевским, Спешневым, Момбелли и Дебу 1-м в совещаниях о составлении тайного общества, под названием товарищества или братства взаимной помощи, и при этом сам излагал формы сего общества.

6) Студент Филиппов, посещая собрания подсудимого Петрашевского, участвовал в происходивших на оных преступных разговорах, выражая свои либеральные понятия с целью поколебать те правила, на которых основаны существующие у нас отношения подчиненных к начальникам; порицал действия правительства и говорил без уважения о царском сане; на собраниях у коллежского асессора Дурова предложил распространять сочинения против правительства посредством домашней литографии и впоследствии покушался с подсудимым Спешневым завести для той же цели тайную типографию, был при чтении преступного письма

литератора Белинского и возмутительного сочинения подсудимого поручика Григорьева под заглавием: «Солдатская беседа», и сам написал найденное в его бумагах рукописное сочинение под заглавием: «Толкование десяти заповедей», клонящееся к разрушению как религиозных, так и политических убеждений в народе.

7) Кандидат Ахшарумов посещал собрания подсудимого Петрашевского, участвовал там в преступных разговорах и между прочим о восстановлении подчиненных против властей и, быв напитан в высшей степени социальными и либеральными идеями, произнес на обеде, данном 7 апреля сего года в честь Фурье, преступную речь о необходимости общественного переворота, уничтожения семейной жизни, собственности, господства и разрушения столиц, городов и пр. Сверх того в рукописных сочинениях, отобранных у него при арестовании, Ахшарумов писал рассуждения о средствах к преобразованию общественного быта в России, перемене образа правления сперва в конституционное монархическое, а потом в республиканское, употребив при этом в высшей степени дерзкие выражения о правительстве, членах императорской фамилии и в особенности о священной особе вашего императорского величества и, исчисляя тут же удобные средства к произведению восстания, выразил готовность участвовать в оном, не щадя жизни.

8) Студент Ханыков с 1846 года, посещая собрания подсудимого Петрашевского, участвозал в происходивших там преступных рассуждениях о религии и правительстве и потом 7 апреля сего года на обеде, данном в честь Фурье, произнес в высшей степени преступную речь в духе коммунизма, противу существующего порядка вещей, в которой с дерзким богохульством, вооружась против прав семейственных, увещевал своих слушателей стремиться к преобразованию всего общественного быта.

9 Коллежский асессор Дуров (литератор) посещал с 1847 года собрания подсудимого Петрашевского, участвовал там в преступных рассуждениях о религии и правительстве; был на обеде у подсудимого Спешнева, где читано было сочинение поручика Григорьева, злоумышленного в высшей степени содержания, под заглавием: «Солдатская беседа». Сверх того в марте месяце сего года, учредив у себя собрания, допустил читать преступное против религии и правительства письмо литератора Белинского и имел совещания о распространении, посредством домашней литографии,

сочинений против правительства. По отзыву председателя особой комиссии, учрежденной для разбора бумаг, у арестованных лиц опечатанных, статс-секретаря князя Голицына, сочинения Дурова вообще легкомысленны и в них проявляются безнравственные чувства. Следственная комиссия, при расспросах Дурова, обращая внимание на его действия, с своей стороны заметил в нем либеральное направление.

10) Отставной инженер-поручик Достоевский (литератор) посещал собрания Петрашевского и принимал участие в происходивших там преступных разговорах, а в марте месяце сего года, получив из Москвы от подсудимого Плещеева копию с преступного письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против верховной власти и православной церкви, читал это письмо в собраниях у Дурова и Петрашевского и, наконец, передал его для списания копии подсудимому Момбелли, на собраниях у Дурова участвовал в совещаниях о том, чтобы писать статьи против правительства и распространять их посредством домашней литографии, наконец, был у подсудимого Спешнева на обеде, когда там читана была статья возмутительного содержания поручика Григорьева под заглавием: «Солдатская беседа».

11) Коллежский советник Дебу 1-й посещал собрания Петрашевского, слушал происходившие на оных преступные разговоры, а в обществе титулярного советника Кашкина был распорядителем общей библиотеки выписываемых из-за границы социальных и либеральных книг, участвовал в обеде, данном 7 апреля в честь Фурье, где произнесены были самые преступные речи противу существующего порядка и положено было, для лучшего распространения учения Фурье, перевести сочинения его на русский язык, наиболее же виновен в том, что он, в числе пяти лиц, по приглашению Петрашевского, участвовал в совещаниях об учреждении, по предложению подсудимого Момбелли, тайного общества, под названием товарищества или братства взаимной помощи, которое, впрочем, не состоялось. Хотя Дебу утверждает, что он не изъявил с своей стороны согласия на предлагаемые меры и даже отклонял от сего подсудимого Петрашевского (как об этом утвердил и сам Петрашевский), однакож о злоумышленных предположениях подсудимых правительству не доносил.

12) Коллежский секретарь Дебу 2-й посещал собрания Петрашевского и слушал происходившие на оных преступные разговоры, а в обществе титулярного советника Кашкина

принимал участие в составлении общей библиотеки социальных и либеральных книг, был на обеде 7 апреля сего года, данном в честь Фурье, где произнесены были самые преступные речи противу существующего порядка, при чем сам он, Дебу, сделал предложение, для успешнейшего распространения учения Фурье, перевести на русский язык его сочинения. Сверх того хранил у себя тетрадь сочинения подсудимого Ахшарумова, в коей заключаются преступные начертания возмутительных действий для ниспровержения настоящего государственного устройства и крайне дерзкие выражения о священной особе вашего императорского величества и членах императорского дома.

13) Учитель Толль посещал с 1846 года собрания подсудимого Петрашевского, слушал происходившие на оных преступные разговоры и сам читал вольнодумное рассуждение о происхождении религии, стараясь доказать, что она происходит от одного лишь чувства страха и не только не нужна, но даже вредна, сравнивал господа нашего Иисуса Христа с основателями языческих верований и пр.

14) Титулярный советник Ястржембский, посещая с мая месяца 1848 года собрания Петрашевского, участвовал в происходивших там преступных рассуждениях о религии, правительстве и об изменении некоторых государственных учреждений, находился при чтении преступного против правительства и религии письма литератора Белинского и в продолжение нескольких собраний сам читал записки своего сочинения о статистике и политической экономии, написанные в вредном духе; кроме того, по показаниям трех человек из числа обвиняемых, дерзко выражался насчет высших сановников и священной особы вашего императорского величества.

15) Неслужащий дворянин Плещеев (литератор) с 1846 г. посещал собрания подсудимого Петрашевского, принимал участие в происходивших там преступных рассуждениях о правительстве и о необходимости перемены в администрации, а в марте месяце сего 1849 года, бывши в Москве, выслал оттуда подсудимому Достоевскому список с преступного письма литератора Белинского, в собственных же письмах к тому же Достоевскому и коллежскому асессору Дурову излагал вольные суждения насчет пребывания в Москве высочайшего двора.

16) Титулярный советник Кашкин, быв увлечен зловредным учением Фурье, приглашал, в конце 1848 и в начале

текущего года, к себе на вечера в назначенные дни своих знакомых, одинакового с ним образа мыслей, для рассуждения о социальных системах и однажды читал найденную в бумагах его речь преступного содержания против бога и общественного устройства, принимал участие в составлении общей в кругу своем библиотеки социальных и либеральных книг и в обеде, данном 7 апреля в честь Фурье, где произнесены были самые преступные речи против религии, семейственного быта и государственного устройства, а на другой день был в собрании подсудимого Петрашевского, где, как сам Кашкин объясняет, происходили также рассуждения, противные духу правительства. При допросах в Следственной комиссии Кашкин изъявил раскаяние и обращение к религиозным чувствам.

17) Титулярный советник Головинский посещал в марте месяце сего года собрания подсудимого Дурова, на которых читаны были статьи преступного содержания, в том числе письмо литератора Белинского, был на обеде у подсудимого Спешнева, когда там поручик Григорьев читал возмутительную статью под заглавием: «Солдатская беседа»; посещал собрания Петрашевского, где, между прочим, как показывают три человека из других обвиняемых, излагал предположения свои к освобождению крестьян без воли правительства, чрез восстание их самих и, говоря об изменении образа правления, сказал, что образ правления не может измениться вдруг, но прежде должна быть диктатура как необходимое следствие реформы. Хотя при следствии Головинский утверждал, что высказанные им предположения не имели преступной цели и могли быть осуществлены самим правительством и что, упоминая о диктатуре, он разумел под этим самодержавие, но такому отрицательству верить нельзя, так как понятия о диктатуре и самодержавии совершенно противуположны. Сверх того, Следственная комиссия при допросах Головинского заметила в нем явное упорство в объяснении истины и изворотливость при написании ответов, которые он излагал не в том виде, как объяснял на словах.

18) Поручик л.-гв. Егерского полка Пальм (литератор) посещал собрания Петрашевского и слушал происходившие на оных преступные разговоры, но сам никакого участия в них не принимал; находился при чтении преступного письма литератора Белинского и был у подсудимого Спешнева, когда у него читано было подсудимым Григорьевым возмутительное сочинение под заглавием: «Солдатская бе-

седа». Между тем, в марте сего года, квартируя вместе с подсудимым Дуровым, участвовал в бывших у сего последнего собраниях и рассуждениях о распространении, посредством домашней литографии, сочинений против правительства.

19) Титулярный советник Тимковский посещал с октября месяца 1848 года собрания Петрашевского и сам читал там речь в похвалу социальных систем, советуя изучать их для достижения возможности применения оных в России, приглашал действовать и распространять их, в особенности учение Фурье, предлагал солидарность или взаимное товарищество и устройство кружков для пропаганды фурьеризма, с тем чтобы старшины этих кружков составляли особый круг для руководства прочих. Вскоре после сего, отправясь по делам службы в Ревель, пытался, как сам показывает, распространять и там свой образ мыслей, ни, не видя успеха и убедившись сам в лживости этого учения, ведущего прямым путем к безбожию, прекратил свои действия.

20) Коллежский секретарь Европеус, быв увлечен зловредным учением Фурье, посещал собрания Кашкина, на которых рассуждали об этом учении, участвовал в составлении общей в кругу их библиотеки социальных и либеральных книг и принял на себя сделать на общие деньги обед,—в память дня рождения Фурье, который и был дан 7 апреля сего года в квартире его, Европеуса; при чем произнесены были подсудимыми Ахшарумовым и Ханыковым самые преступные речи противу религии, семейного быта и государственного устройства и положено, для успешнейшего распространения в России учения Фурье, перевести на русский язык его сочинения.

21) Мещанин Шапошников, быв проникнут вольнодумством чрез чтение разных вредных сочинений и познакомившись с подобными себе вольнодумцами, сыном почетного гражданина Катеневым и бывшим студентом Толстовым, впоследствии всемилостивейше прощенным, вел с ними часто у себя в квартире преступные разговоры против религии и правительства и о возможности ввести в России республиканское правление; при чем один раз Катенев (в пьяном виде) вызывался даже на цареубийство. Кроме того Шапошников, по показаниям другим, к сему делу прикосновенных, навлекает на себя сильное подозрение в произношении дерзких выражений, относящихся к священной особе вашего императорского величества.

22) Сын почетного гражданина Катенев, желая, как он сам при следствии показал, перемены общественного быта в России, рассуждал о введении республиканского правления, порицал неоднократно правительство и священную особу вашего императорского величества, отвергал религию и бытие божие и однажды, в пьяном состоянии, изъявил даже готовность на цареубийство. Во время производства следствия Катенев подвергся умопомешательству, которым одержим и поныне.

23) Отставной подпоручик Черносвитов, прибыв в 1848 г. в С.-Петербург из Сибири, где имел жительство, познакомился с подсудимыми Петрашевским и Спешневым и в разговорах с ними, как оба они показывают, наводя на мысль о вероятном существовании тайного общества в России, рассказывал о способах к восстанию в Восточной Сибири и на Урале, излагая даже самый план восстания, в смысле возможности оного. Черносвитов как при следствии, так и в военном суде, отвергая всякое участие в каком бы то ни было тайном обществе, сознался только в том, что на собраниях у Петрашевского он дозволял себе иногда свободные суждения о начальстве и правительстве, но что разговоры его с Петрашевским и Спешневым о Сибири не имели злоумышленной цели. Хотя к изобличению Черносвитова в том, что он питал вредные замыслы против правительства и рассказывал о возможности восстания в Сибири с целью преступною, нет положительных доказательств, тем не менее он обращает на себя сильное сомнение в этом, сколько по неуместности подобных разговоров с людьми, в которых он видел вредное направление, столько и по своему свободному образу мыслей, который он обнаружил в самых показаниях своих в Следственной комиссии.

Заключение генерал-аудиториата 19 ноября 1849 года.

Генерал-аудиториат, объяснив существо вины каждого из подсудимых, заключает, что хотя степень их виновности различна, ибо одни из них более, другие менее принимали участие в злоумышлении, но как все они суждены по полевому уголовному Уложению, в преступлениях же государственных, по точной силе наших законов, не постановлено различия между главными виновниками и соучастниками, то, на основании сего Уложения, генерал-аудиториат полагает: всех подсудимых, а именно, титулярного советника Бута-

шевича-Петрашевского, неслужащего дворянина Спешнева, поручиков Момбелли и Григорьева, штабс-капитана Львова 2-го, студента Филиппова, кандидата Ахшарумова, студента Ханыкова, коллежского асессора Дурова, отставного поручика Достоевского, коллежского советника Дебу 1-го, коллежского секретаря Дебу 2-го, учителя Толля, титулярного советника Ястржембского, неслужащего дворянина Плещеева, титулярного советника Кашкина и Головинского, поручика Пальма, титулярного советника Тимковского, коллежского секретаря Европеуса и мещанина Шапошникова подвергнуть смертной казни расстрелянием.

Что касается отставного подпоручика Черносвитова, как он в соучастии в злоумышлении не признался и к изобличению его положительных доказательств не представляется, оставить его, по приведенным выше сего обстоятельствам, в сильном подозрении и, как человека, обнаруживающего либеральный образ мыслей, отослать на жительство в г. Вятку, под строгий полицейский надзор, не лишая его получаемой за раны пенсии. Сына почетного гражданина Катенева, за открытые по делу преступления, так как над ним, по случаю помешательства его в уме, не был исполнен обряд военного суда, по выздоровлении вновь предать военному суду для поступления с ним по законам.

Генерал-аудиториат, определив меру наказания подсудимым на основании полевых военных законов, не мог, однакож, не принять в уважение тех облегчительных обстоятельств, которые представляются по делу к смягчению участи подсудимых, именно, признаки раскаяния многих из них, добровольное сознание при следствии в поступках, кои, без их откровенности, могли бы остаться неизвестными, юность лет при увлечении в злонамеренные замыслы и, наконец, то, что преступные их начинания не достигли вредных последствий, быв своевременно предупреждены мерами со стороны правительства.

Посему, повергая участь подсудимых монаршему милосердию вашего императорского величества, генерал-аудиториат, на основании правил, в руководство ему данных, осмеливается всеподданнейше ходатайствовать об определении им, вместо смертной казни, наказаний по мере вины, в следующей постепенности.

1. Титулярного советника Буташевича-Петрашевского, за преступный замысел к ниспровержению существующего в России государственного устройства, привлечение на быв-

шие у него сходбища разного звания, большею частью молодых людей, распространение между ними зловредных идей против религии, возбуждение в них ненависти к правительству и, наконец, за покушение составить для этой же преступной цели тайное общество, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в рудниках без срока.

Рукою императора: «*Быть по сему*».[1])

2. Неслужащего дворянина Спешнева и поручика Момбелли, за злоумышленное намерение произвести реформу быта общественного в России в отношении религиозном и политическом и покушение, для той же цели, составить тайное общество, а поручика Момбелли и за помещение в рукописных сочинениях своих в высшей степени дерзких отзывов о священной особе вашего императорского величества, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в рудниках: Момбелли на 15 лет, а Спешнева, во внимание к тому, что о преступных разговорах с Черносвитовым и о составлении тайного общества, по предложению Момбелли, открыл он добровольно, тогда как об этом не представлялось ни малейших видов по делу,—на 12 лет.

Против Спешнева рукою императора: «*На десять лет*». Против Момбелли ничего не написано.

3. Поручика Григорьева за участие в преступных замыслах и за написание и распространение статьи в высшей степени возмутительного содержания, под заглавием «Солдатская беседа», которая по смыслу и увлекательному слогу, приспособленному к понятию солдат, предназначалась к поколебанию в нижних чинах преданности престолу и повиновения начальству, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в рудниках на 15 лет.

Рукою императора: «*Быть по сему*».

4. Штабс-капитана Львова, студента Филиппова и кандидата Ахшарумова, за непосредственное участие в таких же преступных намерениях к произведению реформы быта общественного, в особенности из них Львов, принятием участия в совещаниях о составлении тайного общества, а прочие покушением к распространению в высшей степени дерзких, возмутительных сочинений, лишить всех прав

---

[1]) Николай Павлович положил резолюцию не на подлинном всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата, а на сокращенной выписке, сделанной генерал-аудиториатом. Считая излишним воспроизводить выписку, даем резолюцию здесь же в соответствующих местах. *Ред.*

состояния и сослать в каторжные работы в рудниках на 12 лет.

Рукою императора против Филиппова и Ахшарумова: «*Филиппова и Ахшарумова на 4 года в военные арестанты, а потом в рядовые на Кавказ*»; внизу, под статьей относительно Львова: «*Быть по сему*».

5. Студента Ханыкова, за такое же участие в преступных замыслах и произнесение на обеде, данном в честь Фурье, возмутительной речи, в коей порицал бога и государственное наше устройство, во внимание к молодым его летам, лишить всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на 10 лет.

Рукою императора: «*Рядовым в Оренбургские линейные баталионы*».

6. Отставного коллежского асессора Дурова, за участие в преступных замыслах, учреждение у себя на квартире сообраний для этой цели и покушение к распространению сочинений против правительства, посредством домашней литографии, лишить всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на 8 лет.

Рукою императора: «*На четыре года, а потом рядовым*».

7. Отставного поручика Достоевского, за такое же участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства, посредством домашней литографии, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на 8 лет.

Рукою императора: «*На 4 года, а потом рядовым*».

8. Коллежского советника Дебу 1-го, за участие в преступных замыслах и в совещаниях о составлении тайного общества, во внимание к тому, что он, увидев преступную цель этих совещаний, личного согласия на предположенные меры не подавал и даже советовал Петрашевскому оставить это общество—лишив чинов, знака отличия беспорочной службы и всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах на 8 лет.

Рукою императора: «*На 4 года в военные арестанты, а потом в рядовые*».

9. Коллежского секретаря Дебу 2-го за такое же уча-

стие в преступных замыслах, распространение зловредного социального учения Фурье и хранение у себя в высшей степени возмутительного сочинения Ахшарумова, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах на 4 года.

Рукою императора: «*В военные арестанты на 2 года, а потом рядовым*».

10. Учителя Толля и помощника инспектора классов в Технологическом институте титулярного советника Ястржембского, за участие в преступных замыслах и чтение, на собраниях у Петрашевского, первым речи, доказывающей отсутствие в нем религиозных убеждений, а последним лекций политической экономии в либеральном духе, лишить обоих всех прав состояния и сослать в каторжную работу на заводах на 4 года.

Рукою императора: «*Ястржембского на 6 лет, а Толля на 2*».

11. Дворянина Алексея Плещеева, за участие в преступных замыслах и в происходивших на собраниях у Петрашевского непозволительных рассуждениях о правительстве, равно за высылку к Достоевскому преступного письма литератора Белинского, наполненного дерзких выражений против верховной власти и православной церкви, во внимание к молодым его летам, лишить всех прав состояния и сослать в Сибирь на поселение.

Рукою императора: «*Рядовым в Оренбургские линейные баталионы*».

12. Титулярного советника Кашкина, за участие в преступных замыслах к произведению реформы быта общественного в России, применением к оному зловредной системы Фурье и учреждение у себя на квартире собраний для этой цели, во внимание к весьма молодым его летам и раскаянию лишить всех прав состояния и сослать на житье Архангельской губернии в г. Холмогоры, под строгий полицейский надзор.

Рукою императора: «*Рядовым в Кавказские линейные баталионы*».

13. Титулярного советника Головинского, за участие в либеральных разговорах на собраниях у Петрашевского и Дурова, из коих у первого сам он объяснил возможность освобождения крестьян без воли правительства, в уважение молодых лет, лишив чинов и дворянского достоинства,

записать в рядовые, с определением на службу в один из линейных батальонов отдельного Оренбургского корпуса.

Рукою императора: «*Быть по сему*».

14. Поручика Пальма, за участие в преступных собраниях Петрашевского и Дурова, во внимание к тому, что он лично в либеральных разговорах не участвовал и принес в необдуманных поступках своих раскаяние, вменив ему в наказание нахождение под следствием и судом и восьмимесячное содержание в крепости, перевести тем же чином в армию.

Рукою императора: «*Быть по сему*».

15. Титулярного советника Тимковского и коллежского секретаря Европеуса, во внимание, что они увлеклись зловредною системою Фурье по легкомыслию и изъявили в поступках своих раскаяние, вменив им в наказание бытность под следствием и судом и семимесячное содержание в крепости в каземате, выслать на жительство Тимковского в Олонец, а Европеуса в Вятку, с учреждением за ним секретного надзора.

Рукою императора «*Тимковского на 6 лет в арестантские роты, а Европеуса рядовым в Кавказские линейные баталионы*».

16. Мещанина Петра Шапошникова, за преступные разговоры в своей квартире против религии и правительства и о возможности введения в России республиканского правления, как обнаружившего явно склонность к вольнодумству и навлекающего на себя сильное подозрение в произношении дерзких выражений, к священной особе вашего императорского величества относящихся, лишить всех прав состояния и отослать в арестантские роты инженерного ведомства на шесть лет, а потом определить на службу в отдаленные войска.

Рукою императора: «*Рядовым в Оренбургские линейные баталионы*».

17. Употребленные при производстве следствия по сему делу на канцелярские припасы, равно отпущенные производителям следственного и военно-судного дел, чиновникам и писарям суточные деньги, по приведении в надлежащую известность количества всей суммы, взыскать с имения главных виновников по седу делу: титулярного советника Петрашевского и дворянина Спешнева. Деньги же, издержанные

на канцелярские припасы и другие предметы, во время производства суда, на основании Свода Военных Постановлений, ч. V, кн. 2, ст. 7 принять на счет казны.

В заключение генерал-аудиториат не может не разделять мнения Следственной комиссии, изложенное во всеподданнейшем докладе ее вашему императорскому величеству в том, что как ни безумны были начинания и замыслы подсудимых на ниспровержение и превращение существующего в России государственного устройства и сколько ни чужды оные нравам, понятиям и чувствам русского народа и войска нашего, но что и открытого уже совершенно достаточно, дабы обратить на себя самое бдительное внимание правительства и принять меры для предупреждения, чтобы и впредь не возникли у нас замыслы, подобные настоящим. Существенными мерами предупреждения такого рода замыслов справедливо могут быть признаны:

1) Особенное наблюдение за общественным обучением как относительно духа и направления преподавания вообще, так и относительно строгого выбора учителей и поверки их преподавания.

2) Бдительные и строгие меры против ввоза иностранных сочинений опасного содержания, способствующих превратному образу мыслей в умах юных и неопытных.

3) Самый осмотрительный цензурный надзор за журнальными и газетными статьями.

4) Возможно строгое наблюдение, со стороны всех полицейских начальств, за движением общественного состава не только в его целом, но и в частностях, именно за сборищами и собраниями, дабы при настоящем развратe умов на Западе и прилипчивости вредных идей не могли образоваться у нас собрания подобно открытым по настоящему делу.

Всеподданнейше повергая все сие на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества, генерал-аудиториат полагал бы, с своей стороны, сообщить к непременному исполнению: относительно особенного наблюдения за общественным обучением всем главным начальствам учебных заведений, о строжайшем цензурном надзоре за журнальными и газетными статьями министру народного просвещения, а относительно принятия мер против ввоза запрещенных книг и наблюдения за сборищами и собраниями в

частных домах сообщить по принадлежности министру финансов, министру внутренних дел и шефу жандармов.

Заключение сие генерал-аудиториат повергает на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение.

Генерал от инфантерии князь *Шаховской*
Генерал от артиллерии *Игнатьев I-й*
Генерал от инфантерии *Княжнин I-й*
Генерал от инфантерии *Штегман I-й*
Генерал от инфантерии *Мандерштерн I-й*
Генерал-лейтенант *Гельвих*
Генерал-лейтенант *Карпинский*
Генерал-аудитор *Ноинский.*

№ 5355.
17 декабря 1849 г.

В должности начальника отделения *Полянский.*

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРА НОИНСКОГО ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

Испрашивается разрешение как приведена должна быть в исполнение высочайшая конфирмация о трех лицах, сужденных за злоумышление.

Генерал-аудиториат, по военно-судному делу о злоумышленниках, между прочим, полагал из числа преступников коллежского секретаря Европеуса во внимание, что он увлекся зловредною системою Фурье по легкомыслию и изъявил в поступках своих раскаяние, вменив ему в наказание бытность под следствием и судом и семимесячное содержание в крепости в каземате, выслать в Вятку, с учреждением над ним секретного надзора.

Собственноручною его императорского величества конфирмациею, последовавшею 19 декабря на представленном при докладе извлечении, повелено:

Европеуса рядовым в Кавказские линейные баталионы.

Как в высочайшей конфирмации не определено с лишением ли или без лишения дворянского достоинства следует определить Европеуса рядовым, то я долгом считаю испрашивать разрешения вашей светлости, как поступить в сем случае с Европеусом.

Вместе с сим имею честь испрашивать разрешение вашей светлости, приказано ли будет из числа подсудимых поручика Пальма и отставного подпоручика Черносвитова выводить в числе других на Семеновский плац, для объявления высочайшей конфирмации, так как Пальм хотя и приговорен был генерал-аудиториатом к смертной казни, но по представленным к облегчению участи его обстоятельствам, высочайшею конфирмациею, согласно с заключением генерал-аудиториата, повелено перевести его в армию тем же чином, а Черносвитов, который генерал-аудиториатом к смертной

казни приговорен не был, по высочайшей конфирмации ссылается в Кексгольмскую крепость на житье без лишения даже заслуженной им пенсии.

20 декабря 1849 года.

Генерал-аудитор *Ноинский*.

Резолюция:

Европеуса без лишения дворянства.

Пальма вывесть тоже на площадь и там объявить прощение.

Черносвитова отправить прямо из крепости с фельдъегерем в Кексгольм.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ ЛИЦ,

судившихся и привлекавшихся к следствию по делу Петрашевского и подвергшихся взысканиям [1]).

Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич. Родился 7 мая 1823 г., дворянин, сын военного писателя. Окончил философский факультет Петербургского университета кандидатом восточной словесности в 1846 году. С февраля 1847 г. служил в Ученом отделении восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел. Посетитель кружка Кашкина. На пятницах Петрашевского стал бывать с декабря 1848 года. Произнес речь на обеде в память Фурье 7 апреля 1849 года. Арестован 23 апреля, Военно-судной комиссией приговорен к расстрелянию, по конфирмации — к четырем годам арестантских рот и затем рядовым на Кавказ. 24 декабря отправлен в Херсон в арестантские роты инженерного ведомства; в 1851 г. по просьбе родных переведен рядовым в 17-й линейный батальон отдельного кавказского корпуса, в укрепление Ачхоевское; в 1853 г. за отличие против горцев произведен в унтер-офицеры; в октябре 1856 г.—в прапорщики. По указу 17 апреля 1857 г. возвращено дворянство, в сентябре уволен в отставку. Поступил на медицинский факультет в Дерптский университет. В ноябре 1857 г. ему разрешено жить в столицах — первому из петрашевцев. В 1862 г. окончил Медико-хирургическую академию и в 1864 г. отправился за границу, где работал между прочим в лаборатории Дюбуа-Реймона в Берлине. По возвращении в Россию служил врачом в разных городах, с 1873 г. до выхода в отставку в 1882 г. занимал место губернского врачебного инспектора в Полтаве. Ахшарумов написал ценные исследования санитарно-общественного характера о дифтерите, сифилисе и проституции, являясь в последнем вопросе убежденным аболиционистом.

Ахшарумов оставил воспоминания о 1849—1851 гг., которые после многих запрещений и частичных перепечаток изданы полностью в 1905 г., со вступительной статьей В. И. Семевского. Умер 7 января 1910 г.

Ахшарумов Николай Дмитриевич. Родился в 1819 г. Окончил Александровский лицей в 1839 г. Посещал изредка кружок Кашкина. Привлекался к допросу по делу Петрашевского 29 августа 1849 г., признан маловажным и подвергнут секретному надзору. Романист. Умер 18 августа 1893 г.

Баласогло Александр Пантелеймонович. Родился 23 октября 1813 г. в Херсоне, дворянин, сын генерала, гардемарин черноморского флота, участвовал в турецкой войне 1828 г. В 1829 г. вытребован в Петербургский морской кадетский корпус, где держал экзамен на мичмана. Вышел в отставку в 30-х годах. Занимался восточными языками, служил по министерству народного просвещения, затем в архиве Азиатского департамента министерства ино-

---

[1]) Составлен по подлинным делам В. Р. Лейкиной.

странных дел, где был старшим архивариусом. Надворный советник. Посетитель Петрашевского с 1845 г. Имел проект устройства общественного книжного склада и библиотеки. Арестован 23 апреля 1849 г., освобожден по ходатайству Военно-судной комиссии 9 ноября и отправлен в Петрозаводск, с отдачей под секретный надзор, на гражданскую службу.

Барановский Александр Николаевич. Родился в 1824 г., дворянин, окончил Училище правоведения, чиновник сената; в марте 1849 г. причислен к министерству юстиции и назначен прокурором в Олонецкую губ. Посетитель Петрашевского с 1845 г., привлекался к следствию, арестован 21 мая, выпущен 3 июля с отдачей под секретный надзор и поехал по назначению.

Беклемишев Александр Петрович. Родился в июле 1824 г. в Тульской губ., дворянин, окончил Александровский лицей в 1841 г. Служил в министерстве внутренних дел и в 1848 г. был командирован в Ревель для исследований по городскому хозяйству. В феврале 1848 г. был на пятнице Петрашевского. Написал записку об освобождении крестьян, прочтенную в одну из пятниц, и „Переписку двух помещиков" об организации крестьянского труда по Фурье, читанную у Спешнева. Арестован в Ревеле 23 мая, освобожден от суда 27 сентября с отдачей под секретный надзор. В 1851 г. назначен курляндским вице-губернатором; в 1856 г. участвовал в составлении рескрипта Александра II виленскому генерал-губернатору Назимову о созыве дворянских предводителей северо-западных губерний для обсуждения улучшения крестьянского быта. С 1858—1868 гг.— могилевский губернатор. Умер 1 августа 1877 г.

Белецкий Петр Иванович. Родился в 1819 г., дворянин. Окончил Петербургский университет в 1843 г. Учитель всеобщей истории 2-го кадетского корпуса. Сожитель Кузьмина, был на вечеринке у него 16 апреля, на которой присутствовал агент Антонелли. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, освобожден 10 июля с отдачей под секретный надзор и с запрещением преподавать в военных и гражданских учебных заведениях. За оскорбление Антонелли на улице выслан в Вологду 23 июля; жил там, не имея работы, в сильной нужде. Прощен в апреле 1853 г., а в ноябре 1859 г. ему разрешено служить в гражданских учебных заведениях.

Берестов Алексей Иванович. Родился в 1814 г. в Тверской губ., мещанин. Окончил Академию художеств со званием свободного художника „по портретной живописи акварелью". Служил с 1841 г. в Комиссии по изданию описания одежд и вооружения российских войск. Посещал Петрашевского с зимы 1848 г. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор.

Бернардский Евстафий Ефимович. Родился в 1819 г., дворянин. Окончил Академию художеств, гравер на дереве, учитель рисования. Гравировал иллюстрации Агина к „Мертвым Душам" в 1846 г. Посещал Петрашевского с поста 1849 г. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор.

Ващенко Эраст Герасимович. Родился 28 апреля 1825 г., дворянин. Учился в Одесском ришельевском лицее, вышел оттуда, не кончив курса, в 1842 г. Чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел. Посещал Кашкина и Дебу; был на обеде в память Фурье. Привлекался к следствию, арестован 18 мая, освобожден от суда 27 сентября с отдачей под секретный надзор.

Востров Василий Васильевич. Родился в 1819 г., мещанин, приказчик табачной лавки Шапошникова. Арестован 23 апреля вместе с агентами: В. Шапошниковым и Наумовым; содержался при III Отделении, 18 июня

помещен в приют для умалишенных при полиции; 12 июля вытребован в Петропавловскую крепость, оттуда отправлен в больницу „Всех скорбящих“ 31 августа. По ходатайству Следственной комиссии освобожден от суда 26 сентября, но умер, не выходя из больницы, 2 ноября 1849 г.

Головинский Василий Андреевич. Родился в 1829 г., дворянин, сын отставного генерал-майора, помещика и масона. Окончил Училище правоведения в 1848 г., готовился к кандидатскому экзамену в университете. Чиновник сената, был зачислен к министерству юстиции и назначен стряпчим в Казань. Посещал кружки Дурова и Плещеева. У Петрашевского был два раза. Арестован 23 апреля; Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — рядовым в Оренбургский линейный батальон 22 декабря 1849 г., отправлен в Троицк. В январе 1851 г., по ходатайству председателя Военно-судной комиссии Перовского, переведен в Кавказский корпус. За отличие в сражении при Кюрюк-Дара в 1855 г. произведен в унтер-офицеры. Вышел в отставку в январе 1857 г. По указу 17 апреля 1857 г. возвращено дворянство. В 1858 г. поступил на гражданскую службу в Симбирске. Служа в обществе „Кавказ и Меркурий“, жил в С.-Петербурге с 1 сентября 1860 г. до марта 1862 г., когда был выслан в Тверь. Здесь встречался с Унковским и Салтыковым. В 1863 г. ему запрещен выезд из имения Ивашевка (б. Симбирской губ.) за самовольную отлучку в С.-Петербург. Занимался адвокатурой. В апреле 1874 г. снят полицейский надзор и дозволено повсеместное жительство.

Григорьев Николай Петрович. Родился в 1822 г., дворянин, сын генерал-майора. Держал экзамен на офицерский чин в Пажеском корпусе 1839 г. и поступил на военную службу с 1844 г. в л.-гвардии конно-гренадерский полк, произведен в поручики 15 апреля 1845 г. Посещал Петрашевского и Дурова с 1848 г. Читал на обеде у Спешнева написанную им „Солдатскую беседу“. Арестован 23 апреля, приговорен Военно-судной комиссией к расстрелу, по конфирмации — 15 лет каторжных работ; был выведен к столбу на Семеновском плацу 22 декабря; 23 декабря отправлен в кандалах в Тобольск и затем в Шилкинский завод Нерчинского округа. Здесь он впал в „меланхолическое умопомешательство“, начавшееся еще в Петропавловской крепости. По манифесту 26 августа 1856 г. выпущен на поселение. По просьбе родных отдан „под надзор семейства“ и в феврале 1857 г. привезен в Нижний Новгород. Умер в 1886 г.

Данилевский Григорий Петрович. Родился 14 апреля 1829 г., дворянин, студент камерального отдела Петербургского университета, литератор, газетный сотрудник под псевдонимом „Пан-Баян“ (в 1847 г. в „Ведомостях Спб. полиции“), впоследствии известный автор исторических романов. Привлекался к следствию за знакомство с Шапошниковым; арестован 23 апреля, выпущен 10 июля, с отдачей под секретный надзор, умер 6 декабря 1890 г.

Данилевский Николай Яковлевич. Родился 22 ноября 1822 г., дворянин, сын генерал-майора. Окончил Александровский лицей в декабре 1842 г. и Петербургский университет по факультету естественных наук в июне 1846 г В 1849 г. держал магистерский экзамен по ботанике, но не успел защитить диссертации, будучи послан Вольно-Экономическим обществом для ученого исследования границ черноземной полосы. Фурьерист, посещал Петрашевского с 1844 г. до мая 1848 г., читал у него изложение системы Фурье. Арестован в Тульской губ., доставлен в крепость 22 июня; по ходатайству Военно-судной комиссии 10 ноября освобожден и выслан в Вологду с отдачей под секретный надзор. Зачислен в канцелярию вологодского губернатора 20 мая 1850 г.

Выдающийся естествоиспытатель и теоретик неославянофильского направления. Умер 7 ноября 1885 г. в Тифлисе.

• **Дебу** Ипполит Матвеевич. Родился 6 марта 1824 г., католик, дворянин, из старой французской фамилии, перешедшей в 1781 г. на русскую службу. Кандидат юридического факультета Петербургского университета. Чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел. Посещал Петрашевского с зимы 1847 г. и Кашкина. Был на обеде в память Фурье, арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — два года военно-арестантских рот. 23 декабря отправлен в Килию на Дунае в арестантские роты инженерного ведомства. По просьбе родных в августе 1851 г. переведен рядовым в военно-рабочую роту в Севастополь. В 1853 г. произведен в унтер-офицеры. Находился в составе севастопольского гарнизона во время осады с 3 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.; в июне 1856 г. произведен в прапорщики. Указом 17 апреля 1857 г. возвращено дворянство; в октябре вышел в отставку, поселился в Одессе, 30 лет служил секретарем в Обществе русского пароходства и торговли. Разрешено жить в Петербурге в 1862 г. Умер 19 декабря 1890 г. в Харьковской губ.

• **Дебу** Константин Матвеевич. Родился в 1810 г. Окончил Институт корпуса путей сообщения в 1824 г., вышел в отставку прапорщиком в 1830 г. и поступил в Азиатский департамент министерства иностранных дел переводчиком. Посещал Петрашевского и Кашкина с зимы 1848 г. Был на обеде в память Фурье. Арестован 23 апреля; Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации—четыре года арестантских рот и затем рядовым. 22 декабря отправлен на Аланд, в 1851 г. по просьбе родных переведен в рабочую роту. В июле 1853 г. произведен в унтер-офицеры; в августе 1856 г.— в прапорщики. Указом 17 апреля 1856 г. возвращено дворянство; с мая 1859 г. переведен в Петербург, в августе 1860 г. вышел в отставку с чином подпоручика. В сентябре 1861 г. получил разрешение жить в столицах. С 1862 г. служил старшим ревизором Новгородского питейно-акцизного управления.

Деев Платон Алексеевич. Родился в 1824 г., дворянин, неокончивший курса Петербургского университета. Квартирант Петрашевского и посетитель „пятниц“ с зимы 1846 г. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, освобожден 6 июня с отдачей под секретный надзор.

Достоевский Михаил Михаилович. Родился в 1820 г. в Москве, дворянин, сын штаб-лекаря. Окончил Ревельское инженерное училище. Литератор, переводчик, обозреватель в „Отечественных Записках“. Посещал Петрашевского с зимы 1847 г. и Дурова. Привлекался к следствию 23 апреля; вместо него был арестован Андрей Михайлович Достоевский. Михаил Михайлович арестован 6 мая, освобожден 24 июня, получив негласное пособие от государя в 200 р. Умер в 1864 г. в Павловске.

• **Достоевский** Федор Михайлович. Родился 31 октября 1821 г. в Москве. Окончил Михайловское инженерное училище в 1843 г. Посещал Петрашевского с зимы 1846 г. и Дурова. Читал два раза письмо Белинского к Гоголю. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — четыре года каторги и рядовым. 24 декабря отправлен в кандалах в Тобольск. Отбыл каторгу в омском остроге; зачислен рядовым 7-го линейного батальона Отдельного сибирского корпуса в Семипалатинске, произведен в унтер-офицеры 15 января, в прапорщики 1 октября 1856 г. Указом 17 апреля 1857 г. возвращено дворянство. 18 марта 1859 г. по ходатайству Тотлебена уволен в отставку с чином подпоручика. В августе уехал

в Тверь, в конце того же года получил разрешение жить в столицах. Умер 28 января 1881 г. в Петербурге.

Дуров Сергей Федорович. Родился в 1816 г. в Орловской губ., дворянин, окончил благородный пансион при Петербургском университете в 1833 г. Служил в Государственном коммерческом банке, в 1846 г. перешел в канцелярию морского министерства переводчиком, в 1847 г. вышел в отставку с чином коллежского ассесора. Литератор, переводчик, поэт, печатался в большинстве современных журналов. Посещал Петрашевского с начала 1847 г.; в марте 1849 г. устроил собственный кружок, собиравшийся семь-восемь раз. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — четыре года каторги и рядовым. 24 декабря отправлен в кандалах в Тобольск, затем в омский острог. По отбытии каторги 23 января 1854 г.—рядовым в 3-й линейный батальон Отдельного сибирского корпуса в Петропавловске (Омской губ.). В марте 1855 г. уволен по болезни и обращен в гражданскую службу канцеляристом в Областном управлении сибирских киргизов в Омске. В мае 1856 г. получил отпуск на лето в Кокчетавский округ для лечения источниками. Указом 17 апреля 1857 г. возвращено дворянство. В мае уехал в Одессу к Пальму, совершенно больной, с параличом ног и болезнью глаз. После многих просьб ему разрешено жить в столицах (в 1863 г.). Умер в Полтаве у Пальма 6 декабря 1869 года.

Европеус Александр Иванович. Родился в 1826 г., дворянин, сын инспектора военной школы. Окончил Александровский лицей в 1847 г., слушал лекции в Петербургском университете и готовился к магистерскому экзамену по политической экономии. Посетитель кружка Кашкина; 7 апреля 1849 г. у него на квартире происходил обед в честь Фурье. Арестован 7 мая. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу. Генерал-аудиториат ходатайствовал о ссылке в Вятку; по конфирмации — рядовым в Кавказский линейный батальон без лишения дворянства. 22 декабря отправлен в Ставрополь в Линейный № 3 батальон; был в походе за рекой Лабой; в апреле 1851 г. ему разрешено жениться на девице Эмилии Печь, англичанке, приехавшей к нему в 1850 г.; в апреле 1856 г. произведен в прапорщики; в феврале 1857 г. вышел в отставку. Жил в Бежецком уезде Тверской губ., в имении матери; в 1858 г. ездил за границу. Один из составителей адреса тверского дворянства в феврале 1862 г. Сотрудник „Современника“ 60-х годов. Умер 11 декабря 1885 г. в Петербурге.

Европеус Павел Иванович. Родился 19 октября 1829 г. Студент Петербургского университета, перешел из Главного инженерного училища. Был на обеде в память Фурье. Привлекался к допросу 3 августа 1849 г., подвергнут секретному надзору.

Есаков Евгений Семенович. Родился в 1824 г., дворянин. Окончил Александровский лицей в 1844 г. Чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел. Посещал Петрашевского с 1845 — 1847 гг и Кашкина. Был на обеде в честь Фурье. Привлекался к следствию, арестован 18 мая, освобожден от суда 27 сентября с отдачей под секретный надзор.

Кайданов Владимир Иванович. Дворянин, сын профессора-историка. Окончил Александровский лицей в 1838 г. Чиновник министерства государственных имуществ с назначением в Ростове Ярославской губ. Фурьерист, знакомый Петрашевского. В августе 1849 г. подвергнут секретному надзору. Умер 18 декарбя 1896 г.

Кайданов Николай Иванович. Родился в 1821 г. Окончил лицей в 1839 г.; был 3 года на математическом факультете университета. Переводчик в де-

партаменте внутренней торговли министерства иностранных дел, титулярный созетник. Посещал Петрашевского с зимы 1846 г. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, освобожден 6 июля с отдачей под секретный надзор. Умер 8 июля 1894 г. в Петербурге.

Катенев Василий Петрович. Родился в 1830 г., сын почетного гражданина, купца 3-й гильдии. Вольнослушатель юридического факультета Петербургского университета с 1846 г., уволен в 1849 г. Сотрудник „Литературной Газеты" и „Ведомостей Спб. Полиции". Арестован 23 апреля. 30 августа отправлен в больницу „Всех скорбящих"; ввиду его сумасшествия предание военному суду оставлено до выздоровления. Умер в больнице сумасшедшим от общей водяной болезни 26 мая 1856 г.

Кашевский Николай Адамович. Родился в 1820 г., дворянин. Окончил философское отделение Московского университета в 1840 г. Чиновник морского министерства, титулярный советник и учитель музыки. Посещал Петрашевского с конца 1847 г. и Дурова. Привлекался к допросу 1 августа, подвергнут секретному надзору.

Кашкин Николай Сергеевич. Родился 2 мая 1829 г. в Калуге, дворянин, сын декабриста, высланного в Архангельск. Окончил Александровский лицей в 1847 г. Чиновник Азиатского департамента министерства иностранных дел. С октября 1848 г. собирал у себя на квартире кружок „фурьеристов". Один раз был у Петрашевского. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к четырем годам каторги. Генерал-аудиториат ходатайствовал о ссылке в Холмогоры, по конфирмации—рядовым в Кавказский линейный батальон, 23 декабря отправлен в Ставрополь в Линейный № 4-й батальон. Был застрельщиком в походе за рекой Лабой, контужен в голову (в 1851 г.). Произведен в унтер-офицеры в 1852 г., в прапорщики в 1855 г. Указом 17 апреля 1857 года возвращено дворянство. В сентябре 1858 г. вышел в отставку, с обязательством жить в Калуге; управлял имением отца. В 1859 г. избран в члены Калужского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. В мае 1860 г. разрешено жить в столицах, в 1864 г.—поехать за границу; в 1865 г. снят надзор. В мае 1866 г. избран козельским уездным предводителем дворянства, а в сентябре — председателем уездной земской управы и почетным мировым судьей. С 1870 г. до 1908 г. был членом Калужского окружного суда. Умер 29 ноября 1914 г. в Калуге.

Кропотов Дмитрий Андреевич. Родился 1818 г., дворянин. Окончил 1-й кадетский корпус в 1835 г., с 1840 г. дежурный офицер корпуса, штабс капитан. Сотрудничал в „Словаре иностранных слов". Посещал Петрашевского с 1848 г. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор и исключением из воспитателей корпуса.

Кузьмин Алексей Алексеевич. Родился в 1812 г., дворянин. Окончил морской кадетский корпус с производством в 1823 г. Отставной капитан-лейтенант 15-го экипажа. Посещал Петрашевского с 1849 г. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, выпущен 17 июня.

Кузьмин Павел Алексеевич. Родился в 1819 г. Окончил Павловский кадетский корпус в 1838 г. и Военную академию (1845 — 1847 гг.). Штабс-капитан генерального штаба. Был командирован в Тамбовскую губ. для составления маршрутной карты и собрания военно-статистических сведений. Посещал Петрашевского с весны 1848 г.; 16 апреля устроил у себя вечеринку, на которой был Антонелли. Арестован 23 апреля, освобожден от суда 26 сентября с отдачей под секретный надзор. 21 сентября 1850 г. послан для военно-статистического описания Орловской губ. Умер в 1885 году в чине генерал-лейтенанта.

Ламанский Евгений Иванович. Родился в конце 1824 г. в Петербурге, дворянин, сын директора особой канцелярии по кредитной части. Окончил Александровский лицей в 1845 г. Служил в государственном совете, в 1-м Отделении собственной его величества канцелярии. С 1 января 1847 г.—столоначальником Инспекторского департамента гражданского ведомства, тутулярный советник. Посещал Петрашевского и Дурова. Привлекался к допросу 2 августа, подвергнут секретному надзору. С 1860 г. был товарищем управляющего Государственным банком, затем управляющим. Вышел в отставку в 1882 г. Основатель 1-го Общества взаимного кредита в 1863 г.; исследователь истории денежного обращения и кредитных учреждений в России. Умер 31 января 1902 г. в Петербурге.

Ламанский Порфирий Иванович. Родился в 1824 г. в Петербурге. Окончил Институт корпуса инженеров в 1843 г. Служил в палате государственных имуществ, затем в департаменте внешней торговли министерства иностранных дел. Посещал Петрашевского с осени 1847 г. и Дурова. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля и выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор. Умер 30 января 1875 года.

Латкин Петр Николаевич. Почетный гражданин, сын купца, кандидат Петербургского университета. Посещал Петрашевского в 1845, 1846 и 1848 гг. Привлекался к следствию, арестован 8-го, освобожден 18 июня.

Львов Федор Николаевич. Родился 11 августа 1823 г. в Рязанской губ., дворянин, сын таганрогского полицеймейстера. Окончил 1-й московский кадетский корпус в 1841 г. С 6 декабря 1845 г., поручик л.-гв. егерского полка, с декабря 1848 г.—штабс-капитан; с 1847 г. репетитор химии в Павловском кадетском корпусе. Посетитель Момбелли, Петрашевского с октября 1848 г., Дурова. 23 апреля вместо него арестован Петр Сергеевич Львов, капитан л.-гв. Московского полка; Федор Николаевич арестован 29-го; Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации—12 лет каторги. 23 декабря отправлен в кандалах в Тобольск, оттуда в Шилкинский завод Нерчинского округа, через три года переведен в Александровский завод. В тюрьме не оставлял занятий химией и в феврале 1856 года подал в военное министерство записку об улучшении пороха, одобренную артиллерийским отделом военно-учебного комитета. По манифесту 26 августа выпущен на поселение и вскоре отправился на Кавказ, чтобы по предоставленному манифестом праву вступить на военную службу, но генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев, ввиду негодности Львова к службе рядовым по слабости здоровья, определил его канцеляристом в Главное управление Восточной Сибири в Иркутске, где давал ему несколько научных поручений; но в январе 1860 г. он был уволен за протест против известной дуэли (в статье в „Иркутских Ведомостях“, 1859 г., № 17). Затем Львов устраивал мыловаренный и свечной заводы в Олонках у декабриста Раевского, а в 1861 г. жил в Иркутске с его детьми и давал уроки. Писал корреспонденции в „Современник“. В декабре 1862 г. было ему разрешено возвратиться во внутренние губернии, и в июне 1863 г. он поехал со своей женой в Полтаву через Петербург; здесь его устроил к себе на службу генерал-губернатор Суворов и выхлопотал ему разрешение жить в столицах. В 1866 г. возвращено потомственное дворянство. В 1870 г. Львов избран секретарем Русского технического общества и назначен редактором „Записок“ Общества. Был представителем научных обществ на нескольких русских и заграничных выставках. Умер 23 мая 1885 г. в Петербурге.

Майков Аполлон Николаевич. Родился 23 мая 1821 г., дворянин, сын академика живописи, канидат прав Петербургского университета; в 1842 г.

был в Италии, затем служил библиотекарем Румянцевского музея. Изредка посещал Петрашевского с зимы 1847 г. Привлекался к допро́су 2 августа 1849 г., подвергнут секретному надзору. Умер 8 марта 1897 года.

Милюков Александр Петрович. Родился в 1817 г. в Москве, сын мещанина. Окончил Петербургский университет в 1839 г., с 1840 г.— преподаватель. Литератор и историк литературы. В 1849 г. преподавал русскую словесность во 2-й петербургской гимназии и в Сиротском институте и до июня — в дворянском полку. Посетитель кружка Дурова и Плещеева. Призывался к допросу 29 августа 1849 г., подвергнут секретному надзору. Умер в 1897 г.

Михайлов Александр Михайлович. Родился в 1822 г., дворянин. Окончил Петербургский университет в 1845 г. Давал уроки и переводил. Посещал Петрашевского с 1845 г. Привлекался к следствию, арестован 25 апреля, выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор.

Мадерский Александр Тимофеевич. Родился в 1825 г., однодворец Каменец-Подольской губ. Вольнослушатель Петербургского университета, собирался держать экзамен на звание домашнего учителя, давал уроки. Квартирант Петрашевского с зимы 1847 г., хозяйничал на его вечерах и делал для него выписки из книг. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, освобожден 6 июля с отдачей под секретный надзор; после освобождения обнаружил признаки ненормальности.

Момбелли Николай Александрович. Родился 12 февраля 1823 г. в Новозыбкове, дворянин. Воспитывался в дворянском полку, выпущен прапорщиком л.-гв. Московского полка в 1842 г., в поручики произведен 6 декабря 1847 г. В 1846 — 1847 гг. устраивал у себя литературные собрания офицеров. Посещал Петрашевского с осени 1848 г. и Дурова. Ему принадлежит проект „Братства взаимной помощи“. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — 15 лет каторги. Был выведен к столбу на Семеновском плацу 22 декабря, отправлен в Тобольск 12 января 1850 г. (оправившись от болезни), откуда в Александровский серебро-плавильный завод Нерчинского округа. По манифесту 26 августа 1856 г. вышел на поселение и отправился на Кавказ рядовым по праву, предоставленному манифестом. В апреле 1857 г. зачислен в Апшеронский пехотный полк. В ноябре 1859 г. за отличие произведен в прапорщики и принял службу в Темир-Хан-Шуре у командующего войсками Дагестанской области Меликова,— чиновником особых поручений и начальником горского отдела канцелярии. Произведен в капитаны, а в 1863 г. в майоры (84-го пехотного Ширванского полка). В 1869 г. лишился левой руки на охоте. Умер в отставке во Владикавказе в 1902 г.

Мордвинов Николай Александрович. Родился в 1827 г., сын сенатора. Окончил Петербургский университет в 1847 г. Чиновник министерства внутренних дел. Посещал кружок Дурова и Спешнева. Привлекался к допросу 2 сентября 1849 г., подвергнут секретному надзору.

Ольдекоп Карл Карлович. Родился в 1810 г., немец, лютеранин, дворянин. Воспитывался в юнкерской школе 1-й армии, произведен в 1829 г., участвовал в турецкой и польской кампаниях, вышел в отставку по болезни в 1834 г. С 1842 г.—чиновник особых поручений в Государственном заемном банке. Посешал Петрашевского с 1846 г. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, выпущен 18 июня. В 1860 г. был советником губернского суда в Иркутске, участвовал в осуждении Беклемишева за убийство Неклюдова на дуэли и был преследуем за свое судебное мнение; десять месяцев просидел в тюрьме и переведен прокурором в Казань.

Отт Оскар Федорович. Родился 8 февраля 1828 г., немец, лютеранин, сын помещика. Окончил Александровский лицей в 1847 г. Помощник ученого секретаря Ученого комитета в министерстве финансов. Посетитель кружков Кашкина; между новым годом и масляницей 1849 г. предоставил свою квартиру для собраний. Привлекался к допросу 4 сентября, подвергнут секретному надзору.

Пальм Александр Иванович. Родился в 1823 г., дворянин, воспитывался в Дворянском полку, выпуска 1842 г. 11 апреля 1848 г. произведен в поручики л.-гв. егерского полка. Литератор. Посещал Петрашевского с 1847 г., сожитель Дурова и участник дуровского кружка. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — прощен и переведен в армию в Литовский егерский полк в Одессу. По манифесту 26 августа 1856 г. освобожден от всяких ограничений прав, вышел в отставку майором. В 1857 г. III Отделение не утвердило назначения Пальма редактором „Одесского Вестника". Был управляющим Кишиневским, затем Полтавским отделением Государственного банка. В 1873 г. предан суду за растрату чужих денег и приговорен Харьковской судебной палатой к ссылке. В это время Пальм написал свои крупные вещи (псевдоним П. Альминский) и, между прочим, роман „Алексей Слободин". Умер 10 ноября 1885 г. в Петербурге.

Петрашевский Михаил Васильевич (Буташевич). Родился 1 ноября 1821 г. в Петербурге, дворянин, окончил Александровский лицей в 1839 г. и Петербургский университет кандидатом прав в 1841 г. Служил переводчиком в Департаменте внутренних сношений министерства иностранных дел. Собрал большую библиотеку социалистических книг и с 1844 — 1845 г. завел у себя журфиксы по пятницам. В 1846 г. редактировал 2-й выпуск „Словаря иностранных слов". В 1848 г. распространил на дворянских выборах Петербургской губ. литографированную записку „Об увеличении ценности населенных имений". Говорил речь на обеде фурьеристов 7 апреля 1849 г. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — бессрочная каторга. Был выведен к столбу на Семеновском плацу 22 декабря и прямо с места казни в кандалах отправлен в Тобольск, оттуда в Шилкинский завод Нерчинского округа, впоследствии в Акатуй. По манифесту 26 августа 1850 г. вышел на поселение в Иркутск. Занимался хождением по делам, сотрудничал в „Иркутских Ведомостях" и „Амуре" и подавал просьбы на высочайшее имя о пересмотре приговора над ним ввиду неправильностей, допущенных при судопроизводстве. За агитацию в деле иркутской дуэли был выслан 27 февраля 1860 г. в Минусинский округ в село Шушу, но добился разрешения жить в Красноярске. После многочисленных конфликтов с местным начальством и высылок умер в селе Бельском Енисейского округа 7 декабря 1866 г.

Плещеев Алексей Николаевич. Родился 22 ноября 1825 г. в Костроме, дворянин. Неокончивший курса Петербургского университета по восточному факультету. Поэт, литератор. Посетитель Петрашевского с 1845 г. и Дурова. Зимою 1848/49 г. устроил у себя три вечера. Прислал из Москвы письмо Белинского к Гоголю. Арестован 28 апреля в Москве, приговорен Военно-судной комиссией к четырем годам каторги; генерал-аудиториат ходатайствовал о ссылке на поселение, по конфирмации — рядовым в Оренбургские линейные батальоны. 24 декабря отправлен в Оренбургский корпус; на действительную службу поступил с 6 января 1851 г. Летом 1853 г. был в походе против кокандцев в экспедиционном отряде на реке Сыр-Дарье и за отличие во время осады Ак-мечети в декабре произведен в унтер-офицеры, за-

тем в прапорщики; в ноябре 1856 г. уволен в отставку. По указу 17 апреля 1857 г. возвращено дворянство. Служил в Оренбургской пограничной комиссии. В 1859 г. московский генерал-губернатор Закревский согласился на его жительство в Москве под условием немедленной высылки в случае его сближения с неблагонадежным элементом. Умер 26 сентября 1893 г. в Париже.

Салтыков Михаил Евграфович. Родился 15 января 1826 г. в Тверской губ., дворянин. Окончил Александровский лицей в 1844 г. Чиновник канцелярии военного министерства. Посещал Петрашевского в 1845 — 1847 гг. За повести „Противоречия“ и „Запутанное дело“ выслан в Вятку на службу в канцелярию губернского правления. Привлекался к допросу 24 сентября 1849 г. по вопросным пунктам, присланным из III Отделения. Вышел из ссылки 23 ноября 1855 г., уехал в Петербург в 1856 г. Умер 28 апреля 1889 г. в Петербурге.

Серебряков Николай Алексеевич. Родился в 1820 г., дворянин, воспитывался в благородном пансионе Московского университета, выпуска 1835 г. С 1838 г. служил в департаменте сборов. Квартирант Петрашевского, посещал его с 1844/45 г. Привлекался к следствию, арестован 24 апреля, выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор.

Сидоров Аполлон Андреевич. Родился в 1821 г., дворянин. Окончил Петербургский университет в 1844 г. Служил в статистическом отделении министерства внутренних дел. Литератор. Посещал Петрашевского в конце 1848 г. Призывался к допросу 6 августа, подвергнут секретному надзору.

Спешнев Николай Александрович. Родился в 1821 г. в Курской губ., дворянин, помещик. Не окончил курса Александровского лицея в 1839 г. Был за границей с 1842 — 1846 гг.; приезжал в Россию в 1844 г. Посещал Петрашевского с 1847 г., Кашкина, Плещеева, Дурова. Был на обеде фурьеристов 7 апреля, вместе с Филипповым приобрел принадлежности для тайной типографии. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — десять лет каторги. 23 декабря отправлен в Тобольск, оттуда в Александровский завод Нерчинского округа. Манифестом 27 августа 1856 г. выпущен на поселение; по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева в декабре того же года вступил на службу по Забайкальскому областному правлению канцеляристом, а в феврале 1857 г. переведен в Главное управление Восточной Сибири в распоряжение военного губернатора Забайкальской области по делам заселения Амура. 29 марта 1857 г. назначен начальником газетного стола иркутского губернского правления, редактором „Иркутских Губернских Ведомостей“, которые выходили под его редакцией с мая 1857 г. по март 1859 г., и смотрителем типографии (с жалованьем 500 р.). Муравьев высоко ценил и выдвигал Спешнева и несколько раз представлял его к повышению. В апреле 1859 г. Спешнев произведен в коллежские регистраторы. С марта он сделался правителем путевой канцелярии Муравьева и ездил с ним в Китай и Японию. В начале 1860 г. Муравьев взял его с собою в Петербург и выхлопотал ему возвращение дворянства. С 1861 г. Спешнев занимал должность мирового посредника Островского уезда Псковской губ., живя в селе Федосине, и „твердо стоял за интересы крестьян“. Сотрудничал в словаре Толля. Умер в Петербурге 17 марта 1882 г.

Тимковский Алексей Иванович. Родился в 1817 г., дворянин, сын цензора и председателя Комиссии для печатания полного собрания и свода законов. С 1835 г. — юнкер флота, капитан-лейтенант, получил отставку в марте 1849 г. Посещал Петрашевского с 1848 г. Привлекался к следствию, арестован 24 апреля, выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор.

Тимковский Константин Иванович. Родился в 1814 г. Окончил Петербургский университет и Институт восточной словесности в 1833 г. и вступил юнкером во флот; в 1845 г. вышел в отставку лейтенантом. Чиновник министерства внутренних дел, командированный в Ревель для исследований по городскому хозяйству. Проездом в Петербурге посетил „пятницу“ Петрашевского осенью 1848 г. и прочел изложение своих взглядов. Арестован в Ревеле, доставлен в Петропавловскую крепость 22 мая. Военно-судной комиссией приговорен к ссылке на поселение в отдаленной Сибири; по конфирмации— шесть лет арестантских рот. 23 декабря отправлен в Свартгольм, в 1851 г. переведен в Бобруйск. В июне 1853 г. переведен рядовым в Кавказский корпус в Ставрополь. За отличие против турок произведен в унтер-офицеры 1 сентября 1855 г. и за отличие под Карсом 17 сентября 1855 г.— в прапорщики в мае 1857 г., тогда же возвращено дворянство. Уволен в отставку с производством в поручики и получил разрешение жить в столицах в 1859 г. Умер в 1881 г.

Толбин Василий Васильевич. Родился в 1823 г., дворянин. Окончил Московский университет в 1840 г. Служил в Московском опекунском совете, в отставке с 1842 г. Литератор и переводчик исторических книг, сотрудник „Северного Обозрения“, „Пантеона“, „Иллюстрации“ и „Финского Вестника“. Бывал у Петрашевского в 1847 — 1848 гг., призывался к допросу 2 августа 1849 г., подвергнут секретному надзору.

Толль Феликс Густавович. Родился в 1823 г. в Нарве, немец, лютеранин, сын канцеляриста „из обер-офицерских детей“. Окончил Педагогический институт в 1844 г.; учитель русской словесности в Главном инженерном училище с 1848 г. Посещал Петрашевского с 1846 г., читал речь о религии. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — два года работы на заводах. 23 декабря отправлен через Тобольск в Керевский завод. В 1855 г. разрешено жить в Томске. Указом 17 апреля 1857 г. возвращены права состояния и разрешено вернуться во внутренние губернии. Проездом в Нарву в сентябре 1857 г. жил в Петербурге и выслан в Тверь. Жить в столицах позволено с 1859 г. С 1863 г. по 1866 г. Толль издавал „Настольный Словарь“ в трех томах с приложением. Умер 9 ноября 1867 года.

Толстов Алексей Дмитриевич. Родился в Костромской губ., мещанин. Студент Московского университета, в 1845 г. перешел в Петербургский университет на восточный факультет. За распространение слухов о бунте в Москве подвергнут секретному наблюдению с апреля 1849 г. Знаком с Ханыковым (с 1846 г.) и с Петрашевским (с 1849 г.). Арестован 23 апреля, принес покаяние и 30 июля отправлен унтер-офицером в отдельный кавказский корпус Дагестанского пехотного полка в укрепление Шикарты. Произведен в прапорщики 3 мая 1856 г. и в 1857 г. вернулся в Петербург.

Утин Борис Исаакович. Родился в 1832 г., сын купца 3-й гильдии. Готовился к поступлению на юридический факультет. За знакомство с Толстовым и Катеневым привлекался к следствию. Арестован 23 апреля, освобожден от суда 26 сентября. Уехал учиться в Дерптский университет, впоследствии профессор Петербургского университета по кафедре истории положительных законодательств; оставил кафедру во время студенческих волнений в 1861 г. Был членом Спб. окружного суда и судебной палаты. Умер в 1872 г.

Филиппов Павел Николаевич. Родился в 1825 г., дворянин. С 1841 г. студент Петербургского университета физико-математического факультета; за беспорядок во время перемены был уволен (13 декабря 1845 г.) и вновь

принят сначала вольнослушателем, а затем действительным студентом в 1846 г.; с 1848 г. мало посещал лекции; занимался научными переводами. Посещал Петрашевского с 1848 г. и Дурова. Приобрел принадлежности тайной типографии. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — четыре года военно-арестантских рот и рядовым на Кавказе. 22 декабря отправлен в Измаил; в марте 1850 г.— из-за упадка сил и изнурения переведен в военно-рабочую роту. В декабре 1853 г. отправлен рядовым в Кавказский линейный № 9-й батальон в крепость Грозную. В феврале 1855 г. по просьбе своей сестры послан в действующую армию и умер от раны, полученной при штурме Карса 17 сентября 1855 г.

Ханыков Александр Владимирович. Родился в 1825 г., дворянин. Поступил на Восточный факультет Петербургского университета в 1844 г., уволен за неблагонадежное поведение в апреле 1847 г. Посещал Петрашевского с 1845 г. и Кашкина. Произнес речь на обеде фурьеристов 7 апреля; арестован 2 мая. Военно-судной комиссией приговорен к четырем годам каторги. Генерал-аудиториат ходотайствовал о смягчении своего приговора — десятилетней каторгой, по конфирмации — рядовым в Оренбургские батальоны. Отправлен в Орскую крепость в 1-й линейный батальон и умер 30 июня 1853 г. от холеры.

Черносвитов Рафаил Александрович. Родился в 1810 г. в Ярославской губ., дворянин. На военной службе с 1826 г., был в польском плену, потерял ногу; вышел в отставку поручиком в 1832 г. Был исправником и участвовал в подавлении бунта пермских крестьян в 1841 — 1842 г. Сибирский золотопромышленник. Посещал Петрашевского в приезд в Петербург в конце 1848 г. Арестован в Томской губ., доставлен в Петропавловскую крепость 21 июля; по приговору Военно-судной комиссии оставлен в сильном подозрении. Генерал-аудиториат предложил выслать Черносвитова в Вятку, по конфирмации сослан 22 декабря в Кексгольмскую крепость, не выводясь на площадь для объявления приговора. В 1850 г. Черносвитов просился в Петербург для разработки своего открытия в области воздухоплавания; затем в 1854 г. отправил в комитет инвалидов брошюру об устройстве изобретенной им искусственной ноги и 150 рублей на печатание ее. В декабре 1854 г. переведен в Вологду, по манифесту 26 августа 1856 г. снят надзор и разрешено жить во внутренних губерниях, а затем в столицах. В 1858 г. уехал в Сибирь, жил в Иркутске и Красноярске.

Чириков Михаил Николаевич. Родился в 1803 г., дворянин, отставной гусар с 1831 г., чиновник особых поручений при Государственном коммерческом банке, надворный советник. Квартирант Петрашевского с 1846 г., звонил в колокольчик на его собраниях. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор.

Шапошников Петр Григорьевич. Родился в 1821 г., мещанин, владелец табачной лавки. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации — рядовым в Оренбургские линейные батальоны. Отправлен 23 декабря во 2-й оренбургский рабочий батальон. В августе 1856 г. получил отставку и разрешение жить в Москве под надзором с возвращением прав состояния.

Щелков Алексей Дмитриевич. Родился в 1825 г., сын почетного гражданина, кандидат харьковского университета. В 1846 г. служил в канцелярии спб. военного ген.-губернатора. Виолончелист. Посещал Петрашевского с 1847 г. (редко), сожитель Дурова и Пальма. Привлекался к следствию, арестован 23 апреля, выпущен 6 июля с отдачей под секретный надзор.

Ястржембский Иван-Фердинад Львович. Родился в 1814 г. в Мин-

ской губ., поляк, католик, дворянин. Окончил харьковский университет в 1841 г. С 1843 г. преподаватель политической экономии и помощник инспектора классов в Технологическом институте; кроме того, учитель в институте корпуса путей сообщения и Дворянском полку. Посещал Петрашевского осенью 1848 г., читал изложение политической экономии. Арестован 23 апреля. Военно-судной комиссией приговорен к шести годам каторги. Генерал-аудиториат ходатайствовал о смягчении своего приговора к расстрелу четырьмя годами работы на заводах, по конфирмации—шесть лет работы на заводах. 24 декабря отправлен через Тобольск в Екатерининский винокуренный завод Терского округа. По манифесту 26 августа 1856 г. вышел на поселение. Указом 17 апреля 1856 г. возвращено дворянство и разрешено вернуться во внутренние губернии. Жил в Речицком уезде Минской губ. у родных без всяких занятий в крайней бедности. Надзор снят лишь в 1872 г. и жить в столицах разрешено в феврале 1874 г. Умер в 80-х годах.

СПИСОК

преступникам с показанием, у кого именно остались семейства и какое кто имел состояние.

1. **Петрашевский.** У него мать и две сестры, живущие в г. Петербурге.

За сим числилось в С.-Петербургской губернии 250 душ и в С.-Петербурге два дома и пустопорожнее место.

Мать его имеет в Вологодской и других губерниях до 150 душ и в С.-Петербурге два каменных дома.

2. **Спешнев.** Имел в Щигровском и Фатежском уездах Курской губернии недвижимое имущество, но сколько именно неизвестно, и кроме того у него в С.-Петербурге дом.

После Спешнева осталась мать, но где она находится неизвестно.

3. **Момбелли.** После него остались: отец, отставной подполковник Александр Борисов Момбелли, мать и две сестры. Из них отец живет в г. Козельце Черниговской губернии, а мать находится в г. Вязьме Смоленской губернии. Имения у них нет.

4. **Григорьев.** У Григорьева отец отставной генерал-майор, живет в Нижнем-Новгороде и имеет в разных уездах Нижегородской и в одном уезде Пензенской губернии 680 душ крестьян.

5. **Львов.** Отец его подполковник армии, служит полицмейстером в г. Таганроге и живет там со всем своим семейством. Имения нет.

6. **Ахшарумов.** У него 4 брата, которые имеют капитал около 10 т. р. сер., оставшийся после смерти отца, и несколько десятин земли в окрестностях С.-Петербурга, доставшихся по наследству от матери.

7. **Филиппов.** После него остались: отец, отставной статский советник Николай Павлов Филиппов и мать, живущие в Медынском уезде Калужской губернии в имении князей Кочубеев, но о состоянии их неизвестно.

8. **Ханыков.** У него остались в С.-Петербурге отец, отставной коллежский советник, и мать.

9. **Дебу 1.** Есть ли у них какое имение — неизвестно.

10. **Дебу 2.** У них есть отец, отставной коллежский советник, живущий в С.-Петербурге. Имения никакого не имеется.

11. **Дуров.** Остались ли после Дурова родные неизвестно. Сам он до арестования жил в С.-Петербурге.

12. **Достоевский.** У него остались два брата, за коими состоит в Тульской губернии около ста душ крестьян.

13. **Кашкин.** Оставшиеся после него родители его имеют в разных уездах Калужской, Московской, Тульской и Костромской губерний 2175 душ крестьян.

14. **Головинский.** Родители его имеют в Симбирской и Костромской губерниях 500 душ крестьян.

15. **Ястржембский.** У него остался отец, дворянин, живет в Речицком уезде Минской губернии, но какое имеет состояние — неизвестно.

16. **Толль.** У него остались отец и мать. Отец служит смотрителем домов и команды при типографии II Отделения собственной его императорского величества канцелярии.

17. **Тимковский.** У него осталась в С.-Петербурге жена с двумя детьми. Жительство имеет в зданиях, принадлежащих к Смольному монастырю, в квартире родного брата, надворного советника Бутовского. Состояния никакого не имел.

18. **Плещеев.** После него осталась мать, живущая в С.-Петербурге; из показания Плещеева видно, что она имеет небольшое имение, но сколько именно — неизвестно.

19. **Европеус.** Мать его имеет недвижимое имение в Тверской губернии. Сам Европеус имел в общем владении с братом 80 душ крестьян в Пензенской губернии и уезде и кроме того денежный капитал в билетах Сохранной казны, но сколько именно — неизвестно.

20. **Шапошников.** У Шапошникоза отец и мать московские мещане и живут в Москве — о состоянии их неизвестно.

СПИСОК

лиц, привлекавшихся к допросу Следственной комиссией, но не подвергшихся взысканиям.

1. Авдеев, Павел Гаврилович, 35 л., чин. Госуд. заемн. банка.
2. Ахшарумов, Владимир Дмитр., 25 л., ок. лицей в 1844 г., чин. канцелярии воен. министерства.
3. Барч, Николай Абрамов., 25 л., вольносл. Петерб. ун.
4. Бизеев, Иван Семен., 24 л., поручик л.-гв. Моск. полка.
5. Бурдин, Федор Алексеевич, 23 л., актер импер. театров.
6. Фон-Вах, Эдуард Львович, 40 л., чин. комиссариатского департамента.
7. Величковский, Николай Иван., 27 л., музыкант имп. театров.
8. Витковский, Карл Яковл., 42 л., чин. Госуд. заемн. банка.
9. Витт, Николай Иван., 41 г., немец, русск. подданный с 1836 г., учился в Киле и Копенгагене. Преподаватель химии в Технологич. институте, автор научных трудов.
10. Войт, Владимир Карл., 34 л., капит.-лейтенант флота.
11. Войцеховский, Виктор Осипович, 42 л., чин. мин. ин. дел.
12. Геверт, Александр, Франц., Вильг., 34 л., книгопродавец.
13. Геслер, Владимир Антонов., 31 г., учитель 2-го кадетского корпуса.
14. Глогейм, Александр Иванов., 34 л., чин. контрольн. экспед. с. е. в. канцелярии.
15. Григоровский, Иван Алексеев., 36 л., бывш. секретарь Петерб. двор. опеки.
16. Дмитриев, Александр Дмитриевич, 29 л., ок. Петерб. унив., учитель математики в Спб. Никольск. уездн. училище.
17. Егоров, Петр Андреевич, 24 л., ок. Гл. пед. инст., учитель математики в Мариинской гимназии.
18. Ераков, Конст. Никол., 27 л., поручик л.-гв. Моск. полка.
19. Зотов, Владимир Рафаилович, 27 л., ок. лицей, чин. департамента податей и сборов, литератор, издатель «Литерат. Газеты» с 1847 г. Умер в сент. 1893 г.
20. Колошин, Николай Никол., 27 л., кандидат Моск. университ., чин. мин. внутр. дел.
21. Кошкарев, Владимир Сергеев., 20 л., ок. училище правоведения.
22. Кошкарев, Сергей Сергеев., 17 л. (Двоюр. братья Майковых.)
23. Кузнецов, Владимир Иван., 28 л., ок. лицей, воспитатель и учитель латинск. яз. в лицее с 1844 г.
24. Курочкин, Николай Степанов., род. 2 июля 1830 г., студ. 1 курса Мед.-хир. академии, переводчик, литератор. Умер 2 дек. 1884 г.
25. Литвинов, Мих. Петр., 26 л., канцелярист Спб. гражд. суд. палаты.
26. Лури, Иосиф Карлович, 38 л., книгопродавец, купец 3-й гильдии,

27. Мальте, Петр Александров., 24 л., ок. училище правоведения, б. чин. мин. юстиции.

28. Марциновский, Евстафий Антонов., 32 л., кандидат юрид. наук Петерб. унив., чин. департ. железн. дорог.

29. Минаев, Дмитрий Иванов., 41 г., штабс-капитан, смотритель Измайл. провиантск. магазина, литератор и художник, умер в 1876 г.

30. Михайлов, Владимир Михайл., 37 л., канд. прав и философии Петерб. ун., чин. деп. сельск.-хоз. мин. госуд. имуществ.

31. Морозов, Владимир Яковл., 26 л., учитель Спб. Никольск. уездн. училища.

32. Нагурный, Антон Гаспарович, 28 л., ок. Петерб. унив.

33. Петров, Федор Вас., 18 л., канцелярист в департ. полиции.

34. Понятовский, Игнатий Савельев., 37 л., чин. деп. сельск.-хоз. мин. госуд. имуществ.

35. Попов, Платон Иван., 25 л., чин. Петерб. таможни.

36. Ратынский, Николай Антонович, 28 л., кандид. Моск. унив., секретарь директора деп. общих дел мин. внутр. дел.

37. Рачинский, Сергей Степан., статск. советник.

38. Романович (Любич), Василий Игнатьевич, 44 л., ок. гимназию высших наук кн. Безбородки в Нежине, столонач. в деп. внутр. сношений мин. ин. дел, литератор, переводчик.

39. Семенников, Петр Иван., 39 л., чин. мин. внутр. дел.

40. Сережков, Федор Мих., 44 л., ок. Петерб. унив., учитель истории и географии в Никольск. уездн. училище.

41. Смит, Карл Веньямин., 29 л., англ. подданный, чин. правления Росс. морск. и речн. страхов. о-ва.

42. Стасов, Александр Васильев., 30 л., ок. лицей, б. чин. деп. мануфакт. и внешн. торг. мин.

43. Стасов, Владимир Васильев., 25 л., ок. учил. правоведения, секретарь деп. герольдии Сената.

44. Стасов, Николай Вас., 31 г., инженер-поручик, бауадъютант Зимнего дворца.

45. Степанов, Петр Иван., 32 л., канцелярист мин. ин. дел.

46. Толстой, Николай Васильев., 29 л., отст. юнкер, сотрудник «Спб. Ведом.».

47. Шабишев, Николай Николаевич, 33 л., ок. Инст. корп. путей сообщ., отст. прапорщик.

48. Шрамченко, Александр Васил., 32 л., кандидат законоведения Моск. ун., секретарь Спб. духовн. консистории.

49. Штрандман, Роман Романов., 26 л., не окон. курса уч. прав. и унив., литератор, секретарь Вольно-экон. о-ва.

50. Энгельсон, Владимир Аристович, род. 19 мая 1821 г., не оконч. лицей, отст. чин. мии. ин. дел, впоследствии политич. эмигрант, сотрудник «Полярной Звезды» Герцена. Умер в 1856 г. в Джерси.

ОПИСЬ АРХИВНЫХ ДЕЛ.

Дело I Экспедиции III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. № 214 за 1849 год.— По разысканию Липранди и донесениям Антонелли, о Буташевиче-Петрашевском и его сотоварищах.

Часть дела.	СОДЕРЖАНИЕ.	Число листов.
1.	Об арестовании обвиняемых лиц и осмотре квартир их	124
2.	О суммах на содержание арестованных лиц в крепости	26
3.	Об учреждении следственных комиссий	189
4.	О титулярном советнике Михайле Буташевиче-Петрашевском	136
5.	Об учителе Феликсе Толле	76
6.	О надворном советнике Александре Баласогло (в деле не имеется)	264
7.	О титулярном советнике Василии Головинском	92
8.	О коллежском асессоре Сергее Дурове	49
9.	О капитане-лейтенанте Алексее Кузьмине	20
10.	Об учителе Петре Белецком	117
11.	О студенте Павле Филиппове	63
12.	О мещанине Петре Шапошникове (он же Григорьев)	64
13.	Об инженер-поручике Федоре Достоевском	66
14.	О вольном слушателе университета Василии Катеневе	27
15.	О студенте Алексее Толстове	32
16.	О титулярном советнике Фердинанде Ястржембском	51
17.	Об ученике Дмитрии Ахшарумове	54
18.	О титулярном советнике Николае Кашкине	31
19.	О надворном советнике Михайле Чирикове	21
20.	О коллежском секретаре Алексее Щелкове	20
21.	О художнике Евстафии Бернардском	19
22.	О штабс-капитане Павле Кузьмине	68
23.	О чиновнике 9-го класса Николае Кайданове	16
24.	О коллежском советнике Константине Десбуте (Дебу)	38
25.	О неслужащем дворянине Платоне Дееве	16
26.	О вольном слушателе университета Александре Мадерском	77
27.	О коллежском асессоре Карле Ольдекопе	13
28.	О художнике Алексее Берестове	15
29.	О подпоручике Михайле Достоевском	25
30.	О помещике Николае Спешневе	148
31.	О студенте Григории Данилевском	23
32.	О приготовлявшемся ко вступлению в университет Борисе Утине	11
33.	О штабс-капитане Дмитрии Кропотове	7

Часть дела.		Число листов.
34.	О губернском секретаре Ипполите Десбуте	35
35.	О штабс-капитане Федоре Львове	69
36.	О подпоручике Александре Пальме	33
37.	О поручике Николае Момбелли	127
38.	О поручике Николае Григорьеве	62
39.	О губернском секретаре Порфирии Ламанском	7
40.	О коллежском секретаре Николае Серебрякове	23
41.	О капитане-лейтенанте Алексее Тимковском	17
42.	О кандидате Александре Михайлове	16
43.	О неслужащем дворянине Алексее Плещееве	86
44.	О студенте Александре Ханыкове	16
45.	О коллежском секретаре Александре Европеусе	39
46.	О чиновнике 9-го класса Евгении Есакове	22
47.	О коллежском регистраторе Эрасте Ващенко	53
48.	О коллежском асессоре Александре Барановском	30
49.	О надворном советнике Александре Беклемишеве	32
50.	О титулярном советнике Константине Тимковском	89
51.	О кандидате Петре Латкине	18
52.	О кандидате Николае Данилевском (в деле не имеется)	84
53.	Об отставном поручике Рафаиле Черносвитове	260
54.	О капитане Петре Львове	3
55.	О мещанине Василии Острове (он же Васильев)	16
56.	О губернском секретаре Андрее Достоевском	4
57.	О крестьянине Николае Каменском	17
58.	Об архитекторе Александре Тверском	12
59.	О книгопродавце Лури и Лейброке	205
60.	О лицах, арестованных сверх данных предписаний: Александре и Константине Филипповых, Николае Барановском, Ахачинском и Пронине	11
61.	О девице Любови Оглоблиной	18
62.	О служащем в общей городской думе Николае Барче	17
63.	О коллежском асессоре Александре Шрамченко	35
64.	О лицах, на которых обращалось внимание: настоятеле монастыря Колесникове, бывшем студенте Иване Аристове, поручике Осипе Ястржембском, бывших лицеистах: Алексее Унковском, Владимире Константинове и Александре Бандыше, титулярном советнике Андрее Хлопове и адъюнкте Благовещенском	19
65.	Об агентах: чиновнике Петре Антонелли, мещанах Василии Шапошникове и Николае Наумове	100
66.	О пособии семействам арестованных лиц	78
67.	Об обществе литераторов под названием „клуба ламартинистов“	6
68.	О великобританской подданной девице Марии Варн	9
69.	О титулярном советнике Колошине	27
70.	О титулярном советнике Кашевском	9
71.	О титулярном советнике Ламанском	15
72.	О маклере Семенове	8
73.	О губернском секретаре Толбине	9
74.	О кандидате Милютине	5
75.	О чиновнике Оскаре Отто	25
76.	О капитан-лейтенанте Вейте	11

Часть дела.		Число листов.
77.	О студенте Павле Европеусе	23
78.	О библиотекаре Румянцевского музеума Майкове	17
79.	О губернском секретаре Толстом	9
80.	Об учителе 12-го класса Дмитриеве	6
81.	О секретаре Вольно-Экономического общества Штрандмане	7
82.	О титулярном советнике Авдееве	6
83.	О чиновнике Витковском	4
84.	О капитане Дмитрии Минаеве	5
85.	Об учителе Никольского училища Морозове	4
86.	О коллежском асессоре Семенникове	5
87.	Об отставном коллежском секретаре Мальте	4
88.	Об учителе Никольского училища Черешкове	8
89.	Об учителе 2-го кадетского корпуса Геслере	7
90.	О чиновнике 7-го класса Кузнецове	5
91.	О губернском секретаре Энгельсоне	6
92.	О губернском асессоре Марциновском	11
93.	Об учителе 9-го класса Егорове	8
94.	О титулярном советнике Войцеховском	4
95.	О Владимире и Сергее Кошкаровых	4
96.	О г-не Понятовском	4
97.	Об Антоне Нагурном	8
98.	О воспитаннике Медико-Хирургической академии Курочкине	6
99.	О коллежском секретаре Сидорове	9
100.	О книгопродавце Геверте	4
101.	О чиновнике Петрове	4
102.	О чиновнике 12-го класса Бурнашеве	14
103.	О коллежском асессоре Ратынском	3
104.	О коллежском советнике Романовиче	5
105.	О чиновнике Литвинове	7
106.	О цензоре и переводчике Михелине	17
107.	Об отставном поручике Дершау	4
108.	О секретаре С.-Петербургской дворянской опеки Григоровском	11
109.	О титулярном советнике Зотове	6
110.	О купце Василии Пронине	6
111.	О фридрихсгамском купце Василии Чернове	3
112.	Об аукционисте Острогине	9
113.	О мещанах Федоте и Михайле Мохровых	7
114.	О рижской гражданке Вильгельмине Блюм	5
115.	О титулярном советнике Веревкине и девицах Веревкиных	21
116.	О коллежском асессоре Стасове 1-м	11
117.	О титулярном советнике Стасове 2-м	5
118.	Об учителе Технологического института Витте	9
119.	О канцелярском служителе Петре Степанове	5
120.	О бау-адъютанте Зимнего дворца Стасове	5
121.	О частном учителе Флене	5
122.	О коллежском секретаре Александре Милюкове	22
123.	О дворянине Фон-Визине	7
124.	О коллежском секретаре Владимире Ахшарумове	4
125.	О коллежском секретаре Николае Ахшарумове	8
126.	Об англичанине Шмидте	6

Часть дела.		Число листов.
127.	О Платоне Попове	12
128.	О статском советнике Михайлове	7
129.	О чиновнике Фон-Вахе	5
130.	О чиновнике Гладгейме	7
131.	О купце Шейне	3
132.	О купеческом сыне Мазурине	23
133.	О кандидате Семенове	2
134.	О Соколове и Залебецком	23
135.	О Гладгейме	2
136.	О Кайданове и других	111
137.	О статском советнике Рачинском, Кальпше, Беляеве, Величковском и Шабишеве (к сему следует пакет: шк. № 42 пак. № 49).	7
138.	О чиновнике Взметневе	2
139.	О титулярном советнике Семенове	2
140.	О чиновнике Николае Мордвинове и Бурдине	16
141.	Присланное для хранения в III Отделение князем Голицыным делопроизводство Комиссии, высочайше утвержденной под председательством его сият-ва для рассмотрения книг и бумаг злоумышленников (при сем деле пакет: шк. № 42 пак. № 50).	415
142.	Об исполнении приговора над 25 преступниками	309
143.	О переписке преступников, над коими исполнен приговор 22 декабря 1849 года	16
	О переписке лиц, осужденных по делу преступника Петрашевского, с родными.	
144.	Переписка Николая Григорьева	4
„ а	Переписка Николая Спешнева с родными	9
„ б	Переписка Константина Тимковского с родными	32
„ в	Переписка поручика Черносвитова	65
„ г	Переписка Шапошникова	7
„ д	Переписка Кашкина, Ахшарумова, Дебу 2-го и Европеуса	55
„ е	Переписка Николая Данилевского	3
„ ж	Переписка Павла Филиппова с родными	165
„ з	Переписка Плещеева, Ханыкова и Головинского	64
	По розысканию Липранди и донесениям Антонелли о Буташевиче-Петрашевском и его сотоварищах:	
145.	По ходатайству генерал-адъютанта Перовского, об облегчении участи некоторых преступников	30
146.	О пособии семействам некоторых преступников, прикосновенных к делу о Буташевиче-Петрашевском	36

Дело аудиториатского департамента военного министерства 1-го стола 4-го отделения № 55 за 1849 год.

О злоумышленниках Буташевиче-Петрашевском, Спешневе и других.

1.	Общие входящие бумаги	105
2.	Предварительные сведения по донесениям агентов	255
3.	Подлинные донесения агентов	223

Часть дела.		Число листов.
4.	Журнал секретной Следственной комиссии	466
5.	Следственное дело о титулярном советнике Буташевиче-Петрашевском, т. I (второго тома в деле не имеется)	428
6.	О неслужащем дворянине Спешневе (в деле не имеется)	—
7.	О поручике л.-гв. Московского полка Момбелли	344
8.	О штабс-капитане л.-гв. Егерского полка Львове	98
9.	О коллежском советнике Дебу 1-м	126
10.	О поручике л.-гв. Конно-гвардейского полка Григорьеве 1-м	70
11.	О студенте Филиппове (в деле не имеется)	—
12.	О кандидате университета Ахшарумове	147
13.	О студенте Ханыкове	150
14.	О титулярном советнике Тимковском	128
15.	О коллежском секретаре Данилевском	70
16.	О мещанине Петре Григорьеве Шапошникове, почетном гражданине Катеневе, студентах Толстове и Данилевском, купеческом сыне Утине и мещанине Вострове, том II (том первый в деле отсутствует)	415
17.	О надворном советнике Балясогло	226
18.	О титулярном советнике Кашкине	89
19.	Об отставном коллежском асессоре Дурове	92
20.	Об отставном подпоручике Черносвитове	188
21.	О титулярном советнике Головинском	76
22.	Об учителе Главного инженерного училища Толле	122
23.	О титулярном советнике Ястржембском	73
24.	О поручике л.-гв. Егерского полка Пальме	100
25.	О коллежском секретаре Дебу 2-м (в деле не имеется)	—
26.	Об отставном инженер-поручике Достоевском	130
27.	О Плещееве (в деле не имеется)	—
28.	О коллежском секретаре Европеусе	54
29.	О чиновнике 9-го класса Есакове	62
30.	О коллежском регистраторе Ващенко	70
31.	О надворном советнике Беклемишеве	106
32.	О штабс-капитане генерального штаба Кузьмине	176
33.	Об отставном капитан-лейтенанте Кузьмине	22
34.	О купеческом сыне Латкине	12
35.	О коллежском асессоре Ольдекопе	38
36.	Об отставном подпоручике Достоевском	42
37.	О коллежском асессоре Барановском	44
38.	Об однодворце Мадерском	56
39.	О неимеющем чина, сыне коллежского советника Дееве	63
40.	О свободном художнике Берестове	30
41.	О художнике Бернардском	20
42.	О кандидате С.-Петербургского университета Михайлове	46
43.	О титулярном советнике Кайданове	49
44.	О коллежском секретаре Серебрякове	70
45.	О надворном советнике Чирикове	52
46.	Об отставном флота капитан-лейтенанте Тимковском	28
47.	О штабс-капитане Кропотове	66
48.	О коллежском секретаре Щелкове	24
49.	О губернском секретаре Ламанском	126

Часть дела.		Число листов.
50.	Об учителе 2-го кадетского корпуса Белецком	107
51.	Исследование о литографированных записках, найденных в бумагах учителя Белецкого и студента Филиппова	24
52.	Переписка о профессорах Кудрявцеве и Грановском	6
53.	„ „ студенте Барче	16
54.	„ „ „ Благовещенском	10
55.	Следственное дело о коллежском асессоре Шрамченко	26
56.	Об отставном прапорщике Шабишеве	12
57.	О титулярном советнике Колошине	18
58.	О капитане-лейтенанте Войте	20
59.	О штабс-капитане Минаеве	16
60.	О коллежском ассесоре Семенникове	10
61.	О титулярном советнике Витковском	10
62.	Об учителе Морозове	10
63.	О губернском секретаре Толстом	58
64.	О губернском секретаре Энгельсоне	20
65.	Об учителе 2-го кадетского корпуса Владимире Геслере	25
66.	О Романе Штрандмане	30
67.	О надворном советнике Кузнецове	18
68.	О титулярном советнике Авдееве	12
69.	О коллежском секретаре Дмитриеве	12
70.	Об отставном коллежском секретаре Мальте	18
71.	О титулярном советнике Сережкове	29
72.	О титулярном советнике Понятовском	22
73.	О Сергее Кошкарове	14
74.	О Владимире Кошкарове	22
75.	О статском советнике Рачинском	4
76.	О коллежском асессоре Войцеховском	20
77.	О книгопродавце Геверте	14
78.	О канцелярском служителе Литвинове	22
79.	О студенте Императорской С.-Петербургской Медицинской Академии Курочкине	36
80.	О канцелярском служителе Петрове	10
81.	О коллежском асессоре Ратынском	12
82.	О титулярном советнике Романовиче	26
83.	О кандидате Нагурном	20
84.	Об учителе 9-го класса Егорове	22
85.	О Григоровском	14
86.	О титулярном советнике Зотове	49
87.	О купце Иосифе Лури	18
88.	О канцелярском служителе Степанове	18
89.	О коллежском асессоре Владимире Стасове	10
90.	Об отставном коллежском асессоре Александре Стасове	10
91.	О губернском секретаре Толбине	26
92.	О титулярном советнике Аполлоне Майкове	30
93.	О титулярном советнике Ламанском	20
94.	О коллежском секретаре Сидорове	30
95.	О титулярном советнике Николае Кашевском	20
96.	О студенте Императорского С.-Петербургского университета Павле Европеусе	32

Часть дела.		Число листов.
97.	О коллежском асессоре Марциновском	22
98.	О Ромашове, Салтыкове, Бердяеве, Яшвиле, извозчиках: Федоте и Михайле Яковлевых и Блюм	42
99.	О титулярном советнике Витте	31
100.	О бау-адъютанте императорского Зимнего дворца, инженер-поручике Николае Стасове	10
101.	О коллежском секретаре Милюкове	44
102.	О коллежском секретаре Николае Ахшарумове	26
103.	О коллежском секретаре Владимире Ахшарумове	20
104.	Об Анне Егоровой	6
105.	Об иностранце Смите	14
106.	О титулярном советнике Веревкине	6
107.	О коллежском секретаре Мордвинове	44
108.	О поручике л.-гв. Московского полка Еракове	6
109.	Об актере императорских театров Бурдине	18
110.	О служащем в дирекции С.-Петербургских императорских театров Величковском	12
111.	О статском советнике Михайлове	14
112.	О коллежском регистраторе Попове	14
113.	О коллежском секретаре Гладгейме	18
114.	О чиновнике 9-го класса Отто	28
115.	О титулярном советнике Фон-Вахе	12
116.	О книгопродавце Лейброке	10
117.	Исследование об игумене Колесникове	10
118.	Следственное дело о поручике л.-гв. Московского полка Бизяеве	4
119.	Высочайшие повеления и другие бумаги, относящиеся до лиц, прикосновенных к делу, а также до лиц, освобожденных от допросов	476
120.	Дело, произведенное высочайше учрежденною смешанною Военно-судною комиссиею над злоумышленниками	610
121.	Краткие записки о подсудимых, составленные по определению Военно-судной комиссии	100
122.	Книги титулярного советника Буташевича-Петрашевского.	

1. Deutschland, Polen und Russland. Von Franz Schuselka. Hamburg, 1846.

2. Ludwig Feuerbach's sämtliche Werke. Zweiter Band. Philosophische Kritiken und Grundsätze. Leipzig, 1846.

3. Pierre Leroux. De l'égalité, suivi d'aphorismes sur la doctrine de l'humanité. Boussac, 1848.

4. P.-J. Proudhon. Avertissement aux propriétaires, ou lettre à M. Considérant, rédacteur de la Phalange, sur une défense de la propriété. Paris et Besançon, 1841.

5. V. Considérant. De la politique nouvelle, convenant aux intérêts actuels de la société, et de ses conditions de développement par la publicité. 2-me édit. Paris, 1844.

6. F. Durand. Des tendances pacifiques de la société européenne et du rôle des armées dans l'avenir. Bruxelles, 1847.

7. Procès des dix-neuf citoyens accusés de complot tendant à remplacer le gouvernement royal par la république. Contenant leurs défenses et celles de leurs avocats. Paris, 1831.

8. Oeuvres complètes d'Helvetius. Tome 3-me. Avec l'Essai sur la vie et les ouvrages d'Helvetius par Saint-Lambert. Paris, 1818.

9. D. F. Strauss. Vie de Jésus ou examen critique de son histoire. Traduit de l'allemand sur la 3-me édit. par E. Littré. Tome 1-er, 2-me partie Paris, 1839.

10. Les journaux rouges. Histoire critique de tous les journaux ultra-républicains publiés à Paris depuis le 24 février jusqu'au 1-er octobre 1848, avec des extraits spécimens et une préface par un Girondin. Paris, 1848.

11. Die Grenzboten. Zeitschrift für Politik und Literatur redigirt von J. Kuranda. 7. Jahrgang, 1848. №№ 14, 15, 17, 34—39, 44—50, 51—52.

12. La Revue Indépendante. Tome 13-me, 4-me livraison. Paris, 25 avril 1844.
" " tome 22-me, 3-me livraison, 10 oct. 1845.
" " 7-e année, 2-me série, — 8-me volume, 4-me livraison, 25 avril 1847.

13. La Phalange. Revue de la science sociale. XIV année, 1-re série, tome 1-er, Paris, janvier—fevrier 1845.

La Phalange. XVII année, 1-re série, tome VII, janvier 1848.

14. Histoire de la classe ouvrière depuis l'Esclave jusqu'au Prolétaire de nos jours, précédée d'une dédicace à M. Eugène Sue, par Robert (du Var). Paris, 1845.

[4 тома, по 14 отдельных выпусков в томе; выпуски годов издания 1845, 1846, 1847 и 1848, частью помечены 2-м изданием; недостает 2 вып. во 2-м томе и 7 последних в 4-м. — Всего 47 вып.]

123. Книги неслужащего дворянина помещика Николая Спешнева.

1. Die weisse Sclaverei oder die Leibeigenschaft in Russland von dem Verfasser des „Enthüllten Russlands". 3 Teile. Grimma, 1845.

2. Dr Karl Biedermann. Die deutsche Philosophie von Kant bis auunsere Zeit, ihre wissenschaftliche Entwicklung und ihre Stellung zu den politischen und socialen Verhältnissen der Gegenwart. Erster Band. Leipzig, 1842.

3. Louis Blanc. Histoire de la Révolution française. Tome deuxième. Paris, 1847.

1. Die weisse Sclaverei oder die Leibeigenschaft in Russland von dem Verfasser des „Enthüllten Russlands", 3 Theile. Grimma, Druck und Verlag des Verlags—Comptoirs 1845.

2. Charles Fourier. Le nouveau monde industriel et sociétaire, 2 vol. Bruxelles 1840.

3. Almanach phalanstérien pour 1846. Paris.

4. Th. Dezamy. Le jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme, ou les constitutions des jésuites et leurs instructions secrètes en parallèle avec un projet d'organisation du travail. Paris, 1845.

5. P.-J. Proudhon. Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère. Tome II. Paris 1846 [разрезана глава XII: Neuvième époque. La communauté, p. 330—396.]

6. Joseph Garnier. Eléments de l'économie politique, exposé des notions fondamentales de cette science. 2-me édit. Paris, 1848.

7. Almanach phalanstérien pour 1846. Paris.

8. Ch. Pellarin. Charles Fourier, sa vie et sa théorie. 2-me édit. Paris, 1843.

9. Charles Fourier. Le nouveau monde industriel et sociétaire. 2 vol. Bruxelles, 1840.

124. Книги дворянина Спешнева.

1. Oeuvres complètes de Charles Fourier. Tome premier. Théorie des quatre mouvements et des destinées générales. 2-me édit. Paris, 1841.

2. То же, 3-me édit. Paris, 1846.

3. То же, tome cinquième. Théorie de l'unité universelle. Quatrième volume. 2-me édit. Paris, 1841.

4. То же, tome sixième. Le nouveau monde industriel et sociétaire, ou invention du procédé d'industrie attrayante et naturelle, distribuée en séries passionnées. 3-me édit. Paris, 1848 [неразрезана].

5. Ch. Fourier. La fausse industrie morcelée, répugnante, mensongère et l'antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, véridique, donnant quadruple produit. Paris, 1835.

6. Dain, Considérant et d'Izalguier. Trois discours prononcés à l'Hôtel de Ville. Paris, 1836.

7. Villegardelle. Accord des intérêts dans l'association et besoins des communes avec notice sur Charles Fourier. Paris, 1844.

8, Bases de la politique positive; manifeste de l'école sociétaire fondée par Fourier. 2-me édit. Paris, 1842.

9. Gabriel Gabet. Traité élémentaire de la science de l'homme considéré sous tous les rapports, enrichi de figures. 2 vol. Paris, 1842.

10. Die polnische Verschwörung zu Anfang des Jahres 1846. Zweite Auflage. Grimma, 1846.

124. Книги студента Данилевского.

Н. Устрялов. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. Санктпетербург, 1847.

125. Книги студента Филиппова.

Louis Blanc. Histoire de dix ans. 1830—1840. Bruxelles et Leipzig, 1843, tomes X et XI [неразрезана].

Книги инженер-поручика Достоевского.

Frédéric Bastiat. Sophismes économiques. Deuxième série. Paris, 1848.

1. 25. Тетради кандидата университета Дмитрия Ахшарумова.

1. Тетрадь в кожаном переплете с записями 1848 г.

2. Тетрадь в картонном переплете с началом „Изложения домашней земледельческой ассоциации о воспитании".

126. Книги титулярного советника Константина Тимковского.

1. Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet von Dr. David Friedrich Strauss Vierte Auflage. 2 Bände. Tübingen, 1840.

2. F. Vidal. De la répartition des richesses ou de la justice distributive en économie sociale. Paris, 1846.

127. Книги титулярного советника Головинского.

1. Michel Chevalier. Lettres sur l'organisation du travail ou études sur les principales causes de la misère et sur les moyens proposés pour y remédier. Paris, 1848.

2. M-me Gatti de Gamond. Fourier et son système. 5-me édit. Paris, 1841—42.

3. Ее же. Réalisation d'une commune sociétaire d'après la théorie de Charles Fourier. Paris, 1841—42.

4. Jules Lechevalier. Etudes sur la science sociale, Année 1832. Théorie de Charles Fourier. Paris, 1834.

5. Auguste Billiard. De l'organisation de la République depuis Moïse jusqu'à nos jours. Paris, 1846.

6. Ramon de la Sagra. Organisation du travail, questions préliminaires à l'examen de ce problème. Paris, 1848.

7. Lettres du Père à Charles Duveyrier sur la vie éternelle (juin 1830). Paris 1834.

8. [B. Enfantin] Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. 1828—29. 3-me édit. Paris, 1831.

9. Religion saint-simonienne. Economie politique et politique. Articles extraits du Globe. 2-me edit. Paris, 1832 [неразрезана].

10. Oeuvres de Saint-Simon contenant: 1. Catéchisme politique des industriels; 2. Vues sur la propriété et la législation; 3—lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains; 4. Parabole politique. 5. Nouveau christianisme, précédés de fragments de l'histoire de sa vie écrite par lui-même, publiés en 1832 par Olinde Rodrigues. Paris, 1841 [неразрезана].

128. Книги коллежского секретаря Дебу 2-го.

1. Bibliothek ausgewählter Memoiren des XVIII und XIX Jahrhunderts. Herausgegeben von F. E. Pipitz und G. Fink. Zweiter Band. Major M a s s o n's geheime Denkwürdigkeiten über Russland. Mit einer Einleitung: Russische Geschichten im XVIII u. XIX Jahrhundert. „Erster Teil. Belle-Vue, bei Konstanz, 1844.

2. Ergänzungsblätter zu allen Konversationslexiken, herausgegeben von einem Vereine von Gelehrten, Künstlern und Fachmänner. Leipzig, 1848. №№ 163—166.

3. La phalange. XVI année, 1-re série, tome V, février, mars, mai, Paris, 1847.
„ XVII année, 1-re série, tome VII, février 1848.

129. Книги однодворца Мадерского.

1. Der Kompass der Weisen von einem Mitverwandten der innern Verfassung der ächten und rechten Freymaurerey beschrieben; herausgegeben von Ketmia Vere Zwote, Ausgabe von Ada Mah Booz. Berlin, 1782.

2. Ergänzungs-Konversationslexikon. Dritter Band, in 52 Nummern der Ergänzungsblätter zu allen Konversationlexiken. Herausgegeben von Dr. Fr. Steger. Leipzig, 1847, №№ 105—136, 138—156.

130. Книги титулярного советника Кайданова.

1. Oeuvres complètes de Ch. F o u r i e r, tome premier. Théorie des quatre mouvements. Paris, 1841.

2. Le dernier mot du socialisme par un catholic. Paris, 1848.

3. F. V i d a l. De la répartition des richesses. Paris, 1846.

131. Книги титулярного советника Ламанского.

1. F. V i d a l. De la répartition des richesses. Paris, 1846.

2. Его же. Vivre en travaillant! projects, voies et moyens de réformes sociales. Paris, 1848.

3. P.-I. P r o u d h o n. Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère. Tome 1-er. Paris, 1846.

4. Charles L a b o u l a y e. Organisation du travail, De la démocratie industrielle. Paris, 1848.

5. Louis B l a n c. Organisation du travail. 4-eme édit. Paris, 1845.

6. J. M i c h e l e t. Du prêtre, de la femme, de la famille. 3-me édit. Paris, 1845.

7. Léon F a u c h e r. Du système de M. Louis Blanc ou le travail, l'association et l'impot. Paris, 1848.

132. По докладной записке г. военного министра, с последовавшею по оной собственноручною государя императора резолюциею, об учреждении в С.-Петербургской крепости секретной Следственной комиссии над злоумышленниками . . . 81

133. По записке генерал-аудитора, о назначении порционных и суточных денег командированным в секретную Следственную комиссию, учрежденную в С.-Петербургской крепости над злоумышлен-

Часть дела.		Число листов.
	никами, чиновникам аудиториатского департамента: статскому советнику Шмакову, коллежским секретарям Щетковскому и Трубачеву, писарям Андрееву и Серкову, произведенному впоследствии в коллежские регистраторы. Тут же приобщена переписка как о назначении в эту Комиссию для занятий губернского секретаря Миклашевского с производством ему столовых денег, так и о награждении по этому делу всех упомянутых чиновников: титулярных советников: Устрялова, Востинского и Полянского, коллежского секретаря Михайлова, губернского секретаря Савельева и коллежских регистраторов Серкова и Емельянова. Тут же и о награждении С. С. Шмакова прибавочным жалованьем по 600 р. с. в год	85
134.	Выписка, составленная в аудиториатском департаменте военного министерства из военно-судного дела о титулярном советнике Буташевиче-Петрашевском и других 18 чиновниках гражданского ведомства и 4 военных офицерах	516
135.	Определение генерал-аудиториата о титулярном советнике Буташевиче-Петрашевском и других со списком	105
136.	По отношению директора канцелярии военного министерства с препровождением на рассмотрение (в ген.-аудиториат) военно-судного дела, произведенного в высочайше учрежденной Военно-судной комиссии над злоумышленниками	1053

БИБЛИОГРАФИЯ [1]).

1840 1. **М. В. Петрашевский.** Письмо по поводу юбилея (4 окт. 1839) директора лицея Гольтгоера. „СПБ. Ведомости", 1840, №№ 26 и 27.

1845 2. **А. А. Григорьев.** Два эгоизма. Драма в 4-х действиях, в стихах. „Репертуар и Пантеон", 1845, XII (М. Петрашевский выставлен под именем Петушевского) [2]). Напечат. в „Стихотворениях", под ред. А. Блока. М., 1916 г., с 230—233, 267—269.

3. **Карманный словарь иностранных слов,** вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. (С.) Кирилловым. СПБ. (Вып. I, стр. 1—176, вышел в 1845; вып. II, с 177—324, буквы Мар—Орд, редактированный Петрашевским, вышел в апр. 1846.)

4. **В. Г. Белинский.** Отзыв о I выпуске „Словаря". „Отеч. Зап.", 1845, т. 40. Напечатано в полн. собр. соч., под ред. Венгерова, т. IX, стр. 375—376, П. 1910.

5. **Рецензия на I выпуск „Словаря"** (без подп.). „Современник" 1845, т. 38, стр. 258—259.

1847 6. **А. Плещеев.** Петербургская хроника. „Русский Инвалид", 1847, № 181. (Некролог В. Майкова.)

1848 7. **М. Е. Салтыков.** Запутанное дело. „Отеч. Зап.", 1848, т. 57, март, подп. М. С. Напечат. в I т. Собр. соч., в отделе „Невинные рассказы".

---

[1]) Хронологическое построение этого перечня является попыткой дать „историографию" дела петрашевцев, проследить его отражение в современной печати и мемуарах, показать процесс его изучения историко-революционной мыслью, его просачивание через цензуру — и наглядно погодно отобразить тот общественный интерес, которым окружены петрашевцы в течение восьмидесяти слишком лет.

Перечень представляет дополненную переработку систематической библиографии, напечатанной в книге автора „Петрашевцев", М., 1924.

Первоначальные даты изданий снабжены, по возможности, указаниями на доступные перепечатки. Самые перепечатки входят в перечень лишь в тех случаях, когда они являются переработкой, систематизацией, переводом или повторением мало доступных заграничных изданий. Издания, появлявшиеся в печати в течение нескольких лет, отнесены к своей первой дате. Содержание материала, вощедшего в перечень, взято возможно широко, включает общие характеристики эпохи, биографические и литературные данные о петрашевцах; лишь по отношению к крупным литераторам-петрашевцам пришлось ограничиться данными, касающимися их участия в деле.

В. Лейкина.

[2]) См. Н. Барсуков. „Жизнь и труды Погодина", кн. 8, П., 1894. На стр. 43 — подтверждение этого Аксаковым.

1849 8. **Приговор по делу Петрашевского.** „Русский Инвалид", 23 дек. 1849, № 276. Перепечат. в сб. „Петрашевцы", изд. Саблина.

9. **То же.** „Северная Пчела", 23 дек. 1849, № 286.

10. **То же.** „СПБ. Ведомости", 23 дек. 1849, № 287.

11. **То же.** „Вед. СПБ. гор. полиции" 24 дек. 1849, № 139.

1850 12. **То же.** Journal de St-Petersbourg, 1850, 6 janvier.

13. **То же.** „Закавказский Вестник", 1850, 19 янв., № 3.

14. **Памятная книжка Императорского Александровского Лицея на 1850 г.** П., 1850, и последующие выпуски — сведения об окончании Петрашевским X курса лицея в 1839 г.

1851 15. **А. И. Герцен.** Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Paris, 1851, т. VI полн. собр. сочин. под ред. М. Лемке, П. 1919. В русском переводе стр. 398—399.

1856 16. **Высочайший манифест 26 августа 1856.** (Об облегчении участи политич. преступников.) СПБ. „Сенатск. Вед.", 1856, № 70. 2-е Полн. собр. законов, т. 31, отд. I, № 30877, стр. 791, 793, 794.

1857 17. **Высочайший указ Сенату 17 апреля 1857.** СПБ. „Сенатск. Вед.", 1857, № 33.—„2-е Полное собр. законов", т. 32, отд. I, № 31737, стр. 313.

18. **Н. Спешнев** (без подп.). Иркутская старина. 1. Начало Иркутска, „Ирк. Губ. Вед.", 1857, 16 мая, № 1. 2. Иркутский острог, там же, № 3.

19. **Ф. Львов.** Горбуновский и доросунский каменный уголь на Аргуни. „Ирк. Губ. Вед.", 1857, № 4.

20. **М. Петрашевский.** Несколько мыслей о Сибири (подп.—БРД). „Ирк. Губ. Вед.", 1857, № 9.

21. **Н. Спешнев** (без подп.). Передовая (об открытии торгового пароходства по Амуру). „Ирк. Губ. Вед.", 1857, № 11.

22. **Ф. Львов.** О питательности хлеба в Нерчинском округе. „Ирк. Губ. Вед.", 1857, № 16.

1858 23. **Ф. Львов.** Передовая (об устройстве об-ва для развития промышленности в Восточной Сибири). „Ирк. Губ. Вед.", 1858, № 2.

24. **Ф. Львов.** О химическом исследовании Енисейских минеральных вод. „Ирк. Губ. Вед". 1858, № 15.

25. **М. В. Петрашевский.** „По поводу речи А. В. Белоголового" (без подп.). „Ирк. Губ. Вед.", 1858, № 39 и 40.

26. **Ф. Львов.** Передовая (об экзамене в сиропитательном доме). „Ирк. Губ. Вед.", 1858, № 44.

27. **Н. Спешнев.** Передовая (о проекте телеграфнаго сообщения через Сибирь). (Подп.—S.) „Ирк. Губ. Вед.", 1858, № 48.

28. **М. В. Петрашевский.** Передовая (о врачебной помощи бедным). (Подп. tr.) „Ирк. Губ. Вед.", 1858, № 50.

1859 29. **Н. Спешнев** (без подп.). Передовая (Слухи о распространении откупа на Амурский край). „Ирк. Губ. Вед.", 1859, № 3.

30. **Ф. Львов.** Забайкальские минеральные источники. „Ирк. Губ. Вед.", 185 , № 3, 4, 5, 7, 8, 10.

31. **М. В. Петрашевский.** „По поводу одного текущего дела" (подп. О) „Ирк. Губ. Вед.", 1859, № 16.

32. **Юстиция и М. В. Буташевич-Петрашевский.** 1. Прошение Петрашевского от 28 июня 1858, в 6 пунктах („Колокол", 1859,1 авг., л. 49, стр. 399—403).—2. Необходимое приложение к прошениям Буташевича-Петрашевского от 19/XII—1855 и 7/III—1856. I. Может ли и должно ли быть дано оным двум моим прошениям в Прав. Сенат дальнейшее движение? („Колокол", 1859, 15 авг., л. 50, стр. 410 — 414.) 3. (Прод.) II. Предмет сих прошений подсуден ли Прав. Сенату? („Колокол", 1859, 1 сент., л. 51, стр. 418—425 и 15 сент., л. 52, стр. 426—428.) 4. Законы устава военно-уголовного, книги II, на которые сделаны ссылки в прошении Буташевича-Петрашевского и приложенной к нему пояснительной выписке („Колокол", 1859, 1 окт., л. 53, стр. 435—438).

33. **Убийство Неклюдова в Иркутске.** (Два письма из Сибири. Автор одного—Н. А. Белоголовый.) „Под суд", 1859, 15 нояб., л. 2, стр. 13—18.

34. **А. Н. Плещеев.** Пашинцев [1]). „Русск. Вестник", 1859, 11 и 12. (Повесть из оренбургской жизни.)

1860 35. **Хрущов.** Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II. Берлин, 1860, т. II, стр. 271—274, 277—279, 293, 294. (Об Европеусе.)

36. **М. В. Петрашевский.** Местное обозрение. „Амур", 1860, №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7 и 8.

37. **Ф. Львов.** По поводу учреждения в Иркутске женской гимназии. „Амур", 1860, №№ 2, 3, 5.

38. **Праздношатающийся.** (О № 1 газеты „Амур" и о ее местном обозрении.) „Ирк. Губ. Вед.", 1860, № 4.

39. **Р. Черносвитов.** Несколько слов о том, кто приложил к делу начала свободы торговли: утописты или люди практические. „Ирк. Губ. Вед.", 1860, № 13. (Там же его мелкие заметки за 1857—1860 гг.)

40. **Ф. Львов.** Передовая (Об иркутской дуэли и о дуэлях вообще). „Ирк. Губ. Вед.", 1860, № 17.

41. **Ф. Львов.** О покрытии железа различным металлом и приготовлении красного узорчатого стекла. „Ирк. Губ. Вед.", 1860, № 25.

42. **Ф. Львов.** Графитовый прииск г. Алибера. „Ирк. Губ. Вед.", 1860, № 32.

43. **Ф. Львов.** По поводу описания минеральных вод г. Снесарева. „Ирк. Губ. Вед.", 1860, № 51.

44. **Ф. Львов.** Результаты разложений минеральных вод, доставленных г. лекарем Снесаревым. „Ирк. Губ. Вед.", 1860, № 58.

45. **Ф. Львов.** О влиянии качества соли на посоленные ею съестные припасы и средствах очищения солей (подп. Л.). „Амур", 1860, № 4.

46. **Ф. Львов.** Местное обозрение. „Амур", 1860, № 16.

47. **Письмо в редакцию** по поводу дуэли Беклимишева с Неклюдовым (припис. М. А. Бакунину). „Под суд", 1860, 1 июля, л. 6, стр. 60—64, и 15 июля, л. 7, стр. 68—71.

---

[1]) Рецензент „Оренб. Губ. Вед.", 1860, № 7.

48. **По делу Иркутской дуэли** (пис. в ред.). „Колокол", 1860, 15 июня, л. 73—74, стр. 614—616.
49. **Тиранство Сибирского Муравьева** (о ссылке Петрашевского в Красноярск). „Колокол", 1860, 1 окт., л. 82, смесь, стр. 688.

1861 50. **Просьба Петрашевского министру внутр. дел,** от 9 мая 1860 г., из Минусинска. „Колокол", 1861, 15 февр., л. 92, стр. 770—775 и 1 марта, л. 93, стр. 782—783.—Перепеч. в изд. Саблина „Петрашевцы".

51. **Опять об иркутской дуэли.** „Колокол", 1861, л. 101, 15 июня, стр. 852.
52. **Н. П. Огарев.** Предисловие к сб. „Потаенная русская литература". Лондон, 1861, стр. XV—XVII.
53. **Доклад генерал-аудиториата по делу петрашевцев.** (Извлечение из доклада, с примеч. Герцена.) „Исторический Сборник Вольной Русской Типографии в Лондоне", 1861, кн. 2, стр. 267—327.—Перепеч. в „Об-ве пропаганды 1849 г." и в „Петрашевцах", изд. Саблина.
54. **Ф. Г. Толль.** Труд и капитал. Роман. Предисловие к отд. изданию, П., 1861.
55. **Ф. Г. Толль.** Два года в К/ерев/ском заводе. Сибирские очерки, П., 1861.
56. **Ф. М. Достоевский.** Записки из мертвого дома. „Время", 1861, 4, 9, 11; 1862, 1—3, 5. (Первые 4 гл. первоначально напечатаны в „Русском Мире" (газета), 1861, №№ 1, 3, 7.)— Печат. в собрании сочинений, изд. Маркса, т. III.
57. **Ф. Н. Львов.** Из Иркутска. „Современник", 1861, т. 89, стр. 93—98.
58. **Ф. Н. Львов.** Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного. „Современник", 1861, т. 89 (2 статьи) и 1862 г., т. 91.

1862 59. **Львов и Гагарин.** (Отрывок из записки о деле Петрашевского.) „Колокол", 1862, л. 140; также л. 139, стр. 1155.

60. **И. П. Липранди.** Записка о деле петрашевцев. „Полярная Звезда", 1862,кн. VII, вып. I, стр. 26—90. Со списком лиц, посещавших петрашевцев, и с приложениями.—Перепеч. в „Об-ве пропаганда 1849".
61. **Исторические сведения о цензуре в России.** П., 1862, стр. 46, 53—54, 67. (О запрещении статей Петрашевского и словаря Кириллова.)

1863 62. **Ф. Г. Толль.** Из записок моего сосланного приятеля. 1850 г. „Современник", 1863, т. 95, апр., стр. 355—372.
63. **Ф. Г. Толль.** Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Сост. под ред. Ф. Толля при деятельном сотрудничестве В. Волленса. В 3 томах. П. 1863—1864 и „Приложение к „Словарю". 1866.

1866 64. **Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831—1863 гг.** (Извлечено из „Вестника Западной России".) Вильна, 1866, стр. 183 (о Спешневе.)
65. **Сведения о происшествиях в Енисейской губернии,** в течение второй половины декабря месяца 1866 г. (О смерти Петрашевского.) „Енисейск. Губ. Вед.", 14 янв. 1867, № 2, стр. 23.

1867 66. **Некролог Петрашевского**. „Иллюстр. Газета", 1867, № 11.
67. **То же.** „Колокол", 1867, 1 апр., л. 238.
68. **Некролог Толля.** „Иллюстр. Газета", 1867, № 45, стр. 318.
69. **Любавский.** Русские уголовные процессы. П., 1867, т. II, стр. 64—107. Решение сената об иркутской дуэли.
70. **А. И. Герцен.** Энгельсоны. „Былое и Думы", т. IV, отд. 2. Русские тени. Женева, 1867. — В томе XIII полн. собр. соч. под ред. М. Лемке. П. 1919.

1868 71. Ratch. La question polonaise dans la Russie occidentale (traduit du russe). Paris, 1868, P. 103 (о Спешневе).

1869 72. **Некролог Дурова.** „СПБ. Вед.", 1869, 8/20 дек., № 338.
73. **То же.** „Иллюстр. Газета", 1869, № 50.

1871 74. **М. И. Глинка.** Записки и переписка его с родными и друзьями. П., 1871, изд. „Русской Ст." (библ. редк.). 2-е изд. П. 1887, стр. 222.
75. **К. Арсеньев.** Политический процесс 1869—71. „Вестник Европы". 1871, нояб., стр. 307.
76. **Донос Ф. Ф. Вигеля на И. И. Введенского,** 28 апр. 1849. „Русск. Ст.", 1871, 12, стр. 697.

1872 77. **М. Венюков.** Воспоминания о заселении Амура в 1857 — 58 г. „Русск. Ст.", 1872, 2, стр. 298 (о Петрашевском).
78. **И. П. Липранди.** Записка о деле петрашевцев. „Русск. Ст.", 1872, июль, стр. 70—86.—В изд. Саблина „Петрашевцы" напечатан сводный текст (см. № 60).
79. **М. Ф. Де-Пуле.** Н. И. Второв. „Русск. Архив", 1872, кн. 2, стр. 433—444 (о 1848 г.).
80. **П. Альминский** (А. Пальм). Алексей Слободин. Семейная история в 5 частях. „Вестн. Европы", 1872, 10—12; 1873, 2, 3; отд. изд. П. 1873.

1873 81. **Ф. М. Достоевский.** Дневник писателя. Одна из современных фальшей. „Гражданин", 1873, № 50.—В изд. Маркса, т. IX.
82. **А. Н. Пыпин.** Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. „Вестн. Европы", 1873, № 7, стр. 241 — 243, 246. В 4 изд. П. 1909, стр. 421, 496—499.

1875 83. **Общество пропаганды в 1849 г.** Изд. Э. Каспровича. Лейпциг. 1875. Перепеч. №№ 53 и 60.

1879 84. **И. П. Афанасьев.** Исторические рассказы и анекдоты (о студенте Толстове). „Русск. Ст.", 1879, 10, стр. 228.
85. **М. С. Валевский.** Волнения крестьян в Зауральской части Пермского края. „Русск. Ст.", 1879, 12 (О Черносвитове.)

1880 86. *** **Vorläufer des russischen Nihilismus**. Deutsche Rundschau, herausgegeben von Iulius Rodenberg. Band XXV, 1880, стр. 124 — 144.

1881 87. **Вуич.** Об исполнении приговора над Достоевским. „Порядок", 1881, № 48.
88. **А. Н. Плещеев.** Письмо в редакцию по поводу заметки Вуича. „Молва", 1881, № 50.
89. **О приговоре над Ф. М. Достоевским.** (Ответ на зам. Вуича, без подп.) „Новое время", 1881, № 1790, 20 февр.
90. **П. В. Анненков.** Замечательное десятилетие. В кн. „Воспом. и критические очерки", т. III, П., 1881; в кн. „Анненков и его друзья", П. 1892 и в кн. „Литературные воспоминания", П., 1909, стр. 230—233.

91. **А. П. Милюков.** Ф. М. Достоевский. „Русск. Ст.“, 1881, №№ 3, 5. В сб. „Литературные встречи и знакомства“, П., 1890, стр. 169—207.
92. **Ф. М. Достоевский о своем аресте.** Из альбома О. А. Милюковой. См. № 91.
93. **Ф. Н. Львов.** Письмо к Д. Н. Завалишину. Олонки, 25 февр. 1861 (об иркутской дуэли). „Русск. Ст.“, 1881, № 10, стр. 404—405. В ст. „Амурское дело и т. д.“ Завалишина.
94. **М. Е. Салтыков.** За рубежом, гл. IV. „Отеч. Зап.“, 1881, 1. В собр. соч., т. VIII, стр. 122—126.

1882
95. **С. С. Шашков.** Автобиография. „Восточн. Обозр.“, 1882, № 32, стр. 12—13. (О Петрашевском.)
96. **Объявления о смерти и некролог Спешнева.** „Новое Время“, 1882, №№ 2174, 2175, 2176 и 2181.
97. **Некролог Спешнева.** „Современные Известия“, 1882, № 85.
98. **П. В. Анненков.** Художник и простой человек. Из воспоминаний об А. Ф. Писемском, „Вестн. Европы“, 1882, № 4, стр. 623, 624 (о 1848 г.).
99. **А. Ф. Фролов.** Воспоминания. „Русск. Ст.“, 1882, № 5, стр. 475. (Об отношении Н. Н. Муравьева к петрашевцам.)

1883
100. **О. Ф. Миллер.** Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского. Биография, письма и т. д., П., 1883, стр. 79—127.
101. **П. Ковалевский.** Итоги жизни. Роман, „Вестн. Европы“, 1883, №№ 1—3.
102. **П. С. Усов.** Из моих воспоминаний. „Ист. Вестник“, 1883, № 4, стр. 69. (О запрещении ввоза иностр. книг после дела Петрашевского.)

1884
103. **Ф. Н. Устрялов.** Университетские воспоминания. „Ист. Вест.“, 1884, т. XVI, стр. 599—600 (о Петрашевском); стр. 592—596 (о В. Милютине).
104. **И. Н. Захарьин.** Воспоминания о службе в Белоруссии 1864—1870. (Из воспомин. мирового посредника.) „Ист. Вестн.“, 1884, т. XVI, стр. 56—58, 62, 65—67, 73, 83—86. (Об А. П. Беклемишеве.)

1885
105. **Д. Языков.** Обзор жизни и трудов русских писателей, умерших в 1882 г., вып. II, „Ист. Вестн.“, 1885, т. XII. (О Спешневе.) Дополнено во 2 изд., М., 1915.
106. **Некролог Львова.** „Новое Время“, 1885, № 3327.
107. **С. А. Венгеров.** История новейшей русской литературы (от смерти Белинского до наших дней), ч. I. Конечные годы дореформенной эпохи (1848 — 1855), П., 1885. (Книга уничтожена цензурой.)
108. — ъ. Начало печати в России. „Литературный. сборник“, изданный редакцией „Восточного Обозрения“, под ред. Н. Ядринцева, П., 1885, стр. 372. (О Петрашевском.)
109. **З. Сытина.** Из воспоминаний о Достоевском (в Семипалатинске). „Ист. Вестн.“, 1885, № 1, стр. 123—128. С портр. Достоевского 1858 г.
110. **Ф. М. Достоевский.** Письмо к А. И. Гейбовичу. Тверь, 23 окт. 1859, „Ист. Вестн.“, 1885, № 1, стр. 128—137. (Описание переезда из Сибири.)
111. **А. И. Пальм.** „Из неизданных стихотворений Дурова“ (2 стих.)

и „Биографическая заметка“ о нем, „Изящная литература“, 1885, кн. 2-я.

112. **С. Яновский.** Воспоминания о Достоевском. „Русск. Вестн.“, 1885, № 4, стр. 809, 812, 813, 815—819.

113. **Некролог Львова.** „Всемирная Иллюстрация“, 1885, № 24, стр. 466—467, с портретом на стр. 472.

114. **Некролог Ф. Н. Львова.** „Библиограф“, 1885, № 8, стр. 32.

115. **Ф. М. Достоевский.** Письмо к брату из Омска 22/II 1854 г. „Русск. Ст.“, 1885, № 9, стр. 511—520.

1886 116. **К. К. Арсеньев.** В. Майков. Из истории критики 40-х годов. „Вестн. Европы“, 1886, № 4 (стр. 784 — о словаре Кириллова).

117. **К. К. Арсеньев.** Воспоминания об Училище правоведения. „Русск. Старина“, 1886, № 4, стр. 200—201.

1887 118. **А. И. Арсеньев.** Слово живое о неживых. „Историч. Вестник“, 1887, № 4, стр. 73. (О Липранди и его агентах.)

119. **Сибирские воспоминания**. (О Петрашевском.) „Восточн. Обозр.“, 1887, № 26, стр. 12—13.

120. **П. Каратыгин.** Бенкендорф и Дубельт. „Историч. Вестник“, 1887, № 10, стр. 178—179. (О допросе артиста Бурдина по делу Петрашевского.)

121. **В. И. Семевский.** Очерки из истории крестьянского вопроса. „Русск. Старина“, 1887, № 11, стр. 408—424. Напечат. в кн. „Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX века“. П., 1888, т. II, гл. 12. „Крестьянский вопрос в кружке Петрашевского“.

122. **М. Е. Салтыков.** Имя рек (в „Мелочах жизни“). „Вестник Европы“, 1887, № 4. (В собр. соч., т. V.)

1888 123. **М. И. Семевский.** Альбом „Знакомые“. П., 1888. (На стр. 31 автобиографич. заметка Н. Кашкина; на стр. 88 — А. Милюкова; на стр. 208—М. Салтыкова.)

124. **Н. Н. Страхов.** Предисловие к 3-му изд. „России и Европы“ Н. Я. Данилевского, П., 1888.

125. **Б. В. Струве.** Воспоминания о Сибири. „Русск. Вестник“, 1888, №№ 4—6, 10, 11. Отд. изд., П., 1889. стр. 109—110. (Встреча с петрашевцами в Нерчинских заводах в 1851 г.)

126. **В. Р. Зотов**. Наши энциклопедические словари. „Историч. Вестник“, 1888, № 5, стр. 445 (о слов. Кириллова); стр. 447—448 (о слов. Толля).

127. **М. Д. Францева**. Воспоминания. „Историч. Вестник“, 1888, № 6, стр. 628—632. (Проводы Достоевского и Дурова по дороге из Тобольска в Омск.)

128. **А. Н. Яхонтов.** Воспоминания царскосельского лицеиста. „Русск. Старина“, 1888, № 10, стр. 106, 107. (О Петрашевском.)

129. **М. Е. Салтыков.** М. В. Буташевич-Петрашевский (заметка на „Воспоминания“ Яхонтова). „Русск. Старина“, 1888, № 11, стр. 546.

130. **Б. А. Милютин**. Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири. „Историч. Вестник“, 1888, № 12, стр. 612—619, 622. (Об участии Петрашевского в деле иркутской дуэли. В примеч. на стр. 616—о кружке Петрашевского, о Толле и др.)

131. **Д. Языков.** Обзор жизни и трудов русских писателей, умерших

в 1885 году (вып. V). „Историч. Вестник", 1888, № 12, Сведения о Н. Данилевском, А. Европеусе, П. Кузьмине, Ф. Львове и А. Пальме.

1889 132. **Д. Щеглов.** История социальных систем, том II. П., 1889, стр. 209—210.

133. **Г. М. Герценштейн.** Д. Д. Ахшарумов. „Критико-биограф. словарь Венгерова", т. I, П., 1889, стр. 868—874.

134. **Черевин.** Достоевский в Омском остроге. „Русск. Ст.", 1889, № 2.

135. **М. Маркс.** Заметка о смерти Петрашевского. „Русск. Старина", 1889, № 5, стр. 475—76.

136. **А. Я. Головачева-Панаева.** Русские писатели и артисты. „Ист. Вестник", 1889, № 5.—Отд. изд., П., 1890, стр. 197, 198, 201, 204 (о Петрашевском и Спешневе), стр. 425 — 427 (о лицеисте Салтыкове).

137. **А. Г. Рубинштейн.** Автобиография. „Русск. Старина", 1889, № 11, стр. 539—570. (Посещение пятниц Петрашевского.)

138. **В. Д. Спасович.** Дело о надворном советнике Пальме, обвиняемом в растрате вверенных ему по службе денег и в подлоге. Сочинения, П., 1889—1890, т. V, 2-е изд., П., 1913, стр. 248—270.

1890 139. **К. К. Арсеньев.** Материалы для биографии М. Е. Салтыкова. „Вестник Европы", 1890, № № 1, 2.

140. **А. В. Никитенко.** Записки и дневник. „Русск. Старина", 1890, № 1, стр. 52. Отд. изд., П., 1893, стр. 479. (О запрещении словаря Кириллова.)

141. **М. И. Венюков.** Из воспоминаний. „Русск. Старина", 1890, № 4, стр. 245 (о Ястржембском) и 1891, № 1, стр. 135 (о социалистическом настроении университетской молодежи). Отд. изд., Амстердам, 1895, кн. 1-я, 1832—1867 гг., стр. 103—105, 147, 275—276.

142. **В. Р. Зотов.** Петербург в 40-х годах. „Историч. Вестник", 1890, № 5, стр. 314 (о Дурове); № 6, стр. 536—554 (о Петрашевском и деле петрашевцев).

143. **А. Кузнецов.** М. Е. Салтыков. Эпизод из пребывания его в Вятке. „Русск. Старина", 1890, № 6, стр. 713.

144. **А. В. Старчевский.** Воспоминания старого литератора. „Ист. Вестн.", 1890, № 9, стр. 536—537. (О словаре Кириллова.)

145. **Н. А. Огарева-Тучкова.** Воспоминания. „Русск. Старина", 1890, № 10, стр. 59 — 65. Отд. изд., М., 1903, стр. 65 — 67, 69, 70 (о Спешневе).

146. **Н. С. Голицын** (директор Училища правоведения.) Очерки и воспоминания. „Русск. Старина", 1890, № 11, стр. 376, 378.

147. **А. В. С(емевская).** М. Буташевич-Петрашевский. „Русск. Старина", 1890, № 12, стр. 748. (О дате ареста Петрашевского.)

1891 148. **В. П. Сукачев.** Граф Муравьев-Амурский и его время. (Об иркутской дуэли и о Петрашевском.) Сб. „Иркутск", М., 1891, стр. 71—77.

149. **В. Майков.** Критические опыты. П., 1891, стр. 2, 15, 17 и 19. (Об участии М. в словаре Кириллова.) (Также см. вступительную статью Г. Александровского в „Сочинениях В. Майкова", Киев, 1901, 2 тт., стр. 12—13.)

150. **Н. М. Колмаков.** Очерки и воспоминания. „Русск. Старина", 1891, № 7, стр. 141—143. (О Головинском.)
151. **И. М. Остроглазов.** Книжные редкости. „Русск Архив", 1891, т. III, кн. 10-я, стр. 300—302. (О словаре Кириллова, с библиографией о нем.)

1893 152. **В. И. Семевский.** Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова. „Сборник правоведения и общественных знаний", т. I, М., 1893.

153. **К. П.** Письмо в редакцию о чествовании 70-летия Ахшарумова в Риге. „Врач", 1893, № 28, стр. 803—804. (Портр. Ахшарумова в № 31, стр. 875.)
154. **В. А. Полторацкий.** Воспоминания. „Ист. Вестн.", 1893, т. XIV, кн. 11-я, стр. 39—41. (Об аресте П. С. Львова.)
155. **Кн. Д. Д. Оболенский.** Наброски из прошлого. „Ист. Вестн.", 1893, № 12, стр. 659—661, 664. (О Шапошникове.)

1895 156. **В. Острогорский.** Из истории моего учительства (1851—1864 гг.). П., 1895. 2-е изд., П., 1914, стр. 132—139. (О Толле.)

157. **П. А. Кузьмин.** Записки генерал-лейтенанта, П. А. Кузьмина, „Русск. Старина", 1895, №№ 2, 3, 4.
158. **М. К. Мартьянов.** В переломе века. „Историч. Вестник", 1895, № 10, стр. 143—144 (о Петрашевском); № 11, стр. 447—453, 460, 461. (Достоевский и Дуров на каторге и после.)

1896 159. **Н. Барсуков.** Жизнь и труды М.П. Погодина, т. X, П., 1896, стр. 269—274. (Письмо Хомякова и дневник Погодина о петрашевцах.)

160. **Переписка Грота с Плетневым,** т. II, П., 1896, стр. 452. (О словаре Кириллова.)
161. **М. А. Бакунин.** Письма к Герцену и Огареву. Изд. Драгоманова, Женева, 1896, стр. 41—47 и 50—62. (О Петрашевском, Спешневе, Толле и др.)
162. **Циолковский.** О Плещееве в форте Перовском. „Тургайская Газета", 1896, № 1.

1897 163. **В. Л. Бурцев.** За сто лет. Сборник по истории политического и общественного движения в России. Лондон, 1897, ч. I, стр. 115—118; ч. II, стр. 33—34.

164. **Н. А. Белоголовый.** Воспоминания и другие статьи. М., 1897. 4-е изд., П., 1901, стр. 199, 221, 222 (о Салтыкове-петрашевце), стр. 533—538 (о Петрашевском в Сибири).
165. **П. Юдин.** Плещеев в ссылке. „Историч. Вестник", 1897, № 5, стр. 402—422. (С портретом.)

1898 166. **С. А. Венгеров.** „Петрашевцы". „Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона", т. 23, 1898.

167. **К. Николаевский.** Товарищи Достоевского на каторге. „Историч. Вестник", 1898, № 1, стр. 219—224. (Со статейным списком государственных преступников в Омской крепости в 1850 г.)
168. **Б. Б. Глинский.** Русская периодическая печать в провинции. „Историч. Вестник", 1898, № 1, стр. 309. (О Петрашевском—сотруднике „Амура".)
169. **Б. Б. Глинский.** М. А. Бакунин и его бегство из Сибири. „Историч. Вестник", 1898, стр. 1038. (О борьбе Петрашевского с Муравьевым.)
170. **Показание Достоевского.** Перевод на нем. язык Н. Гофман. „Neue Freie Presse", Wien, 1898, № 8. (В „Бирж. Вед.", 1898,

№ 215—217, был сделан перевод, с немецкого перевода; выдержки из него перепечатаны в книжке „Недели“ № 9 и в „Мире Божьем“ № 9.)

171. **Показание Ф. М. Достоевского.** „Космополис“. 1898, № 9, стр. 193—212. Перепеч. в сб. „Петрашевцы“ изд. Саблина.

1899 172. **В. П. Б(ыков)а.** Записки старой смолянки. Т. II, П., 1899, стр. 27, 28, 34, 35. (О Петрашевском, Спешневе и Львове в Иркутске.)

173. **А. Д. Шумахер.** Поздние воспоминания о давно минувших временах. „Вестник Европы“, 1899, № 3, стр. 123—125.

1900 174. **Барон М. А. Корф.** Записки. „Русск. Старина“, 1900, № 4, стр. 39—40 и № 5, стр. 278—280.

175. **Н. А. Крылов.** Из далекого прошлого. „Вестник Европы“, 1900, № 5, стр. 183—184. (О Головинском.)

176. **Л. Жемчужников.** Мои воспоминания. „Вестник Европы“, 1900, № 12, стр. 502. (О Бернардском.)

177. **К. С. Веселовский.** Воспоминания о некоторых лицейских товарищах. Буташевич-Петрашевский. „Русск. Старина“, 1900, № 9, стр. 449—456.

1901 178. **В. И. Семевский.** Из истории общественных идей в России в конце 40-х годов. Сб. „На славном посту“, посвящ. Н. К. Михайловскому. П., 1901.

179. **Г. Потанин.** Встреча с С. Ф. Дуровым. Сб. „На славном посту“, П., 1901.

180. **Л. П. Шелгунова.** Из далекого прошлого. П., 1901, стр. 22 (о Г. Данилевском) и стр. 116 (о Петрашевском в Красноярске).

181. **А. В. Безродный.** К биографии Буташевича-Петрашевского. „Историч. Вестник“, 1901, № 1, стр. 225—229.

182. **А. В. (Петрашевская) Семевская.** М. В. Петрашевский в 1849 г. „Русск. Старина“, 1901, № 2, стр. 493.

183. **Д. Д. Ахшарумов.** Из моих воспоминаний. Ч. I, „Вестник Европы“, 1901, № 11—12. Отд. изд. на правах рукописи, Вольск, 1903. Первоначально напечатано в „Русской Старине“, 1887, № 1, но вырезано цензурой. Выдержки в „Мире Бож.“, 1901, № 12 и 1902, № 1.

184. **В. И. Семевский.** Статьи в „Энцикл. словаре Брокгауза и Эфрона“: „Спешнев“, т. 31, 1900—1901; „Толль“, т. 33, 1901; „Влияние фурьеризма в России“ (в ст. „Фурье“), т. 36, 1902.

1902 185. **В. Петрашевский.** Письмо к Д. И. Завалишину от 15/VI 1860 г. „Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее Щукина“, т. X, М., 1902, стр. 266—270.

186. **Ф. Н. Львов.** Письма к Завалишину. „Сб. старинных бумаг, хран. в музее Щукина“, т. X, М., 1902.

187. **М. Прокопьев-Шестунов.** Письма к Завалишину. „Сб. старинн. бумаг, хран. в музее Щукина“, т. X, М., 1902, стр. 259—265.

188. **В. Воинов.** Петрашевский-Буташевич. „Русский Биографический Словарь“, изд. Имп. Русск. Истор. Об-ва, П., 1902, стр. 635—636 Там же, ст. без подп. о В. М. Петрашевском.

189. **В. Арефьев.** М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. „Русск. Старина“, 1902, № 1, стр. 177—186.

190. **А. Смирнова.** Письмо к Н. В. Гоголю. „Новое Время“, 1902, иллюстр. прил. от 20 февр., № 9327, стр. 12.

191. **Н. Белозерский.** От Петербурга до Нерчинска. „Русск. Мысль", 1902, № 12, стр. 64—65, 67, 68. (Встреча М. И. Михайлова с Петрашевским и Львовым.)

1903 192. **Dr. Achscharumow.** Memoiren. Brecslau. 1903. Перевод 1-й части воспоминаний Ахшарумова, с предисловием.

193. **Кузьмин.** Ф. Достоевский в каторге и после ссылки. „Вестник знания", 1903, № 1—2.

194. **(Д. Ахшарумов.)** Воспоминания участника в деле М. В. Петрашевского. „Русск. Старина", 1903, № 9, стр. 519—540. (Перепечатка 1-й части, с цензурными сокращениями.)

195. **Н. Озеров.** Салтыков в Вятке. Вятка, 1903 (рец. в „Русской Мысли", 1904, № 3, стр. 91—92).

196. **В. И. Греков.** А. Н. Плещеев (к 10-летию смерти). „Новое Время", 1903, иллюстр. прил., № 9894.

197. **А. В. Скандин.** Достоевский в Семипалатинске. „Историч. Вестник", 1903, № 1, стр. 200—225. (С двумя портретами и многими снимками.)

198. **Цензура в царствование императора Николая I.** „Русск. Старина", 1903, № 8, стр. 420—422. (О словаре Кирилова.)

199. **В. А. Энгельсон.** Письма А. И. Герцену. „Освобождение", кн. 1-я, Штуттгардт, 1903. Переп. „Всемирн. Вестн.", 1907, № 1 стр. 54—94.

1904 200. **А. Корнилов.** Крестьянская реформа в Калужской губ. при В. А. Арцимовиче. П., 1904, стр. 77—79, 92, 93, 108, 109. (О Кашкине.)

201. **В. И. Семевский.** Статья „Буташевич-Петрашевский" в „Большой Энциклопедии" под ред. Южакова, т. 15, 1904.

202. **Д. Ахшарумов.** Из моих воспоминаний (1850—1851). „Мир Божий", 1904, №№ 1, 2, 3.

203. **В. Святловский.** К истории русской идеологии. „Народное Хозяйство", 1904, кн. 3-я.

204. **В. П. Кранихфельд.** М. Е. Салтыков. „Мир Божий", 1904, № 6, стр. 60—68.

205. **В. Батуринский.** Герцен, его друзья и знакомые. „Всемирн. Вестник", 1904, № 7. (Перепечатаны статьи об Иркутской дуэли, №№ 33 и 47.)

1905 206. **А. Корнилов.** Общественное движение при Александре II. Paris, 1905, стр. 34 (о Кашкине и Европеусе); стр. 50—52 (о Европеусе).

207. **Г. А. Куклин.** Материалы к изучению истории революционного движения. Ч. I, Женева, 1905. (С портретом Петрашевского.)

208. **Д. Д. Ахшарумов.** Из моих воспоминаний (1849—1851). П., 1905. (С портретом.)

209. **В. И. Семевский.** Вступительная статья к книге Д. Ахшарумова. № 208.

210. **П. Быков.** Биографический очерк при Собрании стихотворений А. Н. Плещеева. 4-е изд. П., 1905, стр. 14—19.

211. **В. И. Семевский.** Из истории общественных идей в России в конце 40-х годов. Изд. „Донская Речь" Парамонова, Р/Д., 1905. (Переработка № 179.) 2-е изд. „Задруга", 1917.

212. **Л. Спасская.** Н. Н. Пушкина (Ланская) в Вятке. Неправдопо-

добный анекдот из вятской жизни. „Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии", 1905, вып. I. Вятка, 1905, стр. 18—25 [1]).

213. **По делу о Петрашевском.** Записка о действиях секретной Следственной комиссии, высочайше учреждённой над чиновником Буташевичем-Петрашевским и его сообщниками. „Русск. Старина", 1905, № 2, стр. 309—334. Перепечат. в изд. Саблина „Петрашевцы".

214. **Конфиденциальная записка,** составленная генерал.-адъют. графом Ридигиром 6 августа 1855 г. „Русск. Старина", 1905, № 6, стр. 621, 626, 628. (О заговоре петрашевцев.)

215. **Н. Крылов.** Накануне великих реформ. „Историч. Вестн.", 1905, № 9, стр. 815, 817, 818. (О Головинском.)

216. **М. Л. Юдин.** К биографии Плещеева. „Историч. Вестник", 1905, № 10, стр. 151—169. (С портретом.)

217. **И. И. Венедиктов.** За шестьдесят лет (1820 — 1894). „Русск. Старина", 1905, № 10, стр. 45—49. (О Львове.)

218. **М. Соколовский.** Дело Петрашевского, как эпизод в истории общественного движения в России. „Русск. Старина", 1905, № 11, стр. 351—365.

219. **Государственные преступления в России.** Сб. под ред. В. Я. Базилевского (Богучарского). Т. I, Женева, 1903; русск. изд. П., 1906, стр. 104—109.

220. **В. Святловский.** Фурьеризм в России („Петрашевцы"). „К истории политической экономии и статистики в России". П., 1906, стр. 73—84.

221. **В. И. Семевский.** Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова. (Переработка № 152.) Изд. „Донская Речь", Р/Д, 1905. 2-е изд. „Задруга", 1917.

1906 222. **Два документа о М. Е. Салтыкове.** „Труды вятск. уч. арх. комиссии". 1905, вып. V—VI. Вятка, 1906, стр. 237—239. (Переписка губернатора с министром внутренних дел о снятии надзора и дозволении повсеместного жительства.)

223. **М. Лемке.** К биографии Салтыкова. По неизданным материалам. „Русск. Мысль", 1906, № 1, стр. 30—38.

224. **М. В. Петрашевский.** Письмо к матери с пути в каторгу. „Былое", 1906, № 2, стр. 238—239.

225. **Переписка Николая Павловича с шефом жандармов А. Ф. Орловым.** „Былое", 1906, № 2, стр. 236—238. (Перепечат. в сб. „Петрашевцы", изд. Саблина.) С портрет. Петрашевского (в Нерчинске, около 1855).

226. **П. Боборыкин.** За полвека. Мои воспоминания. „Русск. Мысль", 1906, № 2, стр. 15—16. (О Н. Григорьеве.)

227. **М. В. Петрашевский.** Записка об увеличении ценности населенных имений. „Былое", 1906, № 4. (Перепеч. в сб. „Петрашевцы", изд. Саблина.)

228. **Н. П. Григорьев.** Солдатская беседа. „Былое", 1906, № 5. (Перепеч. в сб. „Петрашевцы", изд. Саблина.)

229. **А. М. Унковский.** Записки. „Русск. Мысль", 1906, № 6, стр. 186. (О Петрашевском.)

---

[1]) Опровержение факта ходатайства Ланской за Салтыкова в статье Н-ва, „Труды", 1906, вып. I—II, стр. 88.

230. **М. И. Михайлов**. Записки (1861 — 1862). Напеч. в „Русск. Богатстве“, 1906, № 6—9 (с выпусками) и в „Русск. Старине“, 1906, № 8 —.10.—Сводный текст под. ред. А. А. Шилова. Изд. „Былое“, П. 1922, стр. 134—139, 144—146. (Встреча с Петрашевским и Львовым.)

1907 231. **Декабристы.** Изд. В. М. Саблина. М., 1907, стр. 20—30. (О петрашевцах.)

232. **А. И. Герцен**. О развитии революционных идей в России. Перевод со 2-го изд. (Лондон 1853) А. Тверитинова. П. 1907.

233. **Н. И. Воронов.** Воспоминания по Западному краю. Владимир, 1907, стр. 184. (О Белецком.)

234. **S. Tokarzewsky.** Siedem lat katorgi. Pamitniki Szymona Tokarzewskiego Warszawa, 1907. (Рец. см. №№ 244 и 252.)

235. **Приведение в исполнение приговора над петрашевцами по донесениям агентов III отделения.** 1. Записка III отд. собст. е. и. в. Канц. 2. Записка полк. корпуса жанд. Васильева. „Былое“, 1907, № 1, стр 154. (Перепеч. в сб. „Петрашевцы“, изд. Саблина.)

236. **Ф. М. Достоевский.** Письмо Э. И. Тотлебену из Семипалатинска 24/III 1856 г. „Былое“, 1907, № 1, стр. 243—246. (Перепеч. в сб. Саблина „Петрашевцы“.)

237. **Политические процессы Николаевской эпохи.** Петрашевцы. Изд. В. М. Саблина, М., 1907. (Перепечатаны №№ 8, 50, 53, сводный текст стр. 60, 78, 171, 213, 225, 227, 228, 235 и 236.)

238. **М. П. Хитрово.** Воспоминания об одном из петрашевцев Н. А. Момбелли. „Русск. Мысль“, 1907, № 7.

239. **В. А. Алексеев.** Салтыков в Вятке. „Историч. Вестник“, 1907, № 11, стр. 600 — 609.

1908 240. **Б. Глинский.** Борьба за конституцию. Ист. очерки. П., 1908.

241. **Л. Спасская**. М. Е. Салтыков. Опыт характеристики. (С приложением документов.) „Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 год“, стр. 77—146. (На стр. 113—118 ответ Н-ву, см. примеч. к № 212.)

242. 1. **Формулярные списки о службе М. Е. Салтыкова за 1851—1855 гг.** 2. **Заметки о времени освобождения Салтыкова из Вятки.** (Ответ Л. Спасской — см. № 241.) „Труды Вятск. уч. арх. комисии“, 1907, вып. III, Вятка, 1908.

243. **И. Л. Ястржембский**. Мемуар петрашевца. „Минувшие годы“, 1908, № 1, стр. 20—37.

244. **С. Браиловский.** Достоевский в Омской каторге и поляки. (Из воспоминаний Токаржевского „Семь лет на каторге“.) „Ист. Вестник“, 1908, № 4, стр. 189—198.

245. **Al. Herzen.** Deux révolutionnaires russes — Pétrachevsky et Bakounine. Notices biographiques. „Revue politique et litteraire“ („Revue Bleue“), 1908, 5-me série, X, №№ 13, 14 (о Петрашевском), № 16 (о Бакунине). Напеч. в т. VI Полн. собр. соч., под ред. М. Лемке.

246. **М. Д.** Плещеев в форте Перовском (по письмам 1854—1856 гг.). „Минувшие Годы“, 1908, № 10, стр. 103—141.

1909 247. **Е. Я.** Спешнев Н. А. „Русский Биографический Словарь“, П., 1909, стр. 268—271.

248. **Н. Русанов.** Из идейной истории русского социализма 40-х годов. „Русское Богатство“, 1909, № 2.
249. **В. Емельянов.** Ссылка Салтыкова в Вятку и его освобождение (1848—1856). „Русск. Старина“, 1909, № 10, стр. 107—123. (С отзывами о других работах по этому вопросу.)
250. **Е. А. Ляцкий.** Н. Г. Чернышевский и Шарль Фурье. „Соврем. Мир“, 1909, № 11, стр. 161—163, 175, 176, 181—184. (О Ханыкове, Дебу, Филиппове.)

1910 251. **А. Н. Пыпин.** Мои заметки. М., 1910, стр. 64—68.
252. **В. Храневич.** Достоевский в воспоминаниях ссыльного поляка (Токаржевского). „Русск. Старина“, 1910, №№ 2, 3.
253. **М. Сосновский.** Д. Д. Ахшарумов. „Русск. Богатство“, 1910, № 2, стр. 121—130.
254. **Ч. Ветринский.** Д. Д. Ахшарумов.„ Вестник Европы“, 1910, № 5, стр. 321—330.
255. **Е. А. Ляцкий.** Н. Г. Чернышевский и учителя его мысли, Гегель, Белинский, Фейербах. „Совр. Мир“, 1910, № 10, стр. 148; № 11, стр. 146—148. (О Ханыкове.)
256. **К. Н. Лебедев.** Из записок сенатора. „Русск. Архив“, 1910, № 11, стр. 361, 366, 367, 375.
257. **А. Панкратов.** Последний петрашевец (Н. С. Кашкин). „Русское Слово“, 1910, 31 дек., № 312.

1911 258. **В. И. Семевский.** Петрашевцы и крестьянский вопрос. (Переработка № 121.) Сб. „Великая Реформа“, т. III. М., 1911.
259. **Д. Ф. Кобеко.** Императорский царскосельский лицей. Наставники и питомцы. П., 1911, стр. 423, 424, 520.
260. **А. Корнилов.** Курс истории России XIX в., ч. II. М., 1912, стр. 104, 105, 109. (О петрашевцах.)

1912 261. **Ч. Ветринский.** Т. Н. Грановский и его время. М., 1912.
262. **А. Е. Врангель.** Воспоминания о Достоевском в Сибири. П., 1912.
263. **Ч. Ветринский** (В. Чешихин). Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. Изд. Сытина. М., 1912
264. **Н. Н. Кашкин.** Родословные разведки. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Т. II. П., 1913, стр. 564—573. (О Кашкине.)

1913 265. **К. А. Пажитнов.** Развитие социалистических идей в России. Т. I. Харьков, 1913, 2-е дополн. изд., П., 1924, стр. 55—70.
266. **В. И. Семевский.** М. В. Баташевич-Петрашевский. „Голос Минувшего“, 1913, №№ 1, 2, 3, 4, 6, 8, 11, 12.
267. **В. И. Семевский.** Материалы по истории цензуры. „Гол. Мин.“, 1913, №№ 3, 4. (Записка Булгарина о коммунизме и др.)
268. **Б. Каллаш.** Гоголь о петрашевцах. „Гол. Минувшего“, 1913, № 9.

1914 269. **Обряд смертной казни над петрашевцами.** „Столетие военного министерства“ (1802—1902). П., 1914, т. XII. Главное военно-судное управление, кн. 1-я, ч. II, стр. 199.
270. **В. И. Семевский.** Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование Николая I. „Книга для чтения по истории нового времени“. Т. IV, ч. II. М., 1914.
271. **В. И. Семевский.** Статьи в Энциклопедическом словаре Гранат. М., 1914. „Головинский“, т. 15; „Григорьев“, т. 17; „Дебу. К. и И.“, т. 18; „Дуров“, т. 19; „Кашкин“, т. 24; „Петрашевский — петрашевцы“, т. 32.

272. **М. Попов.** Львов Ф. Н. „Русский Биографический Словарь". П., 1914, стр. 790—791.

273. **Н. Рязанов.** Переписка Маркса и Энгельса. „Совр. Мир", 1914, № 5, стр. 28. (Слова Энгельса в письме, напечат. в „New moral world" 5 окт. 1844, об успехах пропаганды среди живущих в Париже русских.)

274. **И. Шляпкин.** Письмо М. В. Батушевича-Петрашевского к Н. С. Кириллову. „Гол. Минувш.", 1914, № 8, стр. 187—188.

1915 275. **Д. Языков.** Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. II, изд. 2-е, М., 1915. В дополнении к выпуску 1, на стр. 99, сведения о Тимковском.

276. **Е. И. Ламанский.** Воспоминания. „Русск. Старина", 1915, № 1, стр. 77—82. (Глава о кружке петрашевцев.)

277. **В. Евгеньев.** Редакция „Современника" в 1866 г. „Гол. Мин.", 1915, № 1, стр. 8. (Об Европеусе.)

278. **А. А. Пеликан.** Во второй половине XIX века. „Гол. Мин.", 1915, № 1, стр. 153. (Об Ахшарумове.)

279. **В. И. Семевский.** М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири. „Голос Минувшего", 1915, №№ 1, 3, 5.

280. **Л. Козловский.** Мечты о Царьграде. Достоевский. „Голос Минувшего", 1915, № 2.

281. **В. Флеровский.** Воспоминания. „Голос Минувшего", 1915, № 3, стр. 136—141. (О петрашевцах.)

282. **А. Александров.** Материалы для биографии М. Я. Салтыкова-Щедрина. „Русск. Библиофил", 1915, № 8.

283. **В. И. Семевский.** Петрашевцы. Дуров, Пальм, Достоевский и Плещеев. „Голос Минувшего", 1915, № 11—12.

1916 284. **В. И. Семевский.** Петрашевцы. Кружок Кашкина. „Голос Минувшего", 1916, № 2—4.

285. **В. И. Семевский.** Следствие и суд по делу петрашевцев. „Русск. Записки", 1916, № 9—11.

286. **В. И. Семевский.** Петрашевцы. Беклемишев и Тимковский. „Вестник Европы", 1916, № 11.

287. **В. И. Семевский.** Петрашевцы. Студент Толстов и Г. П. Данилевский, мещанин П. Г. Шапошников, литератор Катенев и Б. И. Утин. „Голос Минувшего", 1916, № 11—12.

288. **Е. Опочинин.** Рыдающие души. „Гол. Мин.", 1916, № 12. (Стих. Доводчикова „С. Дурову".)

1917 289. **И. И. Левин.** Акционерные коммерческие банки в России. Т. I, П., 1917. (Об Ястржембском.)

290. **Т. А. Богданович.** Первый революционный кружок николаевской эпохи. Петрашевцы. Изд. „Новая Россия". П., 1917.

291. **К. А. Пажитнов.** Фурьеризм в России в конце 40-х годов. Петрашевцы. Изд. Карбасникова. П., 1917.

292. **П. П. Семенов-Тяньшанский.** Мемуары. Т. I. Детство и юность. П., 1917, стр. 194—206. (О петрашевцах, Дебу, Спешневе, Достоевском и др.)

293. **В. И. Семевский.** Салтыков-петрашевец. „Русск. Богатство", 1917, № 1. (Переработка № 221.)

294. **В. И. Семевский.** Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях. „Голос Минувшего", 1917, № 2.

295. **Ю. Оксман.** Меры николаевской цензуры против фурьеризма и коммунизма. „Гол. Мин.“, 1917, № 5—6, стр. 69—72.
296. **В. Комарович.** Достоевский и шестидесятники. „Соврем. Мир“, 1917, № 6.
1918 297. **Б. Фроммет.** Социалистические и кооперативные идеалы петрашевцев. П., 1918.
298. **К. А. Пажитнов.** История кооперативной мысли. П., 1918.
299. **А. А. Шилов.** „Революция 1848 г. и ожидание ее в России“. „Гол. Мин.“, 1918, № 4—6.
1919. 300. **А. И. Герцен.** Pètrachevsky. Полн. собр. соч. под ред. М. Лемке, т. VI. С русск. переводом. П., 1919.
1920 301. **В. П. Демор.** М. В. Петрашевский. Биогр. очерк. П., 1920.
1921 302. **В. Полонский.** Крепостные и сибирские годы М. Бакунина. „Красная Новь“, 1921, № 2, стр. 179—181; № 3, стр. 133—139. (О Петрашевском.)
303. **В. Водовозов.** Записка генерала Броневского в лицее. „Гл. упр. арх. делом. Сб. материалов и статей“. Ред. журн. „Истор. Архив“, вып. I, II, П., 1921.
1922 304. **П. Н. Столпянский.** Революционный Петербург. П., 1922, стр. 7—18.
П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм. Ч. 1, М., 1922, гл. V, стр. 300—404.
305. **С. Переселенков.** Старина о петрашевцах. Достоевский. Статьи и материалы под ред. А. С. Долинина. П., 1922, стр. 369—372. (Не пропущенный цензурой отрывок из „Дневника Писателя“ за январь 1877.)
306. **Е. Покровская.** Достоевский и петрашевцы. „Достоевский. Статьи и материалы под ред. А. С. Долинина“. П., 1922, стр. 257—272.
307. **А. Н. Майков.** Письмо к П. А. Висковатому. Там же, стр. 266—271.
308. **В. И. Семевский.** М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Ч. I, под. ред. В. Водовозова, изд. „Задруга“. М., 1922. (Переработка № 266.)
1923 309. **Г. Бешкин.** Библиография петрашевцев. „Вестн. Соц. Акад.“, 1923, № 6.
310. **Г. Бешкин.** Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев. Гиз. 1923.
311. **Ф. Достоевский.** Письмо из крепости 22 декабря 1849 г. Сообщ. Н. Бельчиков. „Красн. Архив“, 1923, т. II, стр. 234—239.
312. **К пребыванию Ф. М. Достоевского в Твери.** Сообщ. В. О. Оли-сов. „Красн. Архив“, 1923, т. IV, стр. 398—401.
313. **Б. Кубалов.** Страницы из жизни М. А. Бакунина и его семьи в Сибири. „Труды Иркутского Гос. университета“, вып. V, Иркутск, 1923, 36 стр. (Рец. В. Полонского. „Прол. Револ.“, 1923, № 5 (17), стр. 359—361 — о Петрашевском в Сибири.)
1924 314. **Б. Г—ов.** Достоевский в Семипалатинске. „Сиб. Огни“, 1924, № 4, стр. 140—150.
315. **В. Невский.** Очерки по истории РКП. Т. I, Л., 1924, стр. 38—51. (О петрашевцах.)
316. **В. Р. Лейкина.** Н. А. Спешнев. „Былое“, 1924, № 25. (С портретом.)

317. **В. Р. Лейкина.** Н. А. Момбелли. „Былое", 1924, № 26.
318. **В. Р. Лейкина.** Петрашевцы. (С биографич. алфавитом петрашевцев, библиографией и портретами.)
319. **М. М. Буташевич-Петрашевский в Сибири.** Сообщ. В. П. Полонский. „Красн. Архив", 1924, т. X, стр. 184—216.
1925 320. **А. Косованов.** Петрашевский в борьбе с произволом минусинских властей. „Сиб. Огни", 1925, № 1, стр. 171—176.
321. **Г. Вяткин.** Достоевский в омской каторге. „Сиб. Огни", 1925, № 1, стр. 174—180.
1926 322. **Б. Г—ов.** Достоевский в Семипалатинске. „Сиб. Огни", 1926, № 3, стр. 124—144.
323. **Петрашевцы в воспоминаниях современников.** Сб. материалов под ред. П. Е. Щеголева с пред. Н. Рожкова. Т. I, Гиз, М., 1926.
1927 324. **Петрашевцы.** Сборник материалов. Ред. П. Е. Щеголева. Т. II. Статьи, доклады, показания. Гиз, М., 1927.
325. **Л. Райский.** Социальные воззрения петрашевцев. Л. „Прибой", 1927.
326. **Ол. Дорошкевич.** Шевченко й петрашевці в 40-х годах. Сб. „Шевченко та його доба" („Шевчéнко и его эпоха") под ред. академика С. Ефремова, М. Новицкого и П. Филипповича. Т. II, Киев, 1927.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с предисл. *М. Н. Покровского*

Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников.

Том I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского I-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, В. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

Том II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Стр. 424. Ц. 6 р.

Том III. Следственные дела: А. М. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, Д. И. Завалишина, М. Д. Митькова. Стр. 446. Ц. 6 р.

Том IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Стр. 488. Ц. 6 р.

Том V. Следственные дела: Борисова 2-го, Борисова 1-го, Спиридова, Горбачевского, Бечаснова, Пестова, Андреевича, Люблинского, Ю., и Тютчева. Подготовлен к печати Н. П. Чулковым. Стр. 493. Ц. 6 р.

Том VI. Восстание Черниговского полка. (Печатается.)

Том VII. „Русская Правда“ П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

Том VIII. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов. Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 440. Ц. 4 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Исследования под ред. *М. Н. Покровского*

М. В. НЕЧКИНА

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Стр. 224+2 табл. Ц. 2 р. 50 к.

Содержание: От автора. Диференциация дворянства в первой четверти XIX века. Возникновение Общества соединенных славян и первые его члены. Слияние Общества соединенных славян с Южным обществом декабристов. Идеология Общества соединенных славян. Подготовка восстания. Восстание Черниговского полка. Славяне во время восстания. Следствие и суд над славянами. Заключение. Приложения: 1. Список членов Общества соединенных славян. 2. Примечания. 3. Указатели: географический, именной. 4. Таблица символических знаков славян. 5. Карта района деятельности Общества соединенных славян.

Рецензируемая книга касается очень интересной страницы этого движения, почти совсем не исследованной. На основании обширных архивных материалов автор последовательно и обоснованно излагает историю зарождения и развития Общества соединенных славян.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

14 декабря 1825 года

С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года".

Стр. 226+2 схемы. Ц. 2 р. 50 к.

Перед нами первая и пока единственная монография по восстанию декабристов, вызванная его юбилеем. Работа проф. А. Е. Преснякова делится на шесть глав: I. Общественная почва декабрьского восстания. II. Северное общество. III. Династический кризис. IV. Канун восстания. V. День 14 декабря. VI. Ликвидация восстания. К прозрачной ясности построения надо добавить прекрасную манеру изложения—легкость короткой фразы и классическое спокойствие тона, интересно контрастирующее с волнующей темой восстания.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР: Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4., тел. 1-91-49, 5-04-56 и 3-71-37; Ленинград, „Дом книги", проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18,

И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР.

МОСКВА ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ, „КНИГА ПОЧТОЙ"

высылает книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа. (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

Каталоги и проспекты высылаются по требованию бесплатно.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

28/III-39	

Колич. пред. выдач_____

Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 2595